S 82.3(2)
P-893

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ВОЛШЕБНЫЕ О ЖИВОТНЫХ

456

94-10010

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

FAIRY-TALES

RUSSIAN FAIRY-TALES OF SIBERIA AND FAR EAST: MAGIC AND ABOUT ANIMALS

ALL-RUSSIAN ING "NAUKA"
NOVOSIBIRSK
1993

СКАЗКИ

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВОЛШЕБНЫЕ И О ЖИВОТНЫХ

ВО "НАУКА"
НОВОСИБИРСК
1993

НГОНБ Новосибирск
Liber 69773

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В ПОДГОТОВКЕ УЧАСТВУЮТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

●

НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕСПУБЛИК

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

●

РОССИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

●

КОМИТЕТ ПО ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ИНСТИТУТ ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ им. Н.К. ЧЕРКАСОВА

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО "РУССКИЙ ДИСК"

Новосибирская областная научная библиотека
№941010 Р-70
1800-72=

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н.А. Алексеев, Э.Е. Алексеев, В.М. Гацак (зам. главного редактора), А.П. Деревянко (главный редактор), Н.В. Емельянов, И.И. Земцовский, А.С. Каргин, Х.Г. Короглы, Е.Н. Кузьмина (ответственный секретарь), Д.С. Лихачев, Б.Н. Путилов, В.М. Санги, Ю.И. Смирнов, А.Б. Соктоев (зам. главного редактора), М.И. Тулохонов, Ю.И. Шейкин

Художественное оформление серии
А.А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СО РАН
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А.М. ГОРЬКОГО
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ

Вступительная статья, подготовка текстов,
примечания, указатели раздела "Волшебные сказки"
Р.П. Матвеевой, раздела "Сказки о животных" *Т.Г. Леоновой*

Фотоиллюстрации
Г.А. Леонова
В.Т. Новикова
С.В. Шипикова

ББК 82.3Р-6
Р89

Рецензенты

кандидат филологических наук *М.И. Тулохонов*
кандидат филологических наук *Р.П. Потанина*

Утверждено к печати
Институтом филологии СО РАН

Ответственный редактор тома
доктор филологических наук, профессор
Е.И. Шастина

Том издан Институтом филологии Сибирского отделения Российской Академии наук при финансовом содействии:
Российского фонда фундаментальных исследований
Новосибирской государственной областной научной библиотеки
Комитета по культуре Администрации Новосибирской области

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Р89 **Русские** сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. — Новосибирск: ВО "Наука". Сибирская издательская фирма, 1993. — 352 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
ISBN 5—02—030247—3.

В книгу включены наиболее ценные в идейно-художественном отношении тексты, которые всесторонне и полно представляют сказочную традицию русского населения Сибири и Дальнего Востока. Сказочная традиция дана не только в культурно-историческом контексте, но и в живом бытовании, с описанием творческих портретов современных сказочников, с выделением специфических сибирских черт, анализом поэтики. Ценность изданию придают вступительная статья, примечания, указатели, словарь, грампластинка.

Издание рассчитано на фольклористов, литературоведов, этнографов, широкий круг читателей.

Р $\frac{4702010105—166}{042(02)—93}$ 112—93 I полугодие ББК 82.3Р-6

ISBN 5—02—030247—3

©Институт филологии СО РАН
©Сибирская издательская фирма ВО "Наука", 1993

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Данное издание — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов, оно ориентировано на публикацию избранных памятников, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т.е. произведений, памятных и значимых и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края отличается яркой самобытностью, предстает в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Отправным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) записи и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т.е. оставаясь в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклорных принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыкальные особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии призваны точно документировать публикацию, снабдить текст и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом (а также в музыковедческой статье), либо в особом приложении. Все специальные условные обозначения оговариваются в конце музыковедческой статьи. В нотных записях фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение. Не поддающиеся нотированию особо специфические элементы интонирования (тембр и т.п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому варианту.

Грампластинки иллюстрируют самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании. Можно услышать звучание текстов на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Книги серии печатаются фотонаборным способом. На единой основе — гарнитуре Лазурского — созданы комплекты универсальных шрифтоносителей, отвечающие потребностям многоязычной серии.

Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национального алфавита и шрифтов для ряда бесписьменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших современных изданий (в том числе — двуязычной академической серии "Эпос народов СССР", выпускаемой Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН) и зарубежных публикаций.

В состав серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока" входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)

Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Бурятский фольклор (в 7 т.)

"Аламжи Мэргэн". Героический эпос
"Осодор Мэргэн. Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Нанайский фольклор (в 2 т.)

Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)

Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)

Эпическая поэзия
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Тувинский фольклор (в 4 т.)

Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Хакасский фольклор (в 4 т.)

Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Эвенский фольклор (в 2 т.)

Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)

Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Якутский фольклор (в 6 т.)

"Кыыс Дэбилийэ". Героический эпос
"Модун Эр Соготох". Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)

Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский

Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Азиатских эскимосов
Юкагирский

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Эвенкийские героические сказания
Бурятский героический эпос. "Аламжи Мэргэн"
Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1993 г.

"Кыыс Дэбилийэ". Якутский героический эпос
Бурятские волшебные сказки
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые
Тувинские сказки

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ

Среди произведений русского фольклора Сибири важное место занимают сказки — один из древнейших и вечно живых жанров устно-поэтического творчества. Несмотря на фантастичность содержания, невероятность изображенных ситуаций и событий, сказки имеют глубокие жизненные корни, в них слышны отзвуки обычаев и обрядов, правовых и этических норм, они являются поэтической памятью народа, особым образом отразившей ту действительность, в которой они формировались и развивались, через которую пролег их многовековой путь. Художественный мир сказок вместил в себя важные жизненные обобщения, по сказкам можно судить, о чем мечтал, во что верил, чем восхищался, над чем смеялся народ.

Отсчет времени бытования русской сказки в Сибири следует вести с XVII в., когда началось активное продвижение русских за Урал. Основой для начального периода локализации сибирских сказок послужил сказочный фонд восточно-славянской общности. Переселенцы как неотъемлемую часть своего бытия несли обычаи и обряды, бережно сохраняли свою традиционную культуру, включавшую в себя и устно-поэтическое творчество.

Собиратели фольклора застали русскую сказочную традицию Сибири еще активно бытующей, с богатым репертуаром, высокоразвитым стилем повествования с его поэтической обрядностью.

Самые ранние письменные свидетельства бытования русской сказки Сибири и упоминания о сказочниках относятся к первой половине XIX в. Так, в статье известного собирателя С.И. Гуляева "О сибирских круговых песнях" говорится о большой популярности в 1820-е гг. на Алтае наряду со многими произведениями фольклора сказок и содержатся замечания о сказочнике. "Из сказочников, — пишет собиратель, — я знал одного, многим известного инвалида в Локтевском Заводе, Семена Ивановича Божина, человека неграмотного, но обладавшего необычайной памятью и даром слова, сказки его были различного содержания; и те из них, которые заключали в себе богатырские подвиги витязей русской земли, отличались особенно плавным рассказом; выражения в них были благородны и правильны" [21, с.56]. Живописный портрет иркутского сказочника первой четверти XIX в. — ночного сторожа Терентьича, сказки которого "рады были слушать хоть всю ночь", оставила в своих воспоминаниях писательница Е.А. Авдеева [1, с. 126].

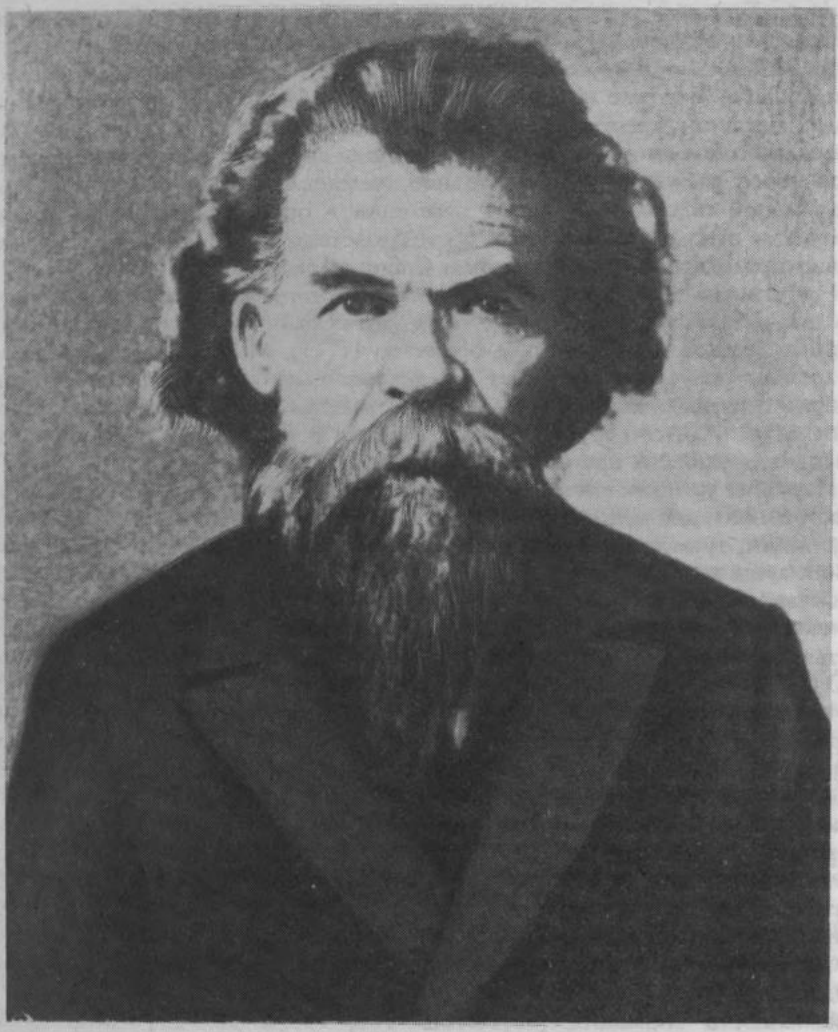
Первые публикации сказок Сибири появились только в середине XIX в.: 14 текстов в известном собрании А.Н. Афанасьева [7] и 5 сказок, воспроизведен-

ных И.А. Худяковым по памяти, — в его сборнике [107]. Это было время интенсивного обращения к фольклору, повышенный интерес к которому стал частью общего интереса передовых людей России к жизни народа и его психологии накануне и после крестьянской реформы. Вопросы об исторической роли народа, значении крестьянской общины в преобразовании народной жизни, привлекли особое внимание к Сибири, вызвали споры о судьбе русского человека в этом своеобразном крае. Пристальное исследование всего комплекса явлений материальной и духовной жизни населения в определенных зонально-географических и этнодемографических обстоятельствах, кроме того, было связано с активно продолжающимся освоением Сибири [36, с. 37].

Направляло экономико-географическое, этнографическое, фольклорно-диалектологическое изучение Сибири, как и других районов России, организованное в 1846 г. Русское географическое общество (РГО). Многочисленные материалы его архива, полученные в ответ на рассылаемые анкеты, рекомендовавшие сообщать о разных обычаях и обрядах, о праздниках, "о народных преданиях и памятниках" [10, с. 146], содержат сведения о бытовой и духовной культуре сибиряков, а также и произведения фольклора.

Изучение устно-поэтического творчества Сибири носило характер широкого общественного движения, фольклор записывали учителя, врачи, чиновники, священники, грамотные крестьяне, ссыльнопоселенцы. Один из организаторов Семипалатинского подотдела РГО, краевед, священнослужитель Б.Г. Герасимов записывал сказки в западных предгорьях Алтая [20]; фольклорные и этнографические материалы, в том числе и сказки, регулярно присылал в РГО крестьянин-самоучка, волостной писарь Шадринского уезда А.Н. Зырянов (АГО). Учитель, выходец из крестьян Ф.К. Зобнин составил рукописный "Сборник сказок, песен, загадок, пословиц и проч., записанных в Кургане Томской губернии в 1892 г." (АГО). Разнообразный фольклорный материал, содержащий большую коллекцию сказок из Енисейской губернии, оставили политические ссыльные А.А. Макаренко (ИРЛИ), А.А. Савельев (ГЛМ), рассказы о сказочниках и их сказки записывал по р. Тавде в 1906—1908 гг. присяжный поверенный П.А. Городцов (ЦГАЛИ). Их труды не сводились лишь к простой констатации фактов. Творчество народа они изучали в связи с общественно-политическими, экономическими, этносоциальными проблемами. Демократически настроенные краеведы глубоко проникали в быт крестьян и от бесстрастных бытоописаний переходили к исследованиям, в которых просматривается определенная тенденциозность как в оценке освещаемых явлений, так и в направленности внимания [95, с.150—160; 96, с. 30—39]. Мир духовной жизни Сибири был представлен ими в контексте домашнего и общественного быта, в неразрывном единстве со своей социально-трудовой жизнью крестьян. Свидетельства бытования сказок и сами сказки нередко приводились в связи с рассказами об охотничьем и рыболовном промыслах, о коллективном досуге. "Местным собирателям очень часто удавалось уловить и зафиксировать то, что по разным причинам — в том числе и политического характера, ускользало от случайных приезжих собирателей или даже целых экспедиций", — так оценил вклад краеведов в изучение Сибири М.К. Азадовский [3, с. 141].

Начало систематического издания русских сказок Сибири на рубеже XIX—XX вв. связано с именем талантливого исследователя-географа, этнографа и фольклориста Г.Н. Потанина. В статье, посвященной этнографическому описанию Томской губернии, он передает содержание слышанных им в живом



Г.Н. Потанин
Пересъемка В.Т. Новикова

исполнении сказок [59]. По его инициативе и при непосредственном участии подготовлены и выпущены А.А. Макаренко в 1902 и 1906 гг. два сборника русских сказок и песен Сибири. Первый содержит 64 сказки, записанные А.А. Макаренко в Казачинской волости Енисейской губернии, Н.А. Адриановой в г. Красноярске, М.А. Адриановой в г. Минусинске, А.В. Адриановым в Барнаульском и Бийском уездах Томской губернии, А.В. Жилинской в Курганском уезде Томской губернии [26]. Второй сборник включил 41 текст русских сказок из Енисейской и Томской губерний, десять сказок других народов в русском переводе и шесть преданий [27]. Эти сборники были первым крупным из-

данием русских сказок Сибири и свидетельством того, что в Сибири сохранилась старинная сказка во всем многообразии сюжетных тем и стиля. В 1913 г. в "Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО" было опубликовано 38 сказок, собранных Б.Г. Герасимовым в западных предгорьях Алтая [20]; 67 текстов из Тобольской губернии, хранившихся в Архиве РГО, в 1917 г. опубликовал А.М. Смирнов [81] (см. наст. изд., № 33,41).

Молодая сибирская фольклористика знакомила общественность со сказками, фиксировала их бытование в Сибири, уделяя преимущественное внимание месту записи и собирателю, сведения же об исполнителях носили характер отдельных, отрывочных замечаний. Но уже в связи с публикацией в "Живой старине" [25, 1912, II/IV] сказок кежемского сказочника Е.М. Кокорина (Чимы) А.А. Макаренко формулирует научные сказковедческие проблемы, связанные с изучением исторической жизни русской сказки, с поисками ответа на вопрос, "как шла в Сибири та или иная сказка, как она развивалась или перестраивалась в сибирской обстановке" [Там же, с 355], как функционировала в крестьянской среде и какова роль личности исполнителя в сказкотворчестве. Нашла отражение и такая актуальная для сибирской фольклористики проблема, как иноязычное влияние на русскую сказку. Эта первая теоретическая работа о сказительстве в Сибири вписывалась в общее направление русской фольклористической науки рубежа XIX—XX вв., проявлявшей особый интерес к исполнителю и той среде, в которой бытует сказка, и ставившей перед собирателями исследовательские задачи.

В первые десятилетия XX в. собирательская и исследовательская работа фольклористов велась по всей Сибири, но она не выделялась из общего краеведения.

Наиболее крупные достижения в исследовании русских сказок Сибири связаны с именем известного фольклориста, литературоведа, историка Сибири М.К. Азадовского, начало собирательской деятельности которого восходит к 1913 г. — времени первой экспедиции ученого в Сибирь — на Амур [35, с. 88—103].

Предпринятые М.К. Азадовским экспедиции по следам этнографов С.В. Максимова (на Амур в 1913—1914 гг.), А.П. Щапова (в Верхоленский край в 1915 г.), П.А. Ровинского и Н.М. Астырева (в Тункинскую долину в 20-е гг.) принесли результаты, убеждавшие в ошибочности взгляда на русских сибиряков как на особый, духовно ограниченный тип, лишенный способности к поэтическому творчеству [6, 85, 114]. Так, поездка в Приленье летом 1915 г. позволила М.К. Азадовскому сказать: «Как раз там, где Щапов констатировал не только "утрату всяких преданий и песен", но "даже и способности к поэтическому воодушевлению", мне удалось — через 40 почти лет после того, как там был Щапов, — встретить великолепно сохранившуюся обрядовую поэзию, установить следы эпической традиции еще в сравнительно недавнем прошлом и, наконец, обнаружить мощные залежи сказочного богатства» [2, с.XI].

По итогам этих поездок ученым были подготовлены сборники, написаны исследования. Крупным явлением в отечественной фольклористике стал сборник "Сказки Верхнеленского края", составленный М.К. Азадовским еще в 1915 г. и опубликованный в 1925 г. в Иркутске, а также работа "Сибирская сказочница Н.О. Винокурова", задуманная вначале как предисловие к сборнику, но затем изданная отдельной книгой на немецком языке в 1926 г. в Финляндии [115]. Последняя работа сыграла большую роль в истории международной фольк-

лористики XX в., оказав влияние на европейские исследования народной прозы [108, с. 80—81]. Творчество одного из лучших носителей русской сказочной поэзии, как определил Н.О. Винокурову М.К. Азадовский, предоставило ученому благодатный материал для углубленного изучения стиля сказочного повествования, позволило показать сказку как целостный художественный организм, в ее связи с традицией и творческой индивидуальностью рассказчика. Сравнительное изучение типов сибирских сказочников выявило тенденции, характерные для сказительства первой трети XX в., в полном объеме поставило проблему фольклорного исполнителя и связанные с нею вопросы о соотношении локальной традиции и общерусской, коллективном и индивидуальном начале в фольклоре. Эти идеи ученого были развиты на общерусском материале в статье "Русские сказочники" [3].

Большое фольклористическое значение имела также публикация материалов экспедиций 1924—1938 гг. в сборнике, посвященном сказкам талантливого сказочника из Тункинской долины Е.И. Сороковикова-Магая [90]. Во вступительной статье М.К. Азадовский показал исторические условия, при которых происходило формирование сибирской сказочной традиции, дал глубокий анализ творчества сказочника, произведения которого получили мировую известность. В сказках Магая в наиболее яркой форме проявились все основные черты, характерные вообще для русских сказочников XX в. (влияние книги на сказку, усиление в сказочном действии причинно-следственных связей, психологизм образов, связь с современностью), а также локальные черты сибирской традиции таежно-промысловой зоны.

Принципы и результаты исследований М.К. Азадовского совершили "методологический сдвиг" [4, с. 74] в русском сказковедении. Внимание исследователей многие годы было обращено на изучение сказочника как художника, переосмысливающего традиционный материал коллективного творчества.

Следует подчеркнуть, что записи сказок в Сибири велись неравномерно в разных местах и с различной интенсивностью. Степень изученности сказочного эпоса в различных районах Сибири определялась рядом причин, — в том числе наличием или отсутствием заинтересованных и тем более подготовленных собирателей, а также состоянием сказочной традиции. Наиболее освещенной в этом отношении оказалась Восточная Сибирь, бывшая в прошлом местом поселения политссыльных, многие из которых активно занимались фольклорно-этнографическими исследованиями. Кроме того, развитая сказочная традиция края сама по себе нацеливала на приоритетное к ней внимание, нередко сказка сама "шла в руки", а среди исполнителей встречались большие мастера, известность которых выходила за локальные рамки.

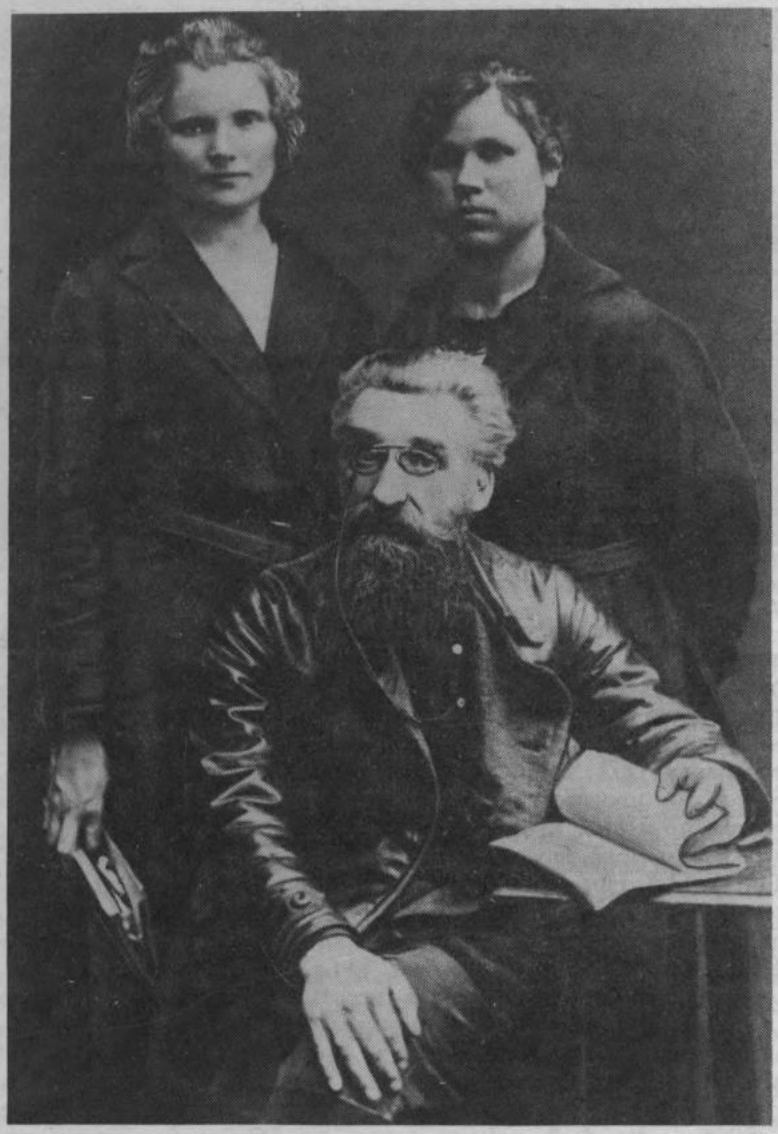
Планомерный, организованный характер собирание фольклора Восточной Сибири приобретает в 20—30-е гг. Инициатором, направляющим работу фольклористов, выступила этнологическая секция Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Она снаряжала экспедиции, публиковала материалы в своем журнале "Сибирская живая старина". Руководили этой работой на протяжении многих лет М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов. О географии собирания сказок в Восточной Сибири в 20-е гг. и сказковедческих задачах тех лет можно судить по содержанию сборника "Сказки из разных мест Сибири", вышедшего в 1928 г. в Иркутске под редакцией М.К. Азадовского. Сборник подготовлен студентами-филологами Иркутского государственного университета. Большую ценность представляют не только сказки, но и сведения об их быто-

М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов

вании, о сказочниках, наблюдения над манерой исполнения, обстановкой, реакцией слушателей.

По количеству и хронологической широте фиксации сказок в Восточной Сибири выделяются бассейн Енисея и Приангарье (записи с середины XIX в. по 1987 г. — политссыльных А.А. Макаренко [25—27], А.А. Савельева (ГАМ), Григория Бондаря [27], одной из активных фольклористов-собирателей, записавшей более 6500 произведений, значительное место среди которых занимают сказки, учительницы М.В. Красноженовой (БККМ, ИРЛИ), самозапись одаренного носителя фольклора, шофера Г.Ф. Аболмасова (ГАКК); позднее — Р.П. Матвеевой (БНЦ), Н.А. Новоселовой (КрПИ), Н.В. Соболевой (БНЦ) и др.).

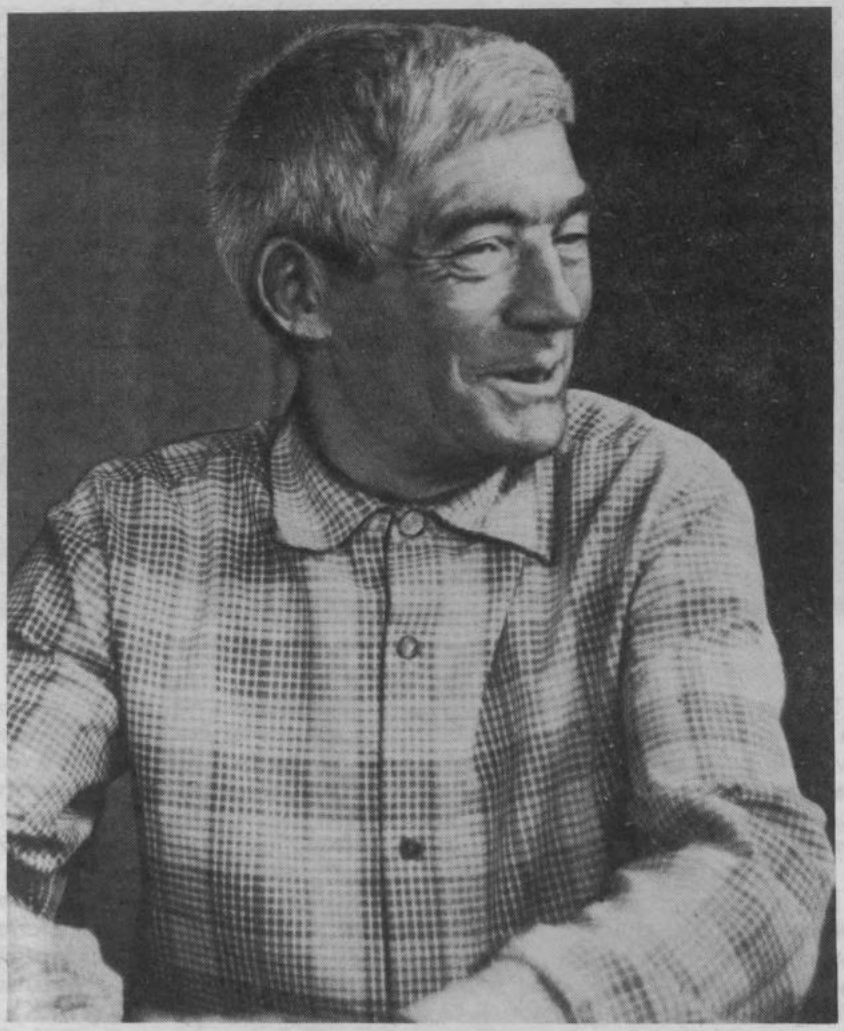
Выявленный в Приангарье богатейший сказочный материал еще мало освоен. Опубликованы лишь частично сказки, записанные А.А. Макаренко, Григорием Бондарем, М.В. Красноженовой [34, 89], единичные тексты других собирателей. Чрезвычайно ценные для исследования духовной культуры сибиряков материалы, собранные в Приангарье политическим ссыльным А.А. Савельевым, остаются достоянием архивов. Среди них датированные 1909 г. "Материалы по этнографии Бельской волости Енисейской губернии — сборники I, II, III; песни (132 текста), пословицы, поговорки, приметы, присловки, загадки, обычаи и сказки", а также рукопись "Сибирско-русские сказки и детские игры в Енисейской губернии и уезде" (АГО, р. 57, Б II, оп. 1, ед. хр. 32). В письме к редактору "Живой старины" Э.К. Пекарскому А.А. Савельев сообщал из Богучан в 1917 г., что собрал большой фольклорный материал, в том числе около ста сказок, но мог бы собрать и вдвое-втрое больше (Там же, л. 2—3). Позднее, в 20-е гг., будучи сотрудником Красноярского краеведческого музея, А.А. Савельев задумал издать сборник, куда бы вошли сказки, записанные им самим и его корреспондентами в Приангарье. В "Ангарском сборнике", как он его назвал, в соответствии с передовыми идеями сказковедения того времени



А.А. Савельев со своими учениками из д. Ярки
Пересъемка В.Т. Новикова

было принято расположение текстов по сказителям внутри одной локальной традиции. Сборник остался неопубликованным (ГЛМ, № 4).

Полевые исследования последних лет по следам А.А. Савельева, новые записи и воспоминания о сказочниках прошлого убеждают в том, что русская сказка Приангарья разделила в полной мере общую судьбу русско-сибирской сказки: яркая жизнь в условиях таежно-промысловой зоны сменилась постепен-



Ангарский сказочник И.А. Лушников

ным затуханием. Но сказка все еще живет в Приангарье. В 80-е гг. открыты новые имена сказочников, среди них особенно выделяется замечательный сказочник И.А. Лушников (1929 г. рожд.), репертуар которого состоит в основном из волшебных сказок. О его отце — выдающемся в прошлом сказочнике Андрее Александровиче — "Дюшеньке" пожилые односельчане сохранили живые воспоминания, от отца и воспринял свой репертуар и манеру исполнения Иннокентий Андреевич. И.А. Лушников относится к типу сказочников, которые строго следуют раз и навсегда усвоенному тексту, тщательно соблюдают традиционный стиль повествования. Он любит читать сказки и рассказывать прочитанное детям, но никогда не путает устно усвоенную сказку с книжной.

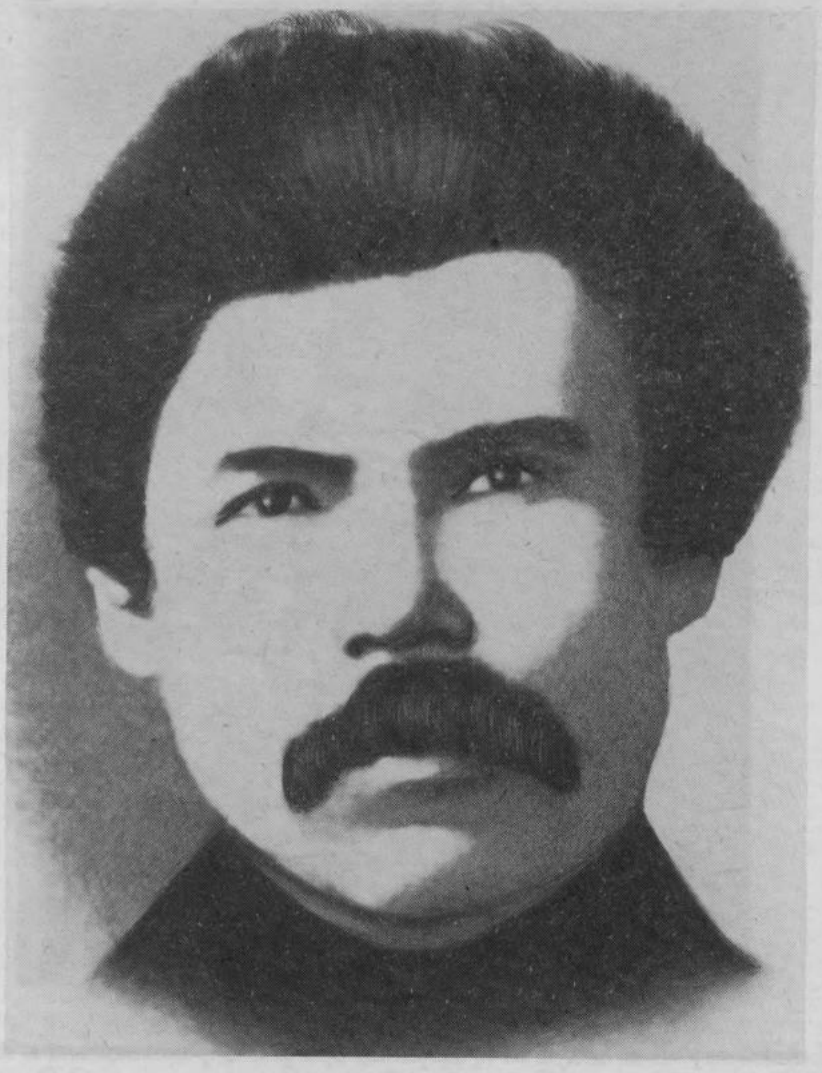
2 Заказ № 611

17 Новосибирская
областная научная
БИБЛИОТЕКА

Л.Е. Элиасов записывает сказки от Е.И. Сороковикова-Магая
Пересъемка В.Т. Новикова

И.А. Лушников — один из последних хранителей некогда богатой ангарской сказочной традиции. Записанные от него сказки входят составной частью в локальный репертуар, известный нам по записям А.А. Савельева и воспоминаниям сельчан, они отражают преемственную связь поколений — носителей народного творчества, и в то же время отмечают новый этап в народной культуре, которая продолжает свою жизнь рядом с профессиональным творчеством: устная сказка уживается рядом с книжной.

По объему собранного сказочного материала с Енисейско-Приангарской зоной сопоставимы Прибайкалье, ядро локальной традиции которого составляет фольклор Тункинской и Баргузинской долин Бурятии, и часть Иркутской области (записи с начала века по 1980-е гг. — фольклористов М.К. Азадовского (ГБЛ), А.М. Астаховой, С.Г. Виноградова (ИРЛИ), А.В. Гуревича (ГАКК), Р.П. Матвеевой, Н.В. Соболевой, И.З. Ярневского, Л.Е. Элиасова, учителя А.А. Соболева (БНЦ), диалектолога В.А. Малаховского и этнографа М.А. Бородиной [22], краеведа Л.Н. Малковой (ИРЛИ) и др.). Сборники 1939 г. "Русские сказки Восточной Сибири" А.В. Гуревича [72], "Старый фольклор Прибайкалья" А.В. Гуревича и Л.Е. Элиасова [22] и уже упоминавшийся сборник 1940 г. М.К. Азадовского "Сказки Магая" [90] представили русские сказки Прибайкалья в социально-психологической и бытовой обстановке, в которой рассказывались они в период больших жизненных перемен — в 20—30-е гг. На конкретном материале исследователи показали, что существует глубокая связь сказки с жизнью того края, где она записывалась. Особенно благодатный материал для этого дала тункинская локальная традиция. Сказочное творчество здесь было очень развито. Из числа местных исполнителей вышли большие



Тункинский сказочник Д.С. Асламов

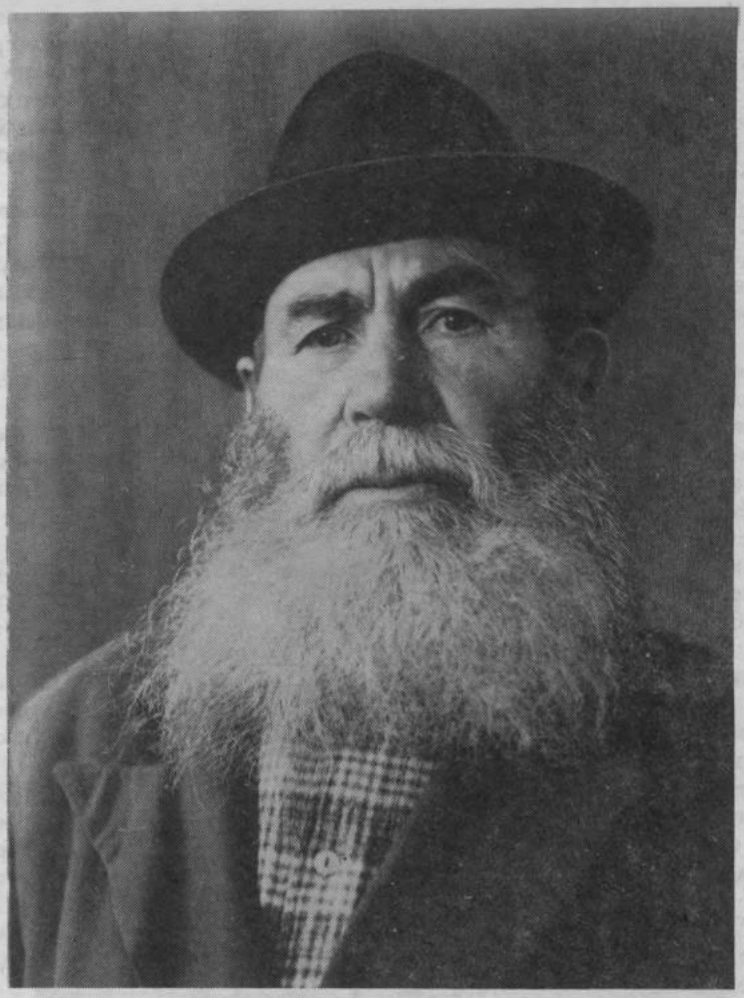
мастера, славившиеся далеко за пределами своего края. В фольклористике довольно полно представлено творчество Е.И. Сороковикова-Магая [3, 51, 88, 90], в последние годы достоянием науки становятся сказки и других открытых М.К. Азадовским тункинских сказителей — Д.С. Асламова, С.Л. Истомина, В. Пятницкого, Г.А. Тугарина, А.А. Шелеховой [64—67, 70, 73].

В тункинской фольклорной традиции существовали целые династии сказочников и певцов, мастерство которых передавалось по наследству: например, А.А. Шелеховой и ее брату Г.А. Тугарину — от бабушки, матери и отца,

Тункинская сказочница А.А. Шелехова

Д.С. Асламову — от дедушки и бабушки; братьям Сороковиковым и их сестре М.И. Нефедьевой — от деда и отца. Современная тункинская традиция представлена сказками: В.Я. Бекетовой, воспринявшей сказительское мастерство от матери; Н.Н. Ларионова, выучившего сказки от старика — соседа; И.Т. Загребнева, сказительские способности которого развились на сложной основе бурлацкой традиции, — ее носителем был дед-бурлак, выходец из Пензы, алтайской традиции, питавшей творчество отца, и местной традиции сказочников-промысловиков.

Преемственность — отличительная черта фольклора Тункинской долины, отсюда и прочность традиции, хорошая сохранность которой отмечалась собирателями в 1960—1970-е гг.



Тункинский сказочник И.Т. Загребнев

Наиболее изученной, по сравнению с другими локальными традициями Восточной Сибири, оказалась сказочная традиция Приленья (записи 1915—1980-х гг. — М.К. Азадовского (ГБЛ), Т.П. Жуковой, К.А. Копержинского (ГПБ); Е.И. Шастиной (ИГПИ) и др.). Только М.К. Азадовский в разные годы на верхней Лене записал почти 100 сказок, рассказов и воспоминания о сказочниках (ГБЛ, ф. 542, к. 37); начиная с 60-х гг. здесь велась систематическая исследовательская и собирательская работа фольклорными экспедициями Иркутского педагогического института под руководством Е.И. Шастиной. Значительная часть сказок, собранных более чем через полвека после записей М.К. Азадовского, вошла в сборники [93, 110, 112], создавшие вместе с монографией Е.И. Шастиной [111] картину современного состояния сказочной традиции одного из примечательных районов Сибири.

В свое время М.К. Азадовский выделил на верхней Лене три основных типа рассказчиков. Творчество представителей одного из них в полной мере характеризуется отчетливо выразившимися в формальной структуре сказки поселенческими элементами, такими, как "многосюжетность, многоэпизодичность, обилие вводных, случайных эпизодов, неизменное наличие непристойных элементов" [4, с. 83]. Для второго типа сказочников "характерно тщательное соблюдение традиционной формы сказки, того, что называется сказочной обрядностью... Сюжет же у таких сказителей по большей части един и целостен" [Там же, с. 86]. Особое место отводил исследователь Н.О. Винокуровой. Отличительной чертой ее сказок прежде всего было то, что в них она стремилась воспроизвести не сам сюжет, а реально-бытовую и психологическую обстановку.

Многолетние наблюдения над современной жизнью верхнеленской сказки привели Е.И. Шастину к заключению, что современная локальная традиция Приленья наследовала основные сказительские направления, выделенные М.К. Азадовским.

В современной верхнеленской сказочной традиции творческий метод Н.О. Винокуровой представляют в первую очередь дети этой прославленной сказочницы — Р.Е. Шеметова, З.Е. Пермякова, К.Е. Винокуров. Ярким представителем "ангинской школы", особенно сильно испытавшей влияние поселенческой стихии, является А.А. Дерягин [111, с. 101]. Традицию бродячих сказочников продолжает сказочник со средней Лены Ф.Е. Томшин — "живое олицетворение той самой типично сибирской сказительской школы, которая так широко была представлена в прошлом и почти вовсе исчезла теперь" [Там же, с. 185].

В последние десятилетия усилился интерес исследователей к фольклору, языку и этнографии населения своеобразного уголка Сибири — северо-восточной части Якутии. Здесь побывали экспедиции и отдельные фольклористы, этнографы, языковеды, писатели.

Начатое политссыльными И.А. Худяковым (1860-е гг.) [19], В.Г. Богоразом (1890-е гг.) [12], В.М. Зензиновым (начало XX в.) [28] изучение уникального по своей исторической судьбе русского фольклора Северо-Востока Сибири нашло свое продолжение в работах участника Верхнеленского этнографического отряда якутской экспедиции (1927 —1928 гг.) Д.Д. Травина, записавшего в 1928 г. в Русском Устье сказки от С.П. Киселева и Н.Г. Шкулева (ААН), и в наблюдениях и свидетельствах географа А.Л. Биркенгофа (1939-е гг.) [11], и в исследованиях якутского краеведа М.А. Кротова [37]. В 1940-е гг. русские сказки в низовьях Индигирки записывали якутский фольклорист Сэсэн Боло, член лингвоэтнографической экспедиции Н.А. Габышев; последнему принадлежит наиболее обширное собрание сказок русскоустьинцев — русских старожилов низовьев Индигирки. Сказки записывались во время диалектологической экспедиции Якутского университета в 1960—70-е гг. под руководством М.Ф. Дружининой, в 1973 г. членами фольклорной экспедиции Бурятского института общественных наук БНЦ В.Д. Осиповой и В.И. Зоркиным, в 1977 г. собирали фольклор, в том числе и сказки, С.Н. Азбелев (ИРЛИ) и Ю.Н. Дьяконова (ЯНЦ), в 1982 г. — Ю.И. Смирнов (ИМЛИ) и Н.В. Соболева (БНЦ), в 1983 г. — Е.И. Шастина, в 1984 г. — Р.Н. Афанасьева (ИГПИ). Наиболее полное собрание русскоустьинских сказок (12 текстов) было опубликовано в 1985 г. в сборнике "Русские сказки Восточной Сибири" — записи 1946 г. Н.А. Габышева и 1983 г. Е.И. Шастиной [73]. В 1986 г. вышел сборник "Фольклор Русского Устья"

Верхнеленская сказочница Г.А. Шеметова в момент записи сказки
Фото В.Т. Новикова

[106], включивший большинство записанных в разные годы сказок. Сказочный эпос других районов Северо-Востока Сибири в основной своей массе остается неопубликованным.

Сопоставление русскоустьинских сказок с колымскими записями В.Г. Богораза приводит к заключению о единстве сказочной традиции всего северо-восточного района Сибири, обусловленном схожестью исторических судеб русских

переселенцев. Как в сказочном, так и былинном эпосе Нижней Индигирки и Колымы отмечается устойчивый и ограниченный круг сюжетов, а иногда и деталей [30, с. 149; 73, с. 30; 98, с. 59]. Сложные по сюжетному образованию сказки Колымы, как предполагает И.М. Колесницкая, принесены новыми поселенцами [30, с. 149]. "Сюжеты русских сказок в основном типичны для репертуара XIX—XX веков, бережно сохраненного поречанами в наиболее традиционной форме, как воспоминание о далекой родине... Они отражают, по-видимому, состояние устной традиции того времени, когда произошло переселение их предков на Колыму" [31, с. 154]. Очевидно, то же самое можно сказать и о сказках Русского Устья.

Колымские записи В.Г. Богораза (ААН, ф. 250) показывают, что репертуар русских колымчан состоял преимущественно из волшебных традиционных сказок. Современные исследователи сказочной традиции Русского Устья подчеркивают, что и сейчас здесь особенно любимы и широко распространены сказки волшебные [73, с. 33; 98, с. 56; 106, с. 16].

Огромное влияние на северо-восточную сказочную традицию оказала местная былинная традиция, она значительно пополнила сказочный репертуар произведениями на былинные сюжеты, былинные мотивы расширили традиционное содержание волшебных сказок, былинная поэтика органично влилась в стиль сказочного повествования.

Этот процесс отметила в 1969-е гг. Т.А. Селюкова, сравнивая новые записи с материалами В.Г. Богораза. Она пишет, что на Колыме почти исчезли былины, но развивается жанр сказки: былины превращаются в сказки, старые сказки пополняются новыми сюжетами [83, с. 68]. Те же явления происходили и в сказочной традиции Русского Устья. Кроме того, в сказках Русского Устья появились новые сюжеты за счет фольклоризации книжных источников — древнерусских памятников и переложения переводных повестей [17, с. 130]. Переходя в разряд сказок, былинные и книжные сюжеты приобретали некоторую волшебную окраску [Там же, с. 132]. Сказочный репертуар всего Северо-Востока испытал воздействие и иноэтнического фольклора, слияние разнородных элементов наблюдается как в сюжетике, так и в стиле русских сказок.

Локальные фольклорные традиции Восточной Сибири неоднородны по жанровому составу, различаются они и своей стабильностью. Наиболее прочными, устойчивыми для сказочного творчества оказались старопоселенческие традиции, особенно те, истоком которых была сильная северорусская струя. Несопоставимы с ними традиции позднепоселенческие, относящиеся к концу XIX—XX в. Пестрота пришлого населения не способствовала выработке стойкой, единой в локальных рамках народной культуры. Показательным в этом отношении является фольклор Забайкалья. Старожильческие села со сложившейся сильной фольклорной традицией соседствуют в крае с селами, основанными ссыльными поселенцами и постоянно пополнявшимися вновь прибывшими. Исследователей фольклора Забайкалья в основном интересовало творчество славившихся многоголосным пением старообрядцев (семейских) и казаков, сказки же записывались от случая к случаю. Большой удачей была встреча в 1970 г. фольклористов Л.М. Свиридовой и Н.В. Соболевой с широко известным у забайкальцев талантливым сказочником С.Т. Чекашкиным [99]. В 1960 — 80-е гг. большой материал по всем жанрам устно-поэтического творчества, в том числе и прозаического, собрал рано ушедший из жизни фольклорист В.П. Зиновьев. Пользуясь методом стационарного исследования, он занимался изу-

чением забайкальского фольклора в естественных условиях его бытования. В подготовленный к печати сборник "Русские сказки Забайкалья" [74, 75] он включил 108 непубликовавшихся ранее текстов, которые расширили представление о русском сказочном репертуаре сибиряков, показав судьбу русской сказки в условиях соприкосновения различных локальных традиций.

Основные итоги собирания и изучения русских сказок Восточной Сибири XX вв. подвел сборник, составленный Е.И. Шастиной, "Русские сказки Восточной Сибири", само расположение сказок в котором наглядно выделяло локальные традиции внутри региональной русской традиции [73].

Фольклорно-этнографические ареалы Западной Сибири не изучены в достаточной мере, хотя и накоплен обширный материал более чем за 100 лет собирательской работы.

Самой развитой в Западной Сибири была сказочная традиция Тобольского Прииртышья, о чем можно судить по публикации тобольских сказок А.М. Смирновым [81, с. 769—919] и, конечно, по архивным материалам. Особенно ценным является фонд известного фольклориста Н.Е. Ончукова (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1,2), где представлены сказки в записи самого Н.Е. Ончукова и материалы, собранные в 1906—1908 гг., жившим в Тавдинском крае (Тюменская обл.) П.А. Городцовым, который стационарно исследовал поэтическое богатство одной локальной традиции и оставил свои заметки о сказках и сказочниках, об отношении к ним народа.

Сказки здесь знали и любили. Вот что рассказал об этом П.А. Городцову посказатель Дм. Никиф. Плеханов: "Всякий раз, когда я приезжаю на мельницу, мужички, которых всегда много бывает на мельнице и засыпке, окружают меня с радостью и веселостью, с полным удовольствием и всячески начинают за мной ухаживать, лошадей моих отпрягут, припустят их к корму и воза поставят в стороне, в укромном местечке и когда все управят, так сейчас же окружают меня и начинают просить рассказать сказку..." (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 181, л. III).

В 1926 г. Н.Е. Ончуков "с грустью наблюдал забвение и разрушение волшебных сказок" [54, с. 29], тем не менее спустя 20 лет по следам П.А. Городцова он записал яркие произведения поэтического творчества с сохранившейся эпической обрядностью.

В большей степени изученной за последние 30 лет по сравнению с другими локальными традициями Западной Сибири оказалась сказочная традиция Омской области, благодаря систематической собирательской и исследовательской работе фольклористов В.А. Василенко, Т.Г. Леоновой [40—47, 92], а также краеведов И.С. Коровкина, Н.Ф. Чернокова. Свыше 40 текстов учитель И.С. Коровкин записал только от талантливой сказочницы А.С. Кожемякиной [84, 91]. Весь собранный им материал не учтен, он хранится в архивах и рукописных фондах Москвы (ГЛМ), Омска (ГАОО), Улан-Удэ (БНЦ). Экспедиции Омского педагогического института, руководимые В.А. Василенко, а затем Т.Г. Леоновой и ее учениками, создали большой рукописный фонд сказок, записанных в Омской области, часть которых опубликована в 1955 г. [92], часть вошла в изданный в 1982 г. сборник под редакцией Т.Г. Леоновой [104]. К настоящему времени на основе собранного в Омской области материала более исследованы вопросы собирания и изучения сказок [41, 45], своеобразия местной сказочной традиции [40, 43, 46, 92, 104], ее судеб в современных условиях [42, 47,

И.С. Коровкин

104], репертуара и исполнительского мастерства отдельных сказочников [91, 92].

Особое место на фольклорной карте Западной Сибири занимает Алтай. История заселения края русскими, на первом этапе связанная с процессом внутрисибирской миграции добровольных переселенцев, а затем с утопической мечтой о вольных, свободных землях и принудительной поставкой рабочей силы для горно-рудной промышленности; горно-заводский быт алтайских крестьян, приписанных к заводам на положении оброчных; наличие старообрядчества — все это дает ключ к объяснению многих фольклорных фактов, таких, например, как хорошая сохранность героического эпоса к началу собирания и исследования устно-поэтического творчества, широкое распространение духовных стихов, со-

Берег Илима
Фото Г.А. Леонова. 1928 г.

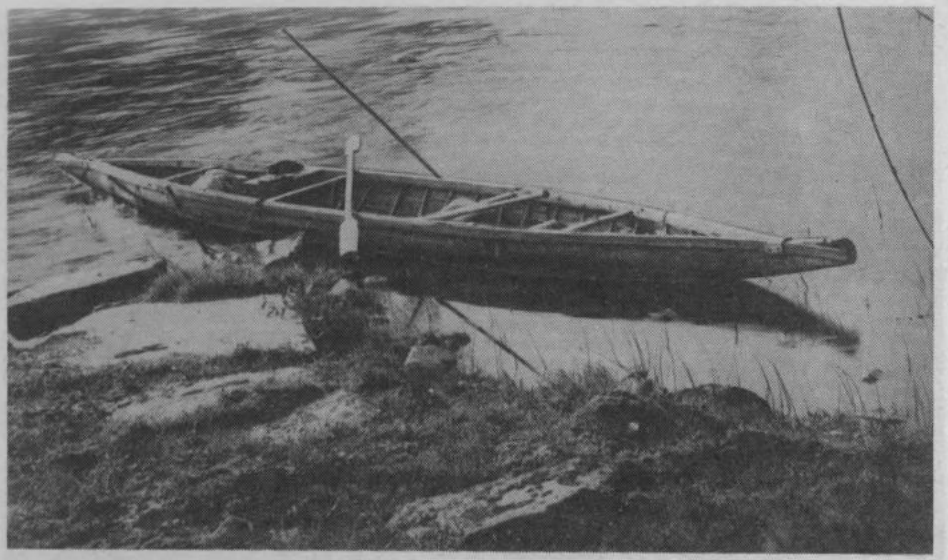
циально-утопических легенд и преданий. Для поддержания полнокровной жизни волшебных сказок благоприятной почвы Алтай не имел.

Крупные собрания алтайских сказок (38 текстов) обнародовал в 1913 г. Б.Г. Герасимов [20], до этого отдельные тексты встречались в "Записках ВСОРГО" 1902 и 1906 гг. [26, 27]. Из отчета Сказочной комиссии 1927 г. известно, что ею получено 90 текстов от А.Н. Белослюдова, записавшего их в Бухтарминской долине (Южный Алтай) в конце XIX—XX в. [94, с. 5] от старообрядцев, так называемых "каменщиков".

В 1939 г. в ходе фольклорной экспедиции Томского педагогического института было записано более 60 волшебных и бытовых сказок. Материалы этой экспедиции свидетельствовали о том, что сказки в русских селах предгорного Алтая еще продолжали жить активной жизнью [15, с. 14]. Однако уже в 1960—1963 гг. руководители экспедиций Барнаульского педагогического института по следам Томской экспедиции (В.А. Василенко) и Бийского педагогического института (С.В. Шуйский) констатировали утрату сказочной традиции взрослой средой [Там же, с. 18]. Об этом же свидетельствовала участница фольклорно-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР 1961 г. Н.С. Полищук: "В настоящее время сказки здесь бытуют только в семейной, по-видимому, исключительно детской аудитории" [57, с. 45].

Ни собрание сказок А.Н. Белослюдова, ни сказочные материалы фольклорно-диалектологических экспедиций 1939 и 1960-х гг. не были напечатаны. О сюжетном составе и состоянии традиции в русских селах предгорного Алтая можно судить в основном по архивным материалам (ГЛМ, № 108; ИРЛИ, р. 5, к. 242, п. 3) и косвенным свидетельствам [15, с. 9, 14, 18, 19; 57, с. 44—45].

При сопоставлении фольклорных ситуаций Восточной и Западной Сибири выявляются значительные различия, вызванные прежде всего условиями природ-



Лодка-берестянка на Илиме
Фото Г.А. Леонова. 1928 г.

Моталы в д. Чуриловой на Илиме
Фото Г.А. Леонова. 1928 г.

ной среды и хозяйственной деятельности местного населения. В Восточной Сибири преобладал таежный промысел, способствовавший бытованию сказки и сатирической, и волшебной во всем многообразии тем, сюжетов, с хорошо сохранившимся поэтическим стилем. Влияние таежного быта на сказочную традицию вызвало и возникновение сложных повествований, состоявших из нескольких сюжетов. Контаминации здесь носили характер сознательного творчества, предопределенного условиями бытования сказки.

В Западной Сибири значительное место занимала зона пашенного земледелия: труд, быт, досуг земледельцев повлияли на развитие тех или иных жанров в фольклоре местного населения. Сказительство было распространено в основном в домашней обстановке и предназначалось чаще всего для детской или женской аудитории. Рассказывали сказки также на мельнице, на постоялых дворах во время ямщины на Московском тракте или извоза для горно-рудной промышленности на Алтае. Бытовала сказка и среди промысловиков Западной Сибири, но их вклад в сказительскую практику края сравнительно невелик. Контаминация здесь в большей мере вызвана забвением сюжета или игрой фантазии, нежели установкой на увеличение, усложнение повествования.

Русское народное творчество Восточной Сибири в большей степени, чем Западной, бытовало в условиях соприкосновения с иноэтническим устно-поэтическим творчеством, взаимовлияние их поэтических систем было локально ограниченным. Культурным соседством для русского фольклора Западной Сибири была в основном родственная этническая украинско-белорусская среда, взаимосвязи с которой "представляли глобальный единонациональный процесс, приведший в конечном счете к появлению новой этнической общности восточно-славянского происхождения, унаследовавшей фольклор трех братских народов" [13, с. 15]. Следует иметь в виду, что указанные обстоятельства не являются всеобщим правилом для всех локальных традиций Западной и Восточной Сибири.

За годы собирательской работы сибирских фольклористов в архивах, рукописных фондах и частных собраниях сосредоточился большой фольклорный материал, малодоступный для исследователей народной культуры, так же как старые издания, ставшие библиографической редкостью, и региональные сборники. Настала насущная потребность издания этих материалов в сводных томах. К осуществлению идеи создания свода русского фольклора Сибири вплотную подошел известный сибирский фольклорист Л.Е. Элиасов (1914—1976). Ученый не успел воплотить в жизнь свои планы, но благодаря работе по освоению источников и полевой собирательской деятельности, которую развернул в 1960—70-е гг. возглавляемый им сектор Бурятского института общественных наук БНЦ (Улан-Удэ), Рукописный отдел БНЦ стал крупным хранилищем материалов по русскому фольклору Сибири. Экспедиции под руководством Л.Е. Элиасова носили характер планомерного исследования фольклора Западной, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Участники экспедиций продолжали открывать новые имена сказочников, записывать полнокровные тексты.

С 1979 г. начинается публикация сводных томов русского фольклора Сибири. Из 12 вышедших томов 6 посвящены сказкам. Волшебные сказки составили четыре тома [64, 65, 69, 70], сказки бытовые — два [66, 67]. Структура сборников подчинена основному замыслу издания — представить определенную сюжетную тему во всем многообразии проявления ее в сибирских вариантах. Этими сборниками не исчерпан весь сюжетный состав сибирских сказок. Си-

бирское сказковедение накопило значительный материал для того, чтобы изучить сказочный репертуар сибиряков, определить его место в общерусском фонде.

Специфические условия бытования русской сказки в Сибири определенным образом сказались на формировании регионального репертуара. Они способствовали широкому распространению как бытовых сатирических, так и волшебных сказок. Самой природой предназначено было Сибири продлить творческую жизнь русской волшебной сказки, выдвинуть поэтически одаренных исполнителей, обогатить общерусскую, шире — восточно-славянскую сказочную традицию.

Хороший сказочник в Сибири пользовался особым уважением, об этом сохранилось множество воспоминаний как самих исполнителей, так и слушателей. "Рыбачили: стон стонет — сказки рассказывали. Дедушка Никандрушка! Ему начисляли трудодни за сказки", — это о сказочнике из с. Бидоба Богучанского района Красноярского края Никандре Кузьмиче Логинове (БНЦ, 3503, п. 1, л. 28). Собиратель фольклора А.А. Соболев, многие годы живший среди байкальских промысловиков, приводит свидетельства, объясняющие популярность сказок: «Рыбачили и охотились обычно артелями. Суровый нрав Байкала, частые ветры, не дающие возможности выйти в море, бессонные зимние ночи у костра в ожидании соболя создавали "невольный досуг", который заполнялся сказками... Вот что рассказывали сами сказочники: "...я охотился, охота на соболя шла подле моря. Уходишь до Покрова за неделю, а выходишь из подлеморья на Пасхе. Все время в лесу. А зимняя ночь — год. Жили в юрте, а в ней ни печки железной, ниче. Пусто. Всю ночь этот огонь и жжешь. То спишь, то сидишь, то чай варишь. Сваришь — напьешься, покуришь — не спится. А живешь втроем, вшестером. Кто-нибудь просит: "Расскажи че-нибудь!" И начинаешь сказки рассказывать. Час, другой, третий — и время бежит. Сказок много знал, и память богатая была. Услышу новую, через полгода попроси — слово в слово расскажу. Памятью обладал большой. И хотелось запоминать: ценили охотники сказки, до утра могли слушать"» (Ф.Д. Реховский, 1973 г.) [97, с. 77].

Сохранению русской сказки в некоторых районах Сибири способствовали и близкие контакты с аборигенами края. С первых шагов своей жизни на новом месте русский засельшик нередко оказывался в тесной взаимосвязи с различными народами Сибири, что отразилось как на материальной, так и на духовной культуре. Рассказывание сказок, распространенное среди охотников Тункинской долины (Прибайкалье), например, вызвано не только спецификой промысла, создающей вынужденный досуг, но и в какой-то мере воспринятым русскими бурятским обычаем посвящать сказки, песни хангаю (хозяину тайги, гор)*. Вплоть до 1930-х гг., по воспоминаниям местных жителей, среди русских охотников существовал обычай обращаться к хангаю по-бурятски с просьбой способствовать хорошей охоте. Само обращение порой облекалось в поэтическую форму [51, с. 23].

Так, в сказительстве промысловиков под влиянием иноэтнического обрядового фольклора проявилась продуцирующая функция. Это наряду с другими причинами вело к усилению сказочной традиции.

---

*Этот обычай описала Б. Косыгина в 1915 г.: "Вечерком на досуге обычно говорят сказки, поют песни, играют на балалайках и самодельных скрипках со струнами, скрученными из конского волоса или тонких кишок овцы. Все эти забавы считаются необходимыми для того, чтобы хангай (хозяин леса) дал больше белки и соболя" [25, 1915, I/II, с. 24]. Автор отмечает, что русские переняли обычаи от бурят и делают то же самое с небольшими изменениями.

Охотничье зимовье в баргузинской тайге
Фото С.В. Шитикова

В охотничьем зимовье в долгие зимние вечера эстетическим запросам слушателей отвечала сказка, длинная, с запутанным фантастическим ходом событий. Чем сложнее, фантастичнее сюжет, тем интереснее сказка. Многие элементы замедляли действие, усложняли ход событий — это и трехкратное дословное повторение эпизодов, различных поэтических формул. Сказочники-промысловики, как правило, прекрасно владели художественными средствами классической волшебной сказки: использовали сказочные формулы, общие места, постоянные эпитеты, зачины, концовки. "Были таки сказки, что за три вечера только можно ему кончить, — вспоминает баргузинский сказочник В.Е. Меньшиков (1901 г. рожд.). — У меня тоже потом были волшебны, царски" [97, с. 77].

Не только доброхоты — вольные казаки или безземельные пахари шли в Сибирь, ее заселяли и каторжане, и разного рода бродяги. Тяжело приходилось бродягам в условиях сибирской тайги, и здесь некоторых из них спасало знание сказок. Благодаря своему таланту рассказчика, они находили приют и ночлег, а заодно и вносили свою лепту в развитие сказочной традиции. Среди бродяг были великолепные сказочники, о "бродяжьей стихии" как о сильной струе в сибирском сказкотворчестве писал М.К. Азадовский [2, с.VI—VII].

Общее количество известных нам по опубликованным и рукописным источникам текстов волшебных сказок Сибири составляет свыше 1200 текстов, эта цифра свидетельствует и о широком бытовании жанра, и о внимании к нему собирателей. Сюжетный состав волшебных сказок региона в основном совпадает с общерусским, но есть и различия.

Забайкальская сказочница И.С. Рязанцева, от которой записана сказка "Медведь и три сестры"

Из наиболее распространенных сказок общерусского репертуара большая часть широко бытовала в сибирской традиции. Так, сюжет СУС 300_1 Победитель змея выделяется почти в 70 сибирских текстах (№ 1, 2); столько же и 301А, В Три подземных царства (№ 1, 4, 5), 530 Сивко-Бурко (№ 19); около 30 текстов содержат сюжетные темы 302_1 Смерть Кощея в яйце (№ 1, 4), 303 Два брата (№ 4), 315 Звериное молоко (№ 3), 400_1 Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа) (№ 5, 11, 12) (см. Указатель сюжетов).

Сюжеты, мало распространенные в европейской части страны, как правило, редки и в Сибири, например, СУС 562. Дух в голубом свете (№ 11), 428 Девушка на службе у ведьмы (№ 13).

Сказка на сюжет 311 Медведь и три сестры широко распространена в восточно-славянской традиции, но варианты, зафиксированные в СУС, не включают сибирских. Публикуемый текст (№ 7) наиболее полный из восьми записанных в Сибири [50, с. 5—55].

Не отмечены в "Сравнительном указателе сюжетов" [102] в опубликованном русском материале такие, например, встречающиеся в Сибири сюжетные типы, как Палочка ведьмы (— 303*), Ведьма и солнцева сестра (313 J*), Козленок спасает девушку от белого волка (дьявола) (314B*), Бесстрашный (— 326B**), Красавица свинья (— 402A**), Змеиный камень (— 674*), Терпеливая Елена (706C), Царевич-рак (змея) (433B). Последний в Сибири зафиксирован в семи вариантах (№ 14, 15), а хорошо известный по публикациям в общерусском материале сюжет Диво-дивное (571) для сибирской традиции является редким (№ 24).

Как уже отмечалось, рассказывание сказок в часы досуга во время таежного промысла, своеобразный профессионализм бродячих сказочников, добывавших в прошлом пропитание сказительством, повлияли на сюжетно-композиционную структуру произведения, вызвали тенденцию к созданию крупных, многосоставных повествований, соединявших порой до четырех-шести сюжетов-мотивов. В этом отношении региональная традиция представляет благодатный материал для исследования одной из сложных проблем сказковедения — проблемы сюжетных контаминаций.

В сибирском сказочном фонде нами отмечено около 240 различных сочетаний волшебных сюжетов, анализ их показывает, что для сибирского сказкотворчества характерна в основном свободная, не закрепленная традицией контаминация. Согласно СУС, во всем опубликованном материале зафиксировано 58 традиционных русских сюжетов, повторяющихся более двух раз. В сибирском сказочном материале 20 сюжетных сочетаний встречаются более чем в двух текстах и около 40 — в двух. Наиболее распространенными являются соединения в одном произведении трех сюжетов (№ 1—3, 6, 11), но встречаются и пяти-шестисюжетные сказки (№ 4, 5). Они, как правило, не имеют устойчивого сюжетного ядра, соответствующего определенному сказочному типу, в них мотивы, эпизоды, атрибуты и функции героев из разных сюжетов, объединенные в целостную систему, дают новое сюжетное повествование, подчиненное композиционным и стилевым законам сказкотворчества. Наглядную иллюстрацию сюжетной структуры многосоставных сказок представляют сказки № 5 и 17.

Наиболее распространенные в сибирской сказочной традиции контаминации не всегда совпадают с выделенными в СУС как часто встречающиеся в восточно-славянском материале. Это несовпадение, а также и множественность сочетаний сюжетов указывают на то, что контаминирование происходило в процессе локализации русской сказки в Сибири и являлось творческим моментом в сказительстве.

Столкновение первых засельщиков с суровой дикой природой, большая зависимость человека от нее и, кроме того, влияние довольно сильных верований соседних народов, стоявших на иной стадии развития, а также фольклора аборигенов способствовали живучести веры сибиряков в мифологические суще-

ства. Это стимулировало не только жизненность быличек и бывальщин, но и оказывало воздействие на сказку, сохраняя архаические версии известных сюжетов. Так, в сказке "Про Ивана Ветрова" [64, № 12] на сюжет Три подземных царства (301В) героическая битва за невесту ассоциируется с борьбой со стихией. Противники появляются в виде черных-пречерных туч, с ними борется не сам герой, а поочередно его помощники-богатыри. А герой бьется с тестем — Бессмертным Кошелем, который появляется тоже в виде тучи "черной-пречерной, громадной-прегромадной, белого света не видно". "Ерыкнул идолу поганую, раздвоилась она, а палицу назад себе бросил, тут уже пурга не срослась и подохла".

В сказке "Подсолнешна Красота" (№ 2) отчетливо проявился мифологический мотив, в основе которого лежит вера в возможность возрождения человека из его костей: герой, узнав, что братья хотят его убить, просит "косье" не разбрасывать, впоследствии старичок — чудесный помощник героя "склал косточку под косточку и суставчик под суставчик, живой-молодой водой брызнул — кожишка натянулась. Другоредь брыжнул — кров наштупила. Третий брыжнул — на гузно шял". Старик не просто традиционно оживляет героя, а живой-молодой водой возрождает его. На вопрос: "Зачем своим братьям велел сам себя убить?" — герой отвечает: "Так мне захотелось, стобы снова родиться". Отголоски глубокой древности, языческих представлений и более поздних — христианизированных — слышатся в сказке "Сережа купеческий сын" (№ 6); архаичен эпизод показа отцу "сыновой работы" — сжигание мальчика в поленнице в сказке "Колдун и его ученик" (№ 8). В сказке "Иван Вдовин" (№ 5) в эпизоде встречи сестры с братом традиционное сказочное действие ("она сразу булавку воткнула", другой раз: "и сразу ножик воткнула в порог") приобретает несвойственный сказке мифологический оттенок, связанный с оберегающей магией: воткнутая булавка или другой острый предмет охраняет от дурного глаза или замысла. Обычно в сказке героя превращают в булавку или в другой острый предмет, чтобы скрыть его от противника. Мифологические рассказы способствовали расширению сказочного репертуара, он пополнялся за счет быличек, имеющих одинаковое или созвучное со сказочным сюжетом ядро, например — 677***. Повитуха попадает к чертям (№ 25). Быличка "Про Вихрь" трансформировалась сначала в бывальщину, а затем в сказку, напоминавшую сюжетный тип — 677** Скрипач (гармонист) у чертей (в аду) [65, № 41].

Рассматривая сказки на один и тот же сюжет, можно видеть, сколь разнообразно варьируется традиционная тема и как велико значение формы, в которую облекается содержание. В связи с этим уместно вспомнить мнение иркутской писательницы XIX в., автора сборника " Русские сказки для детей" Е.А. Авдеевой, которая слушала сказки в естественных условиях их бытования: "Мне кажется вообще, что занимательность и прелесть русских сказок зависела больше от искусства рассказчиков, нежели от самого содержания их" [1, с. 135]. Справедливость этих слов доказали сибирские варианты русских волшебных сказок. Сказочники придавали большое значение обрядности, поэтическому слову, высоко ценили поэзию сказки. "В сказке наречие — самое главное", — так выразил отношение самих исполнителей к поэтике повествования в 1915 г. сказочник Приленья И.И. Пермяков. Он с пренебрежением относился к тем рассказчикам, которые "красиво умеют только сбрехать что-нибудь, а наречия-то и не знают" (ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, л. 195). Под наречием он подразумевал традиционную эпическую обрядность.

Сибирская сказочная традиция сохранила поэтическую систему с ее эпической обрядностью: дословными повторениями, стереотипными речами персонажей, переходными фразами, поэтическими формулами, как традиционными, широко употребляемыми ("Сивка бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит...", "Стали оне жить-поживать, добра наживать да лиха изживать"), так и редкими, например, "благодарение лошадке" в сказке Д.С. Асламова: "Благодарю тебя, лошадка, прокатил меня хорошо, мой любезный конь-сивка. Побегай, мой конь, в широкое поле, в чистое раздолье, ешь траву шелковую, пей воду ключевую... [79, № 9], или: "здрел бы, смотрел и ясных очей не сносил...", "захали, в ладоши схлопнули... " (№ 11). Нередко традиционные формулы привязываются к реалистическим описаниям: "Ну, долго ли, коротко ли они ехали, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, — за степь перевалили, пошла тайга: лес и горы, горы да пади, ни дорог проездных, ни тропинок проходных, темь, еле свет пробивался" (№ 1).

Образность речи выражается в употреблении постоянных эпитетов, ярких сравнений, красочных описаний. Например, наряду с общесказочными пространственно-временными формулами ("близко ли, далеко ли...", "скоро сказка сказывается..."), подчеркивающих длительность пути и времени, в сказке "Иван царской сын золотых кудрей" время характеризуется через перечисление совершенных действий. На вопрос Кашшея Бессмёртного, успеет ли он догнать Ивана царского сына, конь троеногой отвечает: "А расчисти новины, распаши и посей новой хлебы, узорь и сними, измолоти, высуши и смели, и двенадцать ларь пива навари, и двенадцать печей хлеба напеки. И теперь, — говорит, — это съедим и выпьем. Тогда, говорит, — садись — догоним" (№ 4).

При традиционности фольклорного стиля и содержания глубокой индивидуальностью художественного творчества отличаются сказки А.И. Кошкарова (№ 1), Е.И. Кокорина (№ 4), С.П. Киселева (№ 2), Г.А. Тугарина (№ 22), Д.С. Асламова(№ 12). Сохранив художественную систему классической волшебной сказки, они в то же время отразили тенденции творчества современных сказочников, в их творчестве с особой силой сказалось личное начало одаренных исполнителей. До высокой поэзии поднимается повествование Д.С. Асламова в сцене прощания с царевной, когда ее увозит Чиридей (№ 12). Наряду с общеэпическими формулами и другими традиционными изобразительными средствами в его произведениях необычные для традиционной сказки сравнения: "глаза, как уголь", "позеленел, как лук", "глаза, как у ястреба". В стиле сибирских сказок нашла отражение характерная для русских сказочников XX в. книжность, нередко это подражание "галантному" стилю лубочной литературы: "Домогайся, возлюбленный мой сын, все ж таки есь дурно, что твоя стрела не ушла" (№ 12); "Ах, как будет мне это оскорбительно" (№ 10).

Волшебные сказки Сибири в основном бытовали в среде взрослых, развитие сказочного творчества в регионе шло в основном за счет мужского сказительства. Для детей рассказывали свои сказки А.М. Давыдова (№ 20), И.С. Рязанцева (№ 7), В.Я. Бекетова (№ 15), Ф.С. Чернова (№ 9). Сказочницы прекрасно владеют диалогом, многообразием интонационных оттенков: мать зовет Ивашечку нежным, ласковым голосом, Ивашечка отвечает ей тоненьким детским голоском, Баба Яга повторяет слова матери, но грубо, хриплым голосом (№ 9). Язык сказок поэтичен, в нем часты характерные для поэтики фольклорных жанров уменьшительно-ласкательные формы: Ивашечка, рубашечка, гусяточки, крыляточки, рыбка (№ 9), особый ритм: "шла, шла, гору прошла, долу прошла,

море прошла. Молот избила, просвиру изгрызла, сапоги износила" (№ 15), красочные сравнения: платье то "как звезды на небе горят", то "как — радуга-дуга", то "как заря, горит" (№ 20).

Украшением некоторых сказок были имена-прозвища героев: Иван царской сын золотых кудрей, его обручница — от зари — заря подсолнушна красота, от семи сестер — сестра, от двенадцати бабушек — внучка, от трех матерей — дочка; герой встречает на пути Бабку зелену шапку, зятья у него Волк Волкович — супостат, Ворон Воронович — супостат, Сокол Соколович (№ 4), Подсолнешна Красота, Желечка (№ 2); Русая Руса, тридцати братьев сестра, Неугомон-царевич [65, № 10]; конь — Ковирко-космат на гриву наступат, хвостом след заметат (варианты: Бурко-космат..., Карько-космат...) (ГЛМ, ф. 186, 14/58—69, № 65, л. 356—361).

Сохранению эпического стиля волшебных сказок способствовали бытовавшие в Сибири былины, влияние их обнаруживается в сюжетах сказок, но еще более в их поэтике. В сказках часто используется фразеология былин, в них можно встретить специфические былинные формулы, а иногда и ритмику, слияние былинных и сказочных сюжетов, введение в сказку мотивов, образов, эпизодов из былин [51, с. 23—33]. Из былинного эпоса привнесены в сказку С.П. Киселева, например, эпизоды описания богатства Ивана купеческого сына, его плавание по морю и кораблекрушение, хвастовство гостей на свадебном пиру, наряду со сказочным волшебством, гиперболизм в изображении ("его тулово упало — шильный гром грянул", "как храпнет — се навзничь улетают" — № 2).

Традиционные поэтические приемы сказочного повествования, так богато представленные в сибирских вариантах, сочетаются с привнесениями в сказку локального колорита, порожденного реальными жизненными обстоятельствами. Сибирский колорит, проявившийся в обилии бытовых деталей, ситуаций, картин, связанных с пищей, одеждой сибиряков, с земледелием, обрядами, "ямщиной", лесным промыслом, охотой, органично вошел в сказки, рассказываемые на зимней охоте, во время коротания вечеров в охотничьем зимовье, в промысловых артелях. С вынужденным досугом промысловиков связано творчество С.И. Скобелина (№ 10), А.А. Хлескина (№ 6), Г.А. Тугарина (№ 22). В их сказках фантастический мир заполнен бытовыми деталями, отражающими весь жизненный уклад сибирских крестьян. Особенно наглядно это проявилось в сказках Г.А. Тугарина. В сказке "Волшебное кольцо" вполне реалистично разработан эпизод сватания. Мать героя приходит к царю свататься: "Заходит она в помещение, богу помолилась, на все четыре стороны поклонилась и наверх смотрит: где тут матня — не ошибиться бы, прямо под матней сесть. Свататься ведь пришла" (№ 22). Сибирские сказки сохранили воспоминания о тех временах, когда первым засельщикам приходилось отвоевывать землю у тайги, расчищать место для пашни. Так, сказка Г.А. Тугарина на сюжет 531 Конек-горбунок начинается с характерной предыстории: "...Вот оне живут-поживают, добра наживают. Дети растут, больши стали. Пашни мало было, отец думал-думал, взял топор, отправился в тайгу. Подглядел себе местечко, приходит домой, детей собрал, пошли шшотку чистить. Шшотку вычистили коло десятины, спахали ее. На другой же год вспахали, взяли посеяли пшеницу белоярову, и отец ходит смотрит. Не по дням, по часам, как пшеничное тесто на опаре киснет, так ета пшеничка растет..." [70, № 29]. В другой сказке: "Проехали еще, смотрят — расчищена тайга" (№ 1).

Охотник Вологжин из Туны
Фото Г.А. Леонова. 1930 г.

Локальная прикрепленность действия в волшебном повествовании проявилась как в использовании местных названий — Максимиха, Большое Уро, Малое Уро, Устье (села Баргузинской долины) (№ 6), Байкал: "Там за Байкалом у ней первый был, настоящий жених" (№ 22), змей увозит царевну за Байкал, на берегу Байкала сидит царевна в ожидании змея, — так и в отражении психологии сибиряка. Сохраняя традиционный контур сказочного персонажа, сибирская сказка вносит в характеристики героя черты местного охотника. Герой побеждает не только с помощью волшебства, но главным образом благодаря своим личным качествам: силе, ловкости, смекалке. Трансформирован в большинстве случаев и образ иронического героя Ивана-дурака. В сибирских сказках, как правило, от него не ждут подвигов, потому что он молод, но ему с самого начала не отказано в уме. Успех, который сопутствует герою, предполагает не столько удачливость его, сколько присутствие ума, сообразительности. Братья проявляют к нему дружелюбие, хотя по традиции и не пренебрегают грубым словом (№ 19).

Рыбак с Ангары М.В. Безруких

При изучении устно-поэтического творчества русского населения Сибири обращают на себя внимание факты не только сосуществования фольклора разных народов, но и взаимовлияния, взаимообогащения его. Вопрос о взаимосвязи русского и иноязычного фольклора в Сибири был впервые поставлен "областниками", пришедшими, однако, к неоправданному выводу, что взаимодействие культур двух народов приводит к исчезновению одной из них [46, с. 5]. Наблюдения над сосуществованием бурятского и русского фольклора позволяют сделать вывод, что близость русских с бурятами, их тесная материальная и духовная связь, обычаи, наконец, художественное творчество наложили в какой-то мере отпечаток на русское сказочное творчество, на разработку художественных образов и манеру исполнения. "Местный крестьянин, знакомый с бурятской

речью, — писал Г.М. Осокин, — не отказывает себе в удовольствии послушать и бурятские сказки, которых у последних довольно. Русские пересказы некоторых сказок положили начало образованию новых, с заимствованными сюжетами и своими добавлениями. В последнее время замечается их довольно много" [55, с. 97]. В заметках известного педагога и лингвиста Сибири В.Д. Кудрявцева к минусинским сказкам говорится о влиянии хакасского фольклора на сказки А.А. Гордеева: например, превращение собаки в женщину, путешествие во сне за богатством отца, превращение мальчиков в реки (Казыр, Амыл) — мотивы хакасских сказаний [87, с. 4]. Интересные замечания о влиянии иноэтнического фольклора на сибирскую русскую сказку сделал А.А. Макаранко. Из сказок Е.М. Кокорина (Чимы) он приводит пример, характеризующий влияние тунгусского фольклора на русскую сказку "Иван Кобыльников сын" [25, 1912, II/IV, с. 355—356].

К настоящему времени изменились конкретно-исторические обстоятельства сибирской действительности, сформировавшие сильную традицию сказочного эпоса. Но живы еще свидетели бытования сказки среди промысловиков, сохранилась в какой-то мере и традиция бродячих сказочников. Сибирская сказочная традиция продлила активную жизнь волшебных сказок, хотя исследователи застали их уже в момент глубокой трансформации. Волшебная сказка, пройдя долгий исторический путь, постепенно стала утрачивать свою творческую продуктивность. Однако затухание устной сказочной традиции не исключает возможности яркого проявления народного сказительства, оторвавшегося от почвы мифологических представлений, поверий, обычаев и обрядов, которые питали сказочную фантастику.

В стиле повествований современных сказочников органично сочетаются чудесные моменты с реалистическими картинами, пейзажными зарисовками, бытовыми подробностями. Описание жеста, мимики, внешнего выражения внутреннего состояния героя (царь "сел, задумался; скамейка тут была, опустился на скамейку...царь вспыхнул"), реалистическая деталь ("Был майский теплый день, так числа пятнадцатого"), мимоходом брошенная ремарка ("вот как росли чудно! Вот такие черти...") (№ 1), углубленные мотивировки, психологизм — все это создает произведение, отразившее современные тенденции в сказкотворчестве. За сказочными образами встают живые, знакомые слушателям люди, порой сказочник и сам не удерживается от замечания типа: царь потребовал рассказчика "такого же хромого Антона", "Световик спит (он спать был не легче, как Прокопий)" (№ 1). Колоритны бытовые сцены, например встреча царя с пьяницей, который "с похмелля мается" в сказке Е.М. Кокорина (Чимы) (№ 4).

Публикуемые тексты волшебных сказок Сибири дают представление о сложном сюжетном составе и географии распространения сибирских сказок, их художественном стиле, о творчестве различных типов сказочников. Есть сказки прославленных мастеров, таких, как Н.О. Винокурова (№ 8), и сказки неизвестных исполнителей (№ 11, 17, 21); представлены сюжеты, широко распространенные в восточно-славянском репертуаре, в том числе и в Сибири, и редкие, например, в единственном известном в Сибири тексте (№ 13); классические в своей художественной завершенности варианты и сказки, в которых ощутима связь с быличкой, бывальщиной (№ 25); тексты, записанные в XIX в. и в наши дни.

Представить более 400 волшебных сюжетов, зафиксированных в Сибири, в пределах одной публикации — задача невыполнимая. В настоящее издание включены 25 текстов, содержащих 47 сюжетных тем, представляющих сюжетику волшебных сказок в ее типичности и специфике по отношению к общерусскому сказочному фонду. Некоторые сюжетные типы повторяются в нескольких сказках, но в разных контаминациях. Большая часть сказок либо не опубликована, либо опубликована в малодоступных изданиях, ставших библиографической редкостью. Мы стремились по возможности не повторять сказок, напечатанных в четырех сборниках русских волшебных сказок Сибири в 1979—1984 гг. [64, 65, 69, 70]. Значительное место отведено современным записям сказок — живым свидетелям некогда богатейшей сибирской традиции.

Публикуемые тексты расположены по сюжетным типам, в основном в том порядке, как это принято в "Сравнительном указателе сюжетов" [102].

* *
*

Своеобразную разновидность русского сказочного эпоса Сибири составляют произведения, в которых представители животного мира являются не второстепенными персонажами, как, например, чудесные помощники в волшебных сказках, а главными героями: их действиями определяется движение сюжета в произведении и смысл его.

Если принять предположение, что в сборник Е.А. Авдеевой "Русские сказки для детей" (Спб., 1844) вошли сказки, слышанные составительницей в Сибири [71, с. 364], то год издания этого сборника следует считать временем первых публикаций сказок о животных, зафиксированных в Сибири (шесть текстов).

Первые документально подтверждаемые свидетельства о бытовании сказок о животных в Сибири и публикации их текстов относятся к 1860-м гг. Сосланный в Сибирь участник польского восстания 1863 г. против царского самодержавия Э. Андреоли в своем дневнике отмечает факты бытования в Сибири сказок, в том числе и сказок о животных [45, с. 19—20]. Первые публикации сказок о животных с указаниями на их запись в Сибири сделаны этнографом Г.Н. Потаниным [59, с. 122, 123, 137].

Систематически сказки о животных в сибирских записях стали публиковаться с конца XIX в., уступая в количественном отношении волшебным и бытовым сказкам и составляя незначительную долю от общего объема материалов, архивных и печатных.

В изданиях XIX — начала XX в., кроме уже названных, сказки о животных представлены следующим образом: один текст из 8 у И.А. Худякова [107], 2 из 64 и 4 из 42 в изданиях РГО [26, 27], 5 из 35 у Б. Герасимова [20], 2 из 67 в сборнике А.М. Смирнова [81]. Всего 14, а с публикациями Е.А. Авдеевой и Г.Н. Потанина — 33 текста.

Сказки о животных в сборниках последних десятилетий представлены так (в хронологической последовательности): два текста из 20 в сборнике под ред. М.К. Азадовского [87], один из 99 у М.В. Красноженовой [89], два из 42 у А. Гуревича [72], три из 27 в сборнике А.В. Гуревича и Л.Е. Элиасова [22], три из 41 сказки у Е.И. Сороковикова [90], две из 34 в сборнике под ред. В.А. Василенко, [92], одна из 18 и две из 28 в изданиях сказок А.С. Коже-

мякиной [84, 91], восемь из 47 в омском сборнике [104], 23 из 108 у В. Зиновьева [74], четыре из 65 в сборнике Е.И. Шастиной [73], три из 66 русских сказок Якутии [106]. Общее количество опубликованных вплоть до настоящего времени и имеющих научное значение сибирских записей сказок о животных не превышает ста текстов.

Меньшее по сравнению с волшебными сказками количество публикаций животного эпоса объясняется прежде всего тем, что еще в XIX в. сказки о животных в большинстве своем стали детскими, "робячьими". Длительное время собиратели фольклора не уделяли должного внимания этим сказкам, а исполнители считали естественным рассказывать их только детям. Усиление научного интереса к собственно сказкам о животных и к детскому фольклору активизировало их собирание и издание, особенно в последнее время.

Кроме опубликованных, имеются в рукописях и полностью еще не учтены сибирские тексты сказок о животных, хранящиеся в фондах ГБЛ, ГЛМ, ЦГАЛИ, БНЦ, ЯНЦ, в фольклорных архивах университетов и педагогических институтов Сибири.

Судя по материалам (ранее опубликованным и архивным), исполнителями сказок о животных были и являются главным образом две группы рассказчиков — пожилые люди и дети.

Из числа пожилых людей выделяются имена известных мастеров. Так, в 1927 г. М.К. Азадовский записывал сказки о животных от А.А. Шелеховой и Г.А. Тугарина, в 1939 г. Л.Е. Элиасов — от Е.И. Сороковикова (Бурятия), в 1946 г. Н.А. Габышевым сделаны записи от С.П. Киселева (Якутия), в 1950-е гг. И.С. Коровкиным — от А.С. Кожемякиной (Омская обл.), в 1981 г. В.П. Зиновьевым — от Ф.А. Балагурова (Читинская обл.). Сказки о животных в репертуаре этих мастеров, за исключением Ф.А. Балагурова, занимают скромное место, но и в немногих сказках талантливых сказочников нашли выражение особенности их исполнительской манеры, личные склонности и сказалось влияние окружающей их среды. В названном ряду мастеров народной сказки Ф.А. Балагуров выделяется как знаток именно сказок о животных. Ни от кого до сих пор не записывалось такое количество сказок о животных, как от этого сказочника.

Как говорилось выше, другая характерная группа исполнителей сказок о животных — дети. Еще в 1907 г. П.А. Городцовым записаны сказки от 13-летней М. Белоглазовой (Тюменская обл.). В настоящем издании также есть сказки 10-летней Лены Шабановой (Омская обл.) и 11-летнего Сережи Штезеля (Новосибирская обл.). Знание детьми сказок о животных — примечательный факт, свидетельствующий и о сохранении традиционного способа передачи произведений народного творчества от поколения к поколению, из уст в уста, и о другом пути сказки к детям — через книгу, о детской восприимчивости к сказкам, об их распространенности в детской аудитории, о бытовании их как детского фольклора.

В текстах сказок о животных, записанных от двух названных групп, разумеется, есть различия, предопределенные возрастом, личностью, жизненным опытом рассказчиков, их ориентацией на конкретную аудиторию. В сказках взрослых отчетливо проступают детали крестьянского быта, грубоватый смех (если сказка рассказывается не детям), повествование иногда завершается морализующей концовкой, речь рассказчика эмоционально окрашена и близка к разговорной с ее диалектными особенностями. В записанных от детей сказках смех

мягче, общая интонация повествования наивно-доверительная, не вызывающая сомнений в подлинности происходящих в сказке событий (ребенок принимает условия своеобразной игры в сказку и полностью подчиняется им), речь рассказчика часто правильно литературная.

В настоящий сборник включена часть ранее опубликованных текстов из редких теперь изданий, в том числе и тексты, представляющие собой вплоть до нашего времени единственные записи каких-либо сюжетов или являющиеся лучшими из всех учтенных вариантов. Основная же часть текстов публикуется впервые и является результатом собирательской деятельности разных организаций и отдельных лиц, архивных разысканий составителей данного тома.

Для публикации тексты отбирались так, чтобы можно было полнее представить зафиксированные в Сибири сюжеты сказок о животных. Такого рода сводное издание предпринимается впервые.

Русские сказки о животных вообще меньше изучены по сравнению с другими разновидностями сказочного эпоса, но и в тех работах, которые им посвящены, почти не привлекается сибирский материал и не ставятся вопросы его специального рассмотрения [32, 39]. Редко упоминаются сказки о животных и во вступительных статьях к сборникам русского фольклора Сибири. Немногочисленные случаи обращения исследователей к этим сказкам связываются главным образом с характеристикой фондов собирателей [43; 69, с. 20; 67, с. 9 и 23], с освещением вопросов своеобразия репертуара региона [43, с. 86; 54, с. 28—30; 69, с. 12—13; 104, с. 4; 106, с. 15—16] или исполнителя [106, с. 16], варьирования сюжета [65, с. 312], отражения взаимодействия фольклора разных народов [40]. Между тем настало время перейти от частных наблюдений и замечаний к углубленному изучению русских сказок о животных в прямой зависимости от постановки общих проблем истории и современного состояния фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.

Публикуемые здесь сказки о животных — часть общерусского культурного богатства, на котором лежит отсвет бытования фольклора в особых условиях.

Сюжеты почти всех сказок тома ранее уже были зафиксированы в разных местностях европейской части страны. Однако собранные теперь в одной книге сибирские записи сказок о животных вносят коррективы в представления о сюжетном составе общерусского сказочного фонда и сказочного репертуара собственно русского населения Сибири.

В Сибири записаны именно те сказки о животных, сюжеты которых являются наиболее характерными для общерусского сказочного фонда: о лисе, которая крадет рыбу с воза у мужика (СУС 1), заставляет волка сидеть у проруби (СУС 2), съедает масло или мед, притворившись, что ее зовут на крестины (СУС 15); о ссоре мыши и воробья (СУС 222*); о теремке (СУС 283В*); о коте, петухе и лисе (СУС 61В); о мужике, медведе, лисе и ее хвосте (СУС 154); о зверях в санях у лисицы (СУС 158); о Ерше Ершовиче (СУС 254**); о зимовье зверей, прогоняющих волка (СУС 130); о волке, пением выманивающем у старика разных животных, а потом внучку и старуху (СУС 163); о лисе, получающей за скалочку гусочку (СУС 170); о ледяной и лубяной хатках (СУС 43); о козе, которая не идет из лесу с орехами (СУС 2015); о лисе-исповеднице (СУС 61А); о суде орла над вороной (СУС 202А); о подавившемся зерном петушке (СУС 2021А) и др. Перечень сюжетов дан в последовательности, соответствующей степени их популярности в русском сказочном репертуаре [101, с. 330, 332].

Среди записанных в Сибири сказок отмечаются и те, которые составляют общее ядро восточно-славянского репертуара [102, с. 16], и те, которые считаются типично русскими — о лисе-повитухе, о коте, петухе и лисе, о пении волка, о подавившемся петушке, о теремке.

Сибирские тексты представляют все группы сказок, названные В.Я. Проппом: 1) сказки о диких животных, 2) сказки о диких и домашних животных, 3) сказки о человеке и диких животных, 4) сказки о домашних животных, 5) сказки о птицах, рыбах и пр., 6) сказки о прочих животных, растениях и др. [61, с. 458—464]. Следует только заметить, что с персонажами из мира растений нам известна лишь одна сказка в сибирской записи.

Установлено, что некоторые сюжеты, отмеченные в указателях только на европейском материале, распространены и в Сибири. Таковы сюжеты СУС 56А Лиса и дрозд (№ 32), 61А Лиса-исповедница (№ 33), 125 Напуганные волки (архив ДВГУ), 254** Ерш Ершович (№ 55), 253 Рыбы в верше (№ 55), 275 Лиса и рак (ОГПИ), 2044 Репка (КПИ и ЧГПИ). Введением в научный оборот новых сибирских текстов уточняется география распространения сюжетов.

В сибирских текстах выявлено пять, не отмеченных в СУС типов контаминаций, сюжетов. Первый тип: СУС 1 (Лиса крадет рыбу с воза) + 103 (Кот и дикие животные); только в сказке из Красноярского края (№ 26) сюжет 103 дан в контаминации, повсеместно он известен вне сюжетных соединений. Второй тип: СУС 61В (Кот, петух и лиса) + 327С, Г (Мальчик и ведьма); шесть текстов с такого рода контаминацией зафиксированы в Западной Сибири (см. примеч. к № 9 и 34). Третий тип: СУС 163 (Пение волка, медведя) + 161 (Медведь на липовой ноге) дает текст из Тюменской обл. (ЦГАЛИ), (см. примеч. к № 47). Четвертый тип: СУС 218В* (Небесная избушка) + 37(Лиса-лекарка, плачея) + 158 (Звери в санях у лисы) — это сюжетное соединение в сказке "Репка" (№ 51), записанной в Красноярском крае. Пятый тип: СУС 283В* (Терем мухи) + 20А (Звери в яме) + 15 (Лиса-повитуха) + 1 (Лиса крадет рыбу с воза) + 2 (Волк у проруби) + 3 (Лиса обмазывает голову тестом) + 4(Битый небитого везет) — еще одна контаминация тоже в сказке Красноярского края "Терем мухи" (№ 57). Все названные типы контаминаций представляют собой не механическое соединение сюжетов, а основанное на внутренней логике развитие сказочного действия. Такого рода контаминации по сути своей являются творческими.

Своеобразие сюжетного состава сказок о животных русского населения Сибири связано и с сугубо местным фактором — бытованием русского фольклора во взаимодействии с фольклором разных национальностей [8, 32, 51]. Не исключено, что некоторые сюжеты получили распространение в среде русских сибиряков в результате их контактов с представителями других этнических групп смешанного населения Сибири и Дальнего Востока.

В русском сказочном репертуаре обнаружены сюжеты, ранее известные только по украинским и белорусским текстам: СУС 6 Лиса, схваченная волком, спрашивает его: "Откуда ветер?" (№ 27), 75 Мышь и лев [74, № 7], 88* Медведь и бревно (№ 37), — 179* Медведь захватывает девушку (ГБЛ, ОГПИ, ЧГПИ), — 230*** Ворона и соколенок (ЦГАЛИ). Примечательно, что, например, первый сюжет в сказке Читинской области получил характерную местную разработку: летит тетерева́ и попадает в рот медведю, лиса хитрит и вопросом о ветре заставляет медведя открыть рот, тетерева выпадает, лиса схватывает ее и убегает.

Рассмотрение во взаимодействии животного эпоса народов Сибири позволяет отметить наличие общих сюжетов и одновременно выявить различия в их конкретной жанрово-стилевой разработке. Еще И.А. Худяков в свое время писал: "У якутов есть предание, что чечетка с мышью (самые малые животные из птиц и млекопитающих) стали уговариваться жить вместе" [19, с. 2]. Далее И.А. Худяковым изложено это предание, по сюжету совпадающее с русской сказкой о ссоре воробья и мыши, известной по публикациям начиная с первой половины XIX в. (СУС 222*; наст. изд., № 52). Характерен и сравнительно недавний факт одновременной записи рассказа "Почему бурундук полосатый" от бурята и от русского (зап. Р.П. Матвеева в 1971 г. в с. Кырен Тункинского р-на Бурятии от И.К. Бекетова, 1891 г. рожд., русского, и от З.Ж. Налханова, 1901 г. рожд., бурята (БНЦ, № 3274)). Исполнителем-бурятом и собирателем рассказ назван сказкой. Такое определение не кажется случайным, если учесть мнение о существовании на этот сюжет в бурятском, эвенкийском и якутском фольклоре легенд, сказок и промежуточных форм — сказок-мифов и если принять во внимание соответствующие публикации [82, с. 15—16, № 11; с. 282—283, № 19]. Однако в передаче русского исполнителя "Почему бурундук полосатый" — это этиологическая легенда по всем ее структурным признакам (краткость формы, отсутствие развитого сюжета, информационный стиль повествования). Таким образом, разработка одного и того же сюжета в фольклоре разных народов может характеризовать разные стадии его исторической эволюции и отражать общий процесс трансформации мифа в сказку [32, гл. I].

Сибирские записи животного эпоса, сделанные от русского населения, в подавляющем большинстве представляют тот тип сказок о животных, для которого прежде всего характерна эстетическая функция [9]. В них животные наделены человеческими качествами и вступают в контакты, по сути своей напоминающие взаимоотношения людей. При всем этом человек не подразумевается под животным и животные не отождествляются с людьми. Здесь действует закон художественного уподобления. Фантастические уподобления, невероятность ситуаций и поведения персонажей вызывают эстетическое чувство восхищения, удивления игрой воображения, радости узнавания привычного в необычном. Такая сказка увлекает, развлекает и поучает одновременно.

В сказках о животных своеобразно выразились идеалы народа, его вера в добро и справедливость. Превыше всего сказка ставит честность, справедливость, дружбу, взаимопомощь, умение жить в мире. Например, записанная еще в прошлом веке в г. Кургане сказка "Воробей" (№ 54) рассказывает о дружбе собаки и воробья, который мстит человеку за гибель своего друга. Сравнительно недавняя запись сказки "За добро добром" (№ 46) повествует о том, как мальчик Ваня подружился с медвежонком, а потом сделал так, чтобы мужики не убили медведицу, а она перестала приносить вред людям. Всем ходом событий сказка "Про кошечку" (№ 42) осуждает неблагодарных животных.

Животные-трикстеры (плуты) поражают своей хитростью и ловкостью. Не всякое зло и не всякая жестокость строго осуждаются в сказке. В ней царит атмосфера светлого юмора. Смех — средство порицания, но в сказке смех смягчен неожиданностью уподоблений и ситуаций. Зло наказывается по-сказочному фантастично и легко. Победителями становятся прежде обижаемые и

слабые. Так, петух, обычная лисья жертва, в сказке "Зайкин дом" (зап. 1969 г. в Приморском крае — БНЦ, инв. № 3210, п. 5) появляется с песенкой:

Идет петух на ногах
Во сафьяных сапогах,
Лисе голову ссеку,
Себе шапочку сошью.

И лиса в испуге бежит от петуха.

В записанных в Сибири сказках мы находим общерусские персонажи. Тут и кума Лиса Патрикеевна, Лисонька, хитрая лисичка-сестричка, лиса-подхилый хвост, и медведь, Мишка косолапый, Миша толстопятый, глуповатый и свирепый, и волк, серый волк, волчик, тоже глуповатый, неповоротливый и неблагодарный, здесь и кот, котушка, из сибирских лесов Кот Котофеевич, и сам-то петух, Петя-петух, который в одних сказках боится лисы, в других — пугает ее, тут и такой-сякой заяц косой, ушканчик сероглазенький, и белка-пучеглазка, и мышка-норушка, мышь с красными глазами, колючими усами, и птички-синички, и сорока мудреней лисы, и муха-шумуха, и комар-пискун. Так называют и так характеризуют животных и птиц в сказках Сибири.

Кроме них, в записанных от русского населения Сибири текстах встречаются животные, не являющиеся типичными для русских сказок. Это, во-первых, образы, заимствованные из животного эпоса других народов, возможно, вместе с соответствующими сюжетами: лев в сказке "Лев и мышка" [74, № 7], тигр в сказке "Лошадь и тигр" (№ 41). Во-вторых, это образы, свойственные лишь миру сибирской природы, органично вошедшие в известные сюжеты. В одном из вариантов сказки "Кот и петушок" (№ 34) в записи М.К. Азадовского 1927 г. (ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 11, л. 17—22) персонажами являются кот, соболек и петушок (соболь, соболек — зверек сибирской тайги); во второй части той же сказки лиса, у которой коток и соболек отняли петушка, увидев мужика с рыбою, "притаилась и вроде как пропашшая лежит", мужик подбирает лису и бросает в бочку с омулями (байкальская рыба). Примечателен также один из неопубликованных вариантов "Колобка" в записи А.А. Савельева (ГЛМ, № 4, 14/47, л. 286—287): колобок, который по "сусечкам метен, в сыре-масле печен, на окошке стужен", сначала добегает до белочки, а потом — до ушканчика, до хоречка, до горностайчика, до бурундука, до медведя, до лисицы; в традиционной цепочке персонажей здесь названы только сибирские животные.

Сказочные события чаще всего развертываются в атмосфере крестьянского уклада жизни. В сказке "Лиса-повитуха" (№ 28) медведь живет в избушке, в сенцах у него стоит мед в кадушке, сам он спит на печи, а лису, попросившуюся к нему ночевать, укладывает на лавке. Когда в сказке "Котушка и лиса" (№ 29) старик со старухой уходят "на улку дрова пилить", кот в это время роняет крынку с молоком, за что его бьют прутом и выбрасывают на мороз. В сказке "Про кошечку" (№ 42) кошечка сама строит зимовье-избушку. В том, что животные живут, как люди, состоит юмор и очарование сказки.

То обстоятельство, что рассказчики постоянно соотносили мир сказок о животных с реальными условиями жизни русского крестьянина, способствовало иногда оригинальной разработке некоторых эпизодов. Так, в сказке "Кот да петушок" (№ 34) лиса уносит петуха "за темные леса, за высокие горы, за круглые озера и за быстрые реки", кот, выручая петуха из беды, играет на гуслях-самогудах; дочери и сыновья лисы по очереди выносят коту, принятому за

богатого купца, чайники и пирожки; кот всех убивает, а лисьи шкурки продает купцу. Последний эпизод характерен именно для сибирской традиции, здесь выделяются черты сибирского быта (угощение проезжих, продажа звериных шкур купцам).

Сюжетно-композиционная структура сказок о животных, записанных в Сибири, традиционна. Это произведения малой или средней эпической формы с простыми сюжетами, с устойчивым и четким построением.

Сказка может начаться с формульного зачина ("Жили-были старик со старухою...", "Жил-был медведь..."), или с развернутого вступления, или с завязки — действия, определяющего все последующее развитие событий. В дальневосточных и сибирских текстах особое значение имеет экспозиция, так как именно она делает действие локально приуроченным и придает повествованию местный колорит: "Тайга наша уссурийская богата тиграми. Хитрые они и злые, ничего не боятся. Бывали случаи, что и на человека кидались" (№ 41); "Жили на одной заимке бабушка да дедушка. Было у них четыре сына, да дочь, пять овечек да жеребушечка" (№ 48). В последнем случае типичному сюжету "Пение волка" предшествует экспозиция-повествование с яркими приметами сибирской жизни: рассказывается, как три младших сына отправились в путь в разные стороны, и один их них женился на девушке-сиротиночке, у которой в пургу погибли родители, второй — на дочери кузнеца, третий — на девушке, увиденной в бурятской юрте.

Записанные в Сибири сказки о животных имеют типовое построение. Встреча животных друг с другом — стержневое действие — определяет весь ход последующих событий, которые передаются в описательно-диалогической форме, в совмещении прозаического и стихотворного текстов. Чаще сказки имеют кумулятивный (цепевидный) тип построения, который состоит "в каком-либо многократном, все нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная таким образом цепь не обрывается или не расплетается в обратном, убывающем порядке" [60, с. 293].

В публикуемых текстах находим все известные способы-действия наращения цепи: отсылки (№ 64: петушок посылает курочку за водой к реке, река к деве за ключами и т.д.), пожирания (№ 48: волки пением по очереди выманивают животных и съедают их), обмены (№ 49: лиса меняет лычку на курочку, курочку на гуська и т.д.), появление непрошенных гостей одного за другим (№ 57: животные просятся в терем), нагромождение животных друг на друга (волков друг на друга, чтобы достать деда с дерева в "Сказке о деде и волке" (ГАОО, оп. 1, ед. хр. 1746, л. 86 — копия БНЦ, № 3291, л. 54—55)). Сибирские тексты представляют и виды кумулятивных сказок, различаемые В.Я. Проппом по их стилю — эпические (спокойно рассказываемые) и фольклорные (в них нарастание событий сопровождается нагромождением слов). Следует отметить, что в сказках Сибири первые преобладают.

Кроме сказок кумулятивного типа, есть сказки и других построений. Например, сказки "Кот да петушок" (№ 34) и "Жихарко" (см. примеч. к № 34) по композиции напоминают волшебные сказки. Составляющие их сюжет действия и события следуют в строго установленной традицией и жизненной логикой последовательности: отлучка старших, запрет и нарушение его младшими, слабыми, беда и спасение, наказание обидчика.

В поступках и одновременно в диалогах раскрываются в сказках образы животных. Даже песни-стихи персонажей — это не вставные номера, а тоже

прямая речь, связанная с определенными сюжетными ситуациями. Например, во всех вариантах сказки "Кот да петушок" есть обращение лисы к петушку с просьбой выглянуть в окошко и почти во всех оно в стихотворной форме. В этой песне-просьбе неизменно обращение ("Петушок-петушок, /Золотой гребешок, / Масляна головка, /Шелкова бородка!"), а сама просьба и ее мотивировка варьируются (то упоминается о золотом яичушке, которое надо покатать с горки на горку, то о рассыпанном горохе или пшенице, которые некому подбирать), но в пределах общерусской традиции (ср.: [53, примеч. к № 37—39]). Хорошая сохранность этих архаичных фрагментов определяется их ролью и закрепленностью в сюжетно-композиционной структуре сказки: обращение и просьба лисы к петуху — это своего рода действие-завязка сюжета.

Наличие диалогов и стихотворных фрагментов в их традиционных функциях является показателем художественной ценности сказочного текста. И, напротив, пересказ диалогов в форме косвенной речи и стихотворного текста в прозе — это тоже, как и пропуски композиционных повторов, признаки испорченности текста или деформации жанра. Имея это в виду, можно достаточно точно определить качество публикуемых текстов.

Для публикации, естественно, отобраны лучшие тексты. Это сделано в результате сравнительного анализа указанных в примечаниях вариантов. Такой анализ позволяет выявить разные по художественным достоинствам тексты, точнее определить критерии их оценки. Так, из общего количества вариантов (6 текстов) сказки "Кот и лиса" (№ 39) один (ТГУ, № 276) может быть признан дефектным. Этот текст в 4—5 раз меньше других. В нем опущены все характерные для сюжета диалоги, что видно с самого начала сказки: "Кот женился на лисе. Живут, значит, они, поживают. А звери — медведь, волк — захотели на кота посмотреть". Этому фрагменту традиционно соответствуют диалоги кота и лисы, лисы и медведя, лисы и волка. Почти без диалогов, в виде схематичного пересказа дан один из вариантов сказки "О лисе" (№ 49): "...променяла уточку на гуся. Зашла к другому переночевать и променяла гуся на барашка. Потом барашка променяла на козленка" (ИГПИ). В повествовательно-информационной, а не в диалогической форме сказка утрачивает свойственные ей как жанру характерность речи персонажей и наглядность сцен. Но таких случаев в сибирских текстах немного. В большинстве же своем сказки Сибири о животных имеют традиционную повествовательно-диалогическую форму, совмещающую прозаический и стихотворный тексты.

В языке сказок о животных Сибири и Дальнего Востока выразились не только жанровые свойства, но и региональные особенности. Поэтому возникла необходимость помещения в томе "Словаря малоупотребительных и диалектных слов" слов, привнесенных в Сибирь переселенцами разного времени и из разных мест. Случалось, что в новой среде и в новое время слово становилось непонятным, и тогда оно начинало переосмысляться по готовым образцам, например, на основе расподобления согласных (*д...д — г...д*). Подобный процесс можно отметить и в наших текстах.

Груздь, груздок из сказки "Груздь, лиса и сорока" (№ 32) переиначен Н.Е. Ончуковым в глухаря в даваемом им названии сказки [54, с. 30]. Между тем, в условиях забвения смысла слова (в местах записи дрозда не знают) естественно следующее переосмысление: *дрозд — дрост — дрощ — дрожь —*

грош и *дроздок — гроздок — груздок— грузд*[*]. Отсюда очевидна и другая ошибка фольклористов — буквальное понимание слова "грош" (а не "дрозд") в сказке "Грош" [81, № 363], на которую мы даем ссылку в перечне вариантов сказки "Старик и дрозд" (№ 59). Таким образом, тексты сказок о животных русского населения Сибири органично совмещают общежанровые свойства и региональные особенности — результат бытования фольклора в определенных природно-географических, социальных и этнических условиях.

Сибирские тексты могут быть систематизированы с учетом разработанной классификации (см: [32, гл. 2]). Они представляют все группы зрелого животного эпоса, которые мы называем сейчас в последовательности, соответственно степени популярности и количеству сюжетов, составляющих эти группы. Первая группа — так называемые классические сказки о животных; в них сильны комическое и развлекательное начала, а главным персонажем чаще является животное-трикстер; именно такие сказки (самая большая группа) послужили основным материалом для проведенного нами анализа жизни жанра в конкретном регионе. Вторая группа — нравоучительные сказки (апологи); их главная функция — морально-назидательная, иногда мораль сказки четко формулируется ее концовкой: "Как аукнется, так и откликнется!" [74, № 5], "Глупый друг опаснее врага!" [74, № 13]; эти сказки обнаруживают определенное сходство с баснями. Третья группа сказок — сатирические; в них подвергались осмеянию отдельные стороны социальной действительности; они вообще немногочисленны в русском сказочном репертуаре, а в сибирском представлены тремя сюжетами: о коте — бурмистре сибирских лесов, о лисе-исповеднице, о Ерше Ершовиче. Хотя исследователи находят источники последних двух сюжетов в демократической сатире древнерусской литературы [23, 52, 58], в сибирских текстах эти сюжеты даны в фольклорной разработке (№ 33, 55). Возможны переходы сказок из одной группы в другую в зависимости от целеустановки произведения и осмысления образов. Известны также случаи сближения сказок о животных с другими жанровыми разновидностями сказочного эпоса (например, с новеллистическими сказками — см. примеч. к № 49) и с несказочной прозой (например, с бывальщинами — № 44).

По сравнению с волшебными и новеллистическими сказки о животных более активно бытуют в наше время, особенно в детской аудитории. Теперь жизнь сказки определяется не только традиционной устной формой передачи от поколения к поколению, но и ее восприятием через книгу, что обусловливает наличие книжного влияния в записываемых текстах [74, № 7, 10, 13, 16; 88, № 16]; в сборниках сказок, пользующихся всенародной любовью, тексты публикуются не только в точных записях фольклористов, но и в литературных обработках, с ориентацией на определенного читателя [76, 103].

Сибирские сказки о животных в их региональном своеобразии отражают общие процессы, характерные для русского фольклора, продолжающего развитие в наши дни в тесном взаимодействии с литературой и оказывающего на подрастающее поколение большое познавательное, эстетическое и воспитательное воздействие.

---

[*]Выражаем признательность за консультацию по этому вопросу старшему преподавателю Омского университета А.Б. Мордвинову.

* *
*

Эстетика сказки в полной мере проявляется во время рассказывания в естественной обстановке. На бумаге невозможно воспроизвести интонацию, паузы, мерность речи сказочника. Однако они имеют не только художественно-выразительное назначение, но и несут огромную смысловую нагрузку, углубляют содержание, придают повествованию особый колорит. Поэтому некоторые места сказки при чтении могут показаться нескладными, стилистически не оформленными. Многочисленны так называемые актуализаторы повествования: "ну", "ну вот", "но", "значит". Если при чтении сказки не найти соответствующей данному случаю интонации, то они будут выглядеть сорняками в речи сказочника, мешать восприятию текста.

Собиратели во время записи не придерживались единой методики письменного оформления устной сказки, нередко на первый план выдвигались диалектологические задачи, запись была фонетической. Чтение и понимание такого текста, как художественного произведения, затруднено.

При подготовке данного тома к печати его составители провели работу, которая в значительной степени состояла в приближении орфографии текстов к современным правилам, там, где это допустимо эдиционными требованиями научного издания фольклорных текстов. Мы стремились свести к минимуму фонетическое воспроизведение текста там, где совпадает диалектная и нормативная орфоэпия: "шел" вместо "шол"; "что", "чтоб" вместо "што, штоб", но чё"; "счет" вместо "щёт, сщёт, но "шшот"; "браться" вместо "братца"; а также в словах с безударными гласными "о", "а" в слабой позиции, с непроизносимыми согласными и оглушенными звонкими звуками на конце слов. Но при этом оставляли в неприкосновенности отклонения от нормы в синтаксических конструкциях, диалектные фонетические, лексические, морфологические особенности местного говора, сохраняя звуковую окраску речи сказочника, например, стяжение гласных звуков в окончаниях глагольных форм (*знаш, догонят*), введение дополнительных звуков (*взясть*) или замену их (*ковды, сял*), опущение "н" в местоимениях после предлогов (*у ей, к ему*), взаимозаменяемость шипящих и свистящих ("шам" вместо "сам", "шпишать" вместо "списать", "сесь", вместо "шесть"), употребление сдвоенного шипящего "шш" твердого вместо "щ" ("шшотка" вместо "щетка").

Не сохранено фонетическое диалектное своеобразие — употребление "у" неслогового вместо "л" на конце глаголов мужского рода, 3-го лица, единственного числа в сказке № 16 (пришеў, сказаў, даў).

В одной и той же сказке встречаются разночтения при передаче тех или иных особенностей произношения. Иногда это вызвано неточностью фиксации текста во время записи в полевых условиях, но чаще — отражает речь сказочника, испытавшую влияние другого диалекта или литературного языка. Унификация в данном случае могла привести к нивелированию местных речевых особенностей или, наоборот, к искусственной стилизации под местный говор. Особенно часто наблюдается непоследовательность в обозначении шипящих и свистящих звуков: *щ — ш, шешь — сесь, списать — шпишать, носить — ношать, озеро — ожеро, шшот — счет;* в употреблении некоторых слов: *опеть — опять, съесть — сьисть, они — оне, лег — ляг, женился — жанился.*

Отдельно следует отметить текстологическую работу над русскоустьинской сказкой "Подсолнешна Красота" (№ 2). В полной солидарности с публикаторами "отличных от всех остальных" [79, с. 41] сказок Северо-Востока Сибири Е.И. Шастиной и составителями сборника "Фольклор Русского Устья" [106] отнеслись мы к ней с особой бережливостью, ибо отразившийся в речи сказочника язык одной из своеобразных групп русского населения Сибири представляет собой неповторимое явление [24, с. 356—363]. Некоторые текстуальные несовпадения нашей публикации с публикацией сказки в сборнике "Фольклор Русского Устья" объясняется тем, что задачи, стоявшие перед составителями указанного сборника, посвященного всестороннему исследованию одной локальной традиции, были более широкими, чем наши, они носили этнолингвофольклористический характер. Наша публикация в основном ограничивается фольклористическими целями. Возможно, разночтения содержатся в источниках публикаций.

Следуя основному принципу нашего издания — сохранить наиболее характерные языковые явления локальных традиций, мы оставили в неприкосновенности особенности языка сказки русскоустьинцев, но в то же время, там, где это не нарушает правил текстологии фольклорных публикаций, постарались сделать текст более доступным для восприятия читателями. Приведем некоторые примеры текстологической правки сказки "Подсолнешна Красота": по нормам современной орфографии даны: гласные "а" и "о" в слабой позиции (*равно, растет*); сочетания "сч" и "зч", звучащие как "щ" (*приказчик, считать*, но *шшитать*); глухие и звонкие согласные на конце слова и перед глухим (*крадчи*, но *назать*); унифицирован разнобой в написании "ць" и "ц" в одних и тех же словах (*рюмоцька, купецкий*).

К единообразию приведено написание имени Подсолнешна Красота. Во всех остальных случаях свистящие и шипящие употреблены в соответствии с оригиналом. Сохранена отражающая неустойчивость говора русскоустьинцев непоследовательность в употреблении твердых и мягких согласных (зара — заря, потерал — потерял).

Знаки препинания во всех публикуемых текстах приведены в соответствии с нормами современной пунктуации, но в конце предложения оставлен знак оригинала. Употребив вопросительный или восклицательный знак по смысловому содержанию предложения, мы рисковали бы оторвать текст от интонации сказочника, от его мерной речи эпика или экспрессивной — балагура.

Устранение несообразностей, имевших место в текстах вследствие явных ошибок собирателей и исполнителей, оговорены в сносках. Пропуск неуместных для печати слов и выражений обозначен угловыми скобками с отточием. Восстановленные нами пропуски формул, общеэпических мест там, где собиратель указывает на дословное повторение, заключены в квадратные скобки. В публикации эти купюры нарушили бы целостное впечатление от сказки как традиционного по форме устного произведения. Квадратными скобками отмечены и названия, данные сказкам составителями или собирателем, замечания собирателя о действиях исполнителя, а также реплики исполнителя, не относящиеся непосредственно к повествованию.

ТЕКСТЫ

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

1. О ТРЕХ БОГАТЫРЯХ — ВЕЧЕРНИКЕ, ПОЛУНОШНИКЕ И СВЕТОВИКЕ

Жил-был царь Еруслан. Славутно управлял своим имперством. Везде гремела слава о нем, только одного не хватало ему — детей не было, а то всем был счастлив. Этот царь впадал часто в грусь от этого; так хотелось ему детей, что полцарсва не пожалел бы. Однажды царь сделал вечер, собрал думщиков, сенатерщиков. Хто во что горазд. Потребывал рассказчика, такого жа хромого, Антона. Заходит он на бал, поклонился всей публике.

— Могу, — говорит, — из старины рассказ рассказать.

— Очень хорошо, — говорит царь Еруслан. — Мне и музыки не надо.

— Об одном человеке бездомном, много перестрадавшем, а потом блага заслужившем.

Начал он свой рассказ.

Вот только успел рассказчик рассказать, выходит старик. Король взглянул на старичка, и тот умильно посмотрел на него и говорит:

— Инператор, я прожил свои года. Вы счастливы всем, одного только нет в ваших руках — не достигли вы детей. Живете вы, и жись вам ни в жись. Каки вы обещанья ни давали, каки вы добры дела ни свершали, — и все вы без детей. Я хочу предсказать, како счастье или неудача ожидат вас впереди. Теперь позвольте, ваше величество, вашу руку, можете ли достигнуть детей.

Король встал, показыват ему свою руку; тот посмотрел линьи там каки идут, посмотрел все, погадал и говорит:

— Ничего, ваша императорска величества, не печальтесь: ваше счастье впереди, ждет вас; только не жалейте награды. Я скажу всю правду при народе: поезжайте вы на рыбну ловлю, закидывайте тонь. Спросят сто рублей тонь — платите вдвое; кинут вторую тонь — платите втрое; две ваши, а третья — бедняков. Что получится из тони, кака рыба, приноси домой, отдай ее кухарке, пусь кухарка изжарит, и рыбину ету пусть съест ваша супруга, и вы увидите: иметь будете детей.

Обрадовался король:

— Правда ли ты говоришь, старик, и где ты живешь, чтоб наградить тебя?

— Я живу в городе — в такой-то улице.

— Я испытаю, старик, а если солгал, то за ложь твою наказанье будет тебе большое.

— Я говорю правду, — отвечат старик, — потом все сами увидите, правду ли я говорил, али нет.

Повернулся, поклонился всем — королю и народу — и ушел.

Покончили бал, разъехались гости. Король сидит да думат: "Предсказывали мало ли, а все пустое выходило после. Старик наврал наверно".

Наутро проснулся король, никому ничего не сказал и на пристань к рыбакам:

— Здорово, ребята!

— Здравствуйте, здравствуйте, ваше инператска величества!

— Ну как лов?

— Бывает и хорошо, бывает и плохо — без этого нельзя, раз на раз не приходит.

— А нельзя ли, братцы, тонь на мое счастье закинуть, — говорит король.

— Можно, можно закинуть, рады стараться гли вашего величества.

— А сколько жа это будет стоить?

— А сто рублей будет тонь стоить.

— Ничего, кидайте, плачу!

Невод выбросили, поплыли на лодках; несет морской ветер, верст на петь залив захватили и тяжело, слышут. Начали воротами тянуть. Тянут-тянут, тянут-тянут, — ишшо не близко, а уж сажен на петь на берег хлынула рыба. Матня ишшо вдалеке; как не порвался невод — просто удивительно. Нагребли, натаскали, навалили такой зарод этой рыбы, что хыть назадь вываливай.

— Давайте теперь, — говорит король, — берите извозчиков, везите и сваливайте ее в анбары.

Потом беднякам раздали эту рыбу, и часть рыбакам отдал. Рядились тоню за сто — платит двести.

Первое частье, как говорил старик, выходит; вторую тонь поймали тожа, но поменьше на часть какую-нибудь там, ну тоже здорово. Третью тонь бросили, совсем легко плывет.

— Бросим, ваше инператско величество, — тонь простая. — Нет, вытаскывайте, все равно, — говорит, — плачу за пустую, давай вытаскивай!

Тянут тонь на берег, ничего в ней нет.

— Ну, — говорят, — простая.

Выбрали матню на берег, — а в матне оказалась чудная рыбка: перышки на ей червонного золота, чешуйка серебряна, а глаза, как огоньки горят. Берет король рыбку в карман, расплатился с рыбаками, сел и приезжат во дворец. Заходит прямо на кухню и подает ету рыбку кухарке, приказыват сготовить ее царице. Берет эта девка, котора готовит пищу инператрице, и начинает ее варить. Ну, там коренья разны, корица, гвоздика — сама того рыбка не стоит, сколько там приправ разных для духу. Варила, варила эту рыбку, колупнула под перышка, попробавала. Туда-сюда, друго перышка колупнула, опять попробовала. Потом третий раз попробовала рыбку эта девка и, конечно, почувствовала трепещенья в животе. А она была невинна эта девка. Губернанка была она у царицы. Испугалась эта: что такое, день ото дня растет у ей живот; сделалась больная; там поставили другую; сама инператрица ухаживает за ей, что такое? А ей уж было стыдно показываться: должна девка быть непорочна, ан тут вон что выходит.

Ну, видит она, что дело неладно, взяла узелочек, собрала что свое и ночью вышла из дворца, и нихто — ни дворовы, ни часовые не могли ее увидеть; и ушла дальше, дальше, в царской лес — гля охоты лес был; пришла в караульную будку

и поселилась в этой будке. Прожила месяц, другой — провизья выходит; фрукты нашла.

Ладно. Дожила до девяти месяцев; пришло время рождать ей. Вот она начала мучиться. Дело было эдак еще солнце только садилось; родился у ей мальчик. Прекрасно. Родила она мальчика, обмыла его, завернула в пеленки, положила. Сама больная лежит. Вдруг этот мальчишка зашевелился, вскакиват на задницу и говорит:

— Мама, позволь мне по лесу погулять, вам ягодок нарвать.

Она испугалась:

— Это, говорит, — дух. Зачем он живой родился, лучше бы умер. Надо его задавить.

— Зачем, мама, меня давить, — говорит мальчишка, — лучше пусти меня.

Он, как мышонок, проскользнул в дверь и ушел.

Пришла полночь, она родила второго, а этот тоже так: поднялся, вскочил и скользнул в дверь.

— Сгиньте вы с моих глаз, — говорит бедная мать, — и откуль что уж это со мной сделалось.

Видит уж зорька стала, светать начинат. Она начала мучиться опять, и опять родила третьего сына; и этот опять так же — в лес погулять. Прибрала она, поднялась, кака после женщины грязь остается, и легла опять на ложе.

Троя суток иф не было. На четверты сутки приходит первый сын, принес козла дикого.

— Вот, говорит, — мама, я поймал живого козла, — ты будешь готовить, а мы будем кушать. Что такое, даже ножа нет кожу снять.

Ну, тут старик раньше жил, нашли под маткой ножик. Содрали кожу с козла, приготовили ужин. Только они сели ужинать, приходит второй сын, приносит лося; и этого лося второй не стал обдирать — а взял его за рога, тряхнул и вылетел этот лось из кожи. За ним явился третий, притащил лань (третавик). Тогда оне засели за стол, стали закусывать. Одежи оне не имели, так нагие и ходили; и прошло примерно всего три дня, и стали оне настоящие мужчины, — вот как росли чудно!

Один раз как-то заводит речь Световик (на рассвете родился):

— Надо нам одёжду сделать из етих кож.

Накроили ремней, сделали вроде как фартуки, чтобы перёд хоть закрыть, — и так, как дикари, ходили года два-три: имали зверей, настроили луки, сделались хороши силачи, подходящими. Имя имя́ сказала мать:

— Который вечером родился — Вечерник, в полночь — Полуношник, а последний на свету — Световик.

А ум дарован им — откуда что! И стали говорить, и мать покоить; языки тоже понимали.

Наконец, прошло года три, пошел четвертый. Был майский теплый день, так числа пятнадцатого. В это время все три брата лежали в лесу и разговаривали о своёй жизни. Вдруг подыматся шум. Световик вскочил:

— Что такое, или погода надвигатся?

Взглянул: летит Идолище трехглаво и несет красавицу, держит в когтях девицу. Тогда Световик крикнул своим братьям:

— Поймам проклятого Идолишша и отобьем красавицу, смотрите: он уносит ее в когтях, а вы лежите!

— А мы что можем сделать, — отвечают братья.

Подходит тогда Световик к дереву, схватил его обеим руками, вырвал с корнем из земли и бросил вверх. Идолишша свиснула и сразу, будто осень, кругом уж лес посыпался, и пролетела. Крикнул Световик братьям:

— Лентяи! Если бы мы все трое напали на его, то, глядишь, и отбили бы девушку!

А оне отвечают ему:

— Ты вон какой здоровый — целым деревом хлестнул в его, а мы что, палочкой будем бросать.

Сели братья, сидят.

Идолишша улетела лесом. Немного погодя, зашумел опять лес: несется Идолишша девятиглавая и в когтях тащит девицу-красавицу. Да, он опять так же загорелся; ухватил самое толстое дерево да как пустит им; едва-едва не убил Идолишша. Но улетел он все-таки. Немного повременили, третья чудовишша, ешшо тошней прежнего. Световик совсем разгорелся:

— Надо отбить! Видите, красавицу опять тащит, видите! Откуль его оне таскают?

Приготовился Световик, как поравнялся Идолишша с ним, тот его деревом. Крикнула Идолишша, едва устоял Световик на ногах, а у братьев кровь из ушей подалась. К вечеру приходят оне домой, поели, сидят.

— Эх, — говорит Световик, — что такое. Какие у меня братав[ья], не могли помочь мне в таким деле!

И потом обращатся к матери:

— Какая чуда, мамаша, случилась с нами: лежим эта мы в лесу; вдруг поднимается страшный шум. Глядим: летит Идолишша трехглавой и несет в когтях прекрасную девицу. Немного время спустя зашумел опять лес, несется второе Идолишша девятиглава, тоже доржит в когтях красавицу. Только улетела эта Идолишша, летит над лесом двенадцатиглава, несет третью красавицу; и улетели все за лес и красавиц унесли, и мы не могли остановить. Такие они ужасны, что на них страшно посмотреть было, от крику их лист сыпался, и мы глухие лежали целых полсуток.

— Так что же это такое, — говорит мать, — оне по воздуху летят, а вы пеши — что же вы могли с имя поделать? Посмотрели и то ладно.

— Эх, мамаша, — говорит Световик, — я не могу перенести это, хочу помочь етим красавицам; нельзя описать, как будут оне мучаться у гадов.

— Ну, что жа вы будете делать? — говорит мать, — нет у вас оружья, даже одёжи путной нет.

— Да, а я ба пошел их искать по всем странам.

Ну, поговорили так и стали собираться на охоту. Не успели оне из избы выйти, подъезжат свита, поехали на охоту. Заходит к имя государь в будку:

— Ах, тут какие есть люди?

— Да, говорят, — есть люди...

А та прикрылась шалью, чтобы ее царь не узнал, беглянку — будто больная.

— Что за люди вы и откудова? — спрашиват опеть государь.

— Свои, ваше инператско величество: мы живем здесь, незаконно рождены, вот мать наша.

— Сколько время проживаете?

— Четвертый год.

Сел, задумался. Скамейка тут была, опустился на скамейку, а тут товаришши его — свита.

— Ну, чем занимаетесь здесь?

— Занимамся мало чем, так гля пропитанья: где животину убьем, тем и кормимся; из шкур одёжу делам себе.

— Чем бьете? — спрашиват царь.

— Самодельными луками стрелям и так убивам.

— Где, покажите, ваши лука и ваши стрелы?

— Пожалуйте, пойдем покажем.

А у них там наделана была их оружья: стрела — цела дубина, убить человека можно, а лука — лесина, перевитая ремнями сырыми, как натянется потуже, так она, матушка, идет версты полторы. Лось не мог уходить — насквозь одного пробил, так на земь и рухнулся.

— А нути, — говорит царь, — хто дальше пустит стрелу?

Побрали братовья свои луки, повышли на чисто место. Первый стал Вечерник, прицелился, пустил стрелу — улетела стрела на полверсты; за ним второй брат, Полуношник, — улетела стрела на целу версту; после всех выходит Световик, натянул он свой тугой лук, как пустит стрелу — загудела, на три версты ушла и не видать, куда скрылась.

— Хорошо, мои подданные, если дать вам по коню богатырскому, да по мечу вострому, вы бы были мне годны.

— Да, тогда ни чужестранный враг, ни злой человек не обидит вас, ваше величество, — говорит Световик, — вы видите, мы в звериных одеждах, кожа закарузла. (Известно — растут, шкуры не хватает, — разрежут, наставки делают, она раздасса и опеть носят, а лось долго носится.)

— Ваше императско величество, кода так, мы люди под дикарей, живем ниче не знам, нам что мамаша скажет, так и живем по ее наукам, вы посмотрите, событие с нами какое было: был такой жаркий день; слушам — шум большой над лесом, один за другим пролетели три Идолишша и пронесли трех красавиц, неизвестно куда.

Царь вспыхнул:

— Рази вы видели?

— Я, — говорит Световик, — хотел с имя борьбу объявить, ну несчастье, они летят. Вырывал я дерева, но не мог убить. Пойдемте покажу. И падал лист как они закричали от удара, но остановить не мог, так они улетели лесом.

— Хорошо, — говорит царь, — надо посмотреть.

Пошли. Приводит он их; одно дерево, вторая, третья; где вырвана, а улетела сажен двадцать с высоты.

— Ох, батюшки, какая яма, хыть дом ставь: вот дак да-а-а! Как их образовать, эти люди помогут, моих дочерей добудут. (Это все от рыбки: та дочерями в одно время и так же выросли. Потом налетели эти люди-духи, магию имели, который магии научится, тот добывать воды, разны обороты знат, и могли лететь по воздуху, и чтобы люди их боялись.)

Тогда погладил их по голове царь и говорит:

— Молодцы, дети. Жаль только, что у вас ничего нет. Я вас прошу ко мне во дворец; не хочу охотиться, хочу чтобы вы выезжали со мной; у меня всего хватит гля вас и гли матери вашей.

Пришли в избу и Световик обращатся к матери своей:

— Вот, мамаша, наш инператор просит нас жить во дворец. Что же мы тут живем, как звери, едим одно дикое мясо; одежды у нас нет, только что шкуры

ети; и ты все ветхая обносила, ничего тебе не закрывают — выезжам с императором.

Мать согласилась и пала к ногам его:

— Простите, ваша императска величества, провинилась перед вами.

— Я прощаю, — говорит царь, — все собирайтесь, поедем ко мне жить, хочу вас убрать, чтобы не скитались, не пропадали такие люди.

Ну, что им собираться, нет у иф ничего, пошли за свитой; мать посадили на лошадь (один вельможа слез — пешком шел миль шесть до дворца). Ну, приехали, отвели имя́ дом, поселились оне; все есь: одёжу выдали — никака не подходит — на заказ шили. Ну, оделись оне, живут. Через некоторо время зовет иф царь к себе. Привели иф. Поздоровались оне:

— Ну, что мы будем делать с вам? — говорит царь.

— А воля ваша, что прикажете, то и будем исполнять.

— Я желал бы вас в училишша отдать. Сколько вам лет? — спрашивает царь.

— Четвертый год, — отвечают братья (вот какие черти!).

— Даже молодые вас в училишша давать, но все-даки отдам в училишша вас: грамотные можете все сообразить и больше будуте иметь в голове.

Отдали их в училишша, им так везло, — никада им не надо было два раза повторять, все у иф готово. Три-четыре года прошло, могли на всех землях на всяком языке какой разговор понимать: видать, хороша образованья.

Вот царь Еруслан устраивает пир. Созвал на пир гостей и началось гулянье и танцы. В самый разгар пира вошли люди — три молодца, образованные, приятные. Это были три брата — Вечерник, Полуношник и Световик. Поздоровались оне с царем и со всеми гостями. Световик и говорит:

— Ваша императорска величества, вот мы кончили свое образованья, теперь самая нужная нам — учиться военному искусству, с кем биться, повоевать, в руках силу развить.

— Это с удовольствием, — говорит царь Еруслан, — завтра будут вас шпажным приемам и всему будут приставительно вас обучать.

Назавтра, окончился бал, были призваны все три брата: Световик и Вечерник и Полуношник.

— Ну, каки вам нужно мечи и снаряженья? — спрашиват царь, — хто сколько в развитьи своем может орудовать?

Ну, Вечерник просит пудов на тридцать себе меч, а Полуношник — пудов на семьдесят, чтобы палица боевая; ну а копье я не скажу, который како себе потребовал. А Световик говорит:

— Сто пятьдесят пудов мне меч — вот я буду Георг с этим мечом. Щит — пудов двадцать пять на левую руку; шлем пудов двадцать пять на голову рыцарский, вот мои равные доспехи. Такую силу чувствую на себе, другого размера мне не по руке будет.

Ну, пошли по царским складам, стали подбирать, ну что там нашли пудов семь палицу, пудов двенадцать — никому из троих не подходит. Стали искать мастеров — нет, нихто не брался таки оказии слить.

Запечалился царь Еруслан. Призвал он своих сынков и говорит:

— Вот, мои милые сыновья, некому для вас сковать таки доспехи. Этим ешшо так и сяк, а гли тебя, — обращатся к Световику, — ниче не добьемся.

Тогда Световик и говорит:

— Вы пустите нас, ваша инператыска величесва, путешествать, можа мы найдем себе все по своей силе.

— Жалко мне вас отпускать: были у меня три наследницы, и тех унесли змеи проклятые. А вас хотел наследниками сделать, чтобы здесь прославились сами и царство мое прославили.

— А вот мы тогда и прославимся, када найдем себе снаряженья богатырская и попутешествам по чужим странам.

— Ну, поезжайте, — согласился царь, — лошадей найдете на конюшне у меня али перепись устройте, ежли не найдете. А то уж — пешие, ниче, видно, не поможешь.

— А мы пойдем и пеши, ежли не найдем, — отвечат Световик. — И пеши мы все обойдем.

Ну, пошли на конюшню: подходят к какой лошади, руку наложут — она падат, обошли всех лошадей самых лучших, а Световик уж и не касался. Прошли все — нет лошадей на царском дворе. Вышли печальные.

— Ну, мамаша, прощай. Живи, и вот мы его рекомендуем, нашего благодетеля; он нас из лесу вызволил, он и тебя не оставит.

Мать заплакала:

— Хто меня защитит без вас?

— Ну, ничего, потерпеть надо. Что тут нам проклаждаться, будем жить, как бакланы; надо поведать, как люди живут, в других странах побывать.

— Нету у вас коней, — говорит, — как вы пойдете?

— Ну, как ходили, так и пойдем.

Ну мать дак мать, начала причитать.

— Ну, что тут наставленья нам давать: мы не маленьки. Я поеду не свищу, а наеду не спущу, — говорит Световик.

— Дерзко ты, сынок, говоришь, добра не будет, ежли не станешь поступать по правде, — да и мечей у вас нет.

— А мне что попадется, тем и буду месить, да лошадь найти, чтоб не запиналась.

— Ну, с Богом, идите, — бласловила их мать.

Зашли к королю:

— Извините, ваша инператыска величества, смотрели, были на конюшне вашей, если дерзко поступить: побить и выбросить ваших лошадей — вам не пондравится; ну годятся оне вам на прокат, а нам нейдут.

Попрощались и так мужиками — без рыцарской одежи — выходят за городскую заставу.

Шли оне, шли, попались имя три дороги.

— Ну, какой дорогой нам идти? — спрашиват Световик.

— Пойдемте правой дорогой, права не погубит. Слышал от матери: правда не погубит. Даем клятву перед Богом, голод, холод — все перенести; может, попадется богатырь, достанем лошадь, доспехи, все вместе; али найдем, хто может пригласить на службу; приживем. Здесь нету, в друго государство пойдем.

Сговорились, пошли. Идут день, два, месяц. Идут трищобами, юрами, низкими местами. Потом вышли из лесу, стало редколесье. Смотрят: скала, как стена, посмотреть — шапка валится, и протянулась на многая расстоянья. Шли, шли, устали. Попалось им хлебно дерево, подкрепились. Опеть пошли около скалы. "Ну, — думают, — может, ущелье или проход попадется, на другу сторону подадимся".

Вдруг медведь идет.

— Слушаться одного, — говорит Световик, — с этим медведем нужно сразиться; и что такое, неужели только одного белого медведя и раздобудем (никого живого больше не стретим).

А медведь прет на их. Вот Вечерник пошел на поединок; медведь сгреб его в охапку, а Световик и Полуношник глядят, как забрал его медведь: хлоп об пол — и давай топтать лапами.

— Помоги, Полуношник, — говорит Световик.

И того подмял. Пошел братовьев выручать Световик:

— Что ты, белый медведь, рази ты нас хочешь всех помять — не много ли тебе будет?

Медведь загреб Световика, тот как приподнялся, как хлопнет медведя об пол, тот как ⟨...⟩, и шкура лопнула, и оказался старик; глазами поглядел, слова не может сказать — так он его пришил.

— Ах, Световик! — говорит. — Не губи меня, покаряюсь. За ето напою, накормлю и добром наделю. Ну, твои братья бессильные, — говорит, — будут изменять тебе; ты не надейся на их, я уж вижу.

Старик повел плечами, шкура остальная, как шуба, слезла.

Подвел он их к скале, на бедре у его очутилась плеточка, ударил раз, палатка появилась шитая, разукрашенная шелком; ударил второй — стол; по столу ударил — всяки яства, все: горяча, тепла и холодна. Чего ни подумашь — все менятся.

— Пожалуйте, говорит старик, — закусить и выпить вин, каких угодно. за храбрость вашу, дети Золотой Рыбки.

Ладно, понаелись, понапились братьи, опьянели, повалились. Поглядел Световик — старик милостивый, но может быть задумал лукаво. Засядем здесь трое, кабы и мне не податься в это дело. Сидят оне. Старик и говорит Световику:

— Здесь выдался из скалы белый камень горючий, лизни вот, и сила вдвое прибудет.

— А вот проснутся братья, тогда уж мы все трое.

— Можешь ты и один, — говорит старик, — тогда они не получат.

— Нет, как встанут, прибавишь силу.

Через некоторо время проснулись братья, содой, кислотой, холодной водой освежились.

— Ну, пойдем, старче; теперь ты награди нас, как обещал, и силой и добром, и мы будем благодарить все — небо и землю, если ублаготворишь нас дорогим существованьем.

Пошли по дорожке. Старик говорит:

— Я искал кулашников по себе, многих я победил, теперь должен тебе покориться. Но у меня есь три брата, вот с теми бы ты поборолся.

— Какие у вас три брата? — спрашиват Световик.

— Тебе не видать их; ты счастлив, что не встретишься (это он про трех змеев, он четвертый, у них тут царствованья).

Доходят они до камня, старик первого толкнул к камню — Вечерника; его так всего и притянуло к камню, не оторваться никак. Тогда Световик и говорит:

— Видишь, что из этого получилось?

— Извините, — говорит старик, — это я не на тот камень, ошибся.

— А я вот тебе поднесу [Антон кулак вынес], так рассыпешься.

— Да, сознаюсь, рассыплюсь.

Старик тут нашел воду, живо обрызгал то место, отмокнул Вечерник.

— Ага, вишь ты какой ловкой, старичок!

— Нет, вон там есь другой камень, я ошибся.

— Нет уж, не надо твоей силы, — при своей останусь. А ты Полуношник, хочешь?

— Нет, говорит, — не надо мне его силы.

— Ты вот что, старче, — говорит Световик, — дай нам меч тяжелый, копьи долгомерные, палицы боевые.

— Не знаю, — отвечат старик, — найдем ли что гля вас подходяшшева; пойдемте вот в эту скалу, там посмотрим.

Подходят, оказалась дверь чугунная в скалу. Тут жа у его очутилась мату́шка ключей за поясом; и начинат искать скважину; потом ключ толкнул, дверь с шумом растворилась смаху — оказалось там были богатые доспехи. Так их озьяило, как жар горит.

— Заходите, — говорит, — выбирайте!

Поглядел Световик на старика, посылат брата:

— Иди, Вечерник, перва ты себе выбирай, а потом уж мы пойдем.

— Да вы все идите, чего тут.

— Нет, — говорит Световик, — пожалуй, выйдет, как тот камень. Мы погодим, а то будем там сидеть все троя.

— Ну ладно, ладно, я на волю даю.

Стали выбирать.

Вечерник берет себе палицу, щит, копье, шлем одел на себя, вылетат, как рыцарь, и поклон старику.

— Благодарю за благодеятельность.

— Ну, вот, видите, — говорит, — у старика все есь, я свое слово держу.

Заходит Полуношник: выбрал шлем медной, меч — ручка медная, кольчуга медная, так жа сама и на груди всходяшша солнце, так жа голова изображона. Так все ничего, да нет на щиту восходяшшего солнца; потом натыкатся, вытаскиват; вот тут все: это солнца изображона, прекрасна. А гли другого остался шлем серебряной: все серебряно и изображат летящего сокола.

Выходит Полуношник. Сам весь, как жар, горит; благодарит старика.

Потом Световик:

— Ну, будьте герои: ни спать, ни дремать!

Залетат в этот подвал, схватил меч, потяжели который, помахал, вот это да! Есь чем помахать! Потом палицу боевую, копье долгомерно, все: щит, как следоват быть, одел шлем серебряной, только посвечиват весь. Выходит и говорит:

— Вот, старче, благодарю, сделал нас людьми.

— Ну, путешествуйте, — говорит старик, — только вы не ездите в такую-то тайгу; вам там делать нечего; ну окромя этого можно по всем государствам: Англии, Франции. А тут вот, как выйдете за эту степь, пойдет лес за горами, за долами; вы там погибнете — самая проклятая местность.

"Ладно, — думат Световик, — попевай, нам туда-то и надо".

— Спасибо, старик, теперь пойдем.

— Стойте-ка, братовья: вы вот вооружены ладно, а крыльев у вас нет.

— Да, нет.

— Ну, я вас ублатворю крыльями, только в лес не ездите, учу я не худому вас: в этой дикой местности горя хватите.

Толкнул дверь, и подвал заперся без замка. Подводит их к другой скале, отворят им так же. Заржали лошади таким голосом, аж гора задрожала. Световик ахнул:

— Да, вот тут-то есь, верно, лошади.

— Ну, берите, — говорит старик, — а там гля укращенья лошадей сбрую имя возьмете.

Зашел перва Вечерник, выбрал себе гнедого коня — золотом отливат. Полуношник выбрал себе карего коня, как ночь черной. Потом заходит Световик в конюшну, огляделся: стоит сивой конь. Подходит, ударил по бедрам, а он на двенадцати цепях, только ушам поваживат, отцепил, повел.

— Ну, с лошадями! Давай седлы.

Пошли, по коням выбрали седлы, а на Световика не подходит. Искал-искал, глядит: на стене висит седло, двенадцать подпруг шелковых, двенадцать подпруг полушелковых. Снимат его на коня — как раз, подвесил стреминек — ловко.

— Готово!

— Ну, поезжайте, только, прошу вас, в эту сторону не ездите: там и лошадей загубите и себя порешите.

Сели, как ясные сокола.

— Прощай, старче!

— Прощайте, прощайте, молодцы, только не будьте злодеями.

Поехали, кони ленцой-рысью, а горы мимо летели; не заметили, как перед дворцом очутились в половин-день. На балконе король стречат:

— Хто вы такие, чьи вы дети? — кричит им.

— Ваши дети, ваша императска величества, а мать наша здесь, живет на вашем попеченье?

— Так ты что ли, Световик?

— Да, я, ваша императска величества, а это мои братовья.

— Заходите во дворец, что угодно можете от меня получить, — говорит король.

— Спасибо, ваша императска величества, нам надо проведать мать свою.

Слезают они долой, оруженосцы убрали лошадей, пошли свиданье делать с матерью.

— Боже мой, что это за люди? (А они еще подросли.) Откуда вас бог несет, откуда выехали суда и приехали када? Неужели дети мои?

— Да, мамаша, дети твои приехали проститься: помочь надо королю, а то совсем он запечалился за своим дочерям.

Царь устроил гля их празнества: сделал обед, созвал гостей со всех волостей. Танцевали на етом балу — суток трое. После етого братья распрощались и поехали по своим местам. Када они выехали из города, Световик вызвал их за городску заставу и спросил:

— Изменники будете мне или братовья? Но если измените, а я выйду, тогда и вам не житье.

Полуношник обижаться стал, почему он им не верит. Мало ли что там старик говорил, а Световик:

— Мне самому теперь можно разговаривать; наше дело теперь доставить царю девиц — дочерей его.

Ну, братья тут дали друг другу клятву стоять крепко один за другого; сели на коней, поехали.

Ну, долго ли, коротко ли они ехали, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, — за степь перевалили, пошла тайга: лес и горы, горы да пади, ни дорог проездных, ни тропинок проходных; темь, еле свет пробивался. Ехали, ехали они, меж деревов стал свет немного пробиваться. Проехали еще, смотрят: расчищена тайга; выезжают на край: дворец стоит. Када они подъехали ко дворцу, никого не видали. Дворец был весь медный: медная крыша, медны статуи, и медной крепостью обнесёна. Вороты были не заложены; отворили вороты, завели лошадей, под навес их поставили.

— Ну, типерича пойдем, посмотрим, хто во дворце живет али нет.

Заходят в колидор, везде чисто, подметено и подмыто; заходят в комнату, тоже чисто и везде пустота, ничего нет, и ничо поесть не нашли. Уж сколько время голодали братья, ослабели, ноги еле-еле волочат — не то что, корке хлеба рады, да нет. Ну, Световик покрепче; обходил правую часть, передался в левую, все обходил, ничего не нашел. Поднялся на второй этаж, нет ничего. Обходил одну половину, другую — нет. В третий этаж подался, давай искать. Заходит в комнату, стулья венски стоят кругом, сам думат: "Хыть бы краюха хлеба и то нет". Подниматся на четвертый этаж, обходит — все голо, хоть бы хлебом пахло.

Обессилел и Световик: тут что ж ему делать: "А что будет: дай полезу на пятый этаж". Подымается, там комната, посредине столб стоит оббитой медью, обошел он етот столб, смотрит вверх, а над ним сверх пятого етажа — кумпол, тоже медный. "Что же тут происходит?" — думат сам себе. Поглядел сверху, там отверстия, пустота в этом столбу пошла.

— Вон оно что значит тут: наверно, оне спускаются, а там, наверно, пещёра под дворцом.

Давай спускаться в етот столб. Заметил двери, спускался, спускался — очутился в нижнем этаже. Толкнул нечаянно — комната; последовал в одну комнату, заглянул, там был накрытый стол салфетами, на столе жарено, парено, копчено и вина, какие душе твоёй желательно. Подзакусил мало и пошел братовей своих разыскивать. Братовья, конечно, лежат, свалились. Он заходит к имя в комнату:

— Ставайте скорее, пойдемте, нашел и закусить можно.

Оне вскочили, обрадовались, как добрались до стола етого, давай на вина налегать. Он их остопырил, чтоб они опеть не свалились.

— Вот походим, как будем дальше. Нашел я столб в этом дворце пустой; не знаю, сколько глубины в землю будет, где под дворцом оне жительство должны иметь.

Ну, маленько тут посидели, выпили, уснули. Время идет своим чередом, а Световик думат: "Пусь никого нет тут в помешшенье, а се-таки кто-то здесь наблюдат дворец этот, не может быть, чтобы брошеный".

Опушшатся Световик в конюшню, там в колодах бела ярова пшеница понасыпана, на два перерубa вода налита; пустил лошадей, а сам открыл кладовые: одна полна кож воловьих. "Хорошо", — думат. Натаскал их в бассейну, пусь мокнут. Потом пошел к братьям:

— Кожи, — говорит, — нашел, надо их резать, будем вить канат и станем спушшать туда в столб, меч привяжем, как там будет глубина.

Взялись за работу: хто кроит ети кожи на ремни, хто сшиват, хто свиват канат. Навили сажен на полста в долину; Световик свой меч привязал, опушшали-опушшали — все не хватат. Вытащил, давай ешшо добавлять канат; добавили

ешшо на полста. Начали спушшать сто сажень — воткнулся в землю (канат-ат он слабнет, меч напластъ лег, упал).

— Ну вот что, братцы, — говорит Световик, — я спушшусь, а здесь чтобы нихто не был: матъ, отец — руби, секи! А чтоб нихто здесь не был и не знал этого дела. Стерегите и не опивайтесь вином этим, а то и я погиб, и вы все погибнете, и всем нам придется помирать здесь в тайге. А может, обольстит вас какой приниц, может он вашим конпаньёном заладится — не доверяйтесь ему.

Ну, братовья говорят:

— Даем клятву, хто заявится — будем стараться, чтоб не был жив.

— Вы остерегайтесь, там все эти три брата — идолишша, и царевны находятся здесь. Знайте, что который не велел ехатъ сюда — он их четвертый брат, он приедет сюда и будет вас обольщатъ.

— Не беспокойся, брат, будем стерегчи, будем стараться, приедет он — его убьем.

Ну, распрощались братья, обнялись, поцеловались, Световик за канат привязался, и стали его спушшатъ братовья.

Спустился по канату, там совсем темно, ниче сначала не видатъ; потом он пригляделся мало, как лунный свет освешшат немного. Не может понятъ — лучи откуда идут, и ясно стало, хорошо рассматриватъ. Потом он от этого каната сам отвязался, отвязал меч, остановился — тёмно, как в дыре. Заметил тут дорожку, пошел по дорожке и видит медный дворец, блистанья от камней.

Подходит, вороты не заперты; отворил вороты, заходит в праву руку, в комнату:

— Здравствуйте Богу и хозяину!

Вдруг, на цыпочках к нему идет женщина быстро и кричит:

— Какая там невежа пришла, что ето за свинство без спросу заходит и ешшо Бога поминат тут?

— Извините, сударыня, я с того света выходец, а что здесь нечистые духи?

— Да, нечистые духи и проклято место.

— А вот и хорошо, я проведаю, что тут за нечисты духи.

— Дак нет, молодец, ты лучше расскажи, откуда ты, какая тебя занесла суда погода. Угрожат тебе здесь большая опасность: или воротись назатъ, или прячься куда-нибудь, а то смертъ тебе.

— Я не боюсь смерти, — говорит Световик, — мне все равно.

— Мой муж — шестиглавый змей, — говорит красавица, — он скоро будет и тебя съест.

— А где он, твой муж?

— А он уехал за Серебрянку-реку, хотит набрать скота к празднику, и будут слетаться со всех сторон змеи, и будет пир целый месяц.

— А не найдется ли у вас чего поесь? — говорит Световик, — да отдохнутъ бы мне немного?

— Можно, — говорит, — боюсь только, муж захватит тебя.

— Ладно, не судачь, я на то шел, чтоб вас избавитъ от этих мужей и вывести на другой свет. Давай поестъ.

Хорошо. Она, значит, расплакалась, побежала. Приставлят ему пишшу:

— Ешь, а только жалко мне тебя, молодец.

— Будь ты геройка, — говорит ей Световик, — я с твоим мужем сражусь и избавлю тебя.

Поднаперся он как следоват тут, ложится отдыхать.

— Разбуди, говорит, — меня часика через два.

Спит Световик, а она над им сидит и кольцо ему в кудри свое именное завила.

Время близко.

— Ох, муж ба не заявился, не пригнал ба скота.

А Световик спит [он спать был не легче, как Прокопий]. Она его будит, не может его раскачать, горячие слезы потекли на щеки его:

— Вставайте, — говорит, — зашшишшайтесь или удаляйтесь, мне жалко, что вы погибнете.

— Ничего, — говорит Световик, — дайте мне водицы, я умоюсь.

Она приносит таз, полотенце, воду. Умылся Световик и спрашиват:

— Где это медной мос через Серебрянку-реку, дай мне его достичь, мос этот — пойду навстречу не братоваться, а биться и рубиться на вострых мечах.

— На вот тебе, — говорит, — яйцо, куды оно покотится, туда иди за ем (медно яйцо дала ему). Ты хотишь у моста стретить его?

— Да, у моста хочу стретить и с им поздороваться.

— Ну, всего тебе хорошего.

— А не жди ты свово Идолу проклятого.

— Иди, иди, не хвались, он шестиглавый, в шесть раз сильнее против богатырей самых сильных.

Повернулся Световик, яичко бросил:

— Катись, да не укатывайся.

Катится яичко, и он за ём. Вскорости глядит, видна: Серебрянка просвечиват, аж шум по камням, как словно Терек на Кавказе.

Так он подошел к медному мосту и стал под мос. Как жар горит. Вдруг заорал, засвистал змей. Насвистыват, накрикыват, и вот табун всякой дичи, такой табун — страшное дело! Табун пробегат, а Световик стоит под ём. Подъезжат змей, он смаху мос поднял и лошадь на дыбу — и упала: рот разорвал лошади — дернул за повода.

— Проклята ты несыта тварь! Что ты спотыкаешься? Тут нет нам соперника, есь Световик, но он суда не зайдет, ворон костей не занесет.

— Наконец-то нашел я вас, — проговорил Световик, выскакават. — Как, проклята Идола? Меня не ворон занес, я сам пришел.

— А, Световик, на пир пришел!

— Я не на пир пришел, я на мечах драться.

— А-ха-ха-ха-ха, — засмеялся змей — лист повалился с дерева. — А сколько ты дорогу дуешь?

— Я без коня выхожу на тебя, — говорит Световик, — дуй давай!

Дунул змей — на пятнадцать верст дорогу расчистил. Световик — позолотил и края позаворотил.

— Идем, — говорит змей.

— Иди ты вперед.

Он пошел на попришше и с разбегу ударились мечами. Световик подставил шшит — и устоял. В свою очередь — раз! — и три головы долой.

— Добивай остальны! — кричит змей.

— Богатырска рука не бьет дважды, бьет один раз.

Световик собрал дерева, сучки, которы поломал змей, собрал костер, сложил туда головы и туловишша заворотил, пожег все и развеял пепел в разны стороны.

Воротился к царевне. Када пришел ко дворцу, находит ее плакущай. Растворятся дверь, и на пороге показыватся нога Световика. Она обрадовалась:

— Ах, я думала, что ты уж помер.

— Ну, зачем, — говорит Световик, — пусть помрет Идола проклятая!

Царевна так рада, и смеется и плачет.

— Ну вот, скоро поедем к папаше.

Она все жаловатся ему:

— Как я страдала, мучилась за им в этом проклятом подземелье, свету не видала. Скорее б отсюда уйти.

— Покорми меня кушаньям каким, — говорит Световик, — я отдохну, высплюсь, тогда поговорим.

Трое суток спал, не проснулся ни одного разу.

На четверты сутки она начала плакать, думат, он помер: сидела и будила его кажный час; он, как чурка, спит и спит. Четверты сутки проходят — открыл глаза.

— Что ты делаешь, — спрашивает ее.

— Не могу разбудить тебя.

— Уморился, дай водицы, освежуся я.

Умылся Световик, поели оне, выпили как следоват, она торопит его:

— Ну, иди, друг, выходи из етого заклятого места, у меня уж сердце стосковалось.

— Э, нет, — говорит Световик, — ведь вас здесь три сестры, надо и их выручать.

— Ой, нет, не делай етого, — кричит, рыдат, — ты потеряшь голову, уйдешь, и тебя покончут здесь. Там сильнее мужа, там девяти- и двенадцатиглавый змей.

— Хорошо, я расправлюсь с имя — и вернусь за тобой. Давай покажи путь, где вторая сестра?

Она опять дает яичко, а сама упрашиват его:

— Пусь они живут там.

— Нет, — говорит Световик, — я служу твоёму отцу и дал ему слово разыскать всех дочерей. Ты давай знак, как найти вторую сестру.

Ну, она говорит:

— Иди за яичком, увидишь серебряный дворец, заходи в него, там живет вторая сестра.

Пошел за яичком: шел, шел; скрылся из глаз медной дворец, и Световик увидал серебряной дворец. Подходит, вороты отворены. Зашел также на праву сторону, отворят дверь:

— Здрасти Богу и хозяину!

— Какая там невежа?

— Ах, извините, я думал, что как там у нас, где светит солнце.

Вышла, смотрит на его царевна.

— Что ты своёй охотой пришел суда?

— Да, своёй охотой.

— Напрасно загубишь себя, не видать тебе солнца и звез.

Здесь жизнь твоя должна будет кончиться.

— Да что ты, от кого я могу погибнуть? Уж не муж ли твой?

— Да, мой муж самый сильный и хитрый рыцарь, девятиглавый змей, девять раз сильнее против самого храброго и сильного рыцаря.

— Это ничего не значит, на все играет час один, и он мне дорог. Покорми меня и дай мне отдохнуть.

Ну, выспался он, она его разбудила, и он просит ее:

— Дай мне теперь знать, где твой муж.

— За Серебрянкой-рекой, — охотиться уехал, праздник у нас готовится — будут съезжаться и слетаться все чародеи и чертовщина. Вот тебе серебряно яичко, куда оно покатится, туды и иди за ём. Дойдешь, серебряный мос будет, тут и встречай, захочешь дальше переправляться — дело твое.

Пошел за яичком, яичко его доводит до серебряного моста. Стал Световик под мос, дожидается.

Недолго время окончилося, вдруг слышит крик звериный; животные вбегают на мос целым табуном, пробежали, и заезжат девятиглавый змей. Световик двинул мос смаху, и конь его на колени пал, как у первого. Рванул он удилами, разодрал голову чуть не до ушей.

— Проклята ты несытая скотина, что ты падаешь. Здесь нет нам супротивника. Есь где-то Световик, да суда он не зайдет, ворон костей его не занесет.

— Врешь, проклятая Идола, что ворон костей не занесет. Я сам суда пришел — не попить, погулять, не на пирах побывать, нет! Пришел рубиться и драться на вострых мечах.

— Эх, юноша! Тебе с девчонками забавляться, а не со мной на мечах драться.

— А давай, дуй дорогу, сколько хочешь, а там видно будет!

Дунул змей — на три мили дорогу расчистил; сделали поприще.

— Бей меня вперед, — говорит змей.

— Нет, я гость твой: перва ты меня угости, а потом я тебя попотчую.

Расходятся. Змей с того краю, а этот — с этого. Слетелись. Змей хотел его ударить мечом, Световик подставил щит, устоял, а его меч рассыпался на три части. Световик хватил его, сразу четыре головы отсек. Змей говорит:

— Бей остальны, чтоб мне не мучиться.

— Будет, довольно, — богатырска рука не бьет два раза, бьет один раз.

Змей стал слабеть, слабеть — ослабел, как малый ребенок, Световик натаскал на его хворосту, запалил костер, сам обратился назад.

Приходит врасплох — она думала ее муж, со зла будет изгаляться тошней прежнего. Вдруг — Световик! Поглядела она — в обморок:

— Я не думала, что будет этот человек жив.

— Ну, зачем, — говорит Световик, — нам помирать еще рано.

Прекрасно. Она очень сделалась рада. Подзакусил он, выпил для аппетиту, лег отдохнуть. Выходит, проснулся, попросил водицы. Она принесла ему кувшин и таз. Световик умывался и полотенцем утирался. Должно утро уж быть по часам.

— Теперь, — говорит, — пойду дальше.

— Куда?

— Третья сестра ваша должна быть тут где-то.

— Ой, куда ты, куда ты? Там двенадцатиглавый. Тот хитер, никогда тебе ему голову не отрубить. Брось ты эти затеи, чем погибать и тебе и мне, лучше пойдем на белый свет.

— Нет, — говорит Световик, — свое слово сдержу: за тремя пришел, трех и выведу.

Она — плакать. Собрался он, стал просить проводить, дорогу показать. Она подает яичко со слезами, а все просит его:

— Лучше бы тебе идти на свет, а уйдешь дальше — и мне тебя не увидеть больше, без тебя я тоже не попаду туда.

Ну, успокоил он ее, попрощался, пошел с золотым яичком золотой дворец отыскивать; бросил яйцо, сам шествовать за им. Долго ли, коротко ли шел Световик, дошел; видит: дворец золотой, как жар горит, если при солнце, поражало бы лучами. Подходит к воротам — не заперты. Отворят, входит на двор, идет ко дворцу, к парадному крыльцу. На парадно взошел, направо дверь отворил — тихо, никого нет.

— Здрасти Богу и хозяину.

Слышит: откуль-то из дверей шаги нежные, женские.

— Никакого тута Бога нет, — думала, что змей пытает: "Ах, где уж, — думат, — как у нас свет стал и есть Бог".

Отворят дверь:

— Ах, боги мои! Как ты, добрый человек, суда зашел, суда ворон костей не заносил, а ты идешь и не страшишься?

Он улыбнулся и сказал:

— На своих ногах пришел и не думаю страшиться.

— Кто в такие дебри тебя завел? Вот войдет муж мой, он тебя не пощадит. Кто ты такой?

— Я есь Световик, приемной сын короля, отца твово: я пришел освободить вас от ига, чтоб вы не мучились в темноте. Твой отец хотел этого, я ему обещал.

— Ах, вернись назад. Мой муж очень хитрый и сильный, а мне уж по пути здесь погибать, до гробовой доски придется жить.

— Не грусти, голубушка, победим твово мужа. Дай мне поесь, я устал с дороги.

Ну, покормила она его всякой едой, подкрепился он, спрашивать:

— Скажи, что там, какая сила в ем, что опасно?

— Мой муж имет двенадцать сил самых отважных богатырей, а хитрый — он в земле тебя найдет. Пойдем в сад.

Она ниче не сказала ему, подводит, было там озеро светлое, как кристалл; день палительный, воздух тяжелый, жар. Хотел он тут напиться, она задержала его:

— Смерть от этой воды найдешь, будешь слабее малого ребенка; хочешь пить, есь еще озёры, я тебе расскажу.

Подводит, оно такое зловонное.

— Вот платочек мой, зачерпни и попей; хоть не видная, но вода хорошая.

Хорошо. Кое-как три глотка проглотил, вода кислая, грязная. Световик вздохнул вольно, почувствовал такую силу — ничего не слышит, будто нагишом.

— Как так? Меч — как мне шило взять, а копье, как перо. Да что ты — была мне оружия моя в плепорцию, но теперь, как травинку в руках держу.

— То-то, вот попил воды ты, а хлебнул бы другой — ослаб. Ну, теперь боги помогут победить его.

— Дак эта оружия не годна, не слышу его в руках, удар слабый.

— Ну, айда, я тебе покажу.

Повела его, отворят кладову, стоит во всю стену меч, до потолка ручкой. Взял, вакурат, как старый меч, данный змеем Светланом (трехглавый змей — Светлан).

— Вот что, Световик, есь еще: когда я забавлялась с львенком, он меня крепко в лапах держал; я выкормила его, он теперь лев огромный; он за ето меня любил, а его ненавидел. Пойдем посмотрим, как он на тебя взглянет; он тебе годится.

Када он отворил поставчик тайный, лев посмотрел на Световика, замолол хвостом, давай ласкаться, вскочил на грудь, как друг первеющий.

— Хорошо. Дам я ему хлеба, чтобы он знал и дух мой, чтобы помог мне победить Идолу.

Зверь посмотрел, как будто хотел сказать.

— Зайди, теперь скажу, когда его отпустить будет нужно.

Пошли во дворец опять.

— Смотри, вот ты почерпнула чары и по ним должна иметь хитрость, хто одолеет — он или я.

— Я поставлю два стакана на праву и на леву руку, сяду против стаканов и буду наблюдать; если по правой руке покажется молоко, то я не буду льва отпущать, ежели — кровь, то спущу льва, он поможет тебе.

— Дай мне признак, где через Серебрянку-реку золотой мос.

Дала ему золото яичко.

— Ну, прощай. Постереги в стакане, и отпусти льва.

Она дала клятву:

— Буду наблюдать, не сводя с глаз.

Попрощался и в ранний путь пущался. Шел долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, достиг золотого моста. Стал под мос и дожидатся неприятеля свово. Приближатся змей. Закричали скота. Ето он гнал табуны. А Световик наблюдат, какой мос чижелый: не дрогнет — табуны бегут. Подъехал змей двенадцатиглавый верхом на лошади; закачался мос во все стороны. Световик сробел...надо силу да силу поднять такого черта. Ну, да раздумывать тут некогда; как хватит — конь на колени пал.

— Ох ты, не кормлена тварь, что ты, чурбан, подо мной спотыкаешься. Я один тут сильный богатырь, нет нас встречного и поперечного. Есь где-то Световик-богатырь, только он суда не зайдет, ворон костей его не занесет.

Тут он выскакиват:

— Я сам пришел с тобой познакомиться, узнать, хто ты двенадцатиглавый Идола!

— Ха-ха-ха! — смеется змей. — Ты сильный, говорили. Что ты вздумал это, а, молодой юноша? Тебе бы с девчонками наслаждаться!

Говорит Световик:

— Я хочу биться и будем силу пробовать, чья перевысит!

Змей хохочет:

— Я тебя на ладошку посажу, другой прихлопну, мокренько будет!

— В поле едешь —не хвались, из поля поедешь — хвались.

— Ах ты, задавала, молокосос! Бей, давай, налетай!

— Сначала гостя угости!

Змей дунул дорогу — на сто верст развалил лес.

— Ну что, скажи, который первый край займешь? Я даю, иди защищайся!

Начали сближаться; налетел змей, ударил мечом, — ранил в плечо до самой кости, и Световик ушел по колена в землю. Разбежались вновь на другой край.

— Держись, — говорит змей, — держись, стражаюсь!

— Держусь, защищаюсь!

А Световик по пояс в землю ушел и отсек семь голов, посыпались, как град, и опять приросли.

— Ну что?

— Погоди! Будем, будем биться.

— Ха-ха-ха-ха!

Опять Световик ударил вперед — семь голов срубил, а змей размахнулся, ударил — и Световик ушел по груде в землю. Что делать?

— Ох ты, молодой юноша, — ты хвалился, а как овсяный сноп свалился.

— Погоди, проклятая Идола, дай мне оправиться.

(Заснула царевна.) А Световик снял сапог да размахнулся, как пустит его и ударил в окно, где царевна сидела. Очнулась она, глядит: полстакана кровь. Она выпустила льва, прибегат он, а кровь фонтаном льет.

— Ну, идем, проклятая Идола, еще раз, а потом я твой, делай что хочешь.

Как тот налетел, Световик поддел, восемь голов ссек. Лев, как молния, все головы поймал, и им нельзя было подняться. Он хотел ударить мечом, промахнулся, и закричал змей:

— Ну, добивай вторично, разом!

Еще ударил — три отсек, осталась одна голова. Змей начал слабеть, слабеть:

— Отсекай последнюю!

— Нет, довольно, сам подохнешь.

Упал змей, зарычал и подох. Лев принялся зализывать раны. Световик натаскал хворосту, собрал головы в огонь кое-как; дым повалил — горела Идола. Сам ослаб, упал. Лев бросился бежать ко дворцу; прибегат, схватил царевну за грудь, давай тянуть, хозяин помират; а она думает — он сбесился; ударилась бежать, думает — убить его надо; прибегат, схватила со стены меч, мечом голову отсекла льву; застонал он, как человек, и больно стало у ей на сердце, и сожалела льва царевна, и догадалась, зачем прибегал лев и куда тянул ее. Кинулась она от ворот, во дворец, взяла медикамент и побежала к мосту на поприща. Пламя уж остывать начало. Тут увидала она Световика, он побледнел, изошел кровью. Она сделала перевязку. Неподалечку была вода; принесла воды и стала ему поливать на голову воды, давай отваживаться.

Он трое суток тут проспал, она не отходила от его, дожидалась, када проснется. На четверты сутки проснулся Световик и открыл глаза. Милавида Прекрасная сидела с горькими слезами. Когда он встал, она сделалась веселой. Он спросил:

— А как Идола моя?

— Да, должно, погорело. Нужно торопиться ко дворцу!

— Принеси, подкрепи желудок, — сказал Световик, и без чувств упал на землю.

Она бросилась ко дворцу, принесла вина, закуски; подала ему розовой воды; он умылся, освежился, потом подкрепил желудок, встал, дотащился до дворца. Когда пришли, Световик расположился отдыхать. Она лечила ему раны, перевязки делала. Он медленно начал поправляться. Када совсем оправился и почувствовал свою былую силу, Световик сказал:

— Теперь надо собирать вас на белый свет, а сам я не знаю о себе, что будет со мной.

Прекрасно. Выходят из дворца, — прекрасно... Оглядывается Световик, жалко ему дворец оставить золотой. Заметила его царевна, говорит:

— Дворец этот — не дворец, это — чары, очарованье; этот дворец может быть у тебя в кармане: вот тебе красный платочек, а в нем золотое яичко; яичко бросишь, платочком махнешь, и дворец будет у тебя.

Световик в руку плюнул, бросил яичко, махнул платочком, закружился дворец, меньше, меньше, меньше и свернулся в яичко.

— Вот, а если нужно поставить опять, можно поставить дворец: платочком махни, яичко брось — и станет дворец, как был.

Прекрасно. Световик подымает яичко, завертывает в платочек и кладет в карман. Идут. Вот серебряный дворец. Удивленья, какой это дворец!

— Я сейчас сделаю, ты понесешь его в кармане.

Бросила яичко, махнула платочком, дворец меньше, меньше, свернулся и сделалось серебряно яичко, и чистое место, как лубяной шалаш сгорел. Положил его в карман Световик, пошли к старшей сестре. Встречает их старшая сестра. Радость, разговоры, угощенья. Ну, долго некада тут балясы разводить да проклаждаться, как бы выбраться поскорее. Собрались, пошли. Оглядывается Световик — медный дворец тоже штучка хорошая, жалко оставлять. Бросил медно яичко, махнул красным платочком, закружился дворец, завертелся, сам все меньше, меньше, меньше; стало медно яичко — клади в карман.

Идут, уж темно делатся в подземелье, подходят к дыре, где висел канат, никто его подбирать и не думал, все как прежде. Оне подступили. Световик усадил одну из красавиц — старшую, привязал к канату и наказал ей:

— Говори: Световик всех выручил нас, чтобы не дрались за красоту, там еще красивее меня есь.

Дернул Световик за канат, проснулись там наверху, потащили. Вытащили, пошла суматоха: Светлан там пристроился к имя, хитрый.

— Берите, — говорит, — молодцы, я, старик, обожду.

Взял эту себе Вечерник. Вытаскивают другую — берет Полуношник. Дожидатся Светлан:

— Третья будет моя — конфета хорошая.

Кончил братовей наделять. Привязал последнюю — берет Светлан.

— Что теперь делать?

Ежели оне спутались со Светланом — не быть мне на белом свете.

Привязал меч на пробу; потащили, сажени три не дотащили — обрезали. Ушел меч в землю по рукоять.

— Вот славно, — говорит. — Хорошо. Получай за услугу!

Повесил голову буйную Световик, пошел бродить, не найдет ли выход какой из пещёры.

От дыры ушел, и близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — видит деревянный дом, кругом изгорода тоже высокая, даже рукой не захватишь. Смотрит: кругом засеянный хлебом этот дом; хлеб разный, всякий — и пшеница, и ярица — негде даже пойти, никакой межи не оставлено. Пробрел по хлебу, добрел до изгороды, глядит, где бы найти дверь, войти в двор; тогда он пошел, находит, калитка, видит, пред ём. Попробовал отворить — заперта, а заплот высокий — перелезть тоже нельзя, только наружу одно окно у избы и то больно высоко, рукой нельзя достать. Посмотрел-посмотрел, что делать? Постучал раз, два, три — голосу не подают. На дворе скотина находится, мычат коровы, овцы, теляты, и нихто не выходит на двор из дому. Он еще постучал, покрепче; слышит: скрыпнули двери, выходит белый как лунь старик, выходит и спрашивает:

— Хто там меня беспокоит? Будет надо мной выводить насмешки!

— Это, отец, я!

— А хто ты такой?

— Я рыцарь из того свету, где солнце светит; это я, русский рыцарь, попал, чтобы царских дочерей вывести, а сам остался: там изменили товарищи, не то товарищи — родные братья. Змеи убиты, а все дворцы разметёны. Подкрепи мою силу, я устал, а ты погонишь — совсем пропаду. Наверно, ты добрый человек, хлебопашеством занимашься и скот есь, наверно, ты меня не обидишь.

— Стой, еще посмотрю, каков ты. Я всех тут чертей знаю; а ты не похож на них. Пойдем, заходи; расскажу, как попал суда.

Сходят в дом. Старик достает жаркое, хлеба.

— Муку сам мелю, мельницу имею рушную, и скот, и хлеб. Только земли имею мало, всего, что в ограде.

— А это чей хлеб?

— Это тебе расскажу: тут живет самая мать этих идолов. У ней еще три сына, только юные; они уж начали учиться магию, и будут такие черти, духи, еще сильнее тех. И теперь от них покою нет. Вот жизнь какая на старости лет! Я раз ехал на коне, застигла ночь и попал нечаянно; был рыцарь итальянской, и поехал сам себя показать и людей посмотреть. Да смаху и попал в провалища; конь осел, а я угадал — не убился. Одумался, пошел, тут дикой хлеб был, питался; выйти никак невозможно было. Ходил по пустыне. Недалеко тут река Серебрянка. Я у речки был, тут рос дикой хлеб, я его собирал. Хлеб рос плохой. Надо было подумать и об жилище. Жить было негде, давай строить, сухарнику набрал. Потом суда заявилась мать с семью сыновьями (один наверху там остался жить); поселились здесь, давай притеснять; хлеб сею — оне хлеб травят, сомнут, и землю захватили. Стал диких овец имать, теленка, коров диких приучать, пошел приплод. Так живу. Дикое конопле стал сеять, вязать рубашки, штанишки. Топоришко вот сдержал весь, один обух остался. Эти когда поженились, притащили красавиц, спокойне стало, поселились отдельно. Теперь опять мать начала ереститься. От ребят покою нет: бьют, за бороду дергают, боюсь калитку отворять — истязать будут.

— Значит и мне придется с тобой жизнь коротать? Побил я их — шести- и девяти- и двенадцатиглавых, а етого я не знаю, что тут еще живет их отродье.

— Ты подумай об этом, — говорит старик, — а то нам обоим хана́ будет.

— Ну, если я тех уходил, не страшился, а с этими-то я справлюсь. Найми в пастухи меня.

— А чем кормить я тебя буду. Да ладно, что есь, то вместе. Заморить-то не заморю, и сыт не будешь.

— А ничо. Пасти буду, скота накормлю и сами сыты будем. Я прогоню скота через их хлеб, и они ничего не сделают.

— Ой, смотри, не страви у них хлеб.

— Ниче, давай попасу.

Отворяет Световик калитку и выгнал скот прямо в хлеб, пошли чистить. Старик испугался, кричит:

— Что ты делашь? Али мне из-за тебя побои на старость лет принимать!

— А пусь пластают, — кричит Световик, — напьются и опять пущу.

Старик затворился, совсем испугался: "Вот подлеца какого принял, убьют!" (А сам в крыльцах сажени полторы.)

Поглядывать в окошко, что будет дальше. Световик улегся в хлеб, отдыхат; скот по всему хлебу разошелся. Яга-Ягишна люстру навела, глядит: дворцов нет. Навела на стариков дом — скот в хлебе.

— Иди-ка, его, старого хрена, убей, чтобы его духу поганого здесь не было!

Пошел младший сын, пошел, запнулся в хлебе за Световика:

— А черт, колодина!

Глядит: человек.

— Что ты тут, невежа, спишь, а скот в хлебе?

Поднялся Световик:

— А что тебе надо?

— А ты заговаривать еще, холуй!

Бац его в рыло. А тот еще насмехнулся.

— Ага, задаешься, батрак!

Бац ему в нос. Тот как развернулся — и уложил его с одного разу. Сам лег спать.

Второй бежит; опять запнулся:

— Вишь, злодей, поперёшник! Колод натаскал на нашу пашню.

Разглядел — человек лежит.

— Вы что травите хлеб?

Бац в рыло, бац в другой раз. Поднялся Световик:

— А, и тут комары кусаются!

Оборвал руки и ноги к едреной матери, бросил от себя подальше. Третий прибежал — третьего изрубил мечом. Пошел.

— Отвори, старец. Скот лежит отдыхает, наелся, напился.

Старик ругается:

— Что ты сделал, беду накликал на мою голову?

— А не кричи и не бойся, старик. Посмотри, поди возьми лопаточку, вырой яму, да закопай проклятое семя. А я пойду.

Старик отворил калитку, не верит глазам. Тогда и старуха навела люстру, смотрит: три трупа сыновей. Начала метаться, биться и не знает, что делать.

Пошел Световик, глядит: подымается туча, черная, страшное дело. Гроза, гром, ливень. А на дубу гнездо орлиное, начало градом сбивать. Залез Световик, спас птенчиков (а град устроила Яга-Ягишна, своей магией навела тучу). Увидал неправду Световик, тогда снял гнездо птенцов.

Пошел он, где Яга-Ягишна. Подходит — изба деревянная, ворота открыты (как ребята уходили); дернул дверь, Яга с пестом по избе:

— Я тебе всю голову разобью!

Он ударил раз, два, три со всего плеча — меч иступился.

— Уйди, злодей, чего тебе здесь надо?

— Ох, проклята тварь! Знать, еще будешь жить!

Пошел опять к дубу. Дошел до гнезда, орел, как куча, спустился и закричал:

— Знать, есь добрый человек — сохранил моих птенцов, а то всегда убивали. Сделал бы добро тому человеку, да не знаю, кто он.

— Это я, — сказал Световик, — спас твоих птенцов.

— Ну, что тебе угодно, проси я для тебя сделаю.

— А что, сизой орел, ты можешь помочь мне убить Ягу-Ягишну?.. [Антон закуривает трубочку, разглаживает бороду: "Ну, надо ее доврать. Я не люблю эту еренду пороть".] Я ее уже убил, меч затупил. Ударю, меч отдерну, она опять цела.

— А ты иди за Серебрянку-реку, там есь остров Буян, по тропке пойдешь, встретишь дуб; дуб подсеки, там сундук; мечом отшиби замок, там заяц — пушистый, белый; в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце и смерть. Ты разбей его, и она ослабеет. А если ты захочешь на вольный свет, то я тебя вынесу.

Пошел Световик, как говорил орел. Пришел на Серебрянку-реку, нашел плот, сел и приплыл к берегу. Тут он хотел убить ястреба, да тот человечьим языком сказал ему:

— Не убивай, я тебя пригожусь.

Ну, смотри — тропка; пошел по тропке — дуб весь оброс мохом; подрезал, давай толкать его, дуб полетел; оказался в дупле старый ящик; срубил замок, заяц — шмыг — и убежал в чащу. Пошел он разыскивать его (ястреб поймат ему зайца). Идет берегом, сокол утку дерет; хотел его убить, а он:

— Не бей меня, Световик, я тебе пригожусь.

— Что за нечистая сила, вся птица говорит здесь!

Выплыл рак, он хотел его разорвать и съесть, рак заговорил:

— Отпусти, я тебе пригожусь.

Отшвырнул:

— А, проклята тварь, и ты говоришь по-человечьи!

Вдруг ястреб тащит зайца, тот кричит, как малый ребенок:

— Вот тебе, Световик, за то, что ты не убил меня.

Световик разорвал зайца, утка — пырх — и забилась в камыши; откуда ни возьмись сокол — убил в высоту, упала она в воду, достал, разорвал, яйцо — в воду; где его теперь там найдешь? Закручинился Световик, сидит на бережку:

— Вот, проклята идольская смерть!

Но тут рак вылез — и держит в клешнях яйцо. Световик берет и пустился на плоту на тот берег; а Серебрянка быстрая шумит, как Терек на Кавказе.

Пришел к Ягишне, яичко расколол, из него серый дым. Он мечом Ягу изрубил и избушку сжег. А когда Световик бил с яйцом Ягу, выговорил коня, и платочек дала ему. Но он потребовал:

— Где конь второго сына?

— На вот, — говорит Яга, — желтый платочек и кричи: "Сивка, бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лис перед травой!" Третий раз обратись, на тебе красный платочек, прижги его — прибежит трехшерстный конь — сивый, бурый и каурый.

— Эй, сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лис перед травой.

Сивка летит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит — из ⟨...⟩ головешки летят. Прибежал, стал как зарод. [Перепутал я тут немножко, ну, ты там сам поймешь, что куда.]

Ну, покончил Световик с Ягой-Ягишной, зашел к орлу:

— Прикончено, — говорит, — все, теперь не печалься, все будет спокойно, твои дети не будут убиты никем.

Орел говорит:

— Вот, Световик, есь старичок, побей скота, сделай зыбку, склади мяса, садись сам и будем вздыматься.

Поблагодарил орла и отправился к старичку. Приходит, с просьбой к ему обращатся:

— Немножко удели — скотин десяток, буду вечно богу молить.

— Я тебе десяток, а сам чем жить буду?

— Ах, старый пес! Жалко мне тебя, сколько твоей жизни осталось? Всего не возьму, кожи тебе.

Не стал разговаривать, начал мечом рубить. Пошел в лес, сплел корзину, и склал мясо. Подлетел орел, наказывает:

— Полетим, как оглянусь, разину рот — бросай полтуши.

Поднял его, полетели. Летели, надо подыматься еще, а мясо источалось; поднялись еще немного, и совсем все вышло. Осталось сажни две-три. Орел крыльями машет, а сам садится; разинет рот, а мяса нет. Что тут делать? Световик сдергиват сапог, берет ножик, вырезал икру, бросил. Орел икру съел, потом вызмился и вынес его наверх...

— Все ты, — говорит, — хорошо мясо мне давал, а потом плохой кусок дал, — едва я силы набрался.

— Это я тебе икру от своей ноги дал.

Отрыгнул орел и выкинул икру; куда-то слетал, принес два флакона и дал Световику:

— Сбрызни и будет срастаться и заживет.

Место это трудно было узнать: дворца уже не было, а только провалище. Скоро у Световика выздоровела нога. А все ж таки идти—куда пойдешь? Тут он нашел платочек, припомнил, ага, давай прижгу. Прижег — кремешок (ну где же там, там у него огонь такой?), молодецким посвистом просвистал, богатырским голосом прокричал:

— Сивка-бурка, вещий каурка!

Прилетел трехшерстный конь:

— Что тебе, Световик, службу служить али дружбу дружить?

— Да, службу служить: представить меня к королю.

В одно ухо влез, в другое вылез, рыцарем обрядился, на коня быстро садился, быстрее птицы покатился; реки; озера промеж ног пропускал, леса-долины хвостом застилал, мчались оне долго ли, коротко ли — приехали к королевскому городу. Королю рассказали братья, что Световик — изменник; а царевну его любимую (Светлан всех сбил) славному рыцарю Светлану — в

невесты. Словом, готовятся три свадьбы, а по случаю возвращения королевских дочерей идет такая суматоха, что пыль столбом.

За городской заставой отпустил Световик коня:

— Гуляй, где тебе понравится, на зеленых лугах, али в шумных лесах.

В ухо влез, в друго вылез Световик — сделался седым, старым странником. Пришел к мастеру, портному королевскому, и устроился на квартире. Мастер пустил его. Ну, выпили они тут, странник давай заливать, что был он в таком-то подземном государстве, всем занимался, а теперь старик стал, странничать стал.

— Какое здесь государство?

— А вот такое-то.

— Ну, здесь отдохну, а потом дальше пойду. Видел я там Световика, он спас трех царских дочерей.

Все рассказал.

— Бедный, он как-то вылез. "Если, — говорит, — увидишь царевен, скажи им поклон". Ну, а тут что о нем говорят, как братовья его?

— Слыхал, они Световика проклинают, зовут его изменником.

— Это все ложь, он потерпел от них: их два брата, а третий — злодей, брат змеев из подземного царства. Ох, детина, только из-под руки посмотреть. Боги, что делается на свете, боже мой!

— Да и ты, старичок, ладный, смотри в крыльцах ты боле сажени.

— Ды, был и я герой да выдохся.

Не успели кончить разговор — подкатила карета; заявляется старшая дочь короля:

— Здравствуй, мастер! Возьмитесь мне три вещи сделать — ботинки, венцы и платье. Вот вам картина — по картине все ясно: и венцы такие, в каких мы венчались со змеем, и платье, чтобы ребро в ребро.

— Ох, большую вы задачу даете мне, как я могу?

— Так вот картинку смотрите — вы же мастер; куда же мне ехать, посылает папа к вам.

Световик подтолкнул под бок:

— Берись, как-нибудь справимся.

— Три дня сроку, чтобы без примерки. Если не будут готовы, я распоряжусь.

Уехала, оставила картинку, делай, что хошь. На другой день приезжат средняя: тожа самое отбарабанила, уехала. А младшая все оттягиват. А Светлан:

— Давай да давай свадьбу играть!

— Погодите, пусь старшие — погуляем на их свадьбах, а потом и свою.

Там готовятся к торжествам, а мастер:

— Попал я в цепь, не выпуташься.

А старик утешает:

— Ничего, все устроим, все найдем, выпивать только я горазд. Водочки ведерка три доставай, потянем и за работу. Все к сроку будет готово.

Напились, мастер кой-как до постели добрался, а старик поет сидит:

— Ивушка, ивушка, зеленая моя. [Антон поет.]

Жена уговаривает:

— Брось, старичок, что вы делаете? Вот мы взялись исполнить заказ, надо оставить пьянство, сделать; завтра уж трое суток.

— Да мужик-ат у тя уж больно слабый; ну, уж хоть бы пил, а то не боле ковша три — и в дрезину пьяный. А заказ сделам. А не сделам, ну пущай казнят, так — пьяный ничего не почуешь.

Вечером третьего дня Световик вышел, махнул красным платочком, бросил яичко—образовался медный дворец, засветился; народ навалил смотреть. Световик зашел, нашел сундуки, едва-едва разыскал платьи, завернул в салфетку, вышел. Яичко бросил, платочком махнул; дворец закрутился, меньше, меньше — нет.

Приходит в дом, на косой столик кладет; наутро обдул, обчистил. Хозяин встал, выпил последнее винишко. Старик храпит, как дранье дерет. Вскорости хозяйка кричит:

— Что ты спишь? — своему.

— А будет тебе. Ну тебя к едреной матери. Дай-ка винца!

— Все высосали. Последний жбан пустой.

— Старика буди — вместе будем с ним помирать. Да что бояться бабу, девчонку, что она сгубит, зарубит?

Старик встал, позевал:

— Вставай, хозяин, выпьем, а вещи, — там не бойся, справим все.

— Не взял ба я, ты меня втянул.

— Ну, надейся на меня, представим.

Водки выпили. Хозяин ждет заказчицу:

— Я уж не буду, а ты, старик, пей.

Вот девять часов. Карета подскакала; выскочила королевишна.

— Готово?

А Световик встает:

— Извольте все вещи, пондравятся или нет?

— Боже, что такое. Точь-в-точь, а где картинка?

Вспоминат, венцы, золотые ботинки.

— Ах, да, точь-в-точь, да, по рисунку, и в препорцию должно на ногах.

Сбрасыват ботинки, надеет и платья... Ведь это что такое. Тот выходит, глаза распухли.

— Просим милости на наш праздник, брак открывать, господин мастер. (Хозяин хоть и не делал, а его зовут.)

— Правду мне говорил Световик, что оне такие легавые. А говорил Световик, мне говорил, со мной разговаривал.

— Он изменщик, Световик. Ты глупый, старый, тебе эшафот, не поминай его.

— Я видался с ним, хорош Световик!

— Ну, больше не говорить о нем, ладно!

Только эта уехала, вторая — пых! Делат такой же заказ. Мастер берется смелее.

— Ровно через три дня приготовить и чтобы без примерки!

Повернулась, пошла. Наряд еще богаче, с брильянтами и платье еще красиве.

— Не печалься, хозяин, мы это ли найдем.

Ну, и хозяин за старичком покружился. Приказал жене водки и напился в стельку.

Через три дня старичок все, что нужно, сделал; серебряный дворец развернул, наряды те самые, в которых царевна венчалась, достал; положил на косечок.

Передний угол крестьянского старообрядческого дома с косячком и сундуком
Фото В.Т. Новикова

Хозяин спит, а старичок уж все устроил. В девять часов подъезжает королевна вторая:

— Как, готово?

— Готово, готово, пондравится ли?

— Да, что такое! По рисунку, точь-в-точь, благодарю вас. Пожалуйте на бракосочетанье!

Старичонко опять проворчал про себя. Является третья:

—Господин мастер, сготовьте мне подвенечный наряд; вот вам рисунок. Только точь-в-точь, не ошибитесь и чтобы в три дня без примерки было готово.

Словом, заказала тоже.

— Берись, сделаем! А что жа вы, сударыня, не дожидаетесь Световика?

— Ай, да я бы с радосью, да он, наверно, погиб.

— А я вам скажу — был, видел — у провалища сидит молодой человек, сидит горюет. Он мне рассказал. А говорил я с ним на итальянском языке; рассказал он мне историю, как он был раненый, как выбрался из подземного царства.

— А что он не спешит суда?

— Не знает, где вы; думает, вы похищены.

— Как бы ты, старец, навестил его, чтобы он пришел скорее, чтобы с таким злодеем мне не венчаться.

—Мне не успеть.

— Я оттяну месяца два-три, сделаюсь больная; может, он подойдет, вот именной перстень. Ах, глупая я, — рассказала, вы уж молчите — все его здесь проклинают. Поспеши, награжу я тебя.

— Поспешу, царевна, с сего же дня отправляюсь.

На третий день приезжает царевна за вещами. Было все готово. Старик скрылся:

— Скажите, ушел!

Она посмотрела, даже ахнула:

— Да это что — удивленье прямо, ведь это с того света, и то он угадал бы. Как вы могли угадать, ведь рисунки даже точь-в-точь такие? Думаю, платье лучше некуда? Верно, искусник вы первый. Милости просим, когда будет брак.

Повернулась, вышла.

— Выпьем-ка еще.

— Пей да надо идти.

— Еще не скоро, схожу.

Тут, значит, вдруг заявляется старшая, старик — в особую комнату:

— Пожалуйте на браксочетанье, подъезжайте в собор, получите награду.

— Ну, старичок, и ты, — тебя не узнают.

— Я видал не ваши свадьбы — не хочу; да еще и слезливая будет.

Будто на двор, в ограду вышел, прижег платок; явился сивка. Световик в левое ухо влез, в правое вылез, вскочил на коня и стал разъезжать, поклонился, поздравил, выглядывал, выглядывал, рассердил коня, перескочил через народ и стал сам в медной одежде. Подъезжает, поклонился, поздравил, поцеловал королевне ручку, жениха за волосы и поднялся выше собора. Держи, лови. Нет, за городом! Оторвал голову брату. Перерядился стариком и вернулся.

—Правда, свадьба-то слезлива.

Мастер рассказал, что произошло.

— Хватай, имай. На коне на крылатом. Стало быть, недостойны с такими ягодами.

На другой день — другая.

—Дедка, сходи.

— Не люблю. Я не хожу по свадьбам. Я подомовничу.

Дождался, как из дому все ушли, вышел.

— Эй, сивка-бурка, вещий каурка, стань предо мной—лист пред травой!

Сивка вниз, как сокол, опустился.

— А теперь — получше обрядиться, да на свадьбу явиться!

— В правое ухо влезай, себя наряжай, на меня залезай!

В серебряной одежде выехал Световик, ждет, когда поедут парами; улучил времечко, налетел, жениха за волосы и взвился под небеса. Мастер приходит, рассказывает:

— Я знал, что непорядки пошли. А, да старикам не до свадеб, сто восемьдесят лет прожил.

Месяца через два-три является младшая. Световик все жил в потаях:

— Говорите, ушел с первого дни (а то скажут, что тут старик). Пожалуйте на браксочетание.

— Следом за вами жа.

Приходят, там такой отряд! Шашки наголо, смотри — и вверху и внизу.

Выходит Световик:

— Эй, сивка-бурка!

Спустился конь тем жа мигом.

— Надо нам обрядиться и к царю во дворец явиться.

Световик в право ухо влез, в лево вылез, всю сбрую вынес; сам в золотых доспехах; коню золотое седло. Вскочил да гикнул, пропала земля — в поле сокол, оторви-голова.

В самый торжественный момент Световик налетел вихрем, Светлана за волосы и — как не бывало. Царь закричал не своим голосом:

— Держите, ловите этого мерзавца!

Не тут-то было, стража прямо обезумела. А королевна подходит:

— Позвольте, папаша, не кричите, не ловите: это последний злодей — брат хищников змеев. Я не отхожу от собора; жду своего Световика.

А Световик Светлана сожег. Стоит над трупами братьев:

— Лежите, взаимно получили.

Взял флакончик, взбрыснул — ожили братья: дал каплю в рот одному:

— Как я долго спал.

— А это твой брат. Так и ты был. Гляди, третьего сожег, а вы, глупцы, были; поедем делать брак!

Вынимает платочки Яги-Ягишны, достает братовьям по коню, обрядились и явились героями.

Световик обращается к королю и королеве:

— Вот, дражайшие родители, вот ваши дочери и мои братовья. Я выполнил свое обещанье. Теперь, как хотите. Где моя невеста?

— Она дожидает браксочетанья.

Световик повернул коня и обвенчался с Прекрасной Королевной.

Потом пиры пошли на весь город.

Я там был, мед пил, по усам текло, а в рот не попало.

[Антон в трубке поковырял, стукнул об верстак: "Эта-ерунда ребячья".]

2. ПОДСОЛНЕШНА КРАСОТА

Живал-бывал купец богатой; ну, хорошо, Бога просит, молебны служит и приклады прикладывает: "Подай, Бог, сына либо дочь — при старости на замену и при бладости на утеху, при смертном часу и на помин душу".

Нямножко пожили, жена стала интересном положении. Дни-часы исполнились — родился мальчик; укупали, укрестили, имени дали Иван.

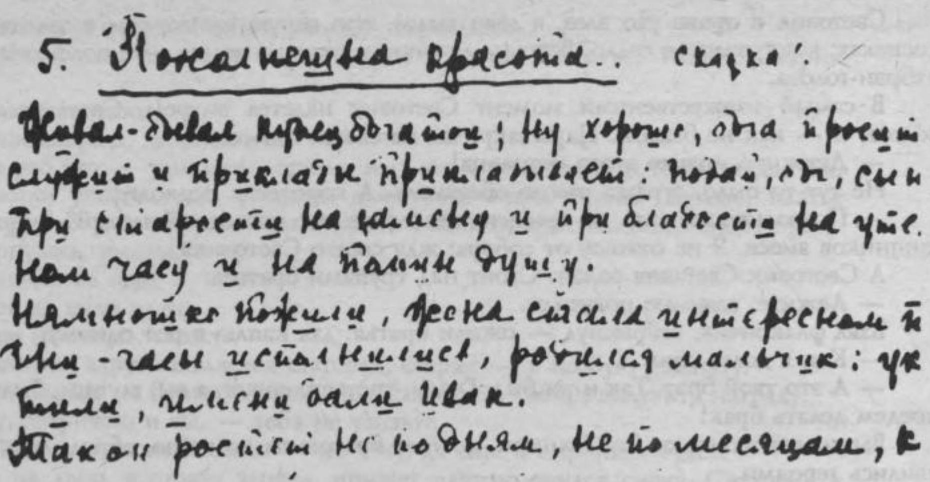
Так он растет не по дням, не по месяцам, как синишное тестечко на опаре привздымается, так и он кверху.

Ну, хорошо. И подрос, по надворью ходит и лучком, стрелкой стреляет и с ребятишками играет. Там пойдет от отца крадчи к какому-либо нищему или бедному, там какую горсь захватит там золота или се́ребра и от отца крадчи отдает.

Ну, и за его добродетель между собой робятишки има дали Иван купеческой сын и сар Заря.

Де немножко пожили — отец у него помер и мать у него померла, и похоронил как следует, и от отца остался. И смотрит по свому богаству даже тройне бо́ле стало. Написал сару гумагу. Сар прочитал, и пишет [сар Заря] гумаге: "Приезжайте сесь писарев, списывайте мое имения, я свому имению счет потарал".

Ну, хорошо. Де приехали шешь писарев и штали шпишиватъ его имения шешьма часов, и даже третьюю часъ не могли списатъ и уяхали назатъ.



Оригинал сказки "Подсолнешна Красота" (№ 2). Запись 1928 г. Д.Д. Травина. Фрагмент

Как назатъ уяхали и немножко прошло, пожил, даже смотрят — еще пуще стало.

Опетъ написал гумагу сару. Сар [в] зал, прочитал; пишет: "Приезжайте девятъ писарев, списывайте мою имению, я своему имению счет потарал".

Прияхали девятъ писарев и стали его имение списыватъ.

Девятъ мешяцев писали, писали — даже третъю часъ не могли списатъ и назатъ уяхали.

Де немножко пожил и шмотрит — еще пуще стало, и думает умом: "О, боже милосливой, откуда эдакая страсъ наливается".

Написал сару гумагу: "Приезжайте двенадцатъ писарев, я своему имению счет потарал".

Прияхали двенадцатъ писарев и шпишивали его имение двенадцатъ меся-цóв. Даже третъюю часъ не могли кончитъ и назатъ уяхали.

И сарю рассказали: третъюю часъ не могли даже кончитъ.

Сар послал двенадцатъ кораблев и написал гумагу. Он жял гумáгу, прочитал и пишот, что нагрузитъ двенадцатъ кораблев со златом, со сéребром, и с драгоценныма камнями, и с дорогима матерьями, и шо вшяким и дорогим товаром. "А ешли не нагружишь, то будет твоя голова на плаху, и шам шадись на карапъ и явишъ мне".

Де пошел швоим приказчикам:

— Ну что, мои приказчики, хватит ли на двенадцатъ кораблев злата-серебра, и драгоценные камни, и дорогие матерьи, и сякой разной дорогой товар.

Приказчики отвечают:

— Даже и третъяя часъ не выйдёт.

Де штали нагружатъ и нагружили жлато-серебро, и драгоценные камни, и дорогие материи, и сякой ражной дорогой товар; и он сял месте на корапъ и отпихнулись. Сажен на десятъ отъяхали. Друг упала буря и штала ломатъ корабли, и штало сё тонутъ, и люди се притонули: один сар Заря остался и поймался за онну корабельную дошшечку и штало его море ноЅитъ.

Ношило, ношило и несколько врема и друг выбросило об онну пору его на берег. И пошел сухума, и даже ни пути, ни дорога не жнает.

Де шел, шел, друг завидел: штоит жамок, и зашел этот жамок — из жамку жамок — и зашел двенадцатый жамок.

Этом жамке разоставленные сякие ражные закуски и сякие ражные напитки. От кажной закусочки закусил по одному кусочку и от кажной напивоцьки выпил по онной рюмоцьке.

И жавидел, штоит тут диванцик и подумал умом: "Кабы прилегчи на этот диванчик приотдохнуть". И приляг на этот диванцик и жавидел на штене потрет, и шнял етот потрет. Прочитал: и у сара есь доць по имени к ней Подсолнешна Красота, и сам ее потрет. Жял из жамку вышел и пошел; друг видит: идет стречу к нему человек, и повстречались. Друг пришел к ему старичок. И шкажал:

— Ждрасвуй, дедушко, — ответил к нему.

Он к нему ответил:

— Здрасвуй, Иван купеческой сын, сар Зара.

И спрашивает старичок:

— Что, жамке был?

Он к нему отвечает:

— Был.

— Кого жамке видал?

Он к нему отвечает:

—Нет, дедушко, никого не видал.

Он к нему отвечает:

— Нет, ты жамке жял и несешь.

Он к нему ответил:

— Нет, дедушко, вжял Подсолнешной Красоты потрет.

Старичок спросил:

— Желаешь ли видеть?

— Э, дедушка, желаю.

— Ну, если жалаешь, так пойдем со мной. Там у меня приотдохни тоже.

Де пришли этому жамку: то есь, как ветер штал, и спать лягли. И поутру стали.

Де старичок отвечает:

— Поди-ко город и ходи-ко по городу, и станут ребятишки ходить по городу играть, и спрашивай у кажного: у кого сестра есь, у кого брат есь, у кого отец есь, у кого мать есь. И самого нищего приведи ко мне: у кого ни брат, ни сестра и ни отец, ни мать.

Де Иван купецецкой сын, сар Зара, пошел город и ходит по городу: ребятишки играют, и спрашивает у кажного.

У онного спросит:

— Что, отец-мати есь?

Он скажет:

— Есь.

Его пройдет. У другого спросит:

— Что, отец-мати есь?

Он там скажет:

— Нету.

— Братья есь?

Он скажет:
— Есь.
Его пройдет. Де там третьему будет:
— Что, отец-мати есь?
Он скажет:
— Нету.
— Братья есь?
Он скажет:
— Нету.
— Братья есь?
— Совшем нету.
— Сестры есь?
— Совшем нету. И нету у меня, — отвечает, — ни брат, ни сестра, ни отец, ни мать.
Де сар Зара отвечает:
— У меня тоже нету, — к нему.
Ну, сар Зара отвечает:
— Ну, мы оба нищие, пойдем месте.
Де пошли, пришли к этому старичку.
Ну, старичок отвечает:
— Ну, Иван купецецкой сын, Иван Зара, я тебе-ка дам деньги, пойди на базар, купи шнурок, купи котелок, купи клей, купи клопчатую гумагу.
Де пошел сар Зара на базар, купил шнурок, купил котелок, купил клей и купил клопчатую гумагу и принес старичку, и зял старичок, стал клеить и склеил шкурку.
Этого сар Зару оборотил как собачонку и шнурком затянул. Ну, и сказал, что:
— Ты ответил, нищий мальчик. Поведи этого зверочка. И веди по городу, и сар со сарицей, со своей Подсолнешной Красотой стоять станут на балконе и станут спрашивать: "Ах, какого ты прекрасного зверочка ведешь". И станут у тебя просить, ты к им отвечай: "За пятьсот рублей", — а мене того не отдавай. "А ты, жверочек, — штанут у тебя шпрашивать, — не жнаешь ле какого воспонятия и не жнаешь ли какого ражговор?" Ты отвечай, что: "Жили-жили", — больше ничего.
Де повел етого жверочка. И ведет по городу. Сар со сарицей, с Подсолнешной Красотой штоят на балконе.
— Ах, — Подшолнешная Крашота увидела — ведет он етого жверочка и отвечает, — а что же, папенька, каково бы было попросить у него етого жверочка.
— Э, что же, — говорит, — если он нам дас, попрошим у него.
Сар ответил:
— Мальшик, подойди суда. Какой у тебя отличный зверочек.
Он говорит:
— Мой.
— Ну-тко, — говорит, — оступико мне его.
Он к нему поклонился:
— Ваше сарское величесво, хорошо.
Сар отвечает:
— За чего отдаешь?

Он говорит:

— За пятьсот рублей.

Сар говорит:

— Совсем не нужно.

Подсолнешна Красота скажала:

— Рази у нас денег нету отдасти.

То есь, как она была у него любимая дочь, и не захотел ее прогневить шловом. И отсчитывает к ему пятьсот рублей. Вжял эти деньги. И принес к етому старичку.

— Ну, вот, дедушка, я продал этого жверочка, на вот тебе деньги.

Старичок отвечает:

— Мне деньги не нужны, пользуйся сам. И больше мне не ходи.

Жял этот мальчик ушел с деньгами.

Жяла эта Подсолнешна Красота увяла́ этого жверочка свою комнатку и стала его чистить, штала его ласкать.

— Какой ты, жверечек, не жнаешь ли какого воспонятия и не жнаешь ли какой ражговор?

Хвоштиком виляет, ушки прикладывает: "зели-зели", — больше ничего.

Де немножко пожили.

В онно прекрасное врема сар со сарицей вышел на балкон и со своей Подсолнешной Красотой. Друг увидели: летит ворон, уронил гумагу двенадцати твердыма печатями.

Сар жял гумагу прочитал: едет двенадцатиглавой жмей и требует Подсолнешну Красоту на двенадцатое Чу́дское ожеро на пожирание и пишет: "Добром дашь — добром вожьму, худом дашь — худом вожьму и вешь твое царсво выжгу, выпленю".

Де сар отправил шилу воеваться — [змей] вшю прибил.

Де штал Подсолнешну Красоту отправлять и посадил на золоту карету.

Де со вшима́ проштилась.

— Эй, — говорит, — со Же́люшком не прощалась. Се Желюшка прибежал, подает к нему подорожнички:

— На, — говорит, — последний раз прими от меня подорожнички. Повежли меня, — говорит, — на двенадцатое Чу́дское озеро, двенадцатиглавому жмею на пожирание.

Жглянула: у Желюшки слёжки поднялись. Уяхала. Сар сказал:

— Отдайте ему двадцать пять плетей на кухне и выбросьте его за окно.

Отдали ему двадцать пять плетей на кухне и выбросили его за окно.

И сказал:

— Кабы не было того несчасного, а как он пришел, то случилосе.

Выброшили. Жял Желюшка пошел, жа город завернулся, шкурку швою шкинул и повешил на лешинку.

Де пришел к швому дедушку на показаны места.

— Эй, — говорит, — увежли мою Подсолнешну Красоту двенадцатиглавому жмею на двенадцатое Чу́дское ожеро на пожирание.

Дедушко отвечает:

— Ты хочешь яхать?

Он к нему отвечает:

— Дедушко, хочу.

Дедушко отвечает:

— Ешли хочешь яхать, я тебе дам коня и дам шаблю.

Де старичок отдает шаблю и де отдает коня.

Де шял на коня, старичок дает пужирек:

— Де, — говорит, — выпей и почувствуешь шобе шилу.

Он жял выпил и почуствовал шобе шилу.

— Ах, дедушко, — говорит, — кабы было утверженное кольцо, я бы сю подсильную повернул.

— Нет, — говорит, — не хвастай, не повернешь.

Де пояхал. Видит: за двенадцать верс огнем жгет и дымом дышит. Он к нему отвечает:

— Двенадцатиглавой жмей, не горячись. Де убьешь — будет девка твоя, де убью — будет девка моя.

Так шьяхалишь они шадко и метко. Сар отсягнул — шешь голов отлетели.

И другирядь съяхались садко и метко: сар раз сягнул — шешь голов отлетели, его тулово упало, шильной гром грянул. Ну, хорошо. Де пояхал.

Девка отвечает:

— Кто мой ижбавитель, вожьми меня собой.

Он к ней отвечает:

— Я твой не ижбавитель, вашего папеньки не мало раз бывал, да не много пивал да едал, двадцать пять плетей на кухне принимал, — и так и прояхал.

Де приехал своей шкурке, коня отпустил, и надел свою шкурку, и оборотился тем же жверочком.

Сар посылает людей и попа и дьяцка:

— Если девка жива — привежите, а ешли померла — похороните и отпойте.

Пояхали: девка живая. Штали шпрашивать:

— Хто тебя ижбавил?

Она отвечает:

— Не жнаю, какой-то богатырь ижбавил.

Де отеч спрашивает:

— Привежли? — Отеч шпрашивает: — Кто тебя ижбавил?

Она отвечает:

— Не жнаю, какой-то богатырь ижбавил. Я критю: "Хто мой избавитель, вожьми меня собой". Он ко мне отвечает: "Я твой не ижбавитель, а у вашего папеньки не мало раз бывал, двадцать пять плетей на кухне принимал".

Сар думает своим умом: "Хто же у меня двадцать пять плетей принимал на кухне?"

Ну, думает, и дума не доходит: "Никому я не давал такие рожги".

Де Подсолнешна Красота вышла, Зялюшка прибежал, и штала шпрашивать:

— Ну, Желюшка, беж меня били, беж меня бранили?

Хвостиком виляет, ушки прикладывает: "Зели-зели", — больше ничего.

Де немножко пожили, как раз подошло поутрие дня и ангели. Де самой лучший повар стал секчи мясо сечкой.

Де этот Желюшка жабрался ту комнатку и штал на мяшо плевать да харкать.

Де этот повар штал етого Желюшка бить. Бил-бил и выброшил другую комнатку. И ужял мясо сечкой насек, и вышел другу комнату и штал стряпать пирожки, и саму ту же комнатку опеть же забрался этот Желюшка и стал на пирожки харкать да плевать.

Де етот повар ударил его железным шковородником. К нему штало больно. Он его ластой ударил, и повар утурился, ничего не помнит, и стал [Желюшка] стряпать два пирожка. Ижорвал етот потрет и жатолкнул по полупотрету эти пирожки и вышел из етой комнатки.

Повар ляжал долго ли, коротко ли и учухался. И сглянул на сковороду и думает умом: "Какие худые состряпали два пирожка". Ну, и думает умом: "Не штанем давать их гоштям, а мы лучше их двое шъедим".

Де поутру штали: по вшем царсвам, по вшем королевсвам пошлали ведомости, что у сара дочь имянинница, приезжайте к ей на андели.

Се съяхали сари, короли и шильные могучие богатыри. Де шидели-шидели, гоштей угощали-угощали, де стал вечер, и стал народ весь ражъезжаться.

Ну, и Подсолнешна Красота скажала:

— Ну что, повар, я гостей угощала, а не остались ле у тебя пирожки, как мне есь захотелось.

— Да, есь, — говорит, — хожяйка, два пирожка шильно худые.

— Ну, ничего, — говорит, — принеси.

Де он к ней принес.

Жяла пирожок отломила и жглянула — нутре гумага. Выдернула — полпотрета. Другой отломила пирожок, жглянула — гумага. Выдернула — полпотрета.

Примерила и прочитала: сам ее потрет.

Ну, что же, кликнула этого повара:

— Ну что, повар, сказывай, когда ты стряпал пирожки, кто был у тебя другой человек.

Он к ней отвечает:

— Нет, хозяйка, никто не был.

Де прошло. Де онно прекрасное врема сар с сарисей вышел на балкон и со своей Подсолнешной Красотой. Друг увидели: летит ворон и уронил гумагу с восемнадцатима твердыма печатями.

Сар жял гумагу прочитал: едет восемнадцатиглавый жмей и требует Подсолнешну Красоту на восемнадцатое Чудское ожеро на пожирание, и пишет: "Добром дашь — добром вожьму, худом дашь — худом вожьму. Вешь твое царсво выжгу, выпленю".

Де сар подумал своим умом: "Де первой богатырь сю силу прибил, а на второго не к чему тратить и силу, пошлал Подсолнешну Красоту".

Де Подсолнешна Красота стала наряжаться, сяла на жолотую карету, со всима проштилась.

— Эй, — говорит, — со Желюшком не прощалась. — Крикнула: Желюшка!

Желюшка пришел. Подает к нему подорожнички:

— На, — говорит, — выкушай последний раз от меня. Повежли, — говорит, — меня восемнадцатиглавому жмею на пожирание на восемнадцатое Чудское ожеро.

Сглянула: у Желюшки слежки полились, и уяхала.

Сар шкажал:

— Отдайте ему двадцать пять плетей на кухне и выбросьте его за окно.

Отдали двадцать пять плетей на кухне и выброшили его за окно.

За город завернулся, шкурку шкинул, на лешинку повешил и пришел своему дедушке на показанные места.

— Эй, — говорит, — увежли мою Красоту на восемнадцатое Чу́дское ожеро восемнадцатиглавому жмею на пожирание.

— А ты, — говорит, — хочешь яхать?

— Э, дедушко, хочу.

Де шял на коня. Старичок дает к ему капли.

— Выпей, — говорит, — и почувствуешь в собе шилу.

Выпил и почувствовал в собе шилу.

— Ах, дедушко, — говорит, — кабы утвержденное кольцо было, я бы всю подселенную повернул.

— Нет, — говорит, — не хвастай, не повёрнешь.

Де пояхал, едет, за вошемнадцать верс огнем жгет и дымом дышит.

Он к нему отвечает:

— Вошемнадцатиглавый жмей, не горячись: девка вот, ты убьешь — будет девка твоя, а я убью — будет девка моя.

Так съяхались садко и метко. Сар Заря стягнул — и десять голов отлетели; другой раз так съяхались садко и метко. Сар Заря стягнул — вошемь голов отлетели, и его тулово упало, шильный гром грянул.

Де едет, девка кричит:

— Хто мой ижбавитель, вожми меня собой.

Он к ней отвечает:

— Я твой не избавитель, у вашего папеньки не мало раз бывал да не много пивал да едал, двадцать пять плетей на кухне принимал.

Де прояхал, едет. Приехал своей шкурке, де коня отпуштил и надел швою шкурку.

Сар посылает людей, и попа, и дьячка:

— Если померла — похороните и отпойте, а если жива — привезите.

Приехали — живая. Стали спрашивать:

— Хто тебя избавил?

Она отвечает:

— Онамеднишной богатырь.

Привежли. Отец стал спрашивать:

— Хто тебя ижбавил?

Она отвечает:

— Онамеднишной богатырь. Я говорю: "Кто мой ижбавитель, вожми меня собой". Он говорит: "Я твой не ижбавитель, а у вашего папеньки не мало раз бывал да у вас на кухне двадцать пять плетей принимал".

Сар думает умом: "Хто же у меня на кухне двадцать пять плетей принимал?"

Ну, хорошо. Вышла во двор, крикнула:

— Где мой Желюшко? Желюшко! Желюшко!

И Желюшко прибежал. Стала спрашивать:

— Не знаешь ли какое воспонятие, какой разговор?

Хвостиком виляет, ушки прикладывает: "Желя-желя", — больше ничего.

Де жили, жили, об одну пору сар со сарицей и со своей Подсолнешной Красотой вышел на балкон. Увидели: летит ворон, уронил гумагу с двадцатью пятима черными печатями. Сар зял гумагу прочитал: едет двадцатипятиглавой жмей и требует Подсолнешну Красоту за двадцатое пятое Чу́дское озеро и на пожирание и пишет: "Добром дашь — добром вожьму, худом дашь — худом вожьму и вешь твое царсво выжгу, выпленю". Де сару делать стало ничего и стал

отправлять: посадил на золотую карету, со всима́ проштилась. Со Желюшком не прощалась. Крикнула Желюшка — Желюшка прибежал. Подает к нему подорожнички:

— На, — говорит, — выкушай на последний раз от меня. Повежли меня к двадцатипятиглавому жмею на двадцатое пятое Чу́дское озеро и на пожирание.

Зглянула на Ужелюшка — слезки поднялись.

Уяхала. Сар сказал:

— Отдайте ему двадцать пять плетей на кухне и выбросьте его за окно.

Отдали двадцать пять плетей на кухне и выбросили его за окно. Пошел-побежал, за город завернулся, шкурку свою скинул, на лесинку повесил и пришел своему дедушку на показанные места.

— Эй, — говорит, — дедушка, увежли, — говорит, — мою Подсолнешную Красоту двадцатипятиглавому жмею на двадцатое пятое Чу́дское ожеро на пожирание.

Старичок спрашивает:

— Хочешь ты яхать?

— Э, — говорит, — дедушко, хощю.

— Не ежди, — говорит, — этот богатырь наместо сладкой конфетки выкушает.

— Нет, — говорит, — дедушка, поеду.

— Да я говорю тебе —не ежди.

Да шял на коня.

— Дай, — говорит, — дедушка, благословенье.

— Нет, — говорит, — не дам.

Коня плетью остягнул. Конь стоит никуда не идет. Де с коня спуштился, шаблю штал поднимать. Поднясти не могет. Де пешком пошел. Никуды уйти не могет.

Де старичок отвечает:

— Ну, если хочешь яхать, я дам тебе эти четыре пузырька капли. Поядешь, — говорит, — девку собой вожьми. Он, — говорит, — скажет тебе, что отдыхать станем трое, а ты говори — станем отдыхать два раза́. Два положь правой карман, два — левой. Ну, колды станете отдыхать, выпей пужирек капли иж правого кармана. Он штанет прошить: "Дай мне на приотдыхание". Ты к нему отдавай из левого карману. У тебя станёт шила прибавляться, а у него штанет убавляться. Дам, — говорит, — тебе я полотенце, чтобы девка у тебя стирала пот. Ну, потом, может, у тебя засекот правую руку, стобы девка скорее завязала. Он как-нибуль, чтобы не видал кров, если увидит кров, то и пу́щой злится.

— Ну, хорошо.

Де пояхал. Пужирьки склал. Де девку собой вжял. За двадцать за пять верс огнем жгет и дымом пышет.

Он к нему отвечает:

— Двадцатипятиглавой змей, не горячись. Девку сам тебе везу. Ты убьешь — будет девка твоя. Я убью — девка будет моя.

Де двадцатипятиглавой змей отвечает:

— Трои, — говорит, — станем отдыхать.

— Нет, — сар Заря отвечает ему, — двои.

---

*В ориг.: Да я, говорит, тебе не ежди".

Де так съяхались они садко и метко. Сар Заря стегнул — и десять голов отлетели.

Выдернул из правого кармана пужирек капли и выпивает. Он штал говорить

— Дай мне на приотдыхание.

Он к нему отдает из левого карману. Де другой раз съяхались садко и метко — десять голов отлетели.

И ту пору повредил у него правую руку, девка скорее завязала. Он кров не видал. Де выдернул из правого кармана пужирька капли и выпивает.

Он к нему отвечает:

— Дай мне на приотдыхание.

Он к нему отдает из левого карману. Де третий раз съяхались они садко и метко.

Сар Заря стегнул — пять голов отлетели. Его тулово упало, и сильной гром грянул. Де пояхал назать. Как город въяхал и утпустил коня, и уснул без чуствия, ничего не помнит.

Де девка пошла, к сарю скажала, что ижбавил меня третий раз онамеднишный богатырь.

Сар посылает тысяцу народу и: "Разбужайте моего нареченного зятя". Де пошли тысяча человек, от его храпотку подойти не могут.

Как храпнет — се назничь улетают.

Де сару пришли и рассказывают:

— Подойти не могли.

Сар посылает двенадцать солдатов:

— И стойте у него, и хто наперед весь дас, если пробудится, тому Егорьевской хрес.

Де пошли двенадцать солдатов, видят: надевает он свою шкурку; поймали и шкурку разодрали, и побежали домой. И все один голос закричали, что пробудился.

И сем дает по Егорьевскому хресту.

Де сар Заря пришел город. Де сар отдает свою дочь ему замуж.

Де овенчались. Де сар Заря со всем царсвом, со всем королевсвом и послал ведомости, что приезжайте мне на свадьбу.

Ну, и се съяхались сари, короли и сильные могучие богатыри.

Де шидят на швадьбе. И стали хвастать: хто житьем и хто богачесвом, хто и добрым конем, хто и слугой верной.

Сар Заря отвечает:

— Я вас звал не на хвастанье, а звал я на свадьбу.

И так ему стало досадно и вышел из-за стола и зашел особную комнату.

Это Подсолнешна Красота и заметила на швадьбе: и сильно один король крашивой, по имени к нему португальской король. Ну, и этим времем поимели дело с этим королем.

И далися часы, разоспится когда сильной могучий богатырь своим крепким сном, стобы бежать по португальским. Де ноць стала. Спать легли.

Де сар Заря поутру стал, зглянул: жена не тут-то бывала и стал спрашивать:

— Где моя жена?

К ему отвечают:

— Убежала с португальским королем.

Вышел, пришел свому дедушке на показанные места.

— А, здрасвуй, дедушко.

— Здрасвуй, Иван купецецкой сын, сар Заря. Пождравлять тебя законным браком.

Он к нему отвечает:

— Ей, дедушка, что насмешки делаете.

— Как это насмешку, ты ведь венчался.

Он к нему говорит:

— Убежала с португальским королем.

— А ты, — говорит, — яго хочешь яхать?

— Э-э, дедушко, хочу.

— Ох, парень, — говорит, — большое затруднение. До него яхать тысяцу верс. Под первую гору будешь, така высокая — в омморок бросит. Дам тебе я пузырок капли. Сам выпей и коню норки налей. Ну, эту гору, бат, проедешь, потом на заставе стоят сто богатырей. Потом дальше их стоят два богатыря.

Ну, хорошо. Де распростились, дает ему два пузырька капли. И спрашивает у него:

— Есь ли, дедушко, у португальского короля длинная борода?

Старик к нему отвечает:

— Ты рази на швадьбе не видал?

— Э, дедушка, видел, правду.

— А что же спрашиваешь?

— А вот, — говорит, — хочу я его за голову поймать да тряхнуть. Голова бы осталась руках, а туша бы прилетела тебе к воротам.

— Ну, хорошо.

Дает ему два пузырька капли; де и пояхал.

Под перву гору прияхал — в омморок брошило, сам выпил и коню норки налил с онного пузырька.

На гору попал, гору прояхал, по другую прияхал — сапка швалилась.

Выдернул пужирек. Сам выпил и коню норки налил. На гору попал и едет. Видит — стоят сто богатырей. Кричит к ним:

— Здрасвуйте.

Они отвечают:

— Здрасвуй, Иван купецецкой сын, сар Зара.

— Что вы стоите? — спрашивает.

— Мы стоим у португальского короля на заставе.

— И вы на свете люди! Человек поставил, дак я стоять стану. А подьте лучше по своим местам.

Тот сказал:

— Правду говоришь.

И другие сказали:

— Правду говорит он.

И вше ражбегались, кому где нужно.

Ну, хорошо. Едет. Видит — стоят два богатыря.

Он кричит к им:

— Здрасвуйте.

Они отвечают:

— Здрасвуй, Иван купецецкой сын, сар Зара.

— Что делаете?

— Мы стоим у португальского короля на заставе. А видал ли сто богатырей? — спрашивает.

— Дак я их видал да всех убил, — он отвечает. — Ну, лучше, чем вам стоять на заставе, лучше пойдемте со мной, пускай мы три брата.

Те подумали швоим умом: "Сто ить победил он, сто богатырей, а нас-то не победит".

Между собой засоветовали и пошли к нему под веру, как есь стали три брата.

Де едут. Друг португальского короля город увиделся. И городу подъезжают.

Португальской король стречает на крыльце и со своей Подсолнешной Красотой и отвечает:

— Драсвуй, Иван купецецкой сын, сар Зара. И прошу вас не оскорбиться и захотела твоя жена Португалию посмотреть.

И с сарицей сейчас на карету и объезжают себе.

Ну, хорошо. Он тянет к ему руку, португальской король. Ну, он его не хватает за руку, а хватает за бороду. И тряхнул — голова осталась руках, туша — нигде нету. Самой ту пору его дедушко вышел во двор и сглянул: туша лежит у ворот. И подумал умом: "Ах, верно, хорошую шилу имеет".

Сар Зара поймал швою Подсолнешну Красоту, положил на камень и другим задавил.

Братья его отвечают:

— Ну что, сар Зара, нужно тебе жену.

— Э, нужно.

— У сара Федула есь дочь, Прекрасная Командула. Поедешь ли на ней свататься?

— Э, поеду.

Де пояхали. Де едут. Де город увиделся. Самых воротах завязли два льва.

Сар Зара отвечает:

— Ну, братья, скачите.

Скакнули — обеих розорвали.

Де сар Зара скакнул — у коня только пустой хвос сорвали. Де сару приехал. Сар стречает его на крыльце и отвечает:

— Здрасвуй, Иван купецецкой сын, сар Зара.

Он поклонился:

— Ваше царское величество, не обходитесь ласковыми словами, а оживите моих двух братьев.

Сар спрашивает:

— Где твои братья?

— Вот твои два льва шъели.

— Ну, — сар отвечает, — это дело небольшое, оживим как следовает.

Де сар пошел, их принес и склал косточку под косточку, живой-молодой водой брызнул — кожишка натянулась. Другерядь брызнул — кров наступила. Третий брызнул — ожили, как прежде были. И привел к нему. Вот стали жить у него. Де немножко пожили и стал свататься у сара. Сар не отказыват. Овенчались. И стали пировать, столовать двенадцать суток без пробуду. Нищие, бедные, подзамочники и подтюремшики бочками катили.

Де немножко пожили, и подслушала она, его баба, как советуются они между собой, как его убить, и подслушала это его жена и скажала мужу.

Де он поутру стал и отвечает, что, братья, я видел такой сон, как вы советуетесь меня убить. Они к нему говорят:

— Зачем мы будем тебя убивать.

— Ну, хорошо. Вы, — говорит, — меня убить-то убейте, мое косьё не разбрасывайте, по мелким частям выпластайте и кожаный мешок сошейте, и коню за хвос вяжите.

Зяли, послушались его и убили. Выпластали по мелким частям. Кожаный мешок сошили, косьё склали и коню за хвос вязали. Конь пошел с ноги на ногу, как бы хожяина косьё не потронуть.

Де идет и пришел своему дедушке, прижался к воротам. Зял старичок мешок, отвяжал от коня и принес домой. Склал косточку под косточку и суставчик под суставчик, живой-молодой водой брызнул — кожишка натянулась. Другоредь брыжнул — кров наштупила. Третий брыжнул — на гузно шял и отвечает, что долго спал, и бодро стал. И дедушко отвечает:

— Зачем своим братьям велел сам себя убить?

— Так мне захотелось, стобы снова родиться.

Де штал у етого дедушка жить и жену свою достал и стал жить-быть и до ныне.

Де кончилась сказка.

3. ИВАН-ЦАРЕВИЧ и МАРФА-ЦАРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве, жил-был царь. У него был сын Иван-царевич и дочь Марфа-царевна. И вот однажды на нихно царство напал змей-людоед и похитил он уже всех людей и доходила очередь до царя, но царь с царицей с печали померли, а дети ихни, Иван-царевич и Марфа-царевна, оседлали коней и убежали из того царства. Марфа-царевна была премудра, взяла она с собой волшебну щетку и брусочек и ширинку. Бежали, бежали оне, Марфа-царевна и говорит Ивану-царевичу:

— Лягь на землю и послушай, нет ли за нами погони.

Иван-царевич и говорит:

— Не слышу, Марфа-царевна, послушай сама.

Марфа-царевна припала ко сырой земле:

— Ох, Иван-царевич, — говорит Марфа-царевна, — погоня на пятах.

И бросила она щетку и сказала:

— Будь перед нами чисть да гладь, да божья благодать, а за нами непроходимой лес.

И сделалось перед ними чисть да гладь, божья благодать, а за ними непроходимой лес. Ехали, ехали оне близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Опять говорит Марфа-царевна Ивану-царевичу:

— Послушай, Иван-царевич, нет ли за нами погони.

Послушал Иван-царевич:

— Не слышу, Марфа-царевна, послушай сама.

Припала сама Марфа-царевна ко сырой земле:

— Ох, Иван-царевич, погоня на пятах.

Марфа-царевна выбросила брусок и сказала:

— Будь перед нами чисть да гладь, да божья благодать, а за нами каменна гора.

И сделалось перед ними чисть да гладь, да божья благодать, а за ними каменна гора, и поехали оне дальше. Кони ихние стали уж уставать, Марфа-царевна опять сама припала ко сырой земле:

— Ох, Иван-царевич, опять погоня на пятах.

Марфа-царевна махнула ширинкой и сказала:

— Будь перед нами чисть да гладь да божья благодать, а за нами огненна река. И только сделалась огненна река — и змей на берег прибежал.

— Но правы, — говорит, — съел бы.

Марфа-царевна с Иваном-царевичем коней взяли за поводьи, потому что устали ихни кони, и пошли по тропинке вдоль реки. Шли оне, шли и видят — стоит избушка на курьих ножках, зашли оне в ету избушку, все в ней есть, но хозяев нету, и в етой избушке стали жить. И вот Иван-царевич вздумал сходить на охоту. Пошел он, а конь его, Сивушка, сильно захудал и сказал ему в последний час:

— Я сдохну, разрезай скорей мне грудь. Выскочит оттуда беленька собачка, ты храни ее, пригодится она тебе в жизни.

И только переговорил свои слова и стал сдыхать Сивушка. Иван-царевич скорей разрезал грудь, и выскочила беленька собачка. И тут же похоронил своего коня и пошел на охоту Иван-царевич. И сколько он охотился и набил дичи много, а Марфа-царевна не утерпела в это время, выбежала на берег посмотрела: змей и еще там. И стал он ее просить:

— Сделай мне так, чтоб я к тебе перешел. Я тебя не съем, а твоего брата съем.

Марфа-царевна не согласилась, так и ушла.

Приходит Иван-царевич и приносит дичь. Марфа-царевна ее вычистила. На следующий день Иван-царевич опять собирается на охоту. Только он ушел, а ей не терпится, она побежала на берег ширинку вышивать. А змей стал упеть умолять.

— Переведи к себе меня, Марфа-царевна.

А она ему сказала:

— Боюсь я тебя, съешь ты меня.

— Нет, Марфа-царевна, я тебя не съем, только брата твоего съем, не жалей ты его, пожалей меня, Марфа-царевна.

Спрашивает:

— А как я тебя переведу сюда?

— Махни ширинкой и сделается каменной мост.

Марфа-царевна взяла и махнула ширинкой — и сделался каменной мост. Змей перешел по ему, зашли оне в избу, змей сел к окошечку и стал ждать Ивана-царевича. И вот идет Иван-царевич, и с ним бежит беленька собачка.

— Ох, Марфа-царевна, да он не один идет, с ним помощник. Я не смогу его съесть. Ты пошли его, Марфа-царевна, к волчице за грудным молоком, скажи, что у тебя грудь болит, уж та его съест. А меня приколи на грудь на булавочку.

Только Иван-царевич заходит домой, и сестра его сделалась больная, застонала она, а он спрашивает:

— Что с тобой, сестрица?

— Грудь болит у меня, — говорит. — Сходи, Иван-царевич, к волчице за молочком грудным, не даст ли она.

Иван-царевич ни слова не сказал, взял свою собачку и пошел. Приходит он к волчице:

— Матушка-волчица, дай мне грудного молочка.

— Зачем тебе?

— У сестры грудь болит.

— Ох, Иван-царевич, у ней не грудь болит, а друг в гостях, он тебя съисть хочет. Дам тебе я молочка, дам я тебе и волчонка. Смотри, волчонок, служи Ивану-царевичу верой и правдой, как и мне служил.

Взял Иван-царевич молоко и взял волчонка, и пошел домой, и идет домой. А змей смотрит в окошко:

— Смотри, — говорит, — не съела ведь она его, а дала еще ему звереночка. Отправь его завтре к медвежице, та злее, та съест его.

Пришел Иван-царевич, отдал сестре молочко, сам лег отдыхать. Встал наутро:

— Ну как, сестрица, грудь твоя?

— Ох, Иван-царевич, всю ночь не спала. Болит грудь моя, сходи ты к медвежице за грудным молочком, не лучше ли будет.

Иван-царевич ничего не сказал, взял собачку и волчоночка и пошел к медвежице. Приходит он к медвежице и говорит:

— Матушка-медвежица, дай мне грудного молочка.

— Зачем тебе?

— У сестры грудь болит.

— Ох, Иван-царевич, у ней не грудь болит, а друг в гостях. Съисть они тебя хочут. Дам тебе я молочка, дам тебе я и медвежоночка. Смотри, медвежоночек, служи верой и правдой Ивану-царевичу, как и мне служил.

Взял Иван-царевич молочко, взял медвежоночка и пошел домой.

Глядит змей в окошко и говорит:

— Они уже вчетвером идут. Пошли его завтре ко львице, та злая, та съест его.

Иван-царевич отдал молочко и ляг отдыхать.

Утром встает только, Марфа-царевна опять стонет пуще прежнего:

— Ох, Иван-царевич, сходи ты ко львице за грудным молочком, нет мне лучше.

Иван-царевич взял своих зверяток и пошел ко львице.

— Матушка-львица, дай мне грудного молочка. У сестры грудь болит.

— Ох, Иван-царевич, у ней не грудь болит, а друг в гостях. Дам тебе молочка, дам тебе и львеночка. Смотри, львеночек, служи верой и правдой Ивану-царевичу, как мне служил.

Взял Иван-царевич молочко и взял львеночка и пошел домой. Идет, а змей смотрит в окно и говорит:

— У-у, он уж впятером идет. Пошли его завтре к Бабе Яге за мукой. Та злая, всех она злее, все равно съест его.

Иван-царевич отдал молочко и лег отдыхать.

Наутро встает, Марфа-царевна плачет:

— Ох, Иван-царевич, еще хуже стало, сходи ты к Бабе Яге за белояровой мукой.

Иван-царевич забрал своих зверяток и пошел. Приходит он к Бабе Яге:

— Матушка Баба Яга, дай ты мне белояровой муки, у сестры грудь болит.

— Ох, Иван-царевич, у ней не грудь болит, а друг в гостях. Дам тебе я муки, дам я и детеныша. Иди, Иван-царевич, на меленку, набери муки сам да смотри не заглядывайся долго.

Пошел Иван-царевич на меленку и замешкался долго, и загляделись его зверятки на жорнова. А он и не заметил и вышел, и закрыл меленку, и ушел домой. Идет, а змей смотрит в окно:

— Вот теперь-то я тебя съем, теперь-то он один идет.

Подходит Иван-царевич к дому, а змей сделал нижнюю губу на нижний порог, а верхнюю губу на верхний порог и говорит:

— Лезь, Иван-царевич ко мне в горло.

— Что же ты, змеюшко, будешь меня есть, я везде хожу, тело у меня заветрило, скажи сестрице, пусть баньку истопит.

Марфа-царевна начала баньку топить, бегает, торопится. Истопила баню Марфа-царевна, пошел Иван-царевич в баню, столько не моется сколько смотрит. И вот уж змей идет, открывает двери в бане, нижнюю губу на нижний порог, верхнюю на верхний порог.

— Лезь, Иван-царевич, ко мне в горло.

И в ето время бегут его зверятки, оне прогрызли дверь на мельнице и выскочили. Иван-царевич говорит:

— Не от хлеба ходят, а ко хлебу.

Только змей хотел полезти в баню к нему — зверятки и напали на змея: кто на шею, кто на хвост, кто на голову — и давай его грызть. А Иван-царевич стал, обрадовался и давай им помогать, и убили змея. Разбил Иван-царевич голову ему, вынял самоцветной камень, а голову под плиту положил. А сестру свою приковал в бане на цепь, поставил два чана полных с углями и чан пустой и сказал ей:

— Пока все угли не съешь и три чана полных слез не наточишь, до тех пор не отпущу тебя.

И взял своих верных зверяток Иван-царевич и пошел в другое царство.

Долго он шел, наконец приходит в другое царство. А царство кручинное и печальное, как сукном покрыто. Заходит к одной бабушке и спрашивает ее:

—Что же, бабушка, у вас такое царство печальное, как сукном покрыто?

— А вот, Иван-царевич, натакался сюда змей-людоед, по очереди всех ест. У царя четыре дочери — четыре красавицы и до них очередь дошла: должен съистъ старшую дочь царя, Марфу-царевну.

— Бабушка, покормите меня чем-нибудь, я пойду к ней для веселья.

И вот пошел Иван-царевич и взял с собой волчоночка. Приходит к Марфе-царевне он, обрадовалась, заплакала. Долго оне с ней сидели говорили. Иван-царевич лег отдохнуть и уснул. Вот избушка закылыхалась с углу на угол, идет лютой змей. Марфа-царевна стала будить Ивана-царевича. Будила-будила — никак не может разбудить и заплакала. Упала слезинка на Ивана-царевича, он проснулся:

— Ох, долго спал, да скоро встал.

Марфа-царевна ему говорит:

— Я едва вас разбудила. Идет уж лютой змей.

Иван-царевич взял волчоночка и поставил за дверь.

— Волчонок, когда полезет змей в избу, прыгай ему на шею.

Змей подходит — нижнюю губу на нижний порог, верхнюю губу на верхний порог — и говорит:

— Лезь, Марфа-царевна, ко мне в горло.

— Врешь, проглятый змей, не от хлеба ходят, а ко хлебу.

Вот змей полез к ней в избу — волчонок прыгнул к нему на шею, а Иван-царевич в то время отсек ему голову, а с остальнымя головами змей ушел в море. Иван-царевич голову у змея разбил, самоцветной камень вынул, а голову под плиту положил.

— Ну, теперь, Марфа-царевна, я пойду домой, а вам для веселья оставлю волчонка, как будет светать, ты его опусти, он прибежит домой.

Иван-царевич ушел домой.

И вот стало светать. Марфа-царевна опустила волчоночка и надела на него свои ожерельи.

Утром рано едет водовоз по воду: "Надо забежать, где-то у Марфы-царевны были золотые ожерельи, не сохранились ли оне". Заходит в избушку, а она, жива, одна!

— Марфа-царевна, вы живы остались? Вы скажите его царскому величеству, что я вас спас от змея, а не скажешь — я тупым косаришком голову отрублю.

— Да ты, хто же больше спас меня.

Вернулся водовоз к царю с Марфой-царевной.

— Ваше царское величество, я вашу дочь от смерти спас.

— Ну, если спас, дак взамуж за тебя отдам.

Собирает царь пир; отдает Марфу-царевну взамуж за водовоза. Пошел и Иван-царевич туда, взял с собой волчоночка, пришел и взял волчоночка, поставил за дверь. Вот Марфа-царевна просит разрешенье у отца своего:

— Разреши мне, тятенька, расподать зелена вина три ведра по палате.

И вот вышла Марфа-царевна из-за стола и пошла по палате раздавать вино: кому подаст, кому не подаст, так обошла всю палату, доходит до двери, поймала волчоночка.

— Ваше царско величество, не он меня спас, старый пес, а вот кто меня спас. Помните, у меня были золотые ожерелья, — вот они на кем.

Ну, царь взял свою дочь обратно, Марфа-царевна отказалась выходить взамуж за водовоза.

Назавтре упеть царство кручинно, печально, как сукном покрыто, Иван-царевич спрашиват у бабушки:

— Почему сегодня царство кручинно, печально, как сукном покрыто?

— А сегодни, Иван-царевич, другу дочь отдают змею на съеданье.

— Бабушка, покорми меня, я пойду к ней для веселья.

Пошел Иван-царевич, взял с собой медвежоночка, приходит к ней, она обрадовалась. Долго они сидели разговаривали с ней. Иван-царевич сдумал отдохнуть.

— Мария-царевна, как будет змей подходить, ты меня разбуди.

И вдруг избушка заколыхалась, идет змей. Мария-царевна стала будить Ивана-царевича. Уж она его будила, его так и едок — не может разбудить. Заплакала, слезинка упала ему на лицо—Иван-царевич проснулся.

— Ох, долго спал да скоро встал.

— Ох, Иван-царевич, змей идет, — говорит Мария-царевна.

— Мария-царевна, — говорит Иван-царевич, — когда змей скажет: "Лезь ко мне в горло", а ты скажи ему: "Врешь, проклятой змей, не от хлеба ходят, а ко хлебу".

Иван-царевич взял медвежоночка, поставил за дверь:

— Смотри, медвежонок, как полезет змей в избу, прыгай ему на шею.

Вот идет змей — нижнию губу на нижний порог, верхнию губу на верхний порог — и говорит:

— Лезь, Мария-царевна, ко мне в горло.

— Врешь, проклятой змей, ко хлебу ходят, а не от хлеба.

Семейская девушка в традиционной одежде с "интарями" (янтарными бусами)
Фото В.Т. Новикова

Вот змей только полез в избу — медвежонок выскочил ему на шею, в етот момент Иван-царевич отрубил змею голову. Одну, с остальными головами змей ушел в море. Иван-царевич голову разбил у змея, самоцветный камень взял, а голову положил под плиту.

— Ну, теперь, Мария-царевна, я пойду домой. Для веселья вам оставлю медвежоночка. Как будет светать, вы его выпустите, он убежит домой.

Были у Марии-царевны золотые интари, она надела на медвежоночка. Он уж прыгал и скакал, радовался. Стало светать, Мария-царевна выпустила его, и он убежал домой.

Идет водовозишко: "Где-то были золотые интари, у Марии-царевны, сохранились ли оне? Входит он в избушку.

— Ох, да, Мария-царевна, вы живы, вы скажите, что я вас спас от смерти. А не скажете — я тупым косаришком голову отмелю.

Она ему сказала:

— Вы, вы спасли.

Посадил Марию-царевну и повез во дворец. Привозит и говорит:

— Ваше царско величество, я вашу дочь спас от смерти.

— Ну что же, спас — за тебя взамуж выдам.

Собирает царь пир на весь мир: выдает Марию-царевну за водовоза взамуж. Пошел и Иван-царевич туда, пришел в палату, а медвежоночка поставил за дверь. Увидела его Мария-царевна и спросила у отца:

— Ваше царско величество, разреши мне расподать по палате три ведра зелена вина.

Разрешил ей царь, а водовозишко не отпускает ее. Мария-царевна спрашивать не стала его, вышла из-за стола, начала подавать: кому подаст, кому не подаст — и обошла всю палату. Дошла до Ивана-царевича, ему подала и взяла из-за двери медвежоночка и говорит:

— Вот, царское величество, не он меня спас, старой черт, а вот кто меня спас. Помните, у меня были золотыя интари, — вот они на кем.

Мария-царевна не пошла за него взамуж. Иван-царевич вернулся домой.

Назавтря царство упять кручинно, печально, как сукном покрыто. Иван-царевич упять спросил у бабушки:

— Что ето, бабушка, опять царство кручинно-печально?

— Ох, Иван-царевич, Матрену-царевну на съеданье змею отдают.

— Покорми меня, бабушка, я пойду к ней для веселья.

Бабушка покормила Ивана-царевича. Он взял с собой львеночка и пошел к Матрене-царевне, пришел к ней, она обрадовалась ему. Долго оне сидели, говорили, потом Иван-царевич говорит:

— Я, Матрена-царевна, лягу отдохну, как будет змей идти, вы меня разбудите.

Вот в саму полночь заколыхалась избушка с углу на угол. Вот Матрена-царевна стала будить Ивана-царевича, уж как она его не будила, не может разбудить и заплакала. Пали слезинки на лицо ему, и он проснулся и сказал:

— Долго спал, но скоро встал.

— Ох, Иван-царевич, идет проклятой змей.

Поставил своего львеночка за дверь и сказал:

— Смотри, львенок, как змей полезет в избушку, ты ему прыгай на шею.

А Матрене-царевне наказал:

— Как только змей скажет тебе: "Лезь ко мне в горло", ты говори: "Врешь проклятой змей, не от хлеба ходят, а к хлебу".

Он как полезет в дверь, мы тут его убьем.

И вот подходит змей — нижнюю губу на нижний порог, верхнюю губу на верхний порог — и закрычал:

— Лезь, Матрена-царевна, ко мне в горло.

— Врешь, проклятой змей, не от хлеба ходят, а ко хлебу.

Он только полез в дверь, а львенок прыгнул ему на шею, тут Иван-царевич отсек ему голову, туловище упало в море. Разбил он голову, самоцветной камень взял, положил в карман, а голову под плиту положил и сказал:

— Матрена-царевна, я тебе оставлю львеночка для веселья, а сам пойду домой. Как светать станет, вы его отпустите, он прибежит домой.

У ней была золотая медаль, она надела на львенка. Он от радости прыгал, скакал! Как рассветало, он домой убежал к Ивану-царевичу, а утром водовоз

[неразб.] ехал по воду и сдумал забежать в избушку: "Где-то у Матрены-царевны была золотая медаль, не валятся ли где". Как забежал и увидел и сказал:

— Вы живы, Матрена-царевна? Живы. Скажите, что я вас спас от смерти, а не скажете, то тупым косарем голову отрублю.

Она ему и говорит:

— Да кто же больше спас? Вы, вы.

Посадил за бочку и повез во дворец к царю. Скорей бежит с докладом:

— Вашо царско величество, я спас от смерти Матрену-царевну.

Царь говорит:

— Ну что же. Спас, за вас и взамуж отдам.

Назавтре поднялся колокольной звон, Иван-царевич спросил у бабушки:

— Что ето сегодни звон по всему городу?

Она ему в ответ сказала:

— Матрену-царевну за водовоза взамуж выдают.

Иван-царевич попросил поись и пошел на свадьбу смотреть, и взял с собой львеночка, и поставил за двери. А Матрена-царевна заметила и спросила отца:

— Вашо царское величество, разрешите мне по палате расподать три ведра зелена вина.

Царь разрешил, она стала и пошла, а жених никак не отпускает ее, но она и мало говорит с ним и пошла подавать: кому подаст, кому не подаст — и дошла до Ивана-царевича. Подала и за дверь вышла, и вывела львенка, и сказала:

— Вот хто меня спас, а не он, старой пес.

Отказалась от водовоза и сказала:

— Помните, у меня была золотая медаль, вот она на кем надета.

Тогда царь спросил:

— Скажите, кто хозяин етем зверям и чьи оне будут?

Тогда Иван-царевич вышел на середину публики и сказал:

— Мои ето зверятки, я хозяин буду им, вашо царское величество.

Царь тогда проговорил:

— Поетому вы спасли моих дочерей?

— Я, вашо царское величество.

— Дак вы и женитесь на Матрене-царевне, она у меня всех красиве.

Действительно, что была красавица.

— А водовоза мы посмотрим, куда девать. Сегодни мы с вами съездим осмотрим змеиные головы.

Царь приказал запречь карету, для водовоза простую телегу, взял несколько слуг с собой и поехали с Иваном-царевичем в одной карете, а водовоз в другой, простой телеге. Конвой впереди и сзади. А водовоз ни жив и ни мертвой сидит, побледнел. Когда приехали к месту, Иван-царевич показал, где лежат змеиные головы; тут царь велел водовозу поднять плиту и показать головы, но водовоз дулся-дулся и с места не мог сдвинуть. А Иван-царевич поднял плиту и показал змеины головы и положил плиту обратно, вынял из карману самоцветны три камня, показал и сказал:

— Змей был трехглавой, победа кончена с ним навсегда, туловище его сброшено в море.

Тут же царь хотел расстрелять водовоза за ложные его слова, но Иван-царевич оттоворил не расстреливать его, а сослать в Сибирь на ссылку. В то времё в Сибири мало старожил жило, боялись Сибири. Вернулись в царски палаты царь и Иван-царевич. Царь приказал написать указ, и сослали водовоза в Сибирь,

но он жить не мог более трех суток. [Передавалось прадедами устно, как ходили ссыльные просили под окошком милостину: "Отцы наши благодетели, могите подать — не ломать, а будете ломать — не будем приматъ". И сам бежит скорей к дверям. Кака-нибудь женщина, боясь бродяги сидит, на крючке дверь и тащит целой калач. В руки сунет ему и дверь на крючок.]

Так после отправки водовоза царь выдал Матрену-царевну за Ивана-царевича замуж. Трои сутки пили-гуляли, весь город от радости гулял, что освободил Иван-царевич от лютого змея. Царь все царство передал молодому зятю. Охотно принял весь народ Ивана-царевича. Несколько время прошло, Иван-царевич сказал своей супруге:

— Вы до моего приезду управляйте государством, а я съезжу сестру попроведаю.

И оседлал коня и уехал. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Скоро бабушка блины пекет, да долго печку растоплят, дрова осиновы, да и те сырые.

Приехал Иван-царевич, где была Марфа-царевна прикована в бане на цепь. Все угли поела и три чана слез наточила, через края бегут слезы. Отковал брат сестру и увел домой к себе. Обмыли, обшили, снарядили Марфу-царевну, долго она жила у них. Но как ей захотелось извести брата, успела взять с собой змеино зуб и сумела зашить в подушку, на которой спит Иван-царевич, и он ему впился в косицу, и он уснул непробудным сном. Трои сутки спал. Жена его, Матрена-царевна, будила-будила, но не может никак разбудить и горько запричитала над ним. В то времё услыхала причеты его беленька собачка, прибежала и давай грызти ему косицу и вытащила змеино зуб из косицы и в тот же момент зализала косицу, и она зажила. А Иван-царевич проснулся и скрякал и сказал:

— Долго спал, да скоро встал.

В ответ его жена Матрена-царевна сказала:

— Еслив не беленька собачка, вы бы вечно проспали бы. Трои сутки спали, никак я вас разбудить не могла и заплакала над вами, услыхала мои причеты беленька собачка и прибежала, и вытащила змеиной зуб. Вот он лежит.

Тогда понял, в чем дело, Иван-царевич, и приказал слугам увести за город сестру свою и расстрелять. Так и было сделано, приказ исполнен.

Иван-царевич с женой своей с Матреной-царевной до глубокой старости жили дружно, управляли государством. Люди похвалили, был молодец и моей сказке конец.

4. ИВАН ЦАРСКОЙ СЫН ЗОЛОТЫХ КУДРЕЙ

В некаком царстве, в некаком государстве, именно в том, в каком мы живем, был царь.

Жил он только вдвоем с женой, детей не было.

— Что, — говорит жена, — мы при старости лет, детей у нас нет. Надо объяснить своим ближним сенаторам, енералам, полковникам — во утробу зарожденья младенца вложить.

Ездили ближние енералы, сенаторы, полковники по всей енперии и никого не нашли, хто бы мог во утробу зародыш вложить.

Оболакатся сам в лакейску одёжу, отправлятся по городу. Ходил он по всем лавкам, по базарам, искал себе избранника и нигде не нашел. Пошел по

кабакам; дошел в последний разряд, в бережной кабак. Лежит у застолля пьяница, с похмелля мается. У целовальника спрашиват:

— Что за человек этот?

— А вот пьяница, с похмелля мается.

— Наливай, — говорит, — сиделец, полштофну меру водки.

Тот налил. Спрашиват у пьяницы:

— Чего, пьяница, тут маешься?

— С похмелля валяюсь.

— Ноне выпей от меня, опохмелься.

Берет он одной рукой полштофну меру, выпиват в один дух. Спрашиват лакей:

— Можешь подняться?

Тот головой трясет.

— Ну-ка, сиделец, наливай другу́ полштофну меру! Выпивай-ко, — говорит, — ешшо от меня.

Тот берет одной рукой, выпиват в один дух.

— Можешь нынче подняться?

— Очуствовался мало-мало, а подняться не могу.

— Ну-ко, сиделец, — говорит, — наливай четвертну меру.

Выпил пьяница, выпивши очуствался.

— Ну что тебе, лакейско брюхо, нады?

— Не знашь ли чего, чтоб в царицыно брюхо какой зародыш вложить?

— А, — говорит, — я тебе сказать сказал бы, да что маит-то меня похмелля... Выпить бы малость...

— Ну-ко, сиделец, — говорит лакей, — наливай полведерну меру.

Налили полведерну меру. Взял пьяница обемя рукам, выпил половину, вздохнул; потребовал себе закусить; закусил и выпил остально. Потом стал обсказывать:

— Вот что, лакейско брюхо, скажи своёму восударю, пушшай, — говорит, — невод такой свяжет, которым может пятисотенной полк с ним воевать и пять ло́ток. Я приду и, чего бы я ни приказал, пускай меня слушают.

Приходит к восударю.

— Готовы мне работники?

— Готовы.

— Ло́тки готовы? Невод готов?

— Готов.

Поехали на́ море́. Замотали тонь, тянули-тянули — не могли "по столбы" подтянуть к берегу. Приказал он сака́м черпать рыбу эту. Хто черпат, хто перебират, а морё бросат. Он доглядыват, какую ему рыбку нужно. Эту всеё рыбу на берег повытаскали, всеё в морё повыбросали — нету той рыбки.

— Кидайте другую тонь!

И тем же побытом вытянули другу тонь; опеть жа рыбы бёзну по́ймали: скля́ная мотня; и опеть жа стали черпать сака́м рыбу: хто черпать, хто в морё бросать. Перебросали всеё рыбу, по нему нету рыбы.

Приказал третью тонь метать. Подташшили третью тонь — полматницы только выташшили. Выбирать, выбирать — выбрал он по себе рыбку. Сказал своим рыбальшика́м:

— Если хотите неводить — неводите, а мене и этой рыбки будёт...

Сказал это и пошел к восударю. Отдает восударыне.

— Восчисти, восударыня, своим рукам; вымоёшь, пирог испеки из этой рыбки и весь пирожок съедай.

Она ела сама рыбку, кости под стол бросала; под столом кошка кости съела. С этого времени забеременела восударыня и кошка забеременела.

Проходили оне свои времена. Пришел час, что нады родить. Восударыня родила сына, и кошка родила сына. Окрестили. Дали имё: Иван царской сын золотых кудрей; кошкиного сына окрестили — будь Кошкин сын. Не дали имя́ белого свету на минуту и приставили к имя́ дядьку Цымбалку — кормить в особой комнате.

Росли оне не по дням, росли не по часам. Через семнадцать часов доспелись оне великаны: три аршина вышины, полтора аршина толшшины. Через трои сутки стали у дядь-Цымбалки спрашивать:

— Что жа, дядя Цымбал, неужли у нас окромя этого свету никакого другого свету нету?

— Как нету!?... (А восударь наказал дядьке Цымбалку не казать им свету семь лет.). Только папаша с мамашой не велели показывать никакого свету семь лет.

— Не бойся, — говорят, — иди к папаше-мамаше и скажи, что ихни дети просят прийти на повиданья.

Дядя Цымбал пошел к отцу-матери:

— Вашо царско величесво! Ваши дети просят прийти к имя́ на повиданья.

Царь удивился. Как это через трои сутки дети могли так вырасти. Не уверился дядьке Цымбалку. Пошли и восударыней своёй. Заходят к детям в комнату. Зашли и перепугались сами собой, увидавши такие великаны. Оне подходят:

— Что же вы, папаша и мамаша, переменились с лица? Испужали наши лица, наши корпусы?

Пали на коленки:

— Отец-мать! благослови нас слово сказать... Хочем мы спросить вас, папаша-мамаша, скажите истинну правду: есь ли окромя этого свету ешшо свет какой?

Ихний отец-восударь объяснят:

— Есь, — говорит.

— Если есь, папаша-мамаша, другой свет, мы не жители здеся.

Берет он на руку Ивана царского сына золотых кудрей и Ивана Кошкина сына за ним и выходит из комнаты. Вошли во дворец. Переночевали ночь. Наутро встают. Оделись, умылись, позавтрикать сяли. Закусили, речьми стали заниматься.

— Что же, папаша-мамаша, чем мы будем забавляться?

— Вот вам, дети, забава: выходите в сад, в саду есь всяка трава, всяка птица и звери.

В этом саду во дворце прожили и забавлялись всяким травам, всяким зверьми и ягодами. Один другому говорит:

— Что, брат, этту мы будём делать. Надо проситься у папаши-мамаши во чисто полё погулять, себя показать, людей посмотреть.

Переночевали ночь. Наутро встают; позавтрикали и просятся у папаши-мамаши:

— Опустите нас во чисто полё погулять, себя показать, людей посмотреть. А то каки мы люди, будем век свой в саду жить.

Отец-мать отвечают на те речи:

— Ах вы, мои дети возлюбленные, у вас кость жидковата ешшо, молоды ешшо вы, зверь какой похитить может, супостат какой побьет вас. Как мы без вас будем?

— Н-да, — оне на это, не утерпя свое сердцо, — опустите, просим! Мы всё уже не жители здеся...

— Неужели вы, дети, пойдете пешехотою? Неужели не стало коней?

— А есь кони?

— Да есь. Идите в конюшню, выбирайте себе по лошадочке.

Пошли они в конюшню. Иван царской сын не мог себе выбрать коня: на котору руку положит, та и накарачь падат. Иван Кошкин сын выбрал себе коня и вывел из конюшни. Иван Кошкин сын садится на коня, Иван царской сын золотых кудрей — пешочком. Отправились во чисто полё.

Ездили, ездили, доехали до моря. Приехали на корабельску присталь. Ничего они не увидали: только нашли на корабельской пристали три дуба — срослись оне. На этих на дубах надпись написана:

"Нихто на эту присталь больше не подбегат. Только подбегат одна Кра́сота — от зари — заря подсолнушна красота, от семи сестер — сестра, от двенадцати бабушек — внучка, от трех матерей — дочь. Хто эти дубья расшибет, тот эту Красоту взамуж возьмет..."

Иван царской сын золотых кудрей говорит Ивану Кошкину сыну:

— Ну-ка, брат, Иван Кошкин сын, натягивай тугой лук, накладывай калену стрелу, пускай в дуб. Разобьет стрела дуб — за тебя тая Кра́сота взамуж пойдет.

Иван Кошкин сын натянул свой тугой лук, наклал калену стрелу, садился на коня, разъехался на пятьдесят сажень. Понужнул своего коня, стал подъезжать, ударил в ентот дуб — только язву дал, дуб не пошевелился.

— Ну-ка, Иван Кошкин сын, должно тебе не владеть ей. Да-ко я натяну свой тугой лук, накладу калену стрелу.

Разошелся на сто сажень, рассердил свое сердцо, ударился на больши шаги, ударил в ентот дуб каленой стрелой... И дуб раздвоился начетверо.

Потом весьма рад доспелся. Сяли под шатер, стали в карты играть.

Вдруг корабль бежит, искры от него летят. И бежит корабль прямо на эту корабельску присталь. Бежит от зари — заря подсолнушна красота, от семи сестер — сестра, от двенадцати бабушек — внучка, от трех матерей — дочь — прямо на эту корабельску присталь.

Кошку бросила и сходню сдернула. Выходит на сходню. И он ко сходне. И сошлись в полусходне; встречу доспели. Он сколь был красив, она — красивей его. Потом русским языком говорит:

— Да, мой возлюбленной обручник! Умел дуб разбить, умей мной владать.

Рука в руку вручились, перстням переменились, поцеловались тут.

— Вот что, мой возлюбленной обручник! Теперь, когда мы обручились, мне не время быть здеся. Я тридцать лет тебя ждала, когда ты в рыбе ешшо был. Нынче я сейчас ворочусь назад; поправлюсь своим делам. Чего нужно, заберу и ворочусь; тожно ты возьмешь меня. От зари — заря обратилась назать. Иван Кошкин сын на коня сял. Сколь он на коне спешит домой, а Иван царской сын золотых кудрей с радостью своей ешшо коня опережат.

Отец-мать вышли из дворец. Видят с балхону детей. Идут оне в радостях своих скорым пехотом. Заходят оне во дворец. Отец-мать спрашивают:

— Что вы, дети наши, так веселы, радошны сегодняшнего числа?

Иван царской сын золотых кудрей отвечат:

— Ах, папаша-мамаша, как мне не веселиться? Я себе товарища нашел.

Отец-мать говорит:

— Какого?

— От зари — зарю подсолнушну красоту, от семи сестер — сестру, от двенадцати бабушек — внучку, от трех матерей — дочь. За меня взамуж идет, обручился с ней.

— Что ты ее не взял?

— Нельзя, папаша-мамаша, взясть; отпросилась имушшество взясть.

— Хорошее дело, — отец-мать отвечат, — с завтрашнего числа у нас будет того — бранье.

Оставим нынче это дело; возьмемся за Ивана Кошкина сына: такой жа человек он, только сила не та уж.

Забедно палось ему. Иван царской сын золотых кудрей в сад пошел любоваться, красоваться и веселиться. И Иван Кошкин сын пошел по городу, кручиной печальной искать себе случай, не выисшется ли хто, не отобьет ли у Ивана царского сына золотых кудрей невесту за него: "Тому бы я сто рублей дал..."

Ходил он по колдовкам, ходил по тем по ягин-бабам. Никака не выискиватся. Только одна выискалась.

— Отобрать не могу, а только отвод доспею. На вот тебе спящу булавку. Как вы приедете на корабельску присталь, под шатер сядите, станете дожидать, будете в карты играть, как он отвернется, в его шинель эту булавку воткни. Он спать ляжет крепким сном.

Потом пришли назавтра на бранье. Корабля нету. Сяли под шатер, стали в карты раскидывать. Иван царской сын золотых кудрей отвернулся, Иван Кошкин сын воткнул енту булавку в его шинель.

— Ах, брат! — говорит Иван царской сын золотых кудрей. — Забросим карты,— говорит Кошкину сыну, — чего-то мне спать захотелось.

Улегся и уснул крепким сном. Спал он долго ли коротко. Прибежал корабль на корабельску присталь, а на нем от зари — заря подсолнушна красота, от семи сестер — сестра, от двенадцати бабушек — внучка, от трех дочерей — дочь.

Кошку бросила и сходню сдернула. Выходит на сходню. Иван Кошкин сын на сходню. Она идет по сходне, не пропускат на сходню. Поравнялась с ним, поздороваться поздоровалась и спросила:

— Где Иван царской сын золотых кудрей?

Он ответил:

— Под шатром... Спит. Я его будил и не мог разбудить.

Зашла она сама под шатер и давай его качать и давай будить. Сколь качала-будила, на грудь его пала и слезами смочила — все равно как водой облила. Сколь будила, ни будила — не могла разбудить. И плакала, сколь плакала, — на то и положилась.

— Кака же на тебя кручина навалилась? Не мог же ты пообождать, заснул в это время! Почему я ждала, — говорит, — никуды взамуж не шла! Ты тридцать лет в рыбе жил, и то дождалась; а ты не мог обождать.

Выходит из-под шатра и говорит русским языком:

— Ишши меня, мой возлюбленной обручник, за девять морей и за девять земель, на десятом острову, на Сарачинском!

Он скрозь сон все эти слова слышал, проснуться не может.

Рассердила свое сердцо... Сходню успели сдернули, кошку не приказала вынимать. Снасти обсекли. Заворотила корабль и убежала с виду от Ивана Кошкина сына.

Иван Кошкин сын залезат под шатер, вынимат спящу булавку из его шинели. Иван царской сын золотых кудрей проснулся. Время было уже не ране дня. Спросил он:

— Прибегала от зари заря, моя обручница?

— Прибегала.

— Что меня не будил?

— Не то что я тебя будил, брат. Иван царской сын золотых кудрей, и она будила.

— Что у меня груди мокры, — говорит.

— Это она горячим слезам смочила. Рассердила свое сердцо и сказала: "Ишши меня за девять морей, за девять земель, на десятом острову, на Сарачинском!"

Кручина его убила.

— Что такое случилось? Навалился на меня такой сон-видение. Пойдем, брат, домой, — говорит.

Иван Кошкин сын садится на коня, тот пешочком. Иван Кошкин сын едет ни шатко ни валко. Иван царской сын золотых кудрей и то отстает, еле ноги несет с кручины со своей.

Отец-мать увидали с балхону, что оне идут кручинны эки. Соскакивают с балхону, встречают.

— Что же, мой возлюбленный сын, печальной идешь, нога за ногу плетешь и невесты не ведешь?

— Как мне, папаша-мамаша, не кручиниться, не печалиться, когды я свою невесту проспал.

Потом покушали, поели. Иван Кошкин сын пошел по саду проклажаться, а Иван царской сын золотых кудрей пошел по городу с кручиной своей. Ходил, ходил по городу... Встречается Бабка голуба шапка.

— Здравствуёшь, Иван царской сын золотых кудрей! Куды отправился?

— Прочь, стара чертовка! Пихну под дыру, полетишь под гору; хвачу за висок — посыплется песок!

— В очи ясны не сыпь песок, — она ему отвечат.

Ходил, ходил тот день — больше никого не видал. Приходит домой, объяснят матери своей:

— Мать! Объясни отцу, что я все же не поилец, не кормилец, а пойду свою обручницу разыскивать.

Отец отвечат ему:

— Возлюбленной мой сыночек! Да неужели в лесу́ ле́су нету?

— Ах, папаша-мамаша, мне в лесу́ ле́су есь, да все не по мне.

— Даю я тебе благословленьё: поезжай себе на все на четыре стороны, выбери себе невесту; где бы тебе ни поглянись, тую и возьмешь: то ли по своёй империи, то ли во чужих землях.

— Никого мне не нады, — отвечат Иван царской сын золотых кудрей, — что у меня мысль-за-мысли, то и поеду искать. Пеки, — говорит, — мамаша, подорожничков, отправляюсь я искать свою возлюбленную обручницу.

Сам опеть пошел по городу и опеть эта Бабка зелена шапка ему навстречу:

— Здравствуёшь, — говорит, — Иван царской сын золотых кудрей! Куды отправился?

— Прочь ты, стара чертовка! Пну под дыру — полетишь под гору; дерну за висок — посыплется песок!.. Без тебя горе.

— Не сыпь в очи ясны песку.

Она из-за улка-переулка опеть навстречу:

— Здравствуёшь, Иван царской сын золотых кудрей! Скажи мне, я, бывать, пособлю горю твоему.

— Чего ты моему горю пособишь?

— А, бувать, и пособлю.

"И в самом деле, може, чего старуха знат, дай я ей скажу".

— Вот, бабушка, горе мое, — говорит. — Сознал я себе невесту — от зари — зарю подсолнушну красоту, от семи сестер — сестра, от двенадцати бабушек — внучка, от трех матерей — дочь. Я ее проспал. Ежли бы ты сказала мне, как мне ее найтить, я бы все тебе отдал бы.

— Иван царской сын золотых кудрей! Мне жалко тебя. Только ты не сам проспал невесту, а через брата своего.

Раскинула свою волшебную книгу, посмотрела в книгу:

— Да, верно! Верно ты страдашь, верно ты болишь об ней; только она, — говорит, — далеко... За девять морей, за девять земель, на десятом острову, на Сарачинским. А и как тебе пешком идти, тебе в три года не дойти, орлом лететь тебе — в полтора года не долететь. Я тебя натакáю. Есь в отцовском во саду стоит древо, стоит в правом углу, — говорит. — Если можешь это дерево своротить: под этим деревом есть плита семнадцати пудов; если можешь эту плиту отворотить: тут есь западня — подвал; в этом подвале стоит конь шестикрылый и шестиногой — пятьсот годов уже стоит он. Не то что отцовской, не дедов, а прадедов. Если этого коня достанешь, так ты в трои сутки добежишь. Он стоит, — говорит, — на двенадцати цепях, и у этого подвалу — двенадцать дверей и двенадцать замков.

Благодарил старуху, сто рублей денег дал ей. Обратился назад, во дворец не пошел, пошел в сад. Дошел до этого древа, схитил древо, отбросил за сад. Хватил плиту на носок, плита улетела за город. Стал замки ломать, двери отпирать, конь — цепи рвать. Дошел до последнего замку, замок изломал, дверь отворил, конь цепь последню изломал. И конь бежит к нему навстречу. Поймал его за чембур и выводит наверх. Вывел наверх. Конь отвечат русским языком.

— Ну, возлюбленной мой хозяин, Иван царской сын золотых кудрей! Умел меня достать, умей мной владеть. Зарывайся по колени в землю: можешь ли сидеть на мне?

Разбежался конь, на его плеча скочил: он только сдрожал, не пошатился.

Тожно ответил:

—Ну, мой возлюбленной хозяин! Должно умел меня достать и умешь мною владеть. Отпусти меня в чисто поле на трое суток. Я, — говорит, — покатаюсь, поваляюсь, выти заберу, чтой-то я, — говорит, — подстоялся.

Отпустил своего доброго коня. Сам во дворец пошел к отцу к матери.

Время подошло — нады ехать. Вышел на балхон. Свиснул, гаркнул молодецким посвистом, богатырским голосом. Бежит его добрый конь, земля дрожит, из рота пламё пишет, из ушей дым идет, из норок искры летят.

Поймал он своего доброго коня, огладил. И кладет коврички на коврички, и сверх того потнички на потнички, и сверх того потничков всю богатырскую

сбрую, сверх той сбруи черкеско седелышко с двенадцати подпруг, подпруги все были шелковые, шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро во грязи не ржавит.

Распрощался он с отцом, с матерью. Только видели, что он в те от во стремены ногу закладывал, и не видали, куды улетил, в котору сторону. Неизвестно, где искать.

Летел Иван царской сын золотых кудрей ниже облака ходячего, выше лесу стоячего. Пролетают тамотко сколь время. Вдруг навстречу богатырь Волк Волкович-супостат.

Пасть свою разинул, хотел сглонуть его, только не поспел — пролетел он.

Эва! Видит: на земле стоит медной дворец. Падат на землю, подводит коня к белояровой ко пшенице. Сам заходит на крылечко, сам-то брякат во колечко.

Выходит молодица, большая его сестрица.

—А, здравствуёшь, родимый брателко! Каки тебя ветры принесли эта-ка? Я тридцать лет тебя ждала и насилу дождала.

Берет его за праву руку, ведет его в светлу горницу, садит за столики дубовы, за столики дубовы, за скатерти шелковы, за вилочки булатны, за ножички укладны.

Наставила всякого вина, кушаньёв разных, напоила, накормила.

Накушался, напился, вышел из-за стола. Медный стул поддернула, посадила: хотела у него вестей спросить, откуль он взялся. Он говорит:

— Родима сестрица, я хочу чего спросить у тебя?

— Спроси, чего знашь.

— Какой ли у тебя муж, Волк Волкович? Не можно ли меня запрятать, не взлюбилось бы ему, что я зашел в ваш дворец без всякого спрошенья?

Успела она только его спрятать — Волк Волкович тут же. Спустился на коня, хотел сглонуть его, только не успел: конь его ударил, Волк Волкович отлетел на три сажени и пролежал один час. Не в чувствах своих стал, отрехнулся: недосуг к коню идти, пособи Бог во дворец добраться. Заходит во дворец:

— Фу-фу! — говорит, — сколько мы живем во дворце, никогды было не слыхать русского духу, а теперь несет русским духом.

— Ах ты, мой возлюбленной! Ты по Русе летал и сколь там русского духу нахватался, и говоришь теперь, что русским духом несет.

Он ей поверил.

— Да, возлюбленна жона! Несколько живем времечка, никака птица не пролетала тута-ка, никакой зверь не пробегал. Сегодняшнего числа я видел чуду: видел юношу — такого богатыря, — мельком говорит. — Не очень богатырь красив, сколь у него конь красив, шестикрылой, шестиногой.

— Ах ты, возлюбленной муженек мой! — говорит. — Да этот конь у нас во дворце.

— Неужли? Да кто такой?

— Да неужли наши к нашим не ездят? — говорит.

— Хто у нас наши ездят? — он отвечат.

— Да есь у меня родимой брателко, он тебе шурячок, ты ему зятенек.

— Ну, выводи же, возлюбленная жона, на смотреньё, на здорованьё — я рад шуряку.

Она вывела его. Он об руку давай здороваться и силу хотел проверить у него: взял ручку пожал.

Иван царской сын золотых кудрей, пожалуй что, не слыхал, как он пожал. Ну Иван царской сын золотых кудрей пожал ему — перстики почернели. Он на это не осерчал.

И садятся опеть за эти за столики, стали выпивать, закусывать и стали речьми заниматься.

— Куды ваша путь принадлежила, возлюбленной шурячок?

— Моя путь, — говорит, — принадлежила искать свою обручницу от зари — зарю подсолнушну красоту, от семи сестер — сестру, от двенадцати бабушек — внучку, от трех матерей — дочь.

— Ах, — говорит, — мой возлюбленной шурячок, однако тебе ее не достать. Она, — говорит, — просватывается.

У него сердце закипело.

— За кого?

— За Кашшея Бессмёртного.

Недосуг сидеть ему за столом. Выходит из-за стола, отдает благодареньё: прошшается. Оне провожают.

— Возлюбленной мой зятенек! Даю я на твоем дворце пятно: если покрасет это пятно, не буду я в живых; если будет в ровном положенье — ожидай к себе.

Садится на своёго доброго коня, бьет его круты бедра, пробиват до мяса, мясо — до костей, коски — до мозгу. Конь рассержался, от сырой земли отделялся. Летел выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. Горы-лес промеж ног брал, быстры речки хвостом устилал.

Стречатся Иван царской сын золотых кудрей с Вороном Вороновичем-супостатом.

Ворон Воронович раскрыл пасть свою, хотел сглонуть, только не успел — пролетел он. Увидал впереде серебряной дворец. Падат прямо в серебряной дворец.

Становит коня на кормовишшо, к белояровой пшенице. Стал на крылечко, брякат во колечко.

Выходит молодица, его середняя сестрица.

— А здравствуёшь, родимой брателко! Ждала я, — говорит, — тридцать лет, насилу и дождала.

Берет его тем же побытом за правую рученьку, таким же поборотом ведет в светлу горницу; садит за столы дубовы, за скатерти шёлковы, за всяки напитки-наедки. Таким же поборотом, как и в первой раз, напоила-накормила и серебряной стул поддернула: хотела она вестей спросить. Только он запросится:

— Не можно ли запрятать от твоего мужа Ворона Вороновича? Не взлюбилось бы ему, что я зашел в ваш дворец без его позволенья.

Она запрятала.

Воротился назать Ворон Воронович во свой во дворец, налетел над коня, разинул свою пасть, хотел заглонуть... Только конь его ударил, к себе не подпустил. Лежал он два часа мертвой, без чувствия. Отдохнул — недосуг к коню идти, пособи Бог во дворец пробраться.

Тем же поборотом сфукал:

— Фу, фу! Русской коски не было, русска коска на двор пришла!

— Ах ты, возлюбленной муженек! Ты по Русе летал и русского духу нахватался и думашь, что у тебя русским духом несет.

Таким же родом он ей поверил.

— Возлюбленная моя жона, — говорит. — Мы несколько лет живем здеся, я экова чудишша не видал. Никакой зверь не пробегал тута-ка, никака птица не пролетала, никакой богатырь не проезжал. Ну, нонешнего числа увидал я богатыря храброго, молодого воина. Не очень воин красив, как конь красив.

— Ах ты, возлюбленной муженек! — говорит. — Да этот конь в нашем во дворце.

— Откуль?

— Да неужели наши к нашим не ездят? — говорит.

— А хто у нас наши есь? — муж отвечат.

— Да есь, бать, родимой брателко, может, и он приехал.

— А что, возлюбленная жона, брателко не здесь ли?

— Здеся, — говорит.

— Выводи.

Вывела она опеть его. Вот он об ручку здоровается.

— Здрастушь, — говорит, — любезный щурячок.

Зять у щуряка руку пожал — тот совсем и не слахал; щуряк зятю руку пожал — у него из-за ногтей кровь подалась. На это он не осерчал.

Садит его за стол, с собой рядом. Закусывают, выпивают, речьми занимаются.

— Куды ваша путь принадлежила, возлюбленной щурячок? — говорит.

— Моя путь принадлежила, — говорит, свою обручницу искать — от зари — зарю подсолнушну красоту, от семи сестер — сестру, от двенадцати бабушек — внучку, от трех матерей — дочь.

— Ох, — говорит, — возлюбленной щурячок, не видать тебе ее. Она уже посмотренна, и вечерка скоро будет.

Скорым шагом из-за стола выходит, благодареньё отдает, прошшается. Уходит. Вышел на широкий двор.

— Вот что, — говорит, — любезной зятенек! Даю я во твоем дворце пятно: если покрасет — не считай меня в живых, а если не переменится — ожидай, приеду.

— Слушаю приказ, — говорит, — возлюбленной щурячок.

И тем же поборотом садится на своёго доброго коня, ударяет о его круты бедра, бедра пробиват до мяса, мясо — до костей, коски — до мозгу.

Конь рассержался, от сырой земли отделялся; летел выше лесу стоячего, ниже облаку ходячего. Горы-лес промеж ног брал, быстры реки хвостом устилал.

В путе-дороге навстречу богатырь Сокол Соколович. Разинул свою пасть, только хотел сглонуть... Сокол Соколович не быстер ли, да и то не поспел.

Завидет впереде золотой дворец. Прямо падат во дворец. Становит коня на становишшо, прямо ко белояровой пшенице. Стал он на крылечко, брякат во колечко. Выходит его меньшая сестрица. Отворила двери, увидала своёго брата и слезно всплакала:

— Ах, — говорит, — возлюбленной брат! Я сколько лет тебя ждала, насилу дождалась.

Берет его за праву руку, ведет во светлу-светлицу.

— Пойдем со мной беседовать...

Садит за столы дубовы, за скатерти шелковы, за всяки напитки, за ясвы за сахарны.

Покушал-попил, выходит из-за стола. Она золотой стул поддернула. Хотела только вестей спросить, не поспела.

— Возлюбленна сестра! Не можешь ли, — говорит, — запрятать от твоёго мужа? Не знаю, как взглянется ему, что я во дворец к нему зашел.

Только она успела спрятать, Сокол Соколович надлетат над дворец. Хотел коня сглонуть — конь его ударил. Он улетил на три сажени и лежал три часа мертвой. Очувствовался, отряхнулся, на все четыре стороны оглянулся — не видал ли хто... Пособи Бог во дворец добраться.

Заходит во дворец — зафуркал.

— Фу-фу! — говорит. — Русской коски не было, русска коска сама на двор пришла, русским духом запахло.

— Ах, возлюбленной муженек! Ты по Русе налетался, русского духу набрался и говоришь, что у нас русской дух есь.

Муж жоне поверил и стал ей свой обсказ обсказывать.

— Да, — говорит, — возлюбленна жона! Мы несколько лет живем, никакой зверь не пробегал тута-ка, никаки птицы не пролетали, никакой богатырь не проезжал. А сегодняшнего числа я видал чуду: проехал молодой вьюнош-богатырь. Но не столько красив этот богатырь, сколь красив его конь шестикрылой, шестиногой.

— Ах ты, возлюбленной муженек! — говорит. — Да этот конь в нашем во дворце.

— Откуль?

— Да неужли наши к нашим не ездят? — говорит.

— Да хто жа у нас наши? — муж отвечат.

— Да есь у меня родимой брателко. Не он ли ехал?

— Да он не здеся ли?

— Здеся.

— Выводи его, пожалуйста, я без ума рад ему.

Вывела. Вот оне об ручки.

— Здрастушь, родимой шурячок!

— Здрастушь, — говорит, — родимой зятенек.

Схватались оне рука в руку. Хотел ешшо спроведать свою силу Сокол Соколович: пожал ему руку. Иван царской сын золотых кудрей и вовсе не слыхал. Ну, как он пожал руку у Сокола Соколовича — вся рука кровью взялась. На это он не осерчал.

Садит его за обед, рядом с собой. Стали выпивать, закусывать, речьми заниматься, разговорам.

— Куды же ваша путь принадлежила, любезный шурячок? — говорит.

— Наша путь принадлежила свою возлюбленную обручницу искать.

— Како названнё?

— От зари — заря подсолнушка красота, от семи сестер — сестра, от двенадцати бабушек — внучка, от трех матерей — дочь.

— Ах! — говорит. — Тебе не застать ее: идет у них вечерка, идет она взамуж за Кашшея Бессмёртного.

На это Иван царской сын золотых кудрей не уверился.

Выскакиват со скорой поспешностью из-за стола, отдает благодареньё. Прощается. Выходит на двор, провожат его зять. Он говорит.

— Даю жа пятно на вашем дворце, если покрасет пятно — не жди меня живым; если жа пятно не переменит цвет свой — я в обратный путь буду.

Садится на своего доброго коня, бьет о круты бедра, пробиват бедра до мяса, мясо — до коски, коски — до мозгу.

Конь рассержался, от сырой земли отделялся. Летел выше лесу стоячего, ниже облаку ходячего. Горы-лес промеж ног брал, быстры реки хвостом устилал. Налетел он на пастухов. Пастуха свиней пасут.

— Чьи пастуха эти? — говорит.

— Кашшея Бессмёртного.

А перед вечер дело: загоняют они в свои гнезда овец. Он пособил, они благодареньё дали ему.

Дальше он проехал. Наехал на пастухов. Пастуха кур пасут.

— Чьи пастуха?

— А, проклятого Кашшея Бессмёртного.

И тоже загоняют на седала и не могут загонить. Он пособил.

— А сам он дома ли?

— Нет, нету.

— Где?

— На медной горе.

— Его невеста дома?

— Дома.

Распростился, поехал дале.

Приезжат Иван царской сын золотых кудрей к его ко дворцу золотому. Привязыват ко столбу коня, сам на крылечко стает, брякат во колечко.

Выходит его молода обручница. Пропустила его во дворец. А сама без ума вроде доспелась.

— Что моя молода обручница, где Кашшей?

— На медной горе.

— А что, поедем со мной?

— Поедем, если приехал.

Выходят из дворца и садятся на коня — в обратной путь отправились. И едут себе не хлеско: думают себе, что не догонит.

Потом пушшай же себе едут. Оставим Ивана царского сына золотых кудрей с его обручницой молодой. Возьмемся за Кашшея.

Прибежал Кашшей домой, хватился жоны (не венчались они ешшо) — жоны нету. Побежал к своему коню троеногому.

— Конь троеногой! Бей в трои ноги, беги на гору, ворожи про мою жону — дома ли она.

Конь троеногой бил в трои ноги, бежал на гору, ворожил про его жону.

— Нету, — говорит, — Кашшей Бессмёртной, твоей жоны.

— Где она?

— Иван царской сын золотых кудрей увез ее.

— Можешь догнать?

— Не могу, — говорит, — так скоро.

— А как можешь догнать?

— А расчисти новины, распаши и посей новой хлебы, узорь и сними, измолоти, высуши и смели, и двенадцать ларь пива навари, и двенадцать печей хлеба напеки. И теперь, — говорит, — это съедим и выпьем. Тогда, — говорит, — садись — догоним.

И расчистил Кашшей новины, и распахал и посеял новой хлеб, узорил и смолол, и двенадцать ларь пива наварил, и двенадцать печей хлеба напек. Съели и выпили.

Сял Кашшей на своего троеногого коня. Поехали и догнали Ивана царского сына золотых кудрей. Схватал он сзади от зари — зарю подсолнушну красоту, от семи сестер — сестру, от двенадцати бабушек — внучку, от трех матерей — дочь, свою обручницу. Потом стал биться с Иваном царским сыном золотых кудрей и похитил его — убил. Растерзал его, руки ноги разбросал и куды голова, куды ноги, куды ребра, все коски. Конь убёг.

Посадил свою невесту к себе на колени и поехал к себе во дворец. Приехали во дворец. Переночевали. Опеть пошел на медну гору.

Оставим жо опеть Кашшея Бессмёртного и опеть же возьмемся за Ивана царского сына золотых кудрей.

Эти зятевья вышли из своих дворцов, взглянули на пятна. И собрались кучей един до одного и говорят:

— Ах, свояки! Должно быть, наш щуряк Иван царской сын золотых кудрей не живой, пятна покраснели. Полетимте его коски разыскивать.

Собрались и полетели.

Прилетели, где его кровь увидали. Увидали его кровь и давай его коски собирать: которой несет его руку, которой — его ногу, и собрали все коски. Собрали — сложили.

— Ну, чем же, свояки, мы его оживим? Беги, Волк Волкович, по мертву и живу воду, исцелять человека.

— Ах, свояки, — говорит, мне не сбегать. Как бы не волчье не сранье, так он бы за горами был бы, — говорит.

И говорит своёму свояку:

— Сокол Соколович! Полетай-ко ты за мертвой и живой водой — ты легче всех.

Он отвечает имя́:

— Ах, — говорит, — с этого испугу, с этой кручины и запалюсь!

— Ворон Воронович, ты, — говорят, — полетай.

Полетел Ворон Воронович.

Летал, летал, увидал — на морё падло носит. Сял он на падло, проклевал дыру и залез туды. Падло это носило-носило, поднесло к острову, к лесу. В этом лесу, в тайге ворона парила; детей вывела — кормить нечем. Летала, летала, пищу искала и увидала возле берега эту падлу. И кричит своих детей:

— Харчь, харчь, харчь!

Дети услыхали, подбежали к этому падле. Ворона сознала, что в этом падле не просто, вороненков отбросыват от этой дыры. Вороненки бегали, бегали — побежали к дыре. Ворон вороненка и схватал. От она и заревела.

— Брат, отпусти! Брат, отпусти!

— Нет, ⟨...⟩ ворона! Слетай по живу и мертву воду, тогды опущу, а так не опущу.

Ей деваться некуды. Выпросила у него пузырьки, подвязала под крылышки и поле́тила.

Летала, летала — прилетела на живу и мертву воду. Почерпнула в той пузырек и в другой. Летит назать. Отдает эти пузырьки Ворону. Он схватил, а вороненка разорвал надвое.

Ворона пушше того закричала.

Взял он мертвой водой полил — он сросся; живой спрыскнул — он спорхнул, полетел.

Взял он пузырьки, подвязал под свои крылушки и полетел.

Прилетат к своим своякам.

Потом спрыснули мертвой водой — тело щуряка наполнилось и срослось; живой водой спрыснули — он вздрогнул; вдругорядь спрыскнули — он на ⟨...⟩ сял; в третье спрыснули — он на ноги вскочил.

— Фу! Как долго спал я, — говорит, — возлюбленные зятявья!

— Да, — говорят, — кабы не наши головы, ты вечно бы тут спал. Нихто, бат, твоих костей не нашел... Но, возлюбленной щурячок, куды жа у тебя путь надлежит? Где же у тебя твой доброй конь?

— Мой доброй конь в чистом поле, во широкой долине.

— Поедем к нам, живи у нас; никакой работой стеснять тебя не будём — гости.

— Нет, — говорит, — поеду свою обручницу сызнова разыскивать.

Свиснул, гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком. Бежит его конь — земля дрожит.

Распростился тогда со своими зятевьями.

— Что же, наш возлюбленной щурячок, как мы теперь сознаем, жив ли нет ты будешь, коды никаких пятнов нам не оставил.

— Да, — говорит.

— Ну, прошшай жа, — говорят, — теперь навеки.

Распростились. Зятевья поехали во свои места. Он поехал опеть ко своей обручнице.

Приезжат в самые полдни. Кашшея Бессмёртного нету — на своей на медной горе. Подъехал, коня поставил и прямо бежит во дворец.

— Что жа, моя возлюбленная обручница, куда жа мы нынче девамся!..

— Вот что, мой возлюбленной обручник, ежли нам нынче ехать, он тебя вовсе похитит. А вот что мы лучше сделам: я у него стану смертъ спрашиватъ. Да естъ ли, нет ли у него смертъ, спрошу я?

Он на это согласился. Взяла она напоила, накормила и запрятала близко ко своей спальне, где им легче, чтобы он слышал.

Прибегат Кашшей ввечеру. Она доспелась весела.

— Ах, ты мой любезный женишок! Нынче мы будём вечно с тобой жить. Теперь Ивана царского сына золотых кудрей нету-ка, некому похитить меня. А ты своих тайностей не объясняшь.

— Я каки тебе тайности объясню? — он отвечает.

— Да ты хоть свою смёрточку скажи мне, хоть бы на нее полюбовалась, — говорит.

— Фу, ты, — говорит, — баба, ты дура! Да ведь-ту веником метешь?

— Мету.

— Да ведь моя смертъ в голике под порогом.

Она на то и положилась. Пущай в голике. Утре встала, накормила. Он опеть полéтил на мéдну гору.

Она опеть со своим обручником целый день приклаждатся.

Потом пошли к золотникам. Голик этот озолотили, взяли полтинушную свечу и голик этот под Святы поставили. Как ему прийтить, она засвéтила свечу и встала середи дворца. Он отворил дверь, а она чепыжке богу молится. Заходит.

— Ты чего это делашь? — говорит.

— Да чего делаю — твою смертошку озолотила, под Святы поставила—на нее и молюсь, чтобы ты меня любил да долго жил, хлебом кормил.

— Ах ты, баба-дура! Волос долог, да ум короток. Правду и есь говорят: "собачье говно, что бабий ум", и то собачье говно бабий ум перетягиват. Положу ли я смертъ свою в голик: голик рассыплется, моя смертъ уйдет, потерятся.

Она в слезы ударилась.

— Да, так ты со мной живешь неправдой, тайностъ свою не объяснящь.

Потом в ночь лежит кручинна. Как он ее обнять — она головой вертеть.

— Ах, — говорит, — баба, ты дура! Моя смертъ у быка у пестеревского, у быка в правом рогу, — говорит.

Переночевали ночь. Поутра встала она, накормила его. Он опеть отправлятся на медну гору.

Она пильщикам приказала рог отпилить, послала к золотникам рог этот, озолотила; опеть поставила под Святы. Взяла рублеву свечу. Как ему прийтить, среди дворца стала, давай чепыжке молиться.

Зоходит он во дворец — она Богу молится.

— Что, милка моя, делашь? — говорит.

— Вот, любезный мой, чего я делаю — твою смертошку укрошаю; все чтобы ты век дома жил да меня поил-кормил.

— Ах ты, баба-дура! Волос долог, а ум короток: бабий ум, что кобылье говно, и то оно перетягат. Ну, положу ли я свою смертъ к быту в рог — бык пропадет, и должна моя смертъ пропасть. Она старе, того тошнее заклыктовала, завыла. Он попросил у ней ужинать. Она на стол становит, сама слезьми заливатся и уняться не может, не сяла с ним ужинать. Он просит по-всяко.

— Нет, — говорит, — не сяду, ты со мной неправдой живешь, никаку тайностъ не объяснишь...

Он из терпленья вышел.

— Ну уж, моя возлюбленна невеста, скажу уж истинную правду: моя смертъ за петъ морей, за петъ земель — есь Микольской остров. На том на острову есь микольской бык, в этом быке есь, — говорит, — ящик, в том ящику есь коробка, в этой коробке есь ушкан, в этим ушкане есь утка, в этой утке есь яйцо, в этим яйце моя смертъ, — говорит.

Тожно ей легче палось. Улеглись на спокой. Иван царской сын золотых кудрей все это слышал.

Поутру встали, Кашшей позавтрикал и опять убрался на медну гору. Вывела она своего обручника.

— Слышал, — говорит.

— Слышал.

— Ну, так отправляйси туды; если можешь этого быка своевать, тогды и смерть возьмешь.

Конь его был отпущен.

Напоила, накормила она его, в котомочку положила, чего ему надо было. Отправился он. Свистнул, гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком. Бежит его молодецкий конь. Берет коня за повод, садится на вершну. Отправлятся в чистое поле.

Стал проезжать все реки, земли и моря. Увидел в одном месте колоду. Колода эта с обех краев горит. Круг колоды лиса бегат, завыват.

— Что жа это круг колоды лиса бегат? Что-нибудь да есь в колоде.

Подъежжат к колоде, разворачиват колоду, а у ней тут гнездо — дети. Взял это гнездо со всем с дитям, отташшил от огня.

Эта лиса русским языком ответила:

— Иван царской сын золотых кудрей, за твои труды гожусь во всяко времё.

Уехал он вперед от нее. Наехал на дуб. Дуб этот в обех боков горит, а круг этого дубу соколица летат, слезно убивается и громким голосом наговариват.

— Чего-нибудь да у ней, у соколицы, да есь?

Подъехал к дубу, посмотрел — у ней на вершине гнездо есь. Взял это гнездо снял, от огня отташшил. Она русским языком отвечат:

— Иван царской сын золотых кудрей, гожусь тебе во всяко времё.

И доежжат он до моря. У моря лежит рыба большая — щука, валом ее выбросило.

— Давно я щучьего мяса не ел, хотъ поем.

Она взмолилась русским языком:

— Ах, Иван царской сын золотых кудрей! Не режь меня, опусти меня в море, я гожусь тебе.

Он ее бросил в море. Поплыла она через море.

Он перелетел на этот на Микольской остров. Видит — бык летит на него, сбости хочет. Вот он схватился и давай воеваться, давай воеваться. Нет-нет, его опружил, своротил. Брюхо распорол, ящик вынял. Ящик изломал, коробку вынял. Коробку изломал, стал отворятъ — ушкан был, да убежал.

— Вот нынче я, — говорит, — пропал... Где ушкана найду?

Проговорил речь, глядит — лиса ушкана в зубах несет.

Взял ушкана из зубов — утка выпорхнула, улетила...

— Не мне поймать! Где я утку поймаю?

Только проговорил речь — соколица утку несет.

Брюхо распорол — у утки яйцо окровенилось. Пошел на море яйцо обмыватъ. Катал, катал в воде — яйцо из рук катнулось и в морё укатилось.

— Ну, нынче я, — говорит, пропал... Как я яйцо из моря достану?

Глядит — щука к берегу подходит, рот разинула, яйцо в роте. Взял он яйцо из рота, положил в карман.

Кашшей Бессмёртный захворал, в постелю лег.

Сял он на своего доброго коня, ударил о его бедра, пробивал бедра до мяса, мясо — до коски, коски — до мозгу.

Конь рассердился, в один час прилетел в сад Кашшея Бессмёртного. Заходит он во дворец — Кашшей в худых душах.

— Эх, — говорит, — брат, брат, бери свою обручницу, только меня живого оставь!

— Нет, — говорит, идолишшо проклятое! Ты много меня оставил живого...

Положил яйцо середи дворца, молотом ударил яйцо, разбил — и у Кашшея жизнь кончилась.

Потом взял свою обручницу, вывел его коня. Потом дворец зажег со всех четырех сторон. Сгорел, доспелся пепелком. Он взял пепел, развеял. Потом сяли на коней, поехали. Приехали к своим зятевьям — тут погостили, погуляли. Забрал он зятевей и сестер с собой, поехал к себе домой, до своего места.

Приехали в свое место. Отец-матъ померли, а на царстве Иван Кошкин сын.

Сердцо снова рассердил — как он через свово брата страдал. Схватил за одну ногу и за руку — раздернул. Сам сял на царство. Потом собрал хор, стал свадьбу заводитъ, к венцу снаряжаться; оввенчались и потом пир на весь мир сделали.

И я там был, водку пил, только по усу текло, а в рот ничего не попало. Пришел я оборванцом, надели на меня зеленый кафтан и дали мне блин,

Рис. 22. Хор семейских на фоне резных ворот
Фото В.Т. Новикова

который три года в ⟨...⟩ гнил. И дали мне ледяшную кобылу и дали мне гороховую узду. Я сял на эту кобылу да по городу и поехал. Челядь кричит — синь да хорош, а я думаю: скинь да положь. Взял кафтан снял да положил. Стал город проезжать, за городом баня горит. Я поехал на пожар, кобыла-то у меня растаяла на пожаре, узду-то я на огород повесил. Потом сказка кончилась, и я остался ни при чем. Служил-служил и не выслужил ничего.

5. ИВАН ВДОВИН

Ну, жила-была вдова, у ей были три дочери. В одно прекрасное время, как летнее, пошли по ягоды, но и она за ягодами пошла и заблудилась. Попала на медведя, медведь уташил в берлог и с ней жил как с женщиной. Но потеряли, искали, там мать переживала. И нету. Мать умерла, у ей были три дочери. Эти дочери как месяц — так одной нету, второй — так второй нету, как третий месяц — третьей. И потерялись дочери.

Ну, в одно прекрасно время (это на третье лето) пошли по ягоды. Бабы, все. Но, видят — выходит женщина в лесу с мальчишком и увидала нас, и к нам. Мы перепугались: на ей все порвано, она и парнишка бежит за ей — медвежье ухо. Но оне узнали, она плачет:

— Не убегайте от меня.

Но оне взяли, охотники. Медведь в поиски пошел за ей, но охотники убили медведя. Ну, приводит ее домой. Но здесь дочерей нету, мать умерла, она осталась одна с этим суразом.

Этот парнишка рос как на опаре. Сильный был, необыкновенной силы, поймат лесинку — выдернет совсем с корнем. И теперь она его ро́стила, он проговорил:

— Мама, я пойду страмствовать и жениться на девице-богатырице и посмотреть своих сестер.

— Ты молоденькой, куда ты пойдешь.

— Нет, пойду я.

И вот стало ему тринадцать лет, он пошел страмствовать. Заказыват себе подорожники и пошел. Шел он долго ли коротко — не так сказка сказывается, как дело делатся. Шел — стоит Драгодер.

— Здорово, сильный богатырь, Драгодер.

— Не я сильный богатырь, Драгодер, а сильнейший богатырь — Ванюшка вдовин медвежье ухо.

— Возьми меня с собой.

— Пойдем.

Вот шли оне долго ли коротко. Опять стоит Отворотигора.

— Здравствуй, Ванюшка вдовин сын медвежье ухо — богатырь.

— Не я сильнейший богатырь, а сильнейший, — гыт, — богатырь — Ванюшка вдовин сын медвежье ухо.

— Возьми меня с собой.

— Ну, пойдем.

Вот уж трое их стали. Шли они, шли долго ли коротко — не так сказка сказывается, как дело делатся. Стоит Заломилом.

— Здравствуй, Ванюшка вдовин медвежье ухо. Возьми меня с собой, богатырь.

— Пойдем.

Вот шли оне уж четвёро. Но подходят — непроходимый лес. Он говорит:

— Вот продергивай тропу — нам пройти невозможно.

Давай продергивать, тропу продергивать. Но... подходят — такая гора крута. Значит, Отворотигору взялся — отворотил гору. Дале идет — скала стоит. Перелезти трудно — прямком. Заломилом взял свернул. Вот идет. Шли оне долго ли коротко — не так сказка сказывается, как дело делается. Подходят, видят — дворец. Подходят к етому дворцу — на замке: от пудового до двух пудов. Ну, приказывает:

— Драгодер, изломай замок, зайдем туды.

Он взялся — не мог сломать, помогает Отворотигора — не могут. Подошел Ванюшка вдовин сын медвежье ухо, загнул — замок лопнул. Заходит — там скота уйма. Но он говорит:

— Вот тринадцать быков, вари ты мяса, а мы пойдем в экспедицию.

Но там чаши налажены — все. Вот этот Драгодер варить остался, заварил тринадцать быков, выходит старик с ноготок, борода с локоток и выносит двенадцать колосок на ладошке скоту, и раздает их и подходит к Драгодеру.

— Здравствуй, молодец!

— Здравствуйте.

— Кто вам разрешил моёго скота забивать?

— А тебе куды, дедушка?

— Да как? Мне его жалко. Ну, дай кусок с коровий носок мяса.

— Счас, дедушка.

Хотел только мяса взять — старик его измял, это мясо все съел и ушел. Вот те приходят, ись захотели. На вторы сутки. Видят: он весь издавленный, избитый, все съедено.

— Ты че?

— Я заболел.

Но, видят, что его потрепал кто-то.

Он оставлят Отворотигора. Но, тот тоже забил двенадцать голов. Оне опеть сторожить попросили. Ну, двенадцать-то голов забил, приходит этот старик, приносит двенадцать колосок на ладошке, подходит к ему:

— Отворотигора, ты зачем моего скота губишь?

— Да тебе куды столько скота?

— А мне его жалко. Но, дай мне кусок с коровий носок мяса.

Ну, тот хотел дать, он измял, избил и все мясо съел и ушел. Ну, теперь Отворотигора, Заломилом, то есть, остался, тоже так же получилось. Но, теперь Ванюшка вдовин сын медвежье ухо остается. Но, сварил, ждет, должны скоро придти, торопится. Старик приносит двенадцать колосок на ладошке, подает скоту и подходит к Ивану медвежье ухо. Говорит:

— Зачем ты у меня скот?

— Дедушка, нам тоже ись надо.

— Ну, дай, — говорит, — кусок с коровий носок мяса.

— Обожди, дедушка.

Подходит, сгреб старика за бороду, вывел в угол, вывел и прижал ему бороду. Ну, старик кричал, кричал, оторвал бороду — убежал. Ну, те приходят. Наелись. [Смеется.]

Ну, два дни лежали, теперь пошли опеть. Отворотили камень агромадный, а там провалишше туды вниз. Ну, кому жеребья вытянуть, чтобы спускаться. Ну,

вытянул жеребья Ванюшка вдовин сын медвежье ухо. Вот его спускали, делали из шкур веревку. Ну, спустили. Ну, теперь орлица. Подлетел ветер, а он накрыл одежей, чтобы град не убил детей. Этот (ну, он пошел странствовать):

— Я тебе службу сослужу. Обратно пойдешь, я тебе службу сослужу. Вынесу наверх тебя.

Ну, шел долго ли, коротко ли — не так сказка сказывается, как дело делается. Но, идет, видит: стоит дворец. Ну... стукнул-брякнул в колечко — выходит красавица на крылечко.

— Стой! — говорит.

— Да мне вот нужно было здесь пообедать.

— Я зайду спрошу хозяйку, разрешит — войдете.

Ну, спрашивает. Она, его сестра-то, за змеем трехглавым. Она зашла. Она сразу булавку воткнула:

— Мой брат Ванюшка вдовин сын медвежье ухо. Ты как надумал ко мне? Я тебя счас скрою.

Ну скрыла. Медведь прилетат, этот, трехглавый змей:

— Фу, фу, русским духом пахнет.

— Ты по Руси летал, русского духу нахватался. А что бы мой брат Ванюшка вдовин сын медвежье ухо приехал в гости ко мне?

— Ну, пусь заходит, будем гостить.

Ну, она вытаскивает из уголочка, он заходит:

— Здравствуй, зять.

— Здравствуй... [Вспоминает: "Как называет-то".]

Ну, давай, с им гулять. Два дни, три дни пили.

— Куды надумал?

— Да пошел странствовать по белу свету. Жениться на девице-богатырице, посмотреть своих сестер.

— Да, это неплохо надумал, но плохо то, что ты будешь в темниле сидеть.

— Ну, как придется.

Ну, погуляли, он на дорогу ему дает полушалок.

— Вот захочешь где ись, только скажешь: "Полушалок, откройся", — все для тебя будет.

Ну, вот идет. Шел он день и ночь. Ну, захотел ись:

— Полушалок, откройся!

Полушалок открылся. Ну, там вино, официантки. И опеть идет. До третьего дня. Видит: опеть стоит дворец. Стукнул-брякнул в колечко — выходит красавица на крылечко. Но...

— Стой, — говорит.

— Да вот мне нужно пополднить.

— Хозяйку спрошу, тогда придешь.

Ну, спросила. Проходит. Она вышла:

— А! Мой брат Ванюшка вдовин медвежье ухо. Войди.

Но. Поцеловались. И сразу ножик воткнула в порог, скрыться ему: прилетит трехглавый змей, то есть, шестиглавый змей, он тебя съес.

Ну, он прилетел:

— Фу-фу, русским духом пахнет.

— Ты по Руси летал, русского духу нахватался. А что бы мой брат, Ванюшка вдовин сын медвежье ухо был. Че бы ты мог с им сделать?

— Ну, поговорели, погуляли, и пойдет, куды путь держит.

Ну, она ножик выткнула, он заходит:

— Здравствуй, зять.

— Здравствуй, свояк. Куды надумал?

— Я пошел странствовать по белому свету, жениться на девице-богатырице, потом посмотреть своих сестер.

— Ну, неплохо надумал. Мы вон каки три брата могли жениться, а ты будешь сотовым в тюрьме у ей. У ей девяносто девять сидит.

— Но как придется.

Давай с им гулять. Он потом скатерть вытаскивать в дорогу.

— Вот захочешь ись — скатерть в дороге откроется, будет пить и ись.

Но, проводил его. Вот шел он долго ли, коротко ли — не так сказка сказывается, как дело делается. Но, шел день, второй, третий. Скатерть открылась — наелся. Ну, видит: стоит дворец, подходит к дворцу, стукнул-брякнул в колечко — выходит красавица на крылечко:

— Что изволите?

— Да я вот хотел переночевать здесь.

— Хозяйку спрошу, разрешит — пройдете.

Спросила:

— А хто там?

— Да какой-то прохожий.

— Но, я выйду.

Вышла:

— А! Мой брат, — поймалась за его. — Самый малый.

Она за двенадцатиглавым змеем. Ну, надо прятать ей — змей прилетит. Спрятала.

Змей прилетат:

— Фу-фу, — все закачалось, — русским духом пахнет.

— Ты по Руси летал русского духу нахватался. А что бы мой брат Вашюшка вдовин сын медвежье ухо был у меня в гостях?

— Пожалуйста. Встретить у нас есть чем.

Ну, он зашел поздоровался:

— Здравствуй, зять.

— Здравствуй, свояк, — руку подал. — Да ты силенку имеешь. Куды направился?

— Да я пошел странствовать. Жениться на девице-богатырице и посмотреть своих сестер.

— Это неплохо надумал. Но только будет плохо — в тюрьме сидеть будешь.

Ну, давай гулять. Три дня гуляли. Потом вытаскивать старый чайник.

— Вот, захочешь ись, скажешь: "Чайник, откройся!" — все будет навалом.

Но, он взял, проводил его. Пошел. Шел он долго ли коротко — не так сказка сказывается, как дело делается. Вот день идет, второй. "Чайник, откройся!" — чайник открылся. Там и спирт, и там вино, и всяки сладости, и все. Но, подходит к дворцу. Стукнул-брякнул в колечко — выходит красавица на крылечко:

— Стой, говорит.

— Да я хотел тут пообедать.

— Схожу я к хозяйке — она разрешит.

— Ну, пускай войдет.

Заходит. Девица-богатырица сидит — вот с этот стол ширины. [Смеется.]

— Куды надумал?

— Да пошел странствовать по белому свету, жениться на девице-богатырице, посмотреть своих сестер.

— Неплохо надумал. Но, у меня женитьба така. Вот кто пересилит. Вы пересилите меня — значит вы и женитесь, а если я вас пересилю, то ты будешь сотовым в тюрьме у меня.

— Да, условия-то плохи твои, но че сделашь! Попытаем.

— Но, два дни погуляем, на третий день, со второго чаю, выспимся, опохмелимся маленько и будем бороться.

Вот все. Встали, поели, выпили маленько и давай бороться. И вот до самого вечера боролись. И потом она к вечеру победила.

Повели Ванюшку в тюрьму. Но, там братва закричали:

— О! Сотовый пришел?!

Тюрьма гудит. А он... чайник, полушалок и скатерть у его там. Но, он теперь... он задумался. Ну, там орут... Баландой кормят их.

Но, теперь слышут — шум получился. Ну, он ись захотел, говорит:

— Ну, ребяты, покормлю вас.

Взял полушалок:

— Полушалок, откройся!

Полушалок открылся: тут официантки, вино, закуска. И шум пошел, и песни запели. Ну, к ей подходит командир:

— Че-то у нас там гулянка получилась. Нужно армию устанавливать.

Ну, установили.

— Заходите вперед.

Открыли, отомкнули, заходит. Но...

— Чьи это вещи?

Вдовин говорит:

— Мои.

— Заветны?

— Ну да, заветны.

— А какой завет?

— Вот разденься и пройди круг нас.

Ну, она разделася, прошла. Прошла и вышла. Эту вещь забират.

Те давай ругать:

— Теперь мы с голоду помрем! Но... У тя боле нету?

— Вот одна вещь была, нету.

— Вот беда-то.

Но сидят, горюют: "Эх, хорошо бы выпить еще!"

Ну, неделя проходит, Ваня терпит все. Ну, через неделю вытаскивать скатерть. Вот-от опять хорошую вещь! Обрадовались, прямо поймали его, поднимают кверху. Ну:

— Скатерть, откройся!

Там еще лучше, там всего.

— Ну, вы хоть, ребяты, не кричите... чтобы...

Ну, молчали, напились вина, стали шуметь. Опеть услыхали, опеть пошли к им. Но, заходят, отомкнули.

— Чья вещь?

— Моя.

— Заветна?

— Заветна.

— Но, какой завет?

— Поставить кровать, легла чтобы, на кровать легла.

Но че. Приташили. Там есь кому таскать кровать-то. [Смеется.] Она легла. Ну че?

Но, теперь уташили эту вещь. "Ну, пропали теперь мы". Ну вот, проходит неделя-втора. Ваня не вытаскиват чайник-то. Но потом говорит:

— Но, ребяты, с голоду не умирать, есть еще у меня.

Ну, обрадовались, давай качать. Ну, чайник-то открылся — там уж всего навалом было — официантки... Опеть услыхали, приходят. Отомкнули.

— Чья вещь?

— Ивана вдовина.

— Какой завет?

— Ляжьте на кровать голой и чтобы на десять сантиметров не допустили меня нагого до тебя.

Стали спускать. Он говорит, когда близко:

— Ура! Опускайте меня!

Ну и вот. Она за его вышла взамуж.

Из тюрьмы шли недели две, однако, подавались домой.

Но Ванюшка че? Она пожила с им. У ей двенадцать зимовей было богатства, золота и все.

— Ну, я, — говорит, — поеду к отцу в гости, а ты в одиннадцать завозней ходи в зимовей, в ети, завозни, а в двенадцату не ходи, а то ты меня не увидишь.

— Ну ладно.

Вот она уехала. Вины всякие заморские, всякие. Ну, везде обходил, все просмотрел, стоит жеребец в подвале, меч двадцатипятипудовый. Ну, разны чудовишша. Думат: "Ну, чем жа я не схожу в одиннадцатый, то есть, в двенадцатый".

Ну, она загостилась коло месяцу. "Давай же пойду в двенадцату". Выпил. Заходит. Сидит Воробей Воробьевич на сорока бочках.

— Ох, Ванюшка вдовин, долго я тебя не видал, не встретилися. Ты принеси семь ведер воды, я сколько лет не пью.

— Но, семь — не семь, ведро-то принесу тебе.

Но, сходил. Давай второ просить:

— Да принеси, че тебе жалко воды?

Опеть принес. Вот ходил, ходил — семь. Рванул — цепи оторвал и улетел.

— Но, теперь ты девицу-богатырицу не увидишь.

Ванюшка запечалился. Значит, все.

Ну, Воробей Воробеич пашню пашет. Три гектара спахать, три бочки пива выпить, если Ванюшка повезет девицу-богатырицу — догнать и отобрать ее. Ну, пашет. Конь подопнулся у его.

— Ты что, старый, подпинасся? Разе невзгоду чуешь?

— Да, Ванюшка вдовин медвежье ухо повез девицу-богатырицу.

— Я три бочки пива сварю, выпью и Ваню догоню.

Ну, догнал Ваню, отобрал. Жену отобрал.

Но, привез. Но, теперь опеть приехал на етом коне, на жеребце. Воробей Воробеич грабли делат в сарае. Но. Ему надо ехать пахать четыре гектара, четыре бочки пива выпить. Ну, он выпроводил. Поехал. Тот запнулся:

— Че ты, старый, подпинасся? Разе невзгоду каку чуешь?

— Ванюшка вдовин сын медвежье ухо девицу-богатырицу повез.

— Я четыре бочки пива выпью и Ваню догоню.

Выпил четыре бочки пива и догнал Ваню, хотел голову отсекчи. Но:

— Отсекать не буду за то, что ты мне семь ведер воды принес. Но, если еще позволишь, я тебе отсеку голову.

Но, опеть. Поехал.

— Черт с ей, убьет — убьет.

Опеть он грабли делат. Опеть. Ну, он выждал его, полетел. Поехал, семь бочек пива сварил, семь гектар спахал, конь подопнулся опеть.

— Что ты, старый, подпинался? Каку невзгоду чуешь ты?

— Да, Ванюшка вдовин сын невесту-богатырицу увез.

— Далеко увез?

— Далеко увез.

— Догоню и голову отсеку.

И вот выпил семь бочек пива, догнал, Ванюшке голову отсек. Ну, лежит. Идут балы. А зятевья летят эти, три змея, и увидели:

— Не наш ли Ванюшка вдовин сын лежит?

Давай спускаться. Спустились, узнали, что свояк лежит. Нашли живой и мертвой воды и приростили голову и пробудился он:

— Ох! Долго я спал!

— Ты бы совсем спал, не мы дак.

Дали ему ружье.

— Иди, приходи к нам.

Ну, вот он. Еды дали. Вот он шел долго, шел долго ли коротко — не так сказка сказывать, как дело делать. Видит: стоит избушка на куричьих ножках, там живет старушка. Увидала:

— Ванюшка вдовин медвежье ухо, заходи, живи у меня пока. А потом я дам тебе три задачи. Ты ети задачи выполнишь, тогда ты девицу-богатырицу заберешь. Вот три дня ты должен пропасти семь жеребят и семь кобыл.

Но... Он говорит:

—Дык я пристал.

— Ты отдыхай месяц. Потом будешь выполнять это.

Ну. Вот она кормит его, все. Но вот. Семь кобыл, семь жеребят погнал пасти. Но вместо семь кобыл, семь жеребят получилось семь уток, семь утят. Но, ково? Но, на воде как выгнать? Но... А когда он шел, ястреба наметился убить. Он говорит:

— Ты меня не убивай. Я те гожусь у этой старухи.

Потом волк бежит. Он тоже хотел его пристрелить.

— Ты, — говорит, — меня не стреляй, я тебе гожусь.

Но... Потом ети маленьки птицы... Ись нечего.

— Ты, — говорят, — нас не стреляй. Мы годимся.

Но, теперь старуха отправила. Он этих... Сделались семь уток, семь утят. Вот летит ястреб.

— Ванюшка вдовин сын, я тебе службу сослужу.

Давай по озеру гонять, давай гонять и выгнал семь кобыл и семь жеребят. Но, пригнал.

— Ой! — говорит. — Как ты мог пропасти! Ванюшка, ты одну-то службу мне сослужи. Но, вот завтра день отдохни, послезавтра погонишь второй раз.

Ну, кормит его мясом и рыбой, всем. Ну, Ваня опеть погнал кобыл. Ну, глаз не сносил с их. Че-то маленько отвернулся, оказалось семь козулей, семь козлят. Схватились. Ну, куды. Бежит волк:

— Ванюшка, я тебе службу сослужу за твое добро.

Давай этих коз гонять с козлятами — выгнал потных коней.

Ну, пригонят, старуха перешшитала — все.

— Ну, отдыхай неделю. Вот третье заданье дам.

Пудовку маку наклала.

— И вот, разбросай. И чтобы собрать до одного, тогда я тебе первосортного коня отдаю.

Ну, он рассеял на усадьбе, ну, ково — ни одной маковицы не видит. Но, прилетат ястреб:

— Я тебе службу сослужу.

Нагнал этих воробьей всяких, синиц — всех. Ну, в пудовку только мелькают эти зерна. Ну, ястреб шшитат — не хватило одного зерна. Воробей надулся.

— Ты съел?

Воробей молчит. Он подскочил, разорвал, вытащил. Ну, старуха глянула скрозь воды — все.

— Ну вот. Из семи жеребят выбирай любого.

А он говорит:

— Вот, бабушка, маленький этот жеребенок, уши больши, я его возьму.

— Нет, ты уж этого не бери. Ты вот из етих выбирай, хороших.

— Нет, баушка, я его возьму.

— Ой, какого ты у меня коня увести хочешь.

Ну, старуха отдала, он года три его ростил. Выехал верхом и поехал на ем. Приезжат к Воробей Воробеичу. Воробей Воробеич сидит в воротах.

— Ну, — говорит, — так и так, девица-богатырица, поедем.

— Дак он догонит нас с тобой.

— Нет, этого коня не догонит, пока... быстре.

Ну, сяли и поехали. А тот конь заржет когда, и Воробей Воробеич сял — за им, но, кого: он бросил шаг — сразу на двадцать километров. Все эти дворцы волшебны, платок махнет — дворец снимат.

Ну, приехал, где ети зятевья жили, видно, дворцы поснимал, они где-то были, и приехал к этому провалишшу. Надо наверх вытаскивать: ну, она двенадцать пудов, девица-богатырица. Выташить-то ешо! Ну, теперь че? Дернул, а там этот удар Драгодеру, Отворотигора. Драгодер был внизу, давай вытаскивать. Сестру выташили, спор пошел. Тот говорит:

— Я женюсь на ей.

Другой:

— Я!

Он дернул.

— Там, — говорит, еще одна есь.

Но тое выташшили, третья поддела спор. Но, у их как раз хватило. Теперь он привязал камень: "Однако, они меня не поташут, отрежут, убьют". Ну, девицу-богатырицу привязал. Но, кого? Ее поднять-то не могут, кое-как, но выташили, там спор — ее одному надо. Но, теперь камень привязал, они до половины доташили, отрезали — камень упал. Он заплакал. Думат: "Как теперь?" Прилетела орлица:

— Бей сорок маленьких бочонков дичи.

И вот он набил на крылья и не хватило мяса, он отрезал икру, бросил ей, вынесла она туды. Ну, он тогда двоих убил, а третий уехал. И живет-поживат и добра наживат.

6. СЕРЕЖА КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Три брата было. Один, старший, помер, у него остался сын Сережа. Весь отцовский капитал они прожили с матерью постепенно. А отец имел и магазины, и корабли имел. Корабль постепенно сгнил в гавани. Сережа потом стал работать, возил мусор на отвал, кирпичи делал.

И таким путем, однажды на отвале нашел икону. Замазана икона, в грязе, лика божьего не видать было. Он привозит ее домой и матери говорит:

— Вот, мать, я нашел икону, но ниче разобрать не могу.

Мать была старуха религиозна, она икону отмыла — оказался Николай Угодник. Она поставила ее в угол и давай молиться богу. Все молится. А Сережа все работает. Где двадцать копеек, где тридцать в день заработает. И тем они питались.

А дяди его, два отцовы брата, имели магазины, жили богато. (А отцовский капитал мать с Сережей прожили.)

Ну ладно. Однажды приходит к ним старик, с виду Николай Угодник и говорит:

— Бабушка, можно у тебя переночевать?

Она говорит:

— Да, пожалуйста, можно переночевать. Только мы живем-то бедно, у меня и поисть-то нечего, тебя накормить.

А он отвечат:

— Бог даст день, бог даст пишшу, — (старик-то этот отвечат).

Ну ладно. Дело пришло к вечеру. Сережа приходит с работы, мать и говорит:

— Но, Сережа, купил ты хоть хлебца немного?

— Да нет, не купил ниче.

— Че мы поужнаем теперь?

А старик отвечат:

— Баушка, посмотри хорошенько. Может, на полочке у тебя завалялось мяско или хлебец, или че-нибудь.

— Да нет, ничо нет, я вчера искала, ниче не нашла, нечего поись.

— Но все же иди посмотри, твое дело старо, может, и не досмотрела.

Старуха послушала (мать Сережина). Пошла, зажгла лучину, посмотрела — видит вдруг: мяско лежит, лежит мяско, лежит хлеба краюшка, появился и лук, и капуста, и все!

— Вишь, ты говорила ничего нет. Ты не досмотрела, дело твое старо.

Зажгли светец, давай варить ужин. Наужнались, ложатся спать. Наутре Сережа соскакиват, чаю попил — и опять на работу. А старик этот на скамеечке поляживат да приговариват все:

— Бог даст день, бог даст пишшу.

Заговорит старуха, что ничего нет, а он:

— Нет, баушка, твое дело старо, а на полочке, может, завалялся хлебец, мяско.

Старуха послушат его, пойдет — и вправду находит хлебец, мяско, лучок. И так живут.

Сережа забыл даже, что надо купить хлеба, надеясь, что мать найдет где-нибудь поужнать.

В одно прекрасное время приходит Сережа и говорит:

— Знаешь че, мама? Дяди мои собираются ехать в друго государство на кораблях. У них много пушнины накопилось: соболей, лисиц, белок. Всякой пушнины.

А мать и говорит:

— Сережа, дяди-то богаты ведь, а у нас с тобой ничего нет. Мы как-нибудь так будем жить, нам где же против дядей тянуться! Оне имеют магазины, столько пушнины у них и всего. Оне могут идти за границу и везде за товарами.

А старик сидит и говорит:

— А че же, баушка, у вас у мужа-то был корабль или нет?

— Да был, — говорит, — да сгнил, в гавани стоял несколько лет и затонул.

Вдруг Сережа приходит на обед. Он говорит ему:

— Сережа, а ты знаешь, где корабль отцовский утонул?

— Знаю, — говорит. — Я-то его не видал, я малолетком был, но знаю, где он стоял, мама показывала, и где он утонул.

— Дак пойдем, — говорит, — посмотрим, может, мы его подымем.

— Дедушка, как подымешь, он как десять лет тому утонул в гавани.

— Но пойдем!

Приходят, конечно, к гавани. Сережа говорит:

— Вот здесь, дедушка, отцовский корабь стоял и вот там утонул.

— Ты иди, Сережа, теперь на работу, а я останусь пока здесь.

Когда Сережа ушел на работу, старик этот корабь поднял (он же был Николай Угодник, что скажет, все сделается).

Поднял, корабь сделал вмиг весь разукрашенный, машины, все на строю.

Ладно. Приходит дедушка:

— Ну, баушка, корабь у вас хороший, зря он в воде стоял несколько лет. Я его поднял. Дак он, корабь-то, как новенький! Как сейчас будто выпушшен.

Сережа приходит. Дедушка говорит:

— Но, Сережа, пойдем смотреть корабь. Корабь у вас такой, что у дядев такого нет.

Сережа поверил дедушке. Приходят к этой гаване, смотрят: корабь стоит на парах, весь разукрашенный, все машины блестят и гудят.

— Но, Сережа, ты напиши теперь надпись, что корабь этот твой, напиши — "Сережа Петров".

Написал. Таким путем, проходит четыре-пять дней, Сережа говорит:

— Знаешь че, дедушка, дяди идут за границу на своих кораблях. Везут пушнину туда: соболей, лисиц, белок. А оттэда повезут товаров.

А дедушка ему отвечат:

— Сережа, давай и мы за границу пойдем. У нас корабь хороший!

Сережа говорит:

— Дедушка, дак мы с чем поедем. Корабь-то у нас хороший, а пушнины-то никакой нет.

— Знаешь че, мы с тобой наберем кирпича, тысяч несколько. И купим известки.

— А где известки возьмем?

— А известки где? Сбегаем в Максимиху, к Шадурскому, он жгет там известку. Тонны три-четыре известки купим. Я тебе денег дам. И вот мы с тобой поедем. За границей известка дорога и кирпичи дороги. А пушнина роли не сыграт такой.

Сережа слушат дедушку. Теперь дедушка дает ему денег.

— Поезжай, — говорит, — на Малое Уро, купишь кирпичей, четыре-пять тысяч, привезут их тебе на лошадях до Байкала.

Дедушка дает ему денег — сколько надо, столько дает. Сбегал Сережа в Малое Уро, накупил пять-шесть тысяч кирпича, нанял ямщиков, привезли кирпич. Известки в Максимихе купил три-четыре тонны. Погрузили все в корабь. Сережа говорит:

— Знаешь че, дедушка, ведь дяди-то уехали пять-шесть дней тому назад. Мы с тобой опоздали.

— Ничего, не торопись: мы их догоним и перегоним. Наш корабь лучше, чем их. Они за границу идут десять-пятнадцать дней, а мы в пять дён дойдем.

А у отца Сережиного была скрипка ишо. Сереже давно хотелось научиться играть на ней. Ему было уж шестнадцать лет. Дедушка спрашиват:

— Че, Сережа, тебе охота научиться играть на скрипке?

— Да, у меня отец-то был игрок знаменитый, а я вот не могу научиться.

— Ага, а тебе желательно быть скрипичом хорошим?

— Да, желательно, дедушка, конечно, мне.

— Дак вот ты утром до солнца ходи в ту избушку и там играй. Солнце закатится, вечером играй. И ты научишься играть. Я чувствую в тебе дарование, ты знаменитый тоже скрипач будешь.

Сережа слушат старика: утром рано соскочит, бежит быстро в избушку. Начинат на скрипке играть. Вечером поздо тоже играет. И научился играть.

Приходит раз и говорит:

— Дедушка, я стал играть мало-мало.

— Ну-ка, сыграй-ка!

Сережа заиграл — и все вокруг заплясало: рюмки, стаканы на столе — все.

— Ох, какой ты игрок! Таких игроков в свете нет, — дедушка говорит.

Сережа обрадовался, что стал таким скрипачом, каких дедушка не встречал ишо. Вечером собрался со своими товарищами.

— Ребята, знаете че, я на скрипке играю здорово!

А ребята отвечают:

— Брось ты, кого ты наиграешь! Тебя и слушать-то неохота!

— Нет, ребята, пойдемте-ка я вам сыграю, у меня дедушка живет, и он меня научил играть. Дак я так играю, что рюмки, стаканы, столы — все пляшет.

Ребята собрались для любопытности. Берет он скрипку. Как заиграт — ребята пошли плясать.

— Ой, — говорят, — Сережа, ты как здорово научился играть!

— Вот дедушка у меня, он меня научил играть. Я утром рано и вечером поздо в избушке играл и научился играть. Если вы хочете научиться, ходите туда и тоже будете играть. (Сделался скрипач знаменитый.)

Таким путем, погрузили они все на корабь. А баушка говорит:

— Вот вы уедете, а я чем буду питаться? Вы, может, проездите месяц, два, три за границей.

А старик отвечат:

— Но, баушка, не печалься: Бог даст день, Бог даст пишу. Ты все ходи и на полочки смотри. Будет у тебя и на обед, и на ужин.

Таким путем, старуха их проводила. Они сяли на корабль и пошли. Идут день, другой, третий. Догоняют корабли дядей. Догнали, обогнали и вперед вышли. Дяди смотрят — что такое — пролетел корабь, подпись на нем: "Сережа Петров". Удивились дяди:

—Где они взяли корабь? Ведь отцов-то корабь давно в гавани сгнил, а оне тут пролетели.

Ну ладно. Приходят за границу, поставили корабь. Прожили день, два, три — дяди являются.

Сережа живо на шлюпку и к дядям.

— Здравствуйте!

— Здравствуй. Ты как сюда попал?

— Дак вот, ко мне пришел дедушка. Жил он у нас недели две. Потом отцовский корабь поднял, и пошли мы с ним тоже за границу с вами.

— А с чем вы пришли? — дяди спрашивают.

— А мы набрали известки, тонны три-четыре да кирпичей несколько тысяч.

— Эх, дураки! И старик дурак: тебя с ума свел. Кирпичи привезли за границу да известки! Разве нет тут этого барахла?!

Теперь, дяди собираются идти к царю просить разрешение, чтобы продавать пушнину в его государстве и набрать товаров.

Сережа слушат.

— Дак, — говорит, — дяди, и я пойду.

— А куды ты пойдешь! Мы несем дорогие подарки царю: один — соболиную шубу, другой — соболиную муфту царице. А ты с чем пойдешь?

— Да с чем-нибудь пойду.

Приходит на корабь и говорит дедушке:

— Дедушка, дяди мои идут к царю просить разрешение, чтоб продавать пушнину и накупить товаров в его государстве. Один дядя несет соболиную шубу, а другой — соболиную муфту. А я с чем пойду?

— А ты... Вот я тебя полкирпича заверну в газету и кусок известки.

— Дедушка, как я с ними пойду, меня царь сразу расстрелят.

— Нет, царь примет тебя, первым, а потом только дядей приглóсит. Подаст тебе стул и скажет: "Садись, юнош, ты будешь первым гостем".

Дедушка завернул ему известки в газету и полкирпича, и пошел Сережа за дядями вслед. Дяди его не берут:

— Куда ты идешь? С чем ты идешь?

— Пойду: дедушка велел идти с вами.

Но, приходят к царю, попросили разрешения. Царь разрешил допустить. Заходят. Вот один дядя подает соболину шубу в подарок, а другой, значит, подает соболину муфту из самых ценных баргузинских соболей.

Царь принял подарки. Теперь дяди смотрят на Сережу, чо он будет подавать. Сережа развернул газеты, подает полкирпича. Золото образовалось. Царь с радостью принял. Теперь развертывать втору газету — там кусок бриллианту. Загорелось все в комнате царской.

Дяди диву дались:

— Где он взял, где украл такой бриллиант, золото. Они жили бедно, питались кое-как.

Царь обрадовался, поймал этот бриллиант и говорит:

— Но, молодой юнош, проходи садись. (Сережу первого пригласил, а потом уж дядей.)

Они говорят:

— Ваше императорское величество, мы пришли за границу, чтоб распродать свои товары, пушнину, и кое-каких товаров у вас набрать.

— Пожаласта, — царь говорит, — разрешу. Но с условием только: чтоб в первую ночь у меня в храме ночевать одному человеку.

Они удивлены: что такое, зачем? Не говорит ничего.

А у этого царя была дочь, лет восемнадцати, дочь-волшебница. Когда она умирала, то сказала:

— Но, родители, вы меня не хороните, а сделайте мне хрустальный гроб и поставьте меня в храме. И три года кажду ночь посылайте мне по одному человеку, чтоб мне веселей было. Я не умру в это время, а через три года меня похороните. Наказ этот строгий, его исполните.

А дяди распростились с царем и пошли на квартиры. Заходят к богатым заграничным купцам и рассказывают:

— Вот мы были у царя, просили разрешение продать свои товары и купить ваши. Царь дал тако разрешение, но сказал, чтоб каждому по дной ноче отдежурить в храме.

А купцы говорят в ответ:

— Да, это загвоздка!

— А что такое?

— У него, говорят, была одна дочь, и дочь была у него волшебница. И вот когда она умирала, она сказала: "Вот, папаша и мамаша, вы меня не хороните, а слейте хрустальный гроб, положите меня в него и поставьте гроб в храме. И кажду ночь отправляйте мне по одному человеку дежурить, чтоб мне было веселей. Через три года вы меня похороните". Прошло уже больше года, кажну ночь туда отправляют по человеку. Заведут его в храм вечером — наутро его нет. Открывают храм: она лежит в гробу, как была положена, а человека нет. И уже много людей куды-то так подевалось. Или она их сжирает, или что — неизвестно.

Дядям загвоздка, что делать? Назать корабли повернуть, убежать в свое государство. Но царь дал приказ, надо исполнять. Они, два брата, меж собой посоветовались и говорят:

— А мы перву ночь Сережу наймем. Пушай он потерятся, беда небольша. А потерятся, мы корабли завернем — и ходу. Будем убегать, а то и нам, видно, живым не быть. Люди уверяют, что уж всяки молодцы находились, но утром откроют храм — человека нет. Куды деваться?

Но, пришли на корабь, посоветовались и решили все же Сережу нанять. Закричали с корабля:

— Сережа, иди сюда!

Он сял на шлюпку.

— Но че, дяди?

— А знаешь че, Сережа, ты наймись за меня, — говорит один дядя, — наймись за меня отдежурить сегодняшню ночь. Сколько ты возьмешь, ну, сто рублей или двести — я все отдам.

Он говорит:

— Не знаю, дядя, я посоветуюсь с дедушком, как дедушка мне скажет.

Заходит на свой корабь и говорит:

— Дедушка, дяди нанимают меня дежурить. Один дядя, старший, дает мне сто-двести рублей денег.

Дедушка отвечат:

— Нет, Сережа, нам с тобой денег не надо: у нас с тобой золота, бриллианту полкорабля. А вот знаешь че, если дядя отдаст свой корабь с пушниной, тогда иди. А не отдаст — не ходи.

Сережа — на шлюпку, приезжат к дядям и говорит:

— Ну вот, дяди, наняться я наймусь, только один корабь отдайте мне совсем. А денег мне не надо: у нас золота и бриллианту вдоволь.

Дяди посоветовались. Корабь жалко и идти дежурить страшно. Посоветовались и решили отдать корабь.

— Если он живой останется, — говорит другой брат, — я завтра сам дежурить пойду. Раз Сережа живой останется.

Но Сережа говорит:

— Давай корабь.

Берет корабь, завел, подогнал его к своему. У них с дедушкой стало два корабля.

Теперь, значит, дело к вечеру. Сережа должен за дядю идти дежурить.

— Вот придешь и доложишь, что за дядю пришел дежурить. Царь ничо иметь не будет, лишь бы пришел человек,'— говорит дядя.

Дедушка дал Сереже лучину.

— Вот тебе лучина. Когда придешь в храм, ты кругом отчерти круг. А вот тебе книга (Сережа был грамотный), эту книгу читай. В двенадцать часов ночи она вылетит из гроба, эта царска дочь. Вылетит и будет летать по храму, ей надо обязательно сожрать человека. Но она до черты долетит и отскочит, а ты не обращай на нее внимания, читай и читай. А когда запоют петухи, она упадет в гробницу и опеть будет лежать, как лежала до этого. А когда придут утром тебя спрашивать царь и вся его свита, когда откроют двери, зная, что тебя нету, царь будет спрашивать: "Молодой юнош, каки были с тобой происшествия?" — Ты говори: "Никаких! Как зашел тихо-спокойно, так и выхожу из храму". Сколько царь ни будет дивиться, ты молчи. А утром приходи на корабь ко мне.

Ладно. Таким путем, дедушка дает ему книгу, лучину.

— Пока все спрячь в карман, а когда в храм тебя заведут, ты зажжешь там лампадки. Замкнут храм, ключи царь возьмет себе, сторожам их не даст, потому что будет сумлеваться, что могут тебя выпустить, а потом утром опеть запустить. Может, ты за золото, за бриллианты купишь сторожей.

Царь взял ключи себе, чтоб сумления никакого не было. Вот Сережу завели в храм. Отчертил он круг, зажег лампу и начинат читать. Храм замкнули, ключи царь взял себе.

В двенадцать часов ночи она вылетат, летат по храму, надо ей его сожрать. До черты долетит — ее отбрасывает. Сколько ни ревела, ни кричала, Сережа читат да читат. Выполнят, что ему дедушка наказал. Хоть и его страх берет, но дедушкино указание исполнят точно.

Когда рассветало, царь и свита идут. Думают, что юноши нет в живых: не таки молодцы погибали.

Открывают храм: юнош как был жив, так и выходит.

— Ну, молодой юнош, каки с тобой были происшествия?

— Никаких не было.

Старообрядческая церковь, с. Никольское Мухоршибирского района Бурятии. Памятник деревянного зодчества
Фото В.Т. Новикова

— Да как так? Что-нибудь да было. Может, кто-нибудь пугал тебя, что-нибудь казалось тебе?

— Ништо не было, ваше императорское величество! Как зашел тихо-спокойно, так и выхожу.

Добиться ничего царь не мог.

Приходит Сережа на корабь, рассказыват дедушке происшествия свои.

Ладно. На другой день надо другому дяде идти дежурить.

— Что же делать? Ведь Сережа живой остался. Идти мне? Но че-то боюсь. Ты, брат, живой остался, а я, может, погибну. Давай наймем Сережу. Они корабь один у нас взяли. Теперь, может, он на деньги наймется?

Но, призывают опеть Сережу на корабь.

— Но, Сережа, ты одну ночь отдежурил?

— Да, отдежурил.

— Ты теперь за меня отдежурь, наймись. Сколько возьмешь? Но тристапятьсот рублей, но тысячу дам тебе. Пушнины тебе дам, соболей самых ценных. Наймись!

— Не знай, я спрошу дедушку.

Приходит и говорит:

— Но, дедушка, второй дядя нанимат меня дежурить.

Он говорит:

— Нам деньги не надо, пушнины нам не надо с тобой. А вот бери у них второй корабь. У нас будет тогда три корабля, а у них ни одного. Мы их высадим на песок, на каргу, и пушай они тут живут.

Сережа садится на шлюпку, приезжат.

— Но, дяди, наняться я наймусь, только давайте мне второй корабь, а денег нам не надо, ни пушнины, ни золота, ни сребра — ничего. У нас своего добра вдоволь.

— Ты че, Сережа, с ума сошел? Мы останемся без корабля, а у вас будет три корабля.

— Ну, дело ваше. Хотите — принимайте условие, не хотите — идите сами дежурить.

Дяди туда, сюда. Поговорили, посоветовались, решили отдать корабь. Дяди высадились на шлюпке на берег, на песок, как у нас на Устье, на карге. Разожгли костер, картошку варят.

Сережа подгонят их корабь к своим, и стало у них с дедушкой три корабля.

Ну ладно. Дело к вечеру. Дедушка говорит:

— Вот, Сережа, я тебе дам лучину, ты отчерти ей два круга. И дам тебе вот другу книгу, ты ее читай. Она, царская дочь, сёдня голодна, она будет реветь, кричать разными голосами, изо рта у ней будет пламя-огонь, но ты не бойся: она тебя не сожрет. В крайнем случае черту перелетит перву, а втору не перелетит. А ты читай и читай. Но каки с тобой будут происшествия, ты не сказывай, молчи. Как зашел, так выхожу, тихо-спокойно. Царю не говори ничего, — наказал дедушка Сереже.

Дело к вечеру. Сережа приходит к царю.

— Ну, ваше императорское величество, я пришел дежурить за второго дядю. Они что-то не идут дежурить.

— Ну ладно. Иди, юнош, дежурь за дядю.

Заводят его опеть в храм, замыкают.

"Что такое, — думает царь, дивится. — Такой молодой юнош, шестнадцать лет, и остался живой. Она сотни человек съела, а этот человек живой!" Удивился царь прямо!

Замыкают его, конечно. Ключи царь берет себе.

В двенадцать часов она вылетат из гробницы. Давай летать во храме, реветь, кричать разными голосами. Хочет его сожрать, но сожрать не может. Черту перелетела, другу не перелетела. Сколько ни ревела, ни кричала — ничего сделать не может. А Сережа хоть и боится, страх его берет, но он читат и читат. Выполнят дедушкин наказ.

Запели петухи, она упала в гробницу, и опеть сделалось тихо-спокойно.

Вот приходит вся свита царская, отмыкают двери: молодой юнош какой был, такой и есть. Царь спрашиват:

— Молодой юнош, каки с тобой происшествия были, рассказывай!

— Никаких не было, ваше императорское величество.

— Да как не было? Что-нибудь тебе маячило, пугало тебя. Тем больше, покойник лежит здесь в гробнице.

— Ничего не было, ваше императорское величество!

Таким путем, приходит на корабь и рассказывает дедушке все происшествие свое. Дедушка и говорит ему:

— А вот сегодня, Сережа, будет третья ночь. Тебе надо будет дежурить идти за себя. Но за себя не важно. За дядев ты отдежурил, за себя отдежуришь.

Ну ладно. Дяди на берегу на песке жарят картошку. У Сережи на берегу три корабля стоят. (Со стариком обделали их.)

Дело к вечеру. Дедушка говорит:

— Даю тебе лучину, ты сделай три черты. Она перву перелетит, втору перелетит, третью не перелетит. Седня она голодна третьи сутки. Она будет реветь, кричать разными голосами. Ей надо сожрать тебя, но она тебя не сожрет. Ты все читай и читай вот эту третью книгу. А когда запоют петухи, она упадет в гробницу, будет тихо-спокойно. А когда придут и откроют двери, царь будет тебя спрашивать: "Молодой юнош, с тобой каки были происшествия?" Говори: "Никаких не было. Как зашел тихо-спокойно, так и выхожу". Сколько царь ни будет добиваться, но от тебя ничего не добьется. Мой наказ ты исполняй.

Заводят его в храм. Отчертил он три круга. В двенадцать часов ночи она вылетает, ишо тошней того кричит, ревет разными голосами. Ей надо сожрать его. Летала, кричала. Перву черту перелетела, втору, третью хочет перелететь — ее отбрасыват. Сколько страх ни берет Сережу, он наказ дедушкин исполнят. Одно: читат да и только. Когда запели петухи, она упала в гробницу — и тихо-спокойно стало.

Приходят, открывают двери — молодой юнош выходит. Каким зашел, таким и выходит. Царь говорит:

— Молодой юнош, каки были с тобой происшествия?

— Никаких не было.

— Не может быть. Что-нибудь маячило, пугало тебя, тем больше покойник тут лежит в гробнице. Что-нибудь стукало, брякало!

— Ничо не было, ваше императорское величество. Как зашел тихо-спокойно, так и выхожу.

Не добился ничего царь.

Приходит на корабь Сережа, говорит дедушке:

— Отдежурил за дядей, за себя отдежурил. Имеем право теперь мы продавать и золото, и бриллианты, и пушнину, и все.

— Нет, — говорит дедушка, — молодой юнош, нам с тобой начто все? У нас все есть, а пушнину в своем государстве сможем распродать, а товары к чему нам, когда золота и бриллиантов полом. Нам ничего не надо. Заведем корабли и поедем.

Сережа слушат дедушку. Что он скажет, то и есть.

Таким путем, значит, собираются ехать домой, в свое государство. Вдруг вечером является посыльный.

Царь отправлят своего посыльного:

— Вот там есть на берегу корабли, на них есть молодой юнош, Сережа. Он отдежурил у меня три ночи в храме, мне он требуется сейчас. Кое-что надо поговорить с ним.

Адъютант является на берег и спрашиват:

— Тут на корабле есть молодой юнош? Звать Сережей Петровым. Его царь требует к себе.

Сережа собирается. Дедушка разрешил ему идти к царю. Приходит.

— Вот что, молодой юнош, ты у меня ночь продежурил, другу, третью. Меня это удивило, и ниче я от тебя добиться не мог. Вот сколько ты возьмешь с меня ишо одну ночь продежурить? (Царь взял в голову: "Что-то он знат".)

— Не знаю, ваше императорское величество, я посоветуюсь с дедушкой. Вот че мне дедушка скажет, приду и вам доложу.

— Ну ладно, иди посоветуйся.

Приходит и говорит дедушке:

— Вот так и так, дедушка, меня царь призывать ишо ночь отдежурить. И что надо, все обещат. Все условия для меня создает.

Дедушка отвечат:

— Нет, Сережа, нам ничего не надо. Скажешь царю одно: ваше императорское величество, если я вашу дочь выведу из храму в живности и она если согласится со мной вступить в законный брак, чтоб с вашей стороны препятствий не было. На таких условиях я согласен.

Сережа собирается и пошел к царю.

— Ваше императорское величество, мне не надо ничего! Ни золота, ни серебра. А вот если я на четверту ночь вашу дочь в живности выведу из храму и если она пожелат вступить со мной в законный брак, чтобы с вашей стороны не было препятствий. А если не пожелат, я ничего не имею. Даром отдежурю.

Царь отвечат:

— Пожаласта, пожаласта, я ниче иметь не буду.

— Хоть и она долго лежала в гробу в храме, я на четверту ночь ее живой оттуда выведу.

Царь согласился.

Приходит Сережа на корабь, дедушка говорит:

— Вот я тебе дам лучину, отчерти четыре круга. Она будет летать. Первый круг перелетит, второй и третий. К четвертому кругу подлетит и остановится. Как запоют петухи, она никуда не пойдет. Я даю тебе золотой крестик, ты одень его ей на шею, тогда она тебя не сожрет (я все знаю), ты не бойся. А потом бери ее за руки и выйдите с ней из храму. А когда придут открывать двери, вы колотитесь и кричите в два голоса: "Давайте откройте!"

Тогда вся царская свита испугатся: "Че такое, посадили с вечера в храм одного человека, а оказалось теперь два голоса". Царь удивится.

Это все рассказал. Сережа приходит. Дело к вечеру.

— Пришел я дежурить, ваше императорское величество, четвертую ночь.

Запустили его в храм, замкнули.

В эту уж ночь не спят все: ни царь, ни царица, ни свита, генералы, адмиралы, князья. Не спят. Происшествие все ждут большое.

А юнош в храме отчертил четыре круга, берет книгу, начинат читать.

Вот как запели петухи, она вылетела, ревела, кричала. Три черты уж перелетела, а Сережа все читат и читат. И вот подошла к четвертой, запели петухи. Она в гроб не падат. Теперь, значит, Сереже пришло в голову: дедушка велел на нее крест одеть. Берет крест из кармана, одел ей на шею. Берет ее за руку, думат: она его сожрет — нет, ниче.

Как только рассветало, царская свита вся стоит у храму, у дверей. Все ждут, что какие-то происшествия будут.

— Давайте открывайте! — два голоса: женский и мужской.

Открывают двери — и на тебе: он выводит из храму царскую дочь. Кака была, така и есть.

Ну ладно. Сережа пошел на корабь, а дочь пошла к царю. Собралась вся свита. Давай пить, гулять. Полтора года дочь лежала в храме неживой, а теперь оживилась. Молодой юнош приехал откуда-то издалека, из-за границы, и оживил ее.

Ну ладно. Теперь царь говорит:

— Знаешь че, дочь. Вот ты лежала в хрустальном гробу год, полтора, а какой-то юнош из-за границы приехал, и он на четвертую ночь вывел тебя

живой. Я давал ему много добра, но он ничего не взял, не согласился, а только сказал, если ваша дочь пожелат вступить со мной в законный брак, чтоб с моей стороны препятствий не было. А если не пожелашь — дело твое. Он ничо не имет, так отдежурил.

Дочь отвечат:

— Ладно, папаша, мы седня сделаем вечер и пригласим его. Если он пондравится мне, я пожелаю выйти за него, не пондравится — он ведь ничо не имеет.

Таким путем, царь сделал вечер, отправил своего адъютанта по Сережу.

— Вот тебя, Сережа, требует царь на вечер.

Сережа отвечат:

— Дедушка, пойдем вместе!

Дедушка отвечат:

— Нет, мое дело старое. Я старичок, мне там делать нечего. Я останусь на кораблях: дяди могут напроказничать, завидость их возьмет, что у нас три корабля, а они на песке картошку жарят.

Сережа берет скрипку. (У него скрипка отцовска была на корабле.)

— Пойду я к царю на вечер и там, может, сыграю.

Приходит. А там собрались, конечно, вельможи, князья, генералы, адмиралы. И являтся Сережа.

Но, конечно, там выпили изрядно. Сережа и говорит:

— Ваше императорское величество, разрешите мне поиграть. Хоть и у вас музыка есть всяка, но хочу я вам сыграть.

— Пожаласта, пожаласта! — царь разрешил.

Сережа берет скрипку и как заиграл, то все посыпались сразу: князья и вельможи, царь и царица, и невеста — все пляшут, а стулья и столы говором говорят.

Царска дочь влюбилась в него: такой знаменитый игрок, что таких игроков ей не встретить. И говорит:

— Ну, папаша, я желаю вступить в законный брак вот за этого молодца. Тем больше в своем государстве мне замуж не выйти: все будут считаться мне братья, поэтому все равно в другое государство надо выходить.

И, таким путем, согласилась.

Ну ладно. Назначили и сделали свадьбу. Дня три гуляли. Теперь собирается Сережа ехать с невестой в свое государство.

Проводили их царь, вся свита. Сяли они на корабли и поплыли. А дяди кричат:

— Сережа, вывези нас хоть на родину. Что мы здесь будем делать? На чем мы теперь попадем в свое государство?

Он спросил дедушку:

— Дедушка, разрешишь или нет их взять? Дяди просятся так.

— Ну, давай возьмем. Посадим их на задний корабь, и пусть они там сидят, а наш корабь пойдет впереди.

Ну и поехали.

Долго ли, коротко ли ехали, теперь дедушка и говорит:

— Знаешь че, Сережа, мы с тобой корабь подымали вместе отцовский?

— Вместе.

— Товару набирали, кирпичи и известки, вместе?

— Вместе.

— Все это у нас превратилось в золото и бриллиант?
— Да.
— Играть я тебя научил на скрипке?
— Ты.
— Царскую дочь мы с тобой зарабатывали вместе?
— Вместе.
— Дак вот и давай ее разделим пополам.
— Как это, дедушка, пополам?
— А как пополам? Вот возьмем и разрубим надвое.
— Нет, дедушка, ты лучше возьми два корабля, а я один корабь, а царску дочь оставь мне, чтоб она жива была.
— Нет, так не согласен, — дедушка говорит.
— Но дело твое, че я могу сделать.

Дедушка берет кинжал и разрубил ее пополам. Разрубил — из нее повалились всякие насекомые. Дедушка стал ее мыть, полоскать, склал ее опеть. Живой водой брызнул — все заросло, и она ожила. Теперь дедушка говорит:
— Стой, я слезу, пойду на свою родину.
— Куда ты пойдешь?
— Я пойду на свою родину, туда, откуда пришел.
— Нет, поедем в наш город, там мать меня ждет, — Сережа отвечат.
— Нет, я исполнил все, а ты теперь поезжай и живи на доброе счастье. Теперь у тебя хорошая невеста, а если б ее не разрубили, не очистили, она бы тебя все равно съела. А теперь она будет верная тебе жена до самой глубокой старости.

Сколько Сережа ни уговаривал дедушку, дедушка не согласился. Сял на шлюпку, выехал на берег и пошел куда глаза глядят.

Сережа отвез дедушку на берег, приезжат на корабь, говорит царской дочери:
— Теперь мы с тобой остались двое.
А она отвечат:
— Нам будет скучно, давай дядев посадим на первый корабь, веселей ехать.

Сережа послушал ее. А дедушка ему ниче не сказал об этом, что дяди будут ему всегда враги.
— Давайте, дяди, спускайтесь к нам на корабь.

Оне сяли на корабь, поехали, а дяди меж собой договорелись: Сережа был самым последним человеком, кусошником. Зарабатывал десять-пятнадцать копеек в день, а мы такие богачи были и стали простыми. Он взял царску дочь, три корабля у него, а мы приедем в свое государство голы. Давай его уничтожим.

Ну ладно. Поговорели меж собой. Теперь взяли и — бац его — в воду бросили, когда корабь шел на полном ходу. А ей сказали:
— Ты за кого вышла замуж? У меня есть сын, — говорит один дядя, — он в десять раз лучше Сережи. Мы тебя привезем и за него выдадим, но никому не говори, что мы Сережу утопили. Если скажешь, то мы тебя сейчас же кончим, а корабли все заберем.

Она давай молиться, креститься, просить:
— Оставьте меня живой, я уж соглашусь, ладно. Выйду за Колю, раз Сережа погиб уже.

А Сережа плавал, плавал в Байкале. Ему попалась доска от старого корабля, он за нее схватился, и вскоре его на берег выбросило ветром.

Оне приходят домой в свое государство. Мать Сережина узнала, что пришли дяди. Приходит и спрашивает:

— Вы там не видали дедушку с Сережей?

— О чем ты спрашиваешь! Какой-то старый дурак соблазнил твоего Сережу. Корабь у них был старый, посеред Байкалу развалился в ветер, и оне утонули, кончились.

Старуха заплакала, запричитала:

— Господь принес этого старика. Он у меня сына сманил и кончил, угробил. Осталась я теперь одна-одинешенька при старости лет.

Богаты дяди приехали. И один из них говорит:

— Вот, Николай, мы тебе невесту высватали в другом государстве. Это царская дочь должна тебе поглянуться.

Таким путем, значит, сделали свадьбу, женили парня.

Прошло год время. А царь сказал, что через год в такое-то число, в таком-то месяце приедем в гости.

А Сережа питался на берегу ягодами, кедровыми орехами, исхудал весь, оборвался весь и год время по тайге путался. А мать его все причитала, плакала, что Сережа погиб ни за что. А дедушка совсем не пришел.

Теперь, значит, приезжат царь из другого государства в гости и зятю. И в эту ночь накануне Сережа явился в свой город. Шел целый год.

Стучит в двери, мать спрашивает:

— Кто такой?

— Мама, я.

— Господи, голос Сережи.

Открыват дверь.

— Ты откэдова взялся?

— Да вот взялся. Ладно, мать, говорить ничо не буду тебе.

Оборванный, голодный, исхудал.

— Знаешь че, мамаша, я сейчас наемся, напьюсь и усну.

А мать отвечат:

— Знаешь, Сережа, завтра вечером будет пир. У нас Коля-то женится, отец привез ему невесту из-за границы. Приехал царь в гости.

Сережа все внимательно слушат.

— Ну ладно, мамаша, я в подполье залезу, а ты виду не подавай, что я пришел. А если ты скажешь только, то нас с тобой сожгут, пепел из нас только будет. Ты ниче не говори до завтрева, как будто меня не было и не будет.

Ладно. Мать все слушат, соглашатся. Сережа наелся, напился и стал в подполье спать.

Наутре купцы города объявляют:

— Сегодня будет вечер, государь император из другого государства приехал в гости.

Ладно. А скрипка его на корабле тогда осталась. Мать утром говорит ему:

— Сегодня вечер у царя. Собирается много публики, богатых людей.

Когда начался вечер, Сережа одел костюм старый и приходит на этот вечер. Приходит и на кухне стоит. С лица он изменился, исхудал сильно. А когда они венчались с царской дочерью, обменялись кольцами. У ней на кольце имя, фамилия. Она это кольцо отдала Сереже, а Сережа ей отдал свое. А когда Сережа тонул, кольцо было у него на руке. Кольцо это живо́ осталось. Когда его выбросило на доске на берег, кольцо было у него на руке.

Ну ладно. Музыканты играют. Сережа стоит в кухне. Музыканты играли, играли, потом сяли закусывать.

А Сережа подходит и говорит:

— Музыканты, вы играли, публика веселилась, разрешите теперь за вас мне поиграть.

Музыканты говорят:

— Пожаласта, пожаласта, молодой юнош, поиграй.

Он берет их скрипку, заиграл — все стали плясать. И столы, и стулья — все пляшет.

Невесте сразу в голову пало:

— Эх, вот когда у нас была свадьба с Сережей, когда меня провожали, так у меня Сережа — муж вот так же играл. В память его я сейчас подам этому музыканту-скрипачу стакан водки. (Ей в память пало. А этот муж ей не мил, ей волей-неволей пришлось за него выходить, лишь бы живой остаться.)

Она теперь, значит, царская дочь, налиет бокал водки и говорит:

— Публика, передайте этот стакан водки тому скрипачу, который сейчас так играл.

С руки на руки стакан идет.

— Кто играл?

— Я играл.

Подают.

Он, конечно, выпил и маленько вина оставил. Взял кольцо, спустил в стакан и говорит:

— Передайте царевне этот стаканчик в руки.

Люди берут его в руки, а кольцо закрывают. Передали, она стаканчик взяла.

— Что такое? Водку не допил. Кольцо золотое! Что такое?

Взяла кольцо в руки: имя, фамилия, отчество ее.

— Да ведь этим кольцом я с Сережей венчалась! Оно как могло сюда попасть? Оно мое кольцо.

Но Сережа утонул, кольцо должно погибнуть. Как оно оказалось здесь? Неужели случилось диво? Неужели Сережа живой?

И говорит:

— Господа, публика, пропустите этого человека, который сейчас играл на скрипке, которому я подавала стакан водки.

Публика разошлась. Сережа подходит, изменился он за год сильно: похудал, в лице изменился, постарел.

Она говорит:

— Случайно, Сережа, не ты?

Он говорит:

— Я.

— А как ты живой остался?

— А вот как: когда меня бросили в море, мне попалась доска. Я за нее поймался и меня вскорости выбросило ветром на берег. И год время я питался в тайге ягодами, кедровыми орехами, всем, что попадет, и добрался через год в свое государство. Целый год шел!

Она его поймала и давай целовать, миловать. Говорит царю:

— Папаша, вот мой муж нареченный, за которого я тогда выходила. А этот не муж. Это варвары!

— Как так?

— А вот как: когда дяди были на заднем корабле, я сказала Сереже: "Давай приглосим дядев". Мы взяли и пригласили их, а дедушка слез, скрылся от нас. Сережа его на шлюпке на берег вывез, и дедушка скрылся. Нам стало будто с дядями веселей. А оне что, варвары, сделали. Мужа моего, Сережу, бросили в воду, утопили, а меня заставили песок ись и дать клятьбу, что никому ни о чем не скажу. Оне меня силой замуж отдали, а вот мой муж нареченный.

Но тогда царь вспылил, гневно крикнул:

— Что это такое? Нужно их расстрелять, этих дядей за такой проступок, а весь их капитал передать Сереже.

И Сережа стал царствовать потом, а дедушка скрылся и больше не был, а дядей кончили, расстреляли.

Вот этим и кончилась вся сказка.

7. [МЕДВЕДЬ И ТРИ СЕСТРЫ]

Жил медведь в лесу. Он всех людей поедал.

А в деревне жили старик со старухой. У них было три девки. Вот отец и говорит:

— Ты, старуха, завтра мне отправь со старшей дочкой обед на поле.

А в это время медведь-то ходил по подокошкам и слушал. И услыхал, что отец велел старшей дочери нести обед на поле.

— А я, — говорит старша дочь, — как же, отец, тебя найду?

— А я пойду, буду стружки строгать — ты по стружкам-то ко мне и придешь.

Но ладно. Утром отец уехал на работу, едет, а сам стружки стружит.

Мать рано поднялась, хлеба напекла, калачей. Стала девку собирать. Собрала, та пошла, отцу обед понесла.

А медведь-то, когда мужик на работу ехал, за ним шел. Отец стружки стружит, а медведь их на свою дорогу перетаскиват.

Девка шла, шла и другой дорогой ушла, пришла к медведю в избу.

Медведь соскакиват с полатей и говорит:

— Ты кого рыщешь? Или дело ищешь?

— А я, — говорит, — отцу хлеб понесла.

— А замуж за меня пойдешь?

— Нет, не пойду.

— Но дак я тебя съем!

— Но, пойду.

Вот ушла за него замуж. Он ей наказыват:

— Вот, хозяюшка, в этот амбар ходи, в другой ходи, а в третий не ходи, который лычкой завязанный, говном запечатанный!

И ушел.

Ладно. Она обошла все, просмотрела. Не стерпела и в третий амбар зашла. Видит: чан крови кипит, туловища кругом человечески набросаны. Она пальчиком помешала кровь — отмывала-отмывала, не могла отмыть. И пальчик завязала.

Вот хозяин-медведь пришел.

— Но че, хозяюшка, ходила смотреть?

— Ходила.

Пляска на деревенской улице, с. Десятниково Тарбагатайского р-на Бурятии

— А в тот амбар ходила?
— Нет, не ходила, я поче.
— А че пальчик завязала?
— Да я лучинки строгала да занозила.
— Но-ка, покажи!
А че же, она кровь-то не могла человечью отмыть.
— Но-ка принеси топор!
Принесла топор.
— Клади голову на траву!
Положила. Он ее зарубил, в чан кровь выцедил, туловище забросил. Дверь лычкой завязал, говном запечатал. Вот тебе на!
Назавтре опеть идет к ста́рику под окна слушать.
Отец говорит:
— Ты че же, мать, не отправила мне хлеб-от?
— Пошто же? Я отправила.
— Но, видно, сблудила девка-то, куды-то ушла. Дак ить я стружки строгал!
Вот другой велит хлеб нести в поле.
— Но, я не пойду! Дорогу не знаю.
—А я буду стружки строгать.
Так же настрогал ей.
А медведь услыхал. Отец поехал, стружки давай строгать, а медведь их на свою дорогу утаскиват.

Девка как вышла, так сразу по медвежьей дороге и пошла. Пришла в избу к медведю.

Медведь соскочил с полатей:

— Ты кого рыщешь? Или дело ищешь?

— Да отцу хлеб принесла.

— А ты за меня замуж пойдешь?

— Нет, не пойду.

— Но я тебя съем!

Вот беда-то! Пришлось идти и этой замуж. Ушла замуж.

— Вот, хозяюшка, в этот амбар ходи, в другой ходи, а в третий не ходи, где лычкой завязано, говном запечатано.

И ушел медведь.

А девка во всех амбарах побыла и в этот зашла. Видит: туловища набросаны и ее сестра тут, чан крови кипит. Она тоже пальчиком помешала.

Оё-ё-ё! Отмыть не может.

Медведь пришел.

— Че ходила? А в последний амбар заходила?

— Везде ходила, а в последний не заглядывала. Я поче туды?

— А че пальчик завязала?

— Лучинки строгала да порезала.

— Кажи!

Показала.

— Клади голову на траву!

И эту зарубил, выцедил кровь, туловище в амбар бросил. Вот ушел.

А старик дома ругатся:

— Куды девки девались? Наверно, за кого-нибудь замуж ушли.

А третья, мала девка, у них мудреней всех была. Вот отец говорит:

— Завтра, мать, напеки хлебов и отправь мне с дочкой. А ты, дочка, смотри хорошенько. Я поеду, буду стружки строгать, ты по стружкам иди, никуда не сворачивай и меня найдешь.

Медведь услыхал, побежал за этим мужиком. Давай стружки перетаскивать на свою дорогу. Перетаскал.

Эта девка тоже к нему пришла.

Медведь соскакиват с полатей.

— Ты кого рыщешь? Дело ищешь или от дела бежишь?

— Дело ищу. Отцу хлеб принесла.

— А ты за меня замуж пойдешь?

— Нет, не пойду.

— Но я тебя тогда съем!

— Но дак а че же, пойду тогда.

Ушла замуж.

Вот медведь собрался уходить, ей наказыват:

— Хозяюшка, в этот амбар ходи, в другой ходи, а в последний не ходи!

Ушел.

Девка все амбары обходила, все просмотрела. Потом и в последний амбар зашла. Видит: туловища человечески лежат, сестры ее там же. Чан крови кипит. Она палочкой в нем помешала. Палочку в огонь бросила, сожгла. И так же запечатала все, как следует быть.

Приходит медведь.

— *Че, хозяюшка, ходила, глядела!*

— *Ходила.*

— *А в тот не ходила?*

— *Нет, я в тот не ходила. Я поче пойду, не велел дак?*

Вот он в ей и уверился.

Опеть пошел утром на работу. А она живо сходила, это все оглядела. Тепери, пошла к упади, взяла пузырьки. Ворона там летала, у упади. Девка вороненка схватала и говорит вороне:

— Вот если ты мне принесешь живу и мертву воду, я тебе вороненка отдам. А не принесешь — я его разорву.

— Принесу.

Девка вороне пузырьки привязала. Она улетела. Вот принесла живую и мертву воду. Девка прямо при вороние разорвала вороненка, мертвой водой помазала — он сросся. Живой водой попрыскала — полетел.

Но и вот. Осталась у медведя. Он ходит на работу, она свои дела устраиват.

Одну сестру оживила. Наладила там — у него всячины было: и золота, и серебра, и скатна жемчуга! — наладила родителям гостинцы. Сестре говорит.

— Я тебя в короб посажу, сверху золота, серебра и скатна жемчуга насыплю. А медведь понесет родителям. Когда далеко от дома отойдет, захочет посмотреть, ты говори: "Вижу, вижу, муженек! Папонькины да мамонькины гостинцы берешь!.."

Но ладно. Вот младша сестра говорит медведю:

— Хозяин, я пойду-ка гостить домой, к отцу, к матери.

— Но, хозяюшка, ты пеки гостинцы, а я сам унесу!

А ей то и надо. Она взяла напекла гостинцев, в короб склала. А сестра уже там, в этом коробу.

— Но неси гостинцы-то, а я буду глядеть с вышки-то, как донесешь! Да смотри не развязывай.

Вот он понес. Шел, шел — устал. Говорит:

— Сесть бы на пенечек, съесть бы пирожочек — женино печенье, тещины гостинцы!

А та девка-то из короба и заревела:

— Вижу, вижу, муженек, папонькины-мамонькины гостинцы съесть хочешь!

— Ух, как она, шельма глазаста, далёко видит!

Схватал и потащил дальше.

Притащил в деревню. Тут собаки на него напали. Он принес и на крыльцо бросил короб. Собаки его окружили, давай кусать. Он был да нету — побежал.

Младша сестра его встречат, стала коритъ:

— Эх ты какой! Хотел папонькины-мамонькины гостинцы съись. А я ить все-то на выщке стою гляжу!

Вот теперь медведь опеть пошел на работу. Опеть много-мало они пожили, она другой короб взяла, оживила средню сестру, посадила ее в короб. Туда же натолкала золота, серебра и скатна жемчуга. Сама напекла печенюшек и наказала медведю: но, де, вот. Тащи папоньке и мамоньке снова гостинцы. И сестре сказала:

— Он будет развязывать, ты вот так говори: "Вижу, папонькины-мамонькины гостинцы съесть хочешь!"

Наладила все. Медведю говорит:

— Но тащи!

Сама на вышку залезла, смотрит. Вот он схватал, потащил. Опеть до того же места, до пенька, дошел и говорит:

— Сесть бы на пенечек, съесть бы пирожочек — женино печенье, тещины гостинцы!

— Вижу, вижу, муженек, папонькины-мамонькины гостинцы хочешь съесть!

— Ох она, шельма глазаста, как далёко видит!

Приташшил, на крыльцо бросил. Тут собаки набежали, давай медведя цапать-лапать. Еле убежал.

Домой вернулся, она на вышке стоит, смотрит.

— Но, слезавай, унес гостинцы. Каки шуряки-то ласковы — все мне пяты обцеловали!

Но хорошо. Вот опеть много-мало по́жили, она взяла большушшу ступу чугунну, оболокла ее и на вышку спрятала. Сама напекла печенюшек. И говорит медведю:

— Теперь я сама гостинцы отнесу папоньке и мамоньке.

— Нет, ишо пеки, я больше унесу, сам.

Она ступу подняла на вышке, слезла и в мешке с гостинцами спряталась.

Медведь схватил мешок и потащил. Дошел до пенька и говорит:

— Сесть бы на пенечек да съесть бы пирожочек — женино печенье, тещины гостинцы!

Она из мешка:

— Вижу, вижу, муженечек! Тятенькины-мамонькины гостинцы хочешь съесть!

Медведь поглядел — на вышке стоит хозяюшка.

— О, шельма глазаста, как далёко видит!

Притащил мешок. Тут собаки его окружили. Медведь бросил мешок у ворот и побежал.

Вот бежит, ревет:

— Ой, шуряки-то каки ласковы! Да все пятки-то мне обцеловали! Слезавай, хозяюшка.

А "хозяюшка" стоит. Че тако? Он взял ступу, потащил эту ступу. На себя — бах! Уронил, ступа-то его убила.

А дочь-то младша вылезла из мешка и рассказала все своим. Облаву сделали, поехали этого медведя искать. Пришли, а он уж пропашшай.

И вот сколь народу в амбаре было, она весь народ этой живой и мертвой водой оживила.

И все поразошлись, и стали жить-поживать, да и сейчас живут.

8. [КОЛДУН И ЕГО УЧЕНИК]

Жил-был старик со старухой. И крайне бедно оне жили. У их восьми ли девяти лет мальчик был, ну и до крайности дожили, что ни поись, ничего. Шабаш!

— Давай, мальчишку хошь, старуха, ондадим в услужение, хошь из-за одежи да по крайности сыт будет.

И решился утре в город вести его. Старуха утром стала, оделась, печку затопила и оболокат мальчишку.

— Что мы тут будем его голого, босого морить.

Вот идет старик с мальчишкой, до городу ишо не дошли, попадатся имя́ мужичок на пустоплесье. Одетый хорошо.

— Здрастуй, дедушка!

— Здрастуй, дядя!

— Куды же вы пошли?

— Ну, да что, вишь, нужда, дядя! Пошел мальчишку куды-набидь ондать, сил моих нету.

— А сколько бы, дедушка, за его взял в год? — мужик спрашиват.

— Да что же я, восподин, буду за его просить? Уж сколько хто ему дас по жалости. Что я буду просить за его: он нигде не живал, ниче не видал, да что вот — голай и босай. Хошь бы обули, одели.

— Ну, так сколько же возьмешь за его? Я хочу его взять у тебя.

— Я так, восподин, буду с вами рядиться: милость есть, пожалуста, сколько-набидь дай да одень его, да обуй.

Мужик вынимат сто рублей из кармана, подает старику.

— Он вам, восподин, не заробит, мальчишка, ети деньги.

— Ну, дают, бери! Кажется, дело не твое.

Старик взял деньги, распростились и пошел. Только пошел, старик спохватился:

— А че жо я, какой глупый! Не спросил, как у его фамилия, име, где живет. Кому я его ондал? Воротюсь, спросю мужика.

Воротился старик и кричит на весь упор:

— Постой, постой, дядюшка!

Мужик остановился с парнишкой. Парнишку звали Митя.

— Что, старик, тебе надо?

— Да вот, извините, не спросил, как ваше име и фамилия и где живете, не знаю.

— Быдь покоен, старик, на что тебе мое име и фамилия, будет твой Митюшка здоров. А как срок придет, я тебе его на етим же месте и ондам.

Вот старик пошел домой с деньгам, заходит на базар, набрал хлеба, чо надо там, поисти, идет к старухе.

— Вот, старуха, за Митюшку-то мне сто рублей дали.

— Ну!

Как оне зряшного расхода не имели — и прошел год хорошо. Короче сказать, завтре год доходит — идти старику за Митюшкой. Как старуха мать год дитю не видала, стает раненько, посылат старика. Отправился старик, доходит до того места, где он мальчишку ондавал, видит — идет мужик с Митюшкой его. Митюшка там год пожил, быдто лет двенадцати стал, такой бульон. И одетый чисто, хорошо. Старик даже полюбовался над парнишком. Одетый чистенько и такой плотный стал.

— Что, дедка, за сыном?

— Да, за сыном.

— Ну, вот твой и сын сохранен, благополучен. И вот что, старик, не ондашь ли мне его ишо в год?

— Ну, дак что, Митюшка, подешь, дак че.

— Етот год я тебе двести рублей положу. Так все-таки мы дойдем до меня, посмотришь, где твой сын живет, и работу его посмотришь.

Пошел старик, приходит. Дом хороший стоит. Усадил старика, угостили. Жана и три дочери у его. Старик сына спросил:

— Ну че, ладно, Митюшка, жил?

— О, чо мне надо? Луче домашного. Робить много не заставляют. Одежда хорошая, харчи.

Срядились со стариком, получил старик двести рублей денег.

— Ну, подем, все-таки я тебе покажу сынову работу.

Повел его в заднюю ограду. И стоит там сажень дров нарублена топором.

— Вот, — говорит, — сажень дров в год сын твой изрубил.

Подумал старик: "За что же он ему сто рублей плотит?"

— Ну-ка, Митя, принеси поди спички, — посылат хозяин Митю.

Митя пришел, принес спички.

— Ну-ка, Митя, зажги ету поленницу.

Поджег Митя ету поленницу. Старик думат: "Че жо он делат? Раз не глянется работа, пошто же он его вторично нанял?"

Разгорелась только ета поленница ясно, етот хозяин етого парнишку за ручонку, да в етот огонь. Старик на месте омертвел, окаменел.

— Че же ты делашь? Ведь он у меня как есть одинственнай, а ты его в огонь бросил. Я с тобой поведаюсь!

— Жив будет—не беспокойся.

Вылетает из етого огня голубок.

— Вот твой и Митька, — говорит, — топеря иди спокойно, старик, домой, топерь ты знашь, где я живу. Год дойдет — иди по Митьку.

Старик домой приходит, двести рублей приносит, а дрязгу етого не рассказыват, чтоб старуха не болела душой. Нужды не имели, опеть прожили год. Короче сказать: завтре год.

— Опеть пойду по Митьку.

Мать уж два года в глаза Митьку не видала. Собират его, торопит.

— Ступай.

Как пошел старик, идет там, попадатся стречу ему етот мужик, один без Митьки.

— Здрастуй, дедушка!

— Здрастуй, восподин!

— Что, за сыном идешь?

— Точно так, за сыном.

— Ну, иди туды ко мне, а я недалеко схожу. Скоро приду.

Приходит старик имя в дом. Сидят ети три дочери его за столом. Старик поздоровался, сял. Митьки не видать. Старик сметил, что что-то девки шопчутся. И про его, про старика.

— Что вы, дорогие умницы, шопчетесь? Скажите всю правду.

Как он слышит, что меньшая сестра упрашиват больших:

— Скажемте дедушке, скажемте.

А большая заклинат. Стал старик усердно просить большую дочь, и младшая со слезам просит:

— Скажем дедушке.

— Ну ладно, старик, скажем мы тебе, только мотри, папаше не сказывай. Только что пожалели мы тебя, что он у тебя одинственный сын, и живешь ты бедно.

Клянется он, что не скажет отцу.

— Наш ведь отец не из православных, он — колдун страшной. Ведь он, Митька твой, у лешея жил. Ну, так вот, как придет наш отец домой, угостит тебя, а потом поведет он тебя в тот сарай: там у нашего отца триста голубкох и все ето работники. И он хлев отворит, выпустит их на двор и скажет:

— Ну, вот, если ты Митьку поймашь, то твой будет, а чужого поймаешь, пропадет твой Митька.

Старик стал со слезам припадать к имя:

— Ах, дорогие красавицы, какие приметы у моего Митьки?

— А, вот, дедушка, выдет твой Митька всех сзади, и хвост у его замаранай, и быдто всех хуже, вот ты его и лови.

Как пришел етот мужик, напоил его чаем.

— Ну, подем-ка, старик, — и растворят ему хлев.

Ну, две голубки вышли хорошие, веселые, откормленные, а етот позадь всех идет. Худой такой, заморенный.

— Ну, — говорит старик, — от ворона сокол не бывat: как я худой, так, видно, и голубок мой плохой.

Зловил его, да и в пазуху, да и побежал от мужика. Несколько отбежал, ну и подумал: "Я что за дурак, я ниче не спросил, как мне его возворотить, что же я буду с голубком делать?"

Открыл пазуху, голубок то был, да из пазухи улетел. Старик испугался: ни голубка, ни Митьки нет.

— Куды я топерь пойду. К мужику только чего пойду?

Стал, заугрюмился. Видит — летит голубок обратно, повертелся против старика, ударился об земь и сделался Митькой. И старика школит:

— До старости дошел, ума не нажил. Хорошо, что я сам дошел до етого, а то что бы ты с голубком делал?

Ну, пошли оне к матери. Ну, мать, как мать. Мать обрадовалась. Переночевали; утром стали, позавтрекали. Митя отца зовет в город.

— Ну, тятя, подем сходим в город.

Вот они идут по пустолесью. Сидит на кусте ворона и каркат. Митя на ворону посмотрел и усмехнулся.

— Митя, что ты над вороной смееесься?

Митя так и так, отозвался:

— Да, так, мол, — отозвался от отца.

Идут, а друга ишо пуще каркат. Митя ишо пушше усмехнулся.

— Митя, что ты над вороной смееесся?

Митя опеть отозвался:

— Да, так, мол.

Ну, старик пристал к ему: вот скажи да и скажи.

— Ну, начто тебе, тятька, спрашивать?

— Как начто? Я отец, да ты такой-сякой, не хочешь со мной баить.

— Тебе сказать, ты осердисся.

— Нет, Митя, не осержусь, говори.

— Да, вот перва ворона каркат: "Ты, — говорит, — будешь царем, царем", а втора ворона каркат: "Ты будешь ноги мыть, и отцу ету воду пить". Вот мне и совестно.

— Ну, да ниче, ведь все ето неправда. Мысленно рази тебе царем быть?

— Вот что, тятька, я сейчас сделаюсь карим жеребцом, и ты ставай на фартал и меня продавай и проси сто рублей и без узды. С уздой, мотри, ни за что не продавай.

Вот Митя перекувыркнулся и забегал жеребцом. Старик его за узду поймал и повел на базар. Подходют к ему покупатели. Кто дает шестьдесят, кто дает семьдесят, он просит сто. Приходит к ему один восподин.

— Что, за коня просишь сто рублей? Ну, бери сто рублей, да только с уздой.

— Нет, без узды.

Решился етот восподин взять без узды за сто рублей. Как продал старик жеребца, уздечка на руку, пошел домой, идет по пустолесью, а Митя уже догонят его. Короче сказать, и назавтре таким же побытом его за сто рублей продал без узды. Повел и третий день.

Зашел в город, видит — кабачок растворено, а он никада не пивал.

— А что я, мало-мало копейку имею. Зайду, выпью шкалик.

Жеребца привязыват, сам заходит в кабак.

— Ну-ка, цаловальник, налей шкалик!

Подал цаловальник, он выпил. Как ему поглянулось.

— Наливай и второй!

В голове уж его дурность заходила от етих шкаликох. Долгое время он пробыл в етим кабаку. У пьяного много разговоров наберется. Жеребец начинат уж там сердиться, лапой бьет около кабаку етого, а он ишо выпил — и сделался пьян старик. Приходит из кабаку, отвязыват коня, хлёшшет его, школит, дергат его поводом.

— Я тебя захочу, так с уздою продам седня, а то что ты запачивал, что будешь ноги мыть, а я воду пить!

Ну, че же — пьян так пьян и есь. Становится на базар. Приходит к ему покупатель.

— Что, дедушка, за коня?

— Триста рублей без узды.

— Ну, нельзя ли, дедушка, с уздой?

— А бери пользуйся!

Ну, че же, и продал пьяный с уздой. Вот он покаль по городу ишо бегал, а как хмель-то вышел, он и стрекнулся.

— Что-то я наделал. С уздой на че жо я продал? Ведь не видать мне топеря сына. Начто же я в етот кабак зашел, зачем я водку пил!

Ждал, ждал Митьки на котором месте всегда стречался. Нет Митьки и нет. Целую неделю в город он бегал, все думал, не стретится ли где. Нет, не встречат. Ну, и стал без Митьки жить.

А Митьку-то, коня-то, етот самый восподин и купил. Етот самый колдун. Приводит етот мужик жеребца, заводит в сарай, и подтягиват его вверх ногам к потолку на цепь, и подкладыват под его небольшого огонька.

— Вот тебе, голубчик, и наказание от меня. Потому что ты у меня два года жил и хитрей меня выучился.

Вот весится Митя, етот конь, и месяц и два, прокоптел в целу над огнем; не пьет, не ест. Повесился полных шесть месяцех — едва жив. В одно време етот мужик куда-то уехал. Его дочери-то и говорят:

— Ну-ка, девки, зайдемте в сарай, посмотрим Митьку-то.

— Сестрица, отвяжем его да попоимте.

Ну, дочки его отвязывать, старша дочь сказала:

— Нас папа заругат.

— Нет, мы опеть привяжем. Ведь ето че жо, сестрица, у его кожа потрескалась. Мы потом опеть подвесим его.

Но, сняли оне его. Вот он шататся, падат, стоять не может, а узда-то на им.

— Ну-ка, сестрица, доведемте его до ручья, попоимте.

Он идет, шататся, запинатся, а меньша сестра жалет его и повела его на поводке, уздечкой етой, поить к ручью. Вот он скрозь зубы быдто пил, пил, а сам все назадь заглядыватся. Как бросится он в воду, со всех ног, так и попер — только валы пошли, как он начал чистить. Давай топеря оне сестрицу чистить.

— Что нам топеря папа скажет?

На тот фарт едет их и папа домой, а уж жеребец-то убежал.

— Папа, папа, желебец-то убежал от нас!

Недосуг ему с имя ругаться, сделался карасем и догонят его.

Митька слышит, что тот догонят, и заделался окунем. Гнался, гнался тот, а догнать не может. Угнались оне с ем в чужой город. И потом на мосточках царская дочь полоскала платочки, к вечеру готовилась. Он и заделался с окуня кольцом золотым и прямо к царской дочере на платочек. Ета царевна от радости, что за суперик попался, и на руку его надела, и не может над ем налюбоваться. А карасю-то не за что схватиться. Царская дочь идет к отцу.

— Вот, — говорит, — папа, какие гостинцы мне достались.

И все на суперик любуется.

— Откуль мне на пальчик такой гостинец достался, точно с неба.

А папа ей сказал:

— Ну, — говорит, — дорогая моя дочь, етот суперик тебе к радости или к безвременью.

Вот как собрался их вечер на беседку, подвыпили, подзакусили, пошли у их танцы-музыка. Потом слышат, у их кто-то простой деревенской балалайкой под окном играет. Послали деньшика посмотреть. Пришел — объяснил: кто-то новой музыкой играт. Прислухались оне — им музыка пондравилась.

— Ну-ка, зови в избу!

Как зазвали его, чесь чесью здоровается. Содят его в кресла.

— Ну-ка, садись играй.

Кто смеялся над его музыкой, кто плакал, кто утешался, плясал. Показалась им антересной ета музыка. Как отошел их вечер, надо рашшитовать музыканта. Топеря спрашиват его царь:

— Сколько ты с меня возьмешь за вечер?

— Ничего и не надо мне, а только пущай ваша дочь ондаст мне етот перстень за игру с руки.

Царевна даже и говореть не хочет про кольцо.

— Пушай папаша хошь половину государства ондает, а я етого суперика не дам.

А тот и тышши не берет. Поднялся у их крик и спор. Вот как дочь вышла на крыльцо со слезами, заплакала, скинула с пальца перстень:

— Как-то я расстанусь.

Только скинула кольцо с пальца — сделался перед ей добрый молодец.

— Вот что, царевна, я попрошу из милости: ежели уж ваш папаша притеснять вас будет, скинь с пальца, и бросьте с силой об пол. Я рассыплюсь на мелкие блестяшки, и ты того разу примечай. Одна всех ярче будет лежать, и ты ее каблуком наступи. Я к тебе прильну.

Ну, словом, до того царевну довели, что она скидыват с пальца кольцо, бросила на пол и говорит:

— Не доставайся, собака, ни тебе, ни мне!

Потом как ети блестяшки разлетелись, и она скорей на блестяшечку каблуком. И етот музыкант разлетелся: бах об пол — и сделался петухом, и давай клеватъ, блестяшки собирать, а у царевны в ето время вылетел сокол и давай драться во весь упор. Сокол петуха заклевал. Как сокол петуха заклевал, ударился об пол, сделался молодцом. Как Митя был, так и стал.

— Царь-батюшка, дозволь етого петуха сожечи, а потом столочь его в пух и прах!

И давай им Митя все рассказывать. Все патробно рассказал, а царевна от его ни на шаг не отстает. Живет он неделю и другую у царя, потом начинат его сватать за дочь.

— Вот что, царь-батюшка, у меня ведь невеста есть. Вот я съезжу к той невесте. Ежели та не пойдет за меня, то я вашу царевну возьму.

Царевна даже захворала от етого удару, как Митя поехал за невестой.

Вот решился он ехать и приезжат к этим трем сестрам. Оне весьма обрадовались.

— Ето что же, Митька, живой, мы думали, папаша тебя совсем закурпетит.

— Вот, дорогие мои красавицы, победил я вашего папашу у царя в доме.

— Вот спасибо, Митя, так и надо.

Ну, начинат он сватать ету младшу, а темя забедно стало. Приезжат к царю с невестой етой нареченной, назначили оне число венчаться. Как завтре венчаться назначено, а царевна затравила невесту со зла. Мите стрась жалко ее стало. Лутче царевны. Тада царь повенчал его на своей дочери и говорит:

— Как я стар стал...

И сделал его царем.

В одно время вздумалось ему родителя своего посмотреть, сял со своей жаной в карету и поехал. Как к отцу приехал, ну где же отец узнат, что Митя его царем. Как оне вечер долго сидели, беседовали у отца, улеглись спать. А у Мити с жару ноги загорели, он ноги-то и вымыл. И, действительно, отцу ночью пить захотелось, он пошел, и из етого тазу воды и напился. Ну, вся правда и случилася над имя.

Забрал отца, мать, и повез всех к себе. И стали жить-поживать да добра наживать.

9. ПРО ВАНЮШКУ

Жил-был старик со старухой. Детей у них не было, был у них Ванюшка, взяли они его в дети. Просится он рыбку ловить, а старик со старухой не пускают: как ты пойдешь, поймает тебя змея, что мы будем делать. Но он просил, и купили ему они лодку, сел он в лодку и поехал рыбку ловить.

Приходит бабка на берег и кричит:

— Приплынь, приплынь, Ивашечку.
Принесла тебе рубашечку,
И попить, и поистъ,
И хорошо походить!

Он приплыл, она дала ему рубашку, и поистъ и попить, и опять он поплыл.

А Баба Яга услыхала, как его мать кличет [грубым голосом]:

— Приплынь, приплынь, Ивашечку,
Принесла-а-а тебе рубашечку,
И попить, и поисть!

А он ей отвечает [тоненьким голосом]:

— Это не моей матки голосок, у нее голосок тонкий, а у тебя громкий голосок.

Она пошла в кузницу и говорит:

— Кузнец, кузнец, сделай мне голосок тоненький, как у Ванюшкиной матери.

Кузнец ей сделал голосок такой, она пришла и кричит тонким голоском:

— Приплынь, приплынь, Ивашечку,
Принесла тебе рубашечку,
И поисть, и попить,
И хорошо походить!

Он приплыл, она его поймала, взяла и домой принесла. Принесла домой, а у нее была дочка Еленка, она сказала:

— Еленка, ты печку топи, а я пойду за гостями.

Еленка печку топит, Ванюшка на лавочке сидит и говорит:

— Еленка, Еленка, зачем ты печку топишь?

— Ванюшку жарить.

Он сидит и повторяет одно и то же:

— Зачем печку топишь?

Она ему все одно отвечает:

— Ванюшку жарить.

Потом она истопила печку и говорит:

— Садись, Ванюшка, на лопатку.

Он сядет на лопатку, у него то ножка висит, то ручка, никак не может сидеть.

Он ей говорит:

— Я никак не умею, Еленка, ты сама покажи, как надо сидеть, никак я не умею.

Еленка только села на лопатку, он — раз — ее и в печку посадил и печку закрыл. Сам ушел и дверь закрыл.

Вот Баба Яга пришла:

— Еленка, Еленка, открой!

Еленка не откликается.

— Еленка, Еленка, открой.

Еленка не откликается.

— Вот сучка, убежала с девчонками играть.

Она зашла с гостями, Еленку съела, думала, что Ванюшка.

Вышла на улицу и на горку:

— Покачусь, повалюсь — Ванюшкиного мяса наелась.

А Ванюшка на дуб на высокий-высокий залез и говорит:

— Врешь, Баба Яга, ты свою Еленку съела.

Тогда глянула на дуб: он сидит на дубу, давай дуб грызть. Грызла-грызла тот дуб — зубы поломала. Пошла в кузницу.

— Кузнец, кузнец, сделай мне железный зуб, Ванюшку съем.

Летят гуси, а Ванюшка кричит:

— Гуси-гусяточки, возьмите меня на крыляточки, понесите меня к мамке, к папке!

Они отвечают:

— Пусть тебя самый задний, самый маленький гусь возьмет.

Он его взял на крылышки, посадил и понес к папке, к мамке. Принес он его, посадил на крышу на хату. Дедушка с бабушкой пирожки пекли. Бабушка и говорит:

— Тебе, дед, пирожок, и мне, дед, пирожок, а Ванюшке царство небесное, его Баба Яга съела.

А он с крыши отвечает [подражает голосу Ванюшки]:

— А мене где?

Дед говорит:

— Выйди, старуха, кто там?

Вышла, а там Ванюшка с гусем сидит.

Обрадовались они, гуси накормили, напоили, Ванюшку забрали и стали жить-поживать и себе добра наживать. А гуся пустили.

10. СТАРИК ОХОТНИК И ЗАВЕТНАЯ ПТИЧКА

Было старику шестьдесят пять лет. Жили двоё со старухой. Ремесло было его — занимался охотой. Ковда убьет пару рябчиков, ковда три, там или заяц или тетерю и все продавал одному купцу. Купец воспитывал старика все время. В одно прекрасно время старик вышёл на охоту, убил две пары рябчиков. Вылетает из леска птичка. Садится старику на плечо.

— Ну вот че, старик, возьми меня, не вреди ничем. Неси етому купцу продавать и проси за меня сорок тысяч.

Взял старик птичку и пошел. Заходит к купцу. Купец стоит на крыльце. Стречает старика:

— Ну что, дедушко, убил сегодни?

— Да вот убил я две пары рябчиков, да и ишшо поймал я живую птичку.

Купец отвечает:

— Очень великолепно! Но проси, сколько жо ты возьмешь за птичку?

— Стыдно просить, барин...

— Ну что есь за стыд, запрос в карман не лезет.

— Сорок тысяч, барин.

— Ага.

Поинтересовался он етой птичкой, взял за крылышки и смотрит, под правым крылом написано: "Хто съес мою голову, тот будет над царями царь, хто съес потроха, тот будет знать человеческие мысли".

Купил купец птичку. Отдал сорок тысяч старику. Старик идет домой очень радостно. Объясняет старухе, что нам жить и не прожить; на свой век хватит.

Купец гля птички заказал садок, поставил его в кабинете. Нековда было ему употребить ету птичку, ковда он собрался торговать в разные земли с товарами. Наказал жане, что ухаживай за птичкой, как за малым дитем. Ковда купец уехал торговать, а царь приезжает к его жане, ходит по всем комнатам и говорит:

— Почему ета у вас затворена комната?

— Ета комната очень не в уборе; там детские игрушки да прочее. Мы не открываем ее гля хороших людей.

— Я есь ваш царь-самодержавец, прикажу двери сорвать.

— Да я даже и ключи-то потеряла, не знаю, где оне и находятся.

Царь одно говорит, что открой етот кабинет. Принуждена она была открыть етот кабинет, сколько ни упиралась. Царь заходит в кабинет и видит, что кабинет очень велик, убран, в кабинете очень велик садок и в садке есь пташка. Только открывает садок, пташка вылетает ему прямо в руки. Взял он ее за крылышки и увидел под крылом у ее написано: "Хто съес мою голову, тот будет над царями царь, а хто съес мои патроха, тот будет знать чужие мысли".

— Ну вот что, зажарьте мне ету птичку, чтобы завтра в двенадцати часам она была готова.

Говорит купца жана:

— Ах, как будет мне это оскорбительно, потому что ето очень дорогая птичка.

— Сколько жо вы за птичку дали?

— Сорок тысяч.

— А я вам даю за птичку пятьдесят тысяч.

Берут птичку и приготовили ее к обеду.

У ей было два сына. Старшого звали Василий, млачшого Федор. Ковда оне занимались в школе, учились, приходят из школы прямо на куфню. Федор открывает шкап и что есть там приготовлено, видит: зажареная птичка. Говорит старшему брату:

— Вот какая-то птичка приготовлена, давай закусим.

Старшой съел голову, а млачшой потроха. Ковда съел потроха и узнал человечески мысли. Приезжает царь:

— Ну что, птичка готова?

— Готова.

Лакей посмотрел в шкапу — птички нет. Объяснил царю, что зажарил, птичка потерялась. Жалко стало Федору повара, и он объяснил:

— Птичку мы съели.

Царь приказал обоих сынов зарезать и вынуть из их сердца и изжарить. Дворник и повар натачивают ножи и говорят:

— Эх, ребята, молодые люди, жаль вас, но делать нечего, должны мы зарезать вас по приказу царя.

Говорит млачшой брат Федор:

— Вы не режьте нас, а зарежьте двух собак, вот нашу да суседску, что на помое ходит. Сердца собачьи с человечьим несколько сходятся, дак вот и зарежьте их.

Так оне и сделали. Зарезали етих двух собак, вынели сердца и изжарили.

— Ну вот что ишшо, не скверните его душу етими сердцами. Ковда царь приедет, прибежит к нему его большой черной кобель. Ковда понесешь на блюде, иди быстро, вроде за чего-нибудь запнись и упади. Улетят ети сердца с блюда, схватит ети сердца кобель. Он только и скажет: "Собаке собачья смерть".

Так они и сделали: зарезали етих двух собак, вынели из их сердца и зажарили. Приезжает царь и с ним большой черной кобель.

— Ну что, готовы сердца?

— Готовы, вашо царское величество.

— Подайте суда.

Лакей положил на блюдо сердца, побежал быстро и что-то запнулся. Запнулся, упал, сердца слетели с блюда, и кобель оба сердца схватил. Царь только и сказал:

— Собаке собачья смерть!

Теперь скрылись ети два сына. Захватили несколько запасику с собой и денег на дорогу. Шли оне много не мало и видят: дорога надвое — две дороги. На ростанях на столбе надпись: "Хто подет направо, тот получит скоро царсво, а хто подет налево, тот долго попутешествует".

Говорит млачшой брат старшому:

— Ну вот что, брат Василий, иди ты направо, ты скоро получишь царсво, а обо мне поговорим после.

Пошел старшой брат Василий по правой дороге. Заходит в иностранно государство, видит афиши, а на афишах написано, что требуется царю лакей с русского государства. Стал у афиши и подумал: "Почему я не могу быть лакеем? Ведь я знаю лакейскую жизнь всю и все обхождение". Докладывается царю:

— Вашо царское величество, вам требуется лакей?

— Да, требуется.

— Вот я желаю быть лакеем. Человек хорошо обученной и до каких пор развитой. Очень великолепно знает рассказы, пенье и большое уважение.

Проживает он несколько время у царя лакеем. Так как царская дочь влюбилась в етого лакея, что без его и дня жить не могла. Предложила она царю:

— Папа, я предложу вам совет мой, что я сейчас взрослая и так слышала вы предлагали взять зятя в наш дом, даже из русского бы государсва. И вот человек етот из русского государсва. Человек образованной, очень развитой и очень веселой, можот он обойтись с кажным гостем, с кажным человеком. Желала бы я выйти за етого человека замуж.

Царь посмотрел на желание дочери:

— Ну дак что жо, доченька, и мне он очень пондравился и даже хотел предложить вам шашшот его.

В скором времени оне сыграли свадьбу.

Сделали такой пир на весь великой мир, что едакого пира повсюду и нигде не бывало. Проживает несколько дней. Начинает царь жаловать своего зятя чином с самых низких чинов день ото дня все выше и выше и жаловал его до наследника. Был царь как в остарелых летах, недолго прожил времени и помер. Василий получил царство. Царствует очень великолепно. Теперь Василий остается на царстве, пойдет речь про млачшого брата Федора, про его похождения.

Сколько шел он времени, ето неизвестно, слышит в лесу крик, стук по направлению его пути. Несколько прибавил шагов своих побыстрее к етому месту. Тут дерутся два черта, дерутся немалое время — третий год. Нашли оне находку — шапку-невидимку, ковер-самолет и драчун-дубинку. Каждому из них можно было взясь драчун-дубинку. Товда он и говорит:

— Стойте, черти! Что вы делаете?

— Ах, брат, раздели вот нам находку!

— А что вам нужно?

Черт говорит, что кажному из нас нужна драчун-дубинка.

— Дак вот сейчас я вам стрелю две стрелки, и которой вперед прибежит, того и будет драчун-дубинка.

Сделал лучок и две стрелки и пустил эти стрелки выше лесу: одноё в ту сторону, другую в другую сторону. Товда подал имя команду:

— Ну, бегите по стрелки!

Только пустились оне бежать по стрелки, он развертывает ковер-самолет, надевает шапку-невидимку, берет драчун-дубинку и отправляется. Дернул за угол ковер-самолет — и ковер полетел.

Летел ковер много времени. Долетает до города. В конце города дернул ковер-самолет за угол. Ковер-самолет опустился на землю, сял. В его время пелегует он драчун-дубинку: "Что она есь, для чего существует?" Ударил ее об землю — выскакивают два молодца:

— Что, наш молодой хозяин, нужно, то и сделаем!

Что ему нужно: поись, попить, позавтрекать. Вдруг сделались столы дубовые, ковры шелковые, напитья пьяны, наества сахарны и круг столов стулья золотые. Сял он и давай закусывать. Попил, поел того и другого. Ничего не убывает. Ковда наелся, и сказал:

— Убирайте.

Стали убирать, ничего не стало больше. Свертыват ковер-самолет, шапку-невидимку и драчун-дубинку в трубочку и берет под мышку.

Видит — в городе афиша. Королева ишшот себе жениха. Очень такая красавица, что и в свете таких мало. Желает она в карточки поиграть. Подходит он к етому дворцу и видит круг етого дворца на каждой тынинке по человеческой голове, только на одной тынинке нету. Вот тут-то он и подумал, что верно ето гля моей головы тынинка осталась. "Ну что будет, давай попытаю". Заходит во дворец:

— Что у вас есь молодая королева Елизавета? Читал я по афишам, что вы ишшите себе жениха, что хто можот в карточки поиграть или загадочки погадать. Вот тут на его королева посмотрела и рассмехнулась:

— Дак вот, наверно, ета тынинка будет наполнена твоей головой.

Не дорожит он своей жизнью и говорит ей:

— Ну, давай в карты поиграм или загадочки погадам? Королева ему отвечает:

— Лутче всего загадочки погадать. Ну вот что, завтрашной день если ты от меня спрячешься, что я не найду, то за тебя замуж пойду. Будем гадать до трех раз.

Выходит Федор из дворца. Выходит за город, ударил драчун-дубинку в землю. Выскакивают два молодца:

— Что, хозяин, нужно, то и сделаем!

— Можете вы меня от етой королевы спрятать?

— Можом.

— А куды жо вы меня спрячете, чтоб она не нашла?

— Мы тебя спрячем в море, на дно под камень. Ладно будет?

— Ладно!

Так оне и сделали. Стает королева утром, растрепала свои волосы, стала перед волшебное зеркало и взяла волшебные книги, давай смотреть. Бросила по народу — по народу нету, бросила на небо — нету, бросила на воду — увидала его в море, на дне под камнем.

— Ну хитрой жо ты человек; ишшо первого такого стречаю. Вылазь, вижу, где ты. Вылез он, приходит к ей.

— Но хитры жо вы, смотрите куды могли спрятаться: в море на дно под камни. Увидала я там, но ишшо два раз прячьтесь, а то нет — голова!

На следуюшшой раз выходит за город, ударяет драчун-дубинку об землю. Выскакивают два молодца:

— Что вам угодно, то и сделаем.

— Ну, куда вы спрячете меня от етой королевы? Она нашла в море, на дне под камнем.

— Мы тебя сёдни подвесим к солнцу. Ладно будет?

— Ладно!

Стает она поутру, растрепала свои волосы, сяла перед зеркало, взяла волшебны книги и смотрит. Бросила на воду — на воде нет, бросила по народу — на народе нет, бросила на небо — на небе увидала.

— Но хитрой, высоко забрался, слезай вижу. Ну вот что, — говорит, — последний раз прячься, а нет, то голова долой.

На третий раз выходит он за город. Ударил драчун-дубинку об землю, выскакивают два молодца:

— Что вам, хозяин, нужно, то и сделаем.

— Вы можете сделать меня булавкой?

— Можом.

— Дак вот, вы заткните меня за волшебное зеркало в сукно.

Так оне и сделали. Сделали его булавкой, заткнули его за волшебное зеркало в сукно. Стает она утром, растрепала свои волосы, стала перед волшебно зеркало, взяла волшебны книги и смотрит. Бросила на небо — на небе нет, бросила по народу — нет. Перебрала она все свои волшебны книги. Ишшо несколько было волшебных листов, никоторый листок не доказыват, где он находится. Вот тут она ему и сказала:

— Должна я быть вашой жаной.

Товда он стал из-за сукна, из-за зеркала, ударился об пол, сделался молодцом. И вот тут долго оне не думали, сыграли свадьбу. И также царь с нишших чинов жаловал до наследника.

— Ну вот что, жана, теперь я поеду в гости, нужно мне попроведать брата.

Садится на ковер-самолет, берет в руки дубинку, надевает шапку-невидимку, дернул ковер за угол — и ковер поднялся. Прилетает к брату. А брат его уж царем:

— Ну вот что, брат, ты сейчас как на царсве, бери-ко кулек золота да слетаем-ко на родину. У нашого отца царь отобрал всю торговлю и нашу мать взял он себе в жены, а отца заставил по миру ходить. Вот дам ему кулек золота, пушшай старик живет постепенно.

Так оне и сделали: набрали кулек золота и полетели в свое прежное государство.

Приезжают в свое государство, стают на квартеру к музыкантам. И как раз ихной отец стоит на квартире у етих жо музыкантов. Не признаются оне, сыновья, отцу. Спрашивают у музыкантов:

— Ну, скажите, пожалусто, что ето за человек?

— Етот человек был раньше мильёнер, дак повстречало его раньше несчастье. Была у него куплена птичка за сорок тысяч, вот из-за етой птички пострадали его жо два любезных сына. И царь отобрал у его жану. И отобрал всю торговлю и заставил етого купца ходить по миру.

Товда оне приходят в его комнату, как оне очень роскочно оба одеты:

— Что жо, дедушко, обскажи-ко ты нам свой род жизни?

— Эх, дети, трудно мне обсказать про свою жизню.

— Дак какая жо вас несчасна такая жизнь повстречала?

— В одно прекрасно времечко купил я птичку за сорок тысяч. Нековда мне было ее употреблять, как я заказал сделать велик садок для птички и поехал торговать в прочие государства. В ето время приезжает царь и вот забрал он птичку. Съели дети мою птичку, и вот за ету птичку зарезал моих сынов царь и вынел из их сердца. Не жалко мне своей торговли и не жалко мне своей жаны. Об одном я страдаю кажной день и кажну ночь — воспоминаю своих детей. Не так я имею конфуз, что я хожу по миру; только одна у меня горячая мысль о своих детях.

Говорит ему млатчей сын Федор, что:

— Не тужи о своих детях. Раз они покойны, уж не волнуй сам себя, а вот тебе кулек золота, расходуй помаленьку и не ходи ты по миру.

Поблагодарил старик етих людей. Товда оне сяли на ковер-самолет и по летели опеть по своим местам. Не стал старик по миру ходить и справил себе великолепную одежу и стал опеть поживать себе господином. Вот не ходит неделю и две. Царю донеслось, что каки-то богатые люди пожертвовали ему кулек золота, и вот он несколько поправил свое состояние, не стал по миру ходить. Царю стало обидно, почему ето так он не ходит по миру. Снял с етого старика всеё одёжу и отобрал у его золото. Взял к себе на двор и заставил свиней пасти. И есь одна замечательна свинка. Ковда утром поцолует в задницу, то она идет в поле, а если нет, то не идет. И стал старик скверниться два раза кажные сутки: утром и вечером.

Теперь прилетели оне домой. Ковда прилетели оне к Василию несколько время погуляли. И говорит Федор Василию:

— Ну вот, братко, ты два года царем, все-таки попривык маленько, а вот я как наследником живу, дак не привых и опасаюсь, что долгонько проездил.

Ковда Федор приезжает домой, то жана стречает его с великим восторгом, обнимает и цолуеѓ и к себе прижимает.

— Расскажи-ко ты, мой любезной, где ты побыл?

— Да вот побыл в таком-то государстве. Как мой брат царем, и побыл я в том государстве, где я рождён.

— Ох, как вы ето скоро съездили! Что можот так скоро слетать один сокол-птица. Нет, ето странно, — говорит, — для меня; етому даже я совсем не поверю.

В одно прекрасное время, в хорошой тихой день и что-то задумалось ему свою жону покатать. Развертывает ковер-самолет, надеет шапку-невидимку, берет драчун-дубинку в руки. Садит свою жону и полетели. Несколько время они полетали. Сперва летали они тихим ходом. Как немножко попривыкла его жана, дак стали летать и побыстрее.

— Ах, Федя, какую вы вещь приобрели, не надо лошадей, не надо никаких материалов!

Ковда прилетели оне домой, то жана его сзяла драчун-дубинку в руки.

— А что жо ето драчун-дубинка существует? У кого она в руках, тому и служит?

— Да, да!

Она ударила драчун-дубинку об землю, выскочили два молодца:

— Что угодно, госпожа, то и сделаем.

— А выгоньте вот ету невежу!

И вот давай Федора бить по затылку, выгонять из дворца, дак не успевает он справляться. Вот дак жана!.. Полюбила!..

Пошел он из города и думат себе: "Эй плоха моя жизнь! Жил я роскочно, не думал, что жана изменит. Как она меня любила, а наконец изменила. Эх, я-с горя пойду в лесок, разгуляюсь". Когда идет он по лесу, попадается ему ключик воды, и сдумал он напиться. Когда к ключу подходил, не видал ничего, когда стал пить — увидал ягоды. Сгленул кверху и видит фрукты-ягоды. Сорвал с одного дерева ягоды, поел и посмотрелся в воду, увидел свое лицо в воде. Какой сделался красавец, что в свете таких мало. "Ах, великолепная ягодка!" Теперь сорвал из другого кустика, съел ягодки, и вдруг стали у него расти рога, шерсь. Поглядел. "Ах, горе теперь мене, надо убираться в лес, а то теперь охотники убьют. Какое я чудовишшо стал". Постоял, подумал и хотел пуститься в лес, да что-то сдумалось еще поись первой ягодки. Ковда поел он первой ягодки, то опеть сделался первой красавец, каких в свете мало. "Ну ишшо теперь поживу, не убьют охотники".

Набират он в сумочку ягоды той и другой. Идет к королеве в сад, где он находился, сял около колодца. Поутру прислуга Маша пошла по воду в колодец. Закричала:

— Что ето за человек здесь?! Сейчас я доложу, и вас сейчас заберут.

Федор говорит Маше:

— Разве ты меня не узнала? Ведь ты жила со мной полтора года. Вот на, я тебе подарю ягодку и съешь ее сейчас! Достает из сумочки ягодку и подает ее Маше. Ковда Маша съела ягодку, и сделалась такая красавица, что и в свете таких мало. Ковда увидала ее королева, заинтересовалась ее красотой.

— Маша, откуда у вас получилась така красота? Ты была смуглая и лицо было несколько бугровато, а сейчас много красиве меня.

Тут она сказала:

— У нас у колодца есь какой-то человек, и вот он продает ети ягодки.

— Дак, пожалуста, поди-ка спроси, почем он отдает ету ягодку?

Побежала та, спросила:

— Вы почем ягодку продаете?

— Сто рублей ягодка, ровной счет.

Маша вернулась к королеве и объяснила ей, что сто рублей ягодка.

— Ну вот что, на тебе двести, возьми две ягодки!

Приходит она, Маша, к колодцу, отдает двести рублей денег.

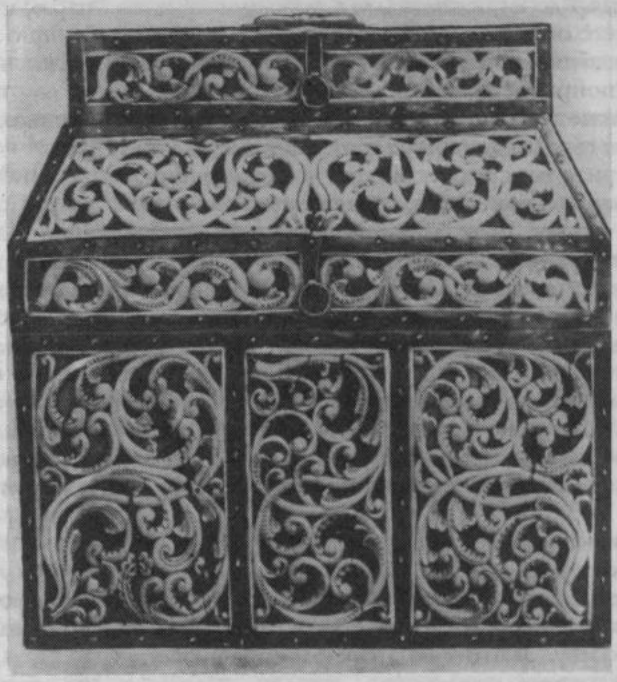
— Дайте мне две ягодки!

Достает он ей две ягодки и говорит он ей:

— Пусть она возьмет их обе в рот и станет перед зеркалом, попроворне разжует, проглотит и товда красота вдвое увеличится.

Королеве не терпится, как бы ей получить иную красоту. Взяла ети обе ягодки в рот, стала перед зеркалом, разжовала и проглотила. И вдруг стало у ней надуваться что-то лицо. Вот в скором времени стали появляться и рожки, и вот стала шерсь расти, и вот рога стали увеличиваться все боле и боле. А прислуга ето время выходила. Заходит она в комнату к королеве врасплох, сглянула на королеву, испугалась и сделалась полумертвая. Несколько одумалась, пришла в себя. Выходит из ее комнаты, бежит к царю и кричит громким голосом, что:

— Ваше царское величество, у королевы в кабинете черт.



Шкатулка
Фото В.Т. Новикова

Царь прибегает, открывает дверь, действительно, черт. Чуть со страха не упал. Королева отвечает:

— Не бойся, папаша, я дочь ваша.

Проживает день, два. Собираются дохтура и лекаря. Нихто не можот вылечить. Зачнут шерсь бреть, — пушше растет, зачнут рога отпиливать — кричит: "Больно!"

И царь везде россылает афиши: "Хто можот мою дочь вылечить, — отдаю половину царства и отдаю дочь замуж". Отступились от королевы все врачи. Товда заходит Федор в прихожу.

— Доложьте царю, я могу ее излечить, потому как у ее ветренная болесь, а я ее наговором сшибу.

Бегут скорым успехом к царю, объясняют, что какой-то пришел колдун и говорит, что на ней ветренная болесь, я ее излечу, но только нужно несколько средства-капитала тожо.

Царь призывает его к себе.

Что жо, вы можете мою дочь излечить?

— Да, так точно! Могу! На ней есь ветренная болесь, приходилось мне ето излечать.

— Ну сколько жо вам нужно денег?

— Да денег нужно, пожалуй, порядочно.

Царю рядиться нековда, открывает шкатулку:

— Ну, берите своей рукой, сколько надо.

Набират Федор денег, захватил как поболе и приказал царю, что:

— Вы в версте от города выстройте баню, и вот товда я ишшо добавлю, что там нужно. Истопите ее, через трои сутки готова будет. Я сейчас на трои сутки ухожу, а потом попроведаю.

Царь наймывает плотников, дает охальную цену, каменшиков — строить баню в версте от города. Теперь Федор заходит в кабак.

— Ну, соберите всех суда жуликов, я всех угошшу!

Берет одному бутылку водки, отдает ему.

— Ну, беги скорее, брат, дорогой выпьешь.

Тот бежит и кричит:

— Эй, ребята, идите суда! Будет нам угошшение! Какой-то господин нас угостить хочет.

В скоро временье, из жуликов и из хресьян около ста человек собралось в кабаку.

— Ну что мы будем брать по бутылке? Ребята, берите всю бочку!

Пояснил он так:

— Хто будет бочку вытаскивать, тот и пить будет. Рады бы все сто людей взяться за ето дело. Хто берется за бочку, хто берется и за одёжу и все кричат, что:

— Мы все ташшим.

— Ну раз все трудились, все ташшили, ну и выпивайте!

Вот тут и ловальнику доход. Заказали другую. Загуляли здорово.

Поит он день, поит другой, на третий день спомнил, что ведь надо идти попроведать королеву. Заходит во дворец и спрашивает:

— Что баня готова?

— Уже баня вчерась готова.

— Ну дак я сейчас, на час время уйду захватить лекарсва. Зашел в мелошную лавочку, берет три прута: один прут железный, один медной и третьей оловянной. Завернул их в гумашку, идет во дворец к царю.

— Ну, вашо царское величество, вы сейчас вокруг бани приготовьте музыки в два ряда, оружия и пушки, и барабаны. И чтоб Маша была на лиховом коне с кучером. Царь пояснят:

— Ето у меня все готово.

— Но, выводите королеву!

Стали выводить королеву — в дверь не проходит, рога не пускают. Выставляют окна и выбирают простенок, высаживают ее, садят в карету. Ковда увидали кони, бросились бежать, потоптали много людей и поломали всеё карету. Запрегаются солдаты и повезли.

Ковда привозят к бане, заводит королеву в баню. Ну что жо, одежу снять нельзя, приходится все ето рвать. Товда приказал он музыке играть, ружьям стрелять, барабаны бей и пушки стреляйте. Музыки заиграли, барабаны забили, ружья застреляли и пушки загудели. Плеснул он на каменку воды приразогреть свое лекарсво. Берет он первой жалезной прут, начинает лечить королеву. Перво начинает — бьет по бокам, а потом по рогам. Кричит она во всю голову, но ничего не слышно. Скрывает ее голос музыки, ружья и барабаны. До тех пор бил, пока не пристал. И говорит ей, что:

— Отдай мою шапку-невидимку, ковер-самолет и дубинку, а то забью до смерти. Скажу, что не вытерпела, померла.

— Маша, беги-ко вези вот тут-то в сундуке шапка-невидимка, ковер-самолет, дубинка.

Та побежала, привезла все. Начинает ее охаживать по новой вторым, медным, прутом.

— Теперь привези мне волшебное зеркало и волшебные книги!

Побежала Маша, привезла волшебные книги и волшебное зеркало. Поломал он все волшебные книги и бросает в печь.

— Ну-ко, Маша, вези — не осталось ли еще волшебных книг.

— Ступай, Маша, собери, не остались ли лиски.

Та волшебных и не волшебных ишшо набрала куль бумаги. Берет он, бросает и эту бумагу в печь.

Берет последней, оловянной, прут, начинает ишшо охаживать ее. Потом остановился, посмотрел на нее, что, наверно, уж ей довольно етого лекарства. Дает одну ей ягодку, съела она ее и сделалась така красавица, что в свете мало таких. Товда велел приостановить ружья стрелять, барабаны бить и музыки играть. Выводит ее из бани. Увидали ее очень красавицей. Вот тут заиграла радошная музыка, что излечилась царская дочь. Ковда приезжают во дворец, царь лекаря не знат, как посадить, чем угостить. Теперь снова пойдет играться свадьба. Федор отвечает:

— По-нашему два раз на одной не женятся, а довольно одного раза, потому что я прожил полтора года. Что своя неосторожность и вот знак ее памяти, чтоб вперед она больше етого не делала. Вот тут-то она сделалась хорошая жана.

— Ну вот что, теперь я поканителился здесь долго. Надо опеть жо съездить попроведать мене брата.

Развертывает ковер-самолет, надевает шапку-невидимку, берет драчун-дубинку в руки. Дернул ковер-самолет за угол — ковер-самолет полетел. Прилетает к брату, к Василию.

— Ну, брат, поедем, надо попроведать отца.

Недалеко от города пасется большое стадо свиней. Сидит старик босиком на мурашиной кочке, поглядывает по свиньям, все ли тут. Подлетает ковер-самолет против старика, садится на пол, берет драчун-дубинку, ударил об землю. Выскакивают два молодца:

— Что хозяин надо, то и сделаем!

— Вот дайте-ко каждой свинке по несколько бичей. Вот побежали свиньи с большим визгом домой. Бегут в ворота. Старшая матка впереде. Только остановилась, чтобы ее поцоловать, как пнули ее под задницу, дак она кубарем полетела. Царь возгневался:

— Сейчас казню пастуха!

Но казнить ему нековда было, потому что готовился к вечеру.

Стают ети два господина опеть к етим жо музыкантам на квартеру. Музыканты настраивают свои музыки, готовятся на царской вечер. Сказал Федор музыкантам:

— Предложите нащет нас, чтобы были и мы приглашоны на вечер. Ковда приходят музыканты к царю на вечер, предложили царю:

— Есь у нас два человека, очень великолепно одеты и развиты люди. Просили они пригласить их на вечер.

Ковда собираются гости, предложили музыканты пригласить етих людей. Царь посылает посланников по етих людей. Вот начался вечер, пошла гулянка,

пошли танцы и песни. Ети два иностранца не имеют никаких разговоров. Один из князей спросил их:

— Почему жо вы не веселитесь на вечере или вы стесняетесь что-нибудь, хотя бы поплясали или песни попели, или рассказик рассказали.

Федор говорит:

— Рассказать рассказ бы можно, но только по подпису.

— А какой жо есь подпис?

— Да подпис такой: если хто скажет "врешь" или "не может быть", то с того и голова долой.

В ето время приостановилось все веселье и сделалась тишина. И говорит один инерал:

— Ну как, гости, согласны вы провести такой протокол?

— Дак почему не согласны. Если понравится, будем слушать, а не понравится, будем свое вести.

Вот тут оне сделали завещание. Подписалися оне все к протоколу. Царю и царице что-то неохота было подписаться, но заставили их невольно подписаться. Начинается рассказ Федора:

— Был один купец-мильёнер, имел большую торговлю и приобрел он себе птичку за сорок тысяч рублей. Заказал велик садок исправить гля ее и наказал своей жане кормить ету птичку до моего приезда: "Следи, как за дитем". Действительно, жана следила. Ковда приезжат царь к купцу в дом и ходит по всем комнатам и спрашиват купца жаны:

— А что жо у вас ето комната заперта?

— Да тут открыть совсем нельзя: детские игрушки и совсем нечистота.

Как царь приказал ей открыть комнату. Открыла она комнату. Царь и говорит:

— Вот как вы нахально врете, какая чистота, какой приятной кабинет и птичка в садке.

Открыват садок, спархиват птичка прямо царю в руки. Царь взял ее за крылышки, поднял кверху. Написано под правым крылышком: "Хто съес голову, тот будет над царями царь, хто съес потроха, тот будет знать чужие мысли". Царь приказал зажарить ету птичку. Повар птичку зажарил и поставил в шкап. Приходят ее два сына из школы и съели птичку. Царь приезжает: "Ну что, птичка готова?" "Готова, изжарена". — Хватился повар — птички и нет. Куда делась — неизвестно. Федор пожалел повара и сказал, что мы ету птичку съели. Товда царь приказал зарезать етих детей и вынеть из их серца и изжарить.

В это время царь сказал:

— Ето они нахально врут.

Мать тоже говорит, подтверждает, что оне соврали. Можот ли быть, чтобы мать отдала детей зарезать. Из гостей ето слушали. Гости говорят:

— Продолжайте дальше! Потому как прошло немного времени, каких-нибудь три-четыре года, как отобрал царь торговлю у купца.

Федор продолжает дальше:

— Благодаря повара и дворника, что оне не зарезали детей, а зарезали двух собак и зажарили. Ну все-таки не осквернили его душу. Прибежал с им большой черной кобель. Ковда лакей побежал быстро, запнулся, сердца упали с блюда, кобель их схватил. Царь сказал только: "Собаке собачья смерть". Теперь приезжат каких-то два господина, пожалели старика, что он по миру ходит, дали ему кулек золота. Царь узнал, что у него есь кулек золота и не ходит он по миру.

Товда снял с него одежу, отобрал кулек золота и заставил свиней пасти. Приезжают каких-то два иностранца, остановились против пастуха. Ударил драчун-дубинку об землю, выскочили два молодца. И приказал он дать каждой свинке по несколько бичей, а старшой ишшо больше. Ковда она в воротах остановилася, товда ее пнул, то она полетела кубарем. Царь стоял на крыльце и говорит: "Сейчас сказню пастуха".

Потом признается Федор, что вот наш пастух есь наш отец, а ето есь наша мать, но она теперь не мать, а супостатка, бросила отца и заставила страдать нас.

Товда все князья присуждают царя и ихную мать к смертной казни по договору ихного протокола. Ставят на царсво етого купца. Получил он всю свою прежную торговлю. Товда признались ему и сыновья.

11. О МАЛЬЧИКЕ КУПЕЧЕСКОМ СЫНЕ

Жили три брата купца. Один умер, и у вдовы его остался мальчик. И он бегал на пристань. Когда он прибежал на пристань, собираются дяди его в иное королевство, нагружают товар. И он спросил их:

— Вы куды, дяди, собираетесь?

— Мы собираемся в иное королевство.

— Возьмите меня с собой.

— А куда же мы тебя возьмем, малого юноша?

— Ступай у матери отпросись и возьми записку от нее,— тогда мы тебя возьмем с собой.

Когда он прибежал к матери:

— Маменька,— гыт,— благословите меня с дядиями в иное королевство.

Тогда мать благословила его и дает записку ему. Когда он прибежал к дядьям и дядим записку эту подает. Дяди приняли его к себе и отправились на этом корабле в иное королевство! Бежали много ли, мало ли время этим морем, и видят с двух сторон сходятся два корабля. И этот ихний корабль идет скорым ходом. Успешали на корабельную пристань, на самое лучшее место. Стали на самое лучшее место, и эти корабли прибежали. И корабельщики восипитовали, что захватили самое лучшее место, и первый раз корабль этот приходит.

— Что, господа, так озлились на нас, восипитовали? Господь кому даст фарту в торговле, хоть вы куды станьте, и народ пойдет. А если нет фарту в торговле, так и никто не придет.

Когда эти купцы усмирели напротив этого и напротив этих купцов. И пошли купцы с дарами к восударю, чтоб было дозволено в его земле торговать. Мальчик этот сошел с корабля, ходил подле морю. Возле морю стояла гора высочайша. Возле эту гору нашел мальчик самосвётный камень. Приходит к морю, ополаскивает в море камень и заходит в корабль, в темное место. Освечал самосвётный камень светлее огня. Завертывал камень в гумагу и с камнем клал записку, с какого корабля. Дяди его приходят на этот корабль. Потом спросил своих дядьев:

— Куда вы, дяди, ходили?

— Мы ходили к королю с дарами.

— Нате, несите мои дары этому королю, и ваши дары обратятся вобратно.

Приносят эти дары, подают королю по записке, смотрят: "Распечатать этот коробок в светлом месте и зайти в темное место с им". Распечатали коробок с

камнем в светлом месте, занесли в темное место, осветил камень как огонь. Король обратил их дары вобратно, дал от себя документы, в его земле торговать безданно, беспошлинно. Потом приходили дядьи на этот корабль, благодарили своего племянника. А этот король собирал по всей Андропии народ:

— Кто может ухи́триться зайти на эту гору?

Учинили плач по всей его Андропии, что думает всемирное воинство. В собраньи когда они были, стояли у этой горы. Восударь спрашивал их:

— Что, дети? Кто может ухи́триться на эту гору зайти?

Никто не мог ухитряться. Мальчик этот же с корабля сошел и приходит к им.

— Что, не могут ухи́триться на такую гору зайти? Сколь много вас, а ухи́триться не можете!

Спрашивал:

— Ваше императорство величество, сработайте якорь и привяжите легкую снасть. Кто может забросить этот якорь на эту гору?

Перебрали весь мир, якорь кидали на гору. Никто не мог закинуть. Мальчик подивился, усмехнулся, что не могут закинуть.

— Ваше императорство величество, у вас народ плохой, что вот какую дрянь закинуть не можете.

Берет мальчик якорь в руки, закинул на гору, приказал лезти.

— Ну, залезьте.

Никто не мог. Мальчик взялся за эту снасть и полез на гору — как все едино по лестнице. Залез мальчик на гору, обошел по горе, нет ничего. Стоят три дуба, меж дубами провалище. Мальчик подходил к берегу, скричал восударю, что:

— Ваше императорство величество, не держите безвинно народ, на этой горе нет ничего.

Взял якорь, затащил на эту гору. Заци́пил за дубовые коренья. Спустил снасть в эту провалищу. Начинал спускаться в эту провалищу мальчик. Его снасти не хватило до полу. Был шелковый платок на им. Привязывал всякими хитростя́ми платок ко снасти. Спускался на землю. Освечал себе огнем путь. Видит след в одну сторону. След — человечий. Шел этот след и подходил ко дверям. Отворил двери. Сидят тридцать молодцов, по сапогу шьют, тридцать лет сшить не могут. Захали и в ладоши схлопали, и с им ниче не говорят. Проходил он их. Сидят тридцать девиц, по рукаву шьют, тридцать лет тоже сшить не могут. Захали оне, в ладоши схлопнули, и с им тоже ничего не говорят. Выходил мальчик от их. Вышел от их на луга к морю. Шел лугами: стоит у горы кровать. На кровати спит стар человек. У кровати стоит стол, на столе лежат книги. Мальчик подошел, открыл книгу, смотрит — книги волшебные, закрыл книгу вобратно. Отошел от этого старика, видит в гору двери, отворил двери. Сидят две девицы, пельмени делают. И захали, в ладоши схлопнули. Первая девица варила пельмени и кормила его. Накормила его, ведет в особую комнату отдыхать. Выходил из этой комнаты с девицей. Вторая девица варила пельмени и кормила его. Ведет в особую комнату, ложится на ложу с им. Когда он пошел вобратно от этих девиц, идет нимо старого человека. Старый человек его подзывает к себе:

— Поди, — гыт, — мальчик, сюда.

Когда он подошел к нему, и он стал говорить этому мальчику:

— Ты, мальчик, плохо сделал, негодно...

— А что, дедушка?

— Ты сделал мне негодно.

— Как, почему?

— Так. А знаешь ты меня, кто я?

— Нет, не знаю.

— Я тебе дедушка, а ты мне внучек.

— Когда ты мне дедушка, а я тебе внучек, я желаю жениться.

— А кого же ты желаешь взять?

— А кого благословишь.

— А я тое же благословлю: с которой ты по первому разу уходил в комнату отдыхать.

Когда он ему благословил эту девицу первую.

— Иди же в ту комнату: на которой кровати лежал. В этой кровати задвижной яшшик. В этом яшшике стоит шкатулка. У шкатулки за скобу привязан ключик. Не столь шкатулку береги, как ключик.

Когда он заходит, мальчик, к девице, берет эту девицу первую за руку, выводит ее на улицу. Заходил в эту комнату, в которой отдыхал. У кровати вытаскивал задвижной яшшик, брал эту шкатулку. Подавал дедушке. Дедушка благословил ему корабль на корабельной пристани.

— Ступай, сыночек, в свое место. Вот тебе Бог благословил корабль, не надо тебе ни людей, ни парусов, ничего — может сам собой орудовать.

Когда он вставал на этот корабль, корабль бежал с им в домашнюю сторону, и корабль бежал, как все едино птица крылом машет. Мать увидала его, что сын бежит на корабле домой. Приказала кучеру лошадь запрягчи́ и пошла стречать своего сына.

Стретили сына своего радостью и потом от дедушки низяйший поклон.

— Я был у своего дедушки в гостях, женился, дедушка женил меня.

На радостях когда учинили они гулянку. Уснул крепким сном этот мальчик. Жена его не захотела жить у его тут и говорит своей золовке:

— Пойдем на корабельную пристань, разгуляться!

Когда оне пришли на корабельную пристань, жена его бегом от золовки побежала. Забежала на свой корабль. Корабль ее отправился неизвестно куда. Приходит, обсказыват своему брату.

— Твоя жена убежала на корабль неизвестно куда.

Брат ее отвечает:

— Маменька, напеки мне подорожников, я пойду свою жену искать.

— А где ж ты ее найдешь?

— А где не нашел бы, а все, может, я найду.

Когда он пошел искать, шел он много ли, мало ли время, видит: в поле стоит дом огромнешший и вокруг дому ограда, загорожённая железом, и на всякой тычинке по молодецкой голове, а одна тычинка стоит у ворот, на ей головы нет.

— Должно быть — говорит, — моей голове быть!

Заходит в крепость и проходит в дом, и в дому сидит на стуле прекрасная девица.

— Любезный мой зятюшка явился ко мне в гости.

— Когда я твой зятюшка, скажи про мою жену — где моя жена?

— А сослужи мне службу.

— А какую же тебе сослужить нужно службу?

— На тебе сашку, вот западня, — отвори эту западню. Спустисся в эту западню, и увидишь на подсвечнике свеча стоит.

И подала ему свою зажженную свечу на подсвечнике.

— На столе лежит мальчик и здрел бы, гыт, смотрел и ясных очей не сносил. И сколь он красивый, и жалко будет тебе его рубить. Пересеки. Стоит подсвечник на столе, и свеча загорится сама собой. Эту свою свечу, с которой ты пошел, поставь там, а которая сама загорится, принеси ее мне.

Спустился мальчик вниз в эту же западню, подходит к столу, и на столе лежит мальчик. И здрел бы, смотрел и ясных очей не сносил. "Жалко мне его рубить, ну, самому себя жалче. Пересек этого мальчика: половиночки стрепескались и пали со стола. Свеча сама собой загорелась, и он думать стал: "Возьму эту свечу погашу, положу себе в карман, а с которой уходил, ее подам вообратно".

Когда он ту свечу погасил, положил к себе в карман, а с которой уходил, обратился вобратно с ней. Обратился вобратно, подавал эту свечу с подсвечником вобратно ей. Она и говорит:

— Эта свеча не та.

— Нет, — гыт, — эта свеча та. С которой я уходил, осталась там, а сама собой свеча загорелась, я вот ее вынул и подаю вобратно вам.

Она сказала напротив того, что:

— Ну хитрый!

— Ты скажи таперь мне, где моя жена?

— А ты пойдешь, найдешь.

Он вышел из крепости, из ее ограды, всячески ее обругал. И потом пошел от ее.

Шел он многое время и приходит во второе восударство. Выпросился к мещанину на квартеру. Так что я вижу мещанина на все руки: по мошеннику мошенник, по вору вор. Мещанина и спрашивает:

— Не найдется ли мне какой-нибудь сполюбовницы?

Он ему сказал:

— У нас есть Марфида-царевна; ну, как до ее доберешься, против тебя нет больше никого красотой, потому что ты очень красив. А завтрашнаго числа пойди в полусад, встань в скрытно место и высмотришь Марфиду-царевну, кака она есть красавица.

Когда он пошел назавтра, встал в скрытно место в полусаде. Приехала Марфида-царевна на гулянье, и он запоздал, что допозда пробыл в этом полусаде. Приходит к хозяину к своему. Хозяин спит. Он думает: "Чем же мне осветиться в комнате? Не попросил я у хозяина свечки либо что-нибудь". Хватил у себя в кармане: и лежит свечка с подсвечником: "Не нужно мне будить хозяина". Зажег эту свечку. Ссеченный мальчик явился к нему. И он испугался. "Что такое? Мальчик зарубленный сделался живой и явился ко мне". Этот мальчик отвечал:

— Вы не убойтесь меня! Спасибо за то, что выручили меня, я тридцать лет сидел у ей и тридцать раз меня рубили. Меня вы выручили. Я пособлю тебе твою жену разыскать.

Он и говорит, мальчик купеческий сын, этому мальчику:

— Нельзя ли мне эту фрелину достать?

— Можно достать.

Когда приносят Марфиду-царевну, становят середь полу совсем с кроватью. На рассвете относят ее вобратно. Поутру обсказывать своему папаше:

— Видела я сон нехороший: кто-то меня куда-то носил.

— Что сну верить? Видится так сон, здря верить ему нечего, сну.

На вторую ночь зажег купеческий мальчик свечку и этот же ссеченный мальчик явился опеть к ему.

— Нельзя ли как ее принести оттуда?

— Нет, нельзя.

— А что нельзя?

— У ей решето под кроватью с мукой повязано, нести нельзя.

— Пожалуста, как нельзя ли?

Ну, тогда он взял понес, проси́елась мушная дорожка. На рассвете отнес ее вобратно. Мальчик поднял бурю-погоду, разбил у короля магазины с хлебом, муку по всему восударству разнесло, как все равно надуло снегу. Бегали с мешками и нагребали эту муку, таскали. Восударь стал и смотрит.

— Где теперь искать, когда разбивали магазины с хлебом и разнесло весь хлеб? Теперь что будешь делать? Заколоть быка, вынуть пузырь, напустить пузырь полный крови. Он понесет с кроватью, и пузырь разобьется и потечет кровь и тогда мы с кро́веной дорожкой можем пойти и разыскать, кто тебя куды носит.

Когда зарезали быка, напустили пузырь полный крови. Ввечеру этот купеческий мальчик зажег свечку, ссеченный мальчик явился к нему. Он и говорит ему:

— Принеси мне эту опять фрелину.

— Нет, нельзя.

— Пошто?

— У ей под кроватью пузырь с кровью привязан; понесу кровать, он разобьется, кровь потечет и с кровеной дорожкой нас тогда найдут. Если понести, ты попадешь.

Не поверил ему, проси́л принести. Мальчик принес Марфиду-царевну и действительно протекла кро́веная дорожка; и потом на рассвете опеть вобратно когда он ее отнес, и потом обсказывать своему папаше:

— Меня кто-то носил куда-то.

Стали смотреть, действительно ношено было. Пошли, берут солдатов, жандар, мещан искать и приходят этой же дорожкой к ему на квартеру, берут его тут в фатире. Посадили его в тюремный за́мок. Когда посадили в тюремный за́мок, часовой солдат ходит у его дверей. Он и говорит:

— Солдат, знаешь ты, меня где взяли?

— Как же не знать? Я тут же был.

— Принеси мне с фатеры подсвечник, коробок серянок.

Дает рупь денег этому солдату. Солдат сменился когда с часов, у дядьки отпрашивался. Дядька дозволил ему на базар сходить. И этот солдат приходит как будто на базар, приходит на эту фатеру.

— Ваш фатерант оставил свечку с подсвечником, коробок серянок.

Хозяин выдал ему свечку с подсвечником и коробок серянок. Солдат ее к себе клал в карман. Доводится же этому опеть солдату в этот же опеть караул, передает свечку с подсвечником и коробок серянок купеческому мальчишку. Когда он во время вечера зажег эту свечку, ссеченный мальчик является к нему.

— Ну что? Я тебе не правду ли сказал, что попадешь?

— Ну, попал. Выручи меня отседов.

— Нет, выручить тебя таперь нельзя.

— А как же нельзя? Пожалуста, выручи меня отседов.

— Нет, нельзя, а вот выручу. Завтрашнего числа повезут тебя на суд и осудят на весилицу. Так ты пойдешь, когда осудят на весилицу, нимо базару. Возьми два калача хлеба, и возьми фунт табаку и большую трубку для себя. Один калач подай милостыню, другой оставь для себя. Подведут к релии, на перву ступень станешь, отпросись трубку табаку выкурить.

Когда назавтра его приходят солдаты, берут из замку, ведут его на суд, присудили его на весилицу. Когда повели его нимо базару, и он и говорит:

— Ваше императорство величество, позвольте мне купить два калача хлеба.

— Купи.

Когда он купил, он один калач подал в милостыню, а другой оставил себе.

Потом говорит:

— Ваше императорство величество, позвольте мне купить табаку и трубку, покурить перед последне жисть-время.

— Возьми, возьми табаку!

Тогда взял он табаку фунт и трубку. Привели его к релии, на перву ступень стал он, и он и говорит:

— Ваше императорство величество, позвольте мне перед последне жисть-время выкурить трубку табака.

— Кури, кури, сынок, ничего!

И когда он наклал трубку табаку, закурил и смотрел в восточную сторону. Смотрел в восточную сторону, встал на вторую ступеньку и дожидался к себе мальчика.

— Ваше императорство величество, позвольте мне еще трубку табаку выкурить?

— Ну, кури, кури, ничего!

Когда он ее наклал трубку табаку и закурил и смотрел в восточную сторону. В восточной стороне, вси едино как месяц зашел, светло. И думат купеческий сын, что товаришш его является скоро. Зашел на последнюю ступень, на третью и говорит:

— Ваше императорство величество, позвольте мне еще в последний раз выкурить трубку табаку.

И он ему дозволил. Когда выкурил трубку табаку и вытряхивал из трубки, с востоку являлся как огненный колесо и промеж ног его. И подняло кверху и очутился конь сивый под им; и летел по воздуху с им, с купеческим сыном, этот конь и улетел за море. Спустился на луга и говорит ему человеческим разговором:

— Опусти меня, хозяин, я ись хочу.

Купеческий сын слез с этого коня, опустил своего коня сивого, лег, уснул крепким сном. Когда он прочкнулся, пойду я, гыт, своего коня искать. Искал своего коня, найти ег не может. Видит — скрозь лес идет человек к ему навстречу. Спрашивал он того человека:

— Дядюшка, ты не видал сивого коня?

Он усмехнулся:

— Какой сивый твой конь, когда я тебя вез?

Овернулся конем и посадил мальчик купеческого сына на себя и повез. Не доежжавши тридцати верст до его жительства, где он раньше находился, и говорит ему:

— Слезай с меня, пойдешь теперь пешком.

И говорит мальчик купеческому сыну:

— Когда придем ко мне, у меня двенадцать сестер, тринадцата мать. Мать моя будет тебя выспрашивать, ты обскажешь свое похожденье; и будут выдавать мою сестру за тебя взамуж, ты не бери. Я пособлю тебе твою жену разыскать. Ежели ты возьмешь мою сестру за себя взамуж, то я осержусь.

Когда оне увидали, его сестры, своего брата, двенадцать сестер, и выскочили, стретили своего брата, подхватили под руки. Он говорит:

— Несите моего товарища, а не меня, товарищ мой меня выручил.

Подхватили оне их обоих с братом, занесли в дом на руках. Мать обрадовалась своему сыну, наставила на стол напитки, наедки, всякие кушанья. Начала выспрашивать купеческого сына:

— Куда ты пошел, куда побрел, куда Бог понес?

— Я пошел свою жену разыскивать.

— А где ж ты ее найдешь? У меня вот их двенадцать, и любую бери, котора тебе глянется, чем за ветром в поле гоняться.

И он сдумал взять девицы одну за себя взамуж тут. Когда взял девицу взамуж, мальчик ссеченный осерчал на купеческого сына, удалились от него. Остался вдвоем с женой только в этом доме. И он жил месяц в этом доме, и жена сдала ключи ото всех садов, ото всех подвалов.

— Гуляй по всем садам и по всем подвалам; каки тебе нужно вина — выпивай.

Когда она наказала ему:

— Есть один запечатанный, и не ходи в его, не распечатывай его.

Не в ослушеньи он был и распечатал этот подвал, заглянул: сидит львица, львица старая, на цепе. Когда он цепь сорвал со львицы и львицу опустил в поле. Львица убежала когда в поле, и доводилось ему ночевать в этом доме одному. Во время ночи прилетела его жена, кричит у окна:

— Муж, отвори мне двери!

И он отворил двери и видит зашла старая старуха, и он думает: "Неужели моя жена состарилась в одни сутки, такая старая?" И она говорит ему:

— Муж, зачем же ты негодно делал? Я, — гыть, — не приказывала тебе в этот подвал ходить, а ты пошел, не в ослушеньи был и львицу опустил. Мы жили имя́, хитрость и старость свою львице передавали.

Осерчал ее муж и потом поутру встал и ушел от своей жены, бросил ее. И шел он несколько места и много время, приходил в город. Питаться ему нечем было, денег всех было одна копейка. Ходит по базару, просить хлеба ради Христа совестно, купить не на что. Приходил к мелошникам, купил удочку за копейку. "Пойду по морю, хоть рыбы наужу и ее наемся".

До моря дойти не мог. Зашел в сад, середи́ сада выкопан колодец, и видит — в колодце булькается. "Хоть лягушку добуду, я ее съем, когда жрать хочется, отошшал". Закинул удочку в колодец. Удочка заклевала, все едино как рыбина. Потянул из колодца, как рыбина, попался челпан ему, неизвестно кто такой. И говорит человеческим разговором:

— Опусти меня в скоро время вобратно.

— Скажи — я путешествую хожу, разыскиваю мою жену — скажи, где она находится?

— А пусти меня, так я скажу ее.

Когда он опустил его вобратно в этот колодец, она и говорит:

— От этого же колодца иди вот этой дорожкой; стоит дом и сад, и у ворот сидит прекрасная девица.

Дом, украшенный павлинами, с. Десятниково Тарбагатайского р-на Бурятии

Когда он пошел этой дорожкой и завидел дом и видит, что сад у дома и сидит девица у ворот. И думат сам себе: "Что же, чем дом и сад брать, мне человека взять пользительнее будет".

Подошел к этим воротам и смотрит на эту девицу, что признал он ее действительно, что жена его. Она приняла его как следующим порядком к себе.

12. [ЦАРЕВНА-СТАРУШКА]

Не в которым царсве, не в которым государсве был-жил восударь. У него было три сына: первый сын — Василий, второй — Павел, третий — Ванюшка. Вошли оне в могущие лета, сдумал отец их всех трех женить. Дал имя́ по луку́ и по стрелке.

— Милые дети, подите, — говорит, — на волю! Вот вам по стрелочке, и вы стреляйте по очереди на три стороны!

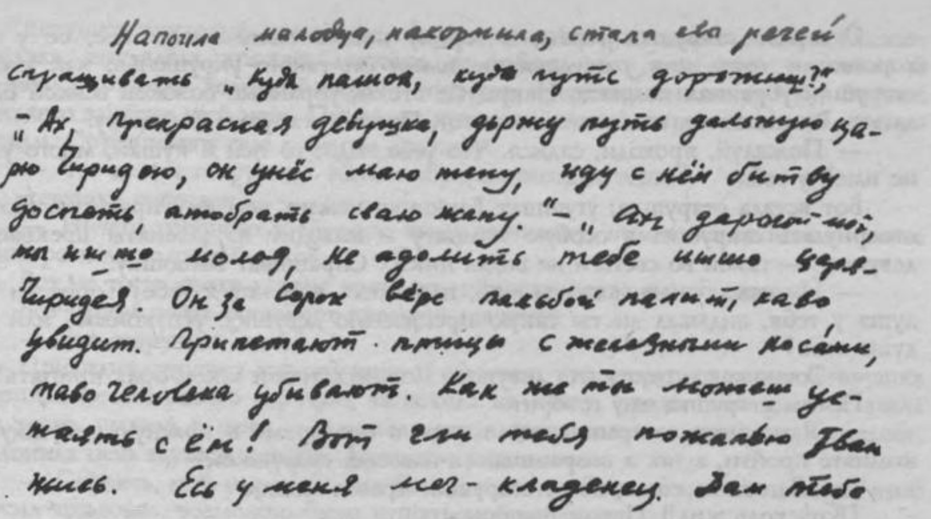
Старший сын стрелил — попал енеральский дом — выскакавает красная девушка, берет стрелочку.

— Паша, я твоя судьба!

Второй стрелил — попал в капитанской дом. Выскакават красная девушка, берет стрелочку и бежит к нему.

— Вася, я твоя судьба!

Ванюшка стрелил. Его стрела ушла неизвестно. Приходют к отцу родному. Спрашиват их отец:


Напоила маладца, накормила, стала его речей
спрашивать „куда пашол, куда путь дорожищ?"
— „Ах, прекрасная девушка, держу путь дальнюю ца-
рю Чиридею, он унёс маю жену, иду с нём битву
доспать, атобрать свою жену." — „Ах дарогой мой,
то ищ то молод, не адолить тебе ишшо царь-
Чиридея. Он за сорок вёрс пальбой палит, каво
увидит. Прилетают птицы с железными косами,
таво человека убивают. Как же ты можеш ус-
таять с ём! Вот гли тебя пожалею Иван
живь. Есь у меня меч-кладенец. Дам тебе

Оригинал сказки "Царевна-старушка" (№ 12). Запись М.К. Азадовского

— Ну как, милые дети?
Старший отвечает:
— Моя стрелочка ударила в енеральской дом — тут моя судьба.
Средней сын отвечат:
— Моя стрелка ударила в капитанской дом — тут моя судьба!
— Ванюшка, любезной мой сын, оде твоя судьба?
— Папаша, моя судьба неизвестная. Ушла моя стрела без весте — не могу найти ее.
— Домогайся, возлюбленный мой сын, все ж таки есь дерно, что твоя стрела не ушла.
Вот Ванюшка пошел по белому свету страдать. Везде выходил — шабаш! — не может нигде найти: по деремням, по гуродам. Закружила́ у Вани голова — ошибся с пути — с дороги, пошел лесом-тайгой.
Приходит, Спушшатся под гору. Под етой горой огромное, большое озеро. На етим озеру́ стоит терем, ужасно большой, огромный. Заходит Ванюшка в етот в дворец. В етим дворце на паратним крыльце сидит старушка дряклая — губы повесила, сама черная, как уголь, держит в руках Ванюшкину стрелочку.
— Здрастуй, баушка!
— Здрастуй, милый мой друг, Ванюшка. Я твоя судьба!
Ванюшка на то отвечает:
— Ах, баушка, кака ты мне судьба? Я — молод, неполные мои лета. Тольки мне от роду семнадцатый год. Кака же ты мне будешь су́ждена-ря́ждена? Как я буду жить с тобой на свете?
Старушка ему отвечает:
— Не бойся, Ванюшка, ничего, сойдемся со мной. Ежели только ты горчаешь на мои слова, видишь озеро: я тебя потоплю, сё рамно во что ба ни стало — больше меня не будешь. Попался в мои руки! Врешь, не уйдешь от меня! Много со мной не разговаривай. Ведь ты ись хошь — иди ко мне в комнату, напою и накормлю тебя, не опасайся ничего!

Отворяет старушка терем, в терему́ пошло сиянье жёстокое, сё у ней хорошо — так нету у осударя, не имеет он такого укрушенья, как у етой старушки убранная комната. Накрытые столы, убранные божжей всякой блаадатью. Все на столе, как светочек светет. Просит старушка Ванюшку:

— Пожалуй, проходи, садися. Что тебе надо, то пей и кушай, много умов не имей у себя.

Вот встала старушка, угушшат Ванюшку нежно, чем ему нравится. Потом оввернулась старушка в особую комнату и выходит из комнаты прекрасная девушка — такой во свете и не видал никто. Спрашиват Ванюшку:

— Ну как, сужден-ряжден мой, ндравлюсь или нет я тебе? Горит ли нет душа у тебя, видывал ли ты такую прекрасную девушку, успукоилась или нет душа твоя?

— Точно так, прекрасная девушка, можно с тобой закон-брак принять!

Потом старушка ему говорит:

— Я не могу: воврашшаюсе только в ето време в красную девушку по комнате пройти, а так я воврашшаюся навсегда старушкой!

Так, Ванюшка ето время у старушки провел месяц.

[Вот сколь жил!] Потом Ванюшка:

— Подем в царсво мое — там меня потеряли, не знают, оде взясь, оде разыскавать.

В согласии старушка, берет Ванюшкину стрелочку, идут. Повел Ванюшка свою старушку отцу своему на показание. Приходют оне до отца. Отвечает Ванюшка:

— Недоволен я етой судьбою! Как должон я с ей век свой жить? Я — молодой, она у меня старушка, у ей зубов нет, ничего нет, позеленела она, как лук.

Потом воборот отец родной ему отвечат:

— Стало быть, твоя судьба! Ето все, может, пустое — из худых бывают лутче в свете нету. Живи, бох с тобой! Стало быть, судьба твоя!

Вот Ванюшка вышел, пошел в свою особную комнату, со своёй со старушкой. Ето време проходят трое сутки. Потом восударь всех своих сыновей подзывает к себе:

— Любезные мои дети, пушай ваши жены спекут мне по пирёгу — ето время строк даётся вам на трое сутки. Чересь трое суток должны явиться ко мне с пирёгами все три невески.

— Хорошо, батюшка, все твое дело быдет исправное!

Вот пошли две снохи по магазинам, забирают, что имя́ надо. Испекчи стараются как бы полутче гля свекра, гля батюшка. Ванюшкина старушка ни об чем не пикётся и не думает об етом. Приходют те часы и минуты. Старушка говорит:

— Ванюшка, поди перьевого сорту возьми крупчатку хунта три — больше ничего не бери, мне боле ничего не нужно.

Вот Ванюшка сходил в магазин — первого сорту взял крупчатки, приносит своёй старушке, даёт. Вот наутро старушка заводит криночку, размешивает холодной водой.

Потом у их у трех была красная девушка-служанка. Те ее посылают:

— Поди посмотри и послушай, чо старушка делает? Стало быть, может испечь лутче нас.

Девушка приходит, ничего не говорит старушке, а только ее дело смекат. Увидала, выглядела красная девушка ее работу, что она муки насыпала в криночку, развела холодной водой, пихнула криночку на печурочку, больше никакого занятия у ей нету. Приходит красная девушка, воротилася к темя двум снохам. Спрашивают оне красную девушку:

— Что делает старушка? Катим образом заводит тесто?

Девушка отвечает:

— Ничего особного у ей нету, взяла криночку, положила за всяко просто муки, развела холодной водой.

Вот не то те снохи глупые тоже по-старушкину так же сё сделали.

Вот утром опеть посылают красную девушку:

— Что старушка делат?

Приходит девушка ко старушке и смотрит, что старушка делат. Старушка затопила печь чересчур горячую, заскочила на печку, продолбила ямочку, взяла ето тесто, вылила в печь — замазала ету ямучку, закрыла трубу, как следоет, заслонила печь глухо и наглухо. Меж тем речь повела:

— Спекись, мой пирёжок, как белый рых, гля батюшка, моёго свекра, чтоб вкусил чусьвовал, возможно было кушать мой пирёжок!

Хорошо!

Потом восударь потребовал трех своих сынов.

— Пушай идут, приказанное несут!

Вот оне тамо-ка две снохи все испортили, ничего у них из етого не вышло. В пече все сожгли в уголь, ничего у их не составилось. Вот оне второпях так да сяк мало-малишки испекли пирёжка, потом старушка сказала Ванюшке:

— Иди, Ванюшка, не бойся!

Завязала в персицкай платок белай, как рых, пирёжок.

— Неси, мой любезнай, ничего тебе не будет, получишь за ето похвальбу от отца от своёго также и от меня!

[Шибко красива ета сказка, ой-ох!]

— Любезнай мой сын, Паша, неси свой пирёжок гля моей души.

Развяз[ал] платочек, дает в руки пирёжок батюшке свому, родному отцу. Отец на то отвечает:

— Не могу я его кушать, твой пирёжок. Отнеси его, скорми его скотине! Ну, Вася, неси свой пирёжок гля моёй души.

Подходит Вася, развязыват платочек, дает в руки пирёжок батюшке своёму, на то отец ему сказал:

— Не могу я кушать твой пирёжок, очень он плохо испечёной. Отнеси его, скорми скотине! Дюбезный мой сын, Ванюшка, какого твоя старушка гля моёй души испекла пирёжок?

Развязыват Ванюшка пирёжочек из персицкого платка. Дух пошел по всему терему, не вышёл бы из етого терему от болдухания восподнего.

Государь хватил в уста етого кусочек пирёжка. Не токо что чо — до жопки сладось пошла!

— Блаадарю, Ванюшка, скажи своёй старушке глубокое, большое блаадарение. Хорошо она доспела. Молодые велиможи не могли ничего доспеть. Старушку хошь на навоз брось, а она оказывается лежит у муёй души. Люблю за етот пирёжок. Очень доволен я!

Потом сказал восударь своим трем сынам:

— Пушай, ваши жены гли меня сошьют по сорочке!

Приходют. Разошлисе оне домой. Старушка встречает своёго Ванюшку, спрашиват:

— Хорошо ли, Ванюшка, сходил, доволен ли папаша моим пирёжком?

— Очень доволен твоим пирёжком — блаадарение отдает, похвальбу и сказал: "У души у муёй лежит старушка, а те велиможи ни к чему". Да вот он велел вам сошить по сорочке в подарок.

— Ничего, Ванюшка, утро вечера мудренее. Сходи, Ванюшка, в первой в большой магазин, возьми аршин первого сорту полокна, больше ничего мне не нужно.

А те пошли, набрали всего довольно. Приходют домой. Красную девушку посылают:

— Поди, посмотри, что старушка делат?

Приходит красная девушка, смотрит на старушкину работу. Старушка схватила ножницы, сяла на окно, отворила створку, изрезала материё мелко-намелко, выбросила за окошко:

— Сошейте, друзья мои, приятели, гля моёго батюшка сорочку, чтоб была как следоёт, можно бы было подать ее в подарок.

Красная девушка все ето высмотрела, ушла своим хозяюшкам все потробно рассказала. Те с дурности, со своёго ума, взяли, так же доспели, что старушка делала. Вот наутро време приходит, старушка поднялась, ушла, сорочку чистую хорошую приносит, завязыват в персицкай платок. А те две, с большого своёго ума, ничего у их не вышло. Пошли, за окном посмотрели, лоскуточки по двору валяются, ветром везде их разнесло.

— Что мы будем делать?

Послали своих мужьей по магазинам.

— Подите, возьмите всякой матерьи хорошего, предоставьте нам, мы, может быть, успем сошить гля батюшки по сорочке.

Бегали, суетилися, время дошло, нужно идти нести подарки гля батюшка. Старушка Ванюшку посылает:

— Иди, неси свой подарок. Ничего там прежь их не отвечай — пускай оне подадут прежь. А ты, Ванюшка, пока батюшка не потребует ничего не говори.

Приходют три сына. Со старшего просит отец подарок. Развязыват припечальный, думат своёй голове: "Что, как я подам, плохо и плохо за етот подарок мне батюшка скажет".

Развязал платочек, вынул сорочку, подает батюшке в руку.

— Не могу я одеться в ету сорочку, очень плоха она. Как я могу надеть на себя, унеси вобратно, отдай своёй супруге. Едак чтобы она не делала, что не следует!

Потом просит отец второго сына:

— Ну, Вася, давай подарок!

Тот кое-как развязыват, думат припечальной своёй голове: "Как я подам, плохо и плохо, скажет мне отец". Развязал, вынул сорочку, подает отцу. Тот взял

— Что ето такое, могу я ету сорочку только как-набить надеть продтися одному, чтобы люди не видали. Любезный мой Ванюшка, неси свой подарок.

Ванюшка развязыват белый персицкой платочек, подаёт батюшку свой подарок. Пондравился чересчур его подарок.

— Могу только одеть гля тела Христова — больше не могу носить его — пожалею одеть пройти-прогуляться. Чересчур дорогой. Может тольки меня увидят божьем храме добрые люди. Блаадарю, Ванюшка, и также отдай ответ

своёй старушке: очень блаадарной я остаюсь ее подарком. Хорошо, мои дети, вот даю вам строку на шесть дней. Потом собирайтеся ко мне в гости, со женами со своими — у меня будет собрание большое, будут мои друзья, со всех земель, все цари будут сидеть у меня. Как-намить полутче чтобы было ето дело!

— Хорошо, батюшка! Все твое будет дело исполное, — отвечает ему Ванюшка. — Ладься!

Вот приходют домой. Идет Ванюшка. Старушка стречает Ваню:

— Ну что, мой милой друг, хорошо ли сходил?

— Очень хорошо. Большое блаадарение получил за етот подарок. Да вот еще сказал — дал строку на шесь дён — будет у его большое собрание, велел всем троим прийти на собрание. Будут его друзья, со всех земель цари, будут сидеть у него. Надо чтобы полутче ето было сделано.

— Хорошо, Иван-царевич, не печалься, все будет дело исправное мое.

Доходют те часы и минуты. Нужно сподобляться ехать батюшке на собранье. Те снохи посылают красну девушку к старушке: что старушка, как старушка снаряжатся к батюшке. Приходит красная девушка, высматриват, что старушка будет делать. Старушка отворила створочку, сяла на колоду и говорит:

— Друзья мои, приятели, пригоните парочку лошадей, чтоб можно мне съездить, приехать до батюшки на собрание, чтоб было все дело исполное.

Красная девушка выслушала старушкин разговор. Те спрашивают ее:

— Что старушка работ[ает]? Как чего готовит ехать батюшке на собрание?

Девица отвечат:

— Старушка отворила створочку, сяла на колоду и говорит: "Друзья мои, приятели, пригоните парочку лошадей, чтоб можно мне съездить к батюшке на собрание, чтоб было все дело исполное!"

Ето же время оне, дурные, с большого ума:

— Дай же мы так доспем.

Сяли, давай петь, реветь, орать в окошко, что не следует. Услыхали протчие лица, межю собою тихонечко переговаривают: "Что у государя невестки сумашествуют, орают во всю глотку".

Дошло время. Надо выезжать к батюшке на собрание — у их ничего не выходит. Так да сяк мало-малишки успели кое-как одеться, кое-как коней запречь.

Старушка сказала своему Ване:

— Поди, мой друг любезнай, попрежь меня и скажи батюшке: "Будет моя суждена-ряждена чересь два часа здесь в собрании", больше ниче не отвечай.

Вот приезжают те двое со женами, а Ванюшка один себе явился, пешечком. Потом подходит его величесво, спрашиват у Ванюшки:

— Почто, Ванюшка, один ко мне пришел? А де твоя старушка?

Ваня отвечат:

— Будет моя старушка чересь два часа здесь.

— Хорошо.

Столь, сколь восударь не ходит, с друзьями не говорит, все больше на часы глядит, дожидатся свою малую невестку-старушку: приедет она ли нет в мой пир. Межю тем пошел дожичек сильно большой. Ванюшка в ответ сказал:

— Ето моя старушка умывается, на собрание к батюшке собирается.

Потом ударил буйный ветер, невыносимай, заходила мать-сырая земля, заходило все ихое зданьё невыносимо — катится карета к восударственному дворцу, к парадному крильцу. Слезает старушка с етипажу. Выскакивают два

лакея, берут старушку под руки, ведут. Третия слуга шлиф ее несёт. Заходют в комнату, восударь не то что чо, душа его возрадовалась. Не так примал он своих любезных гостей, как принял свою меньшую невестку.

Вот оне столуют, вот оне пируют. Старушка сидит за столом, в правой рукав косточки кладет, в левой рукав щечки льет. [Хорошо?!] Государь сильно доволен невесткой своёй, сказал всей своёй публике:

— Вот послушайте, все мои друзья. Есь у меня сад, никого я не пушшаю в етот сад — сам в него редко хожу. Чичас прошу, мои милые гости, проттись, прогуляться в мой сад.

Се гости довольные етим. Вот пошли оне в сад гулять. В етим саду стоит озеро — в озере сяка разная птица округом воде ходит, как колода риба. Его любезная старушка говорит на то:

— Нет, позволь, батюшка свекор, у тебя в саду одного нет.

Прискорбно осталось отцу, что его чего-то в саду одного не хватает, невестке моей дорогой не поглянулось что-то в моем саду.

Потом отвечат старушка:

— Позвольте мне, батюшка, махнуть персицким белым платком в правую сторону.

Вынимат из карману персицкай белай платочек, махнула платочком. Округом етого озера засвели сякие разные светочки; потом упала округом слань-дорога. Потом спустилися радуги зеленые, округом все оболокли сад тот. Так зацвел, что невозможно наверх сбросить глаза — в глазах играт сад етот.

— Что, батюшка, доволен ли ты моёй шуточке, как я прошутела?

Вся публика в етот раз:

— Ура! — скричала. — Довольны все, как есь!

Потом заиграла духувая музыка, пошла вся публика танцовать. Дошло время, вызвали ету старушку — пошла старушка и говорит:

— Дозволите ли вы, батюшка, мне шутку сыграть?

— С полным удовольсвием, — говорит, — на то я публику призвал, на то идет у нас гуляньё, что хочите, то и делайте.

Махнула старушка в правую сторону правой рукой — полетело злато из рукува, посыпалось по всему саду. Потом:

— Позвольте мне, батюшка, шутку сыграть в вашем саду при полным собрании!

Махнула в левую сторону левой рукой. Заиграла духувая музыка, сад весь ходнем заходил. Народ весь из пределох выходит. Что такое делается в государственном саду? Загляженье, право! А гусударь прямо с ума сходит.

Вот все гости довольные сделались. А те снохи, с глупого своёго ума, стали вот ето же совершение совершать, что старушка делала. Стали рукувами своими махать — всех гостей чуть глаза не вышибли костями да щами (а те то же делали, чо старушка делала).

Ну, вся публика в ладошки забила и захохотала. Позор над имя доспела. Потом все ето разошлося. Приезжают домой на спокой. Ванюшку со своей старушкой пристигла темна ночь. Дошли те часы ее, минуты.

— Посиди, Ванюшка, погляди меня.

Ушла старушка в особую комнату, выходит из комнаты прекрасна девушка — укрушенье, цветнось цвету, а не как-намить что.

— Глянусь ли я тебе, Ванюшка?

— Почто, красная девушка, едак со мной не гуляешь, как вы едак сейчас? Почто воврашшашься в старушку?

— Милый друг мой, я не могу навсегда быть красной девушкой — ето только могу с тобой на ложе полежать три часа — как есь я сейчас хожу красной девушкой, а больше я не могу.

— Скажи, прекрасная девушка, ты чем-то сё-таки ето делаешь, что-то у тебя есь чередейское? Ето немыслимо доспеть так простым людям.

— Ошибся, — говорит красная девушка, — слушай, друг мой, есь у меня срецво — колечко, лежит он завсегда у меня под моёй подушкой. Вот я ём действую всё на свете — без него жить я не могу.

Вот легли, заснули приятным сном. Крепко-накрепко уснула красная девица в етот раз. Прошли, доходют часы-минуты, Ванюшка пробудился и думат на своём уму: "Дай я украду колечко, брошу в окиян-море, пушай колечко потонет, она его не найдет, навсегда будет жить со мной как сейчас. Не будет ходить старушкой, а будет ходить во всей красе".

Ушел. Бросил кольцо в окиян-море. Дошло время, разбудилася прекрасная девушка, хватилась свое кольцо — не может найти свое кольцо.

— Скажи, мой милый друг, нашто мое кольцо украл, куда его девал?

В ответ Ванюша:

— Послушай, любимая моя, далеко-далеко бросил я твое кольцо — в окиян-море.

— Почто, Ванюшка, неладко сделал?

Вдруг заходила сырая земля, ветер необнаковенай пошел. Прилетает царь Чиридей. Растворил терем сверху, потолок, сё открылосе кругом, — только видно одно голубое нёбо. Подхватыват царь Чиридей прекрасную девушку, понёс ее воздух. Отвечает, прошшается красная девушка с Ванюшкой:

— Прошшай, мой милай друг, тебе больше меня не видать. Понес меня Чиридей в триведесятое царсво, теперя я, Ванюшка, не твоя. Топере я супруга царя Чиридея.

Отвечат Ванюшка:

— Скажи мне, оде живет царь Чиридей. Я могучей баатырь, могу царя Чиридея победить-убить!

— Не ходи, мой милой друг, к царю Чиридею, сгубит он твою молодую жись — тебе с царем Чиридеем не устуять.

— Понапрасну, милая моя, ты ето в ответ держишь — я шибко сильнай, ворочаю горы, ворочаю долы, могу победить твоего царя Чиридея. Пошто, милый друг, мне раньше не сказала — побил бы я царя Чиридея!

Сильно далеко отделилисе от земли, плохо стало голос слышать. До тех пор прекрасная девушка ревела, пока ее дух доносился до Ванюшки.

— Прошшай и прошшай, Ванюшка, больше не увидимся!

Потом Иван-царевич пошел страдать. Вот пошел в поход — дошел до синего моря. У синего моря стоит избушка на курьих ножках, повертыватся. Стал он ей наговаривать:

— Избушка, избушка на курьих ножках, к лесу задóм, ко мне передóм.

Повернулась изба прямо ему дверьми. Лежит старушка, из угла в угол протянулась, а брюхо упёрла в потолок. Иван-царевич спужался в етот раз, сял в угулок, ждет, что будет. Вот баба топнула, выскочили слуги, лакей, повара́. Кто ее обуват, кто ее одеват, кто на стол набират. Разоделась барыней, чище ее в городу нет. Напоила, накормила молодца, спрашиват его речей:

— Куды, Иванушка, пошел, куды путь держишь?

— Прекрасная девушка, доржу путь дальную, царю Чиридею. Он унес мою жену, иду с нём битву доспеть, отобрать свою жану.

— Послушай, ты еше молод, тебе не отобрать ее — трудно тебе покажется. Нако, напрасно ты идешь, свою жись искоренить. Ну, иди, иди, там постарше моя сестра живет. Дойди до ее, может, она тебе поможет твоёму горю, иди с Богом.

Вот пошел он упеть. Упеть доходит до синего моря. Стоит там избушка на курьих ножках, повертывается. Стал он ей наговаривать:

— Избушка, избушка, на курьих ножках, к лесу задо́м, ко мне передо́м!

Повернулась изба прямо ему дверьми. Лежит баба двадцать раз страшней. Лежит из угла в угол протянулась, а брюхо уперла в потолок. Испужался Иван-царевич, сял в уголок, ждет, что будет. Вот баба топнула, выскочили слуги, лакеи, повара. Кто ее одеват, кто на стол набират, разоделася баба, чище ее в городу нет.

Напоила молодца, накормила, стала его речей спрашивать:

— Куды пошул, куды путь держишь?

— Ах, прекрасная девушка, доржу путь дальную царю Чиридею, он унес мою жену, иду с нем битву доспеть, отобрать свою жану.

— Ах, дорогой мой, ты ишшо молод, не одолить тебе ишшо царя Чиридея. Он за сорок вёрс пальбой палит, кого увидит. Прилетают птицы с железными носами, того человека убивают. Как же ты можешь устоять с ём? Вот гли тебя пожалею твою жись. Есь у меня меч-кладенец. Дам тебе его. Когды завидют тебя, прилетят птицы, покроют весь белай свет, доспется большая тьма. Потом загорит мать сырая земля. Потом, на тех пора́х прилетит сам Чиридей. Тут дело будет ваше. Ну, мотри, не робей — бей моём мечом в правую сторону только раз. Больше смотри его не поднимай и руку не удуряй — ссеки ему голову моим мечом. Будут тебе реветь: "Дорубай, досекай, не оставляй в живности для тиранства человеку", — в ответ ты слово держи: "Русской царь до разу убивает, больше рука не подымает". Ну, поди с Богом. Да мотри, что я наказала, то делай. Разного на уме ничего не думай.

Вот пошел Ванюшка, шел, шел и увидал, навел подзорнаю трубу, увидал: стоит дворец. Округом почернел, как головешки. Неоткуль поднеслась буйная погода. Заходила мать-сырая земля. Видит — летят птицы железными носами, весь свет белай ничего ромным светом не стало, образовалась вешная тьма. Потом видит — загорела пламенным огнем вся мать-сырая земля.

Потом видит — летит царь Чиридей, огнем жгет. Спугался Ванюшка: "Что мне делать?"

Потом сдумал, что учила меня красная девушка, заставала за мою жисть.

Из правого карману выхватнул меч-кладенец, дернул в правую сторону по чиридейской по башке. "Угудал мой меч".

Царь Чиридей упал на сырую землю́. Ничем не шелевит. Вокругом него голосом заревели, запели:

— Бей, добивай, предавай [смерти, не оставляй в живности для тиранства!]

Он в ответ на то слово держал:

— Русской царь до раза убивает, больше рука не подымает!

Как сказал, все разошлось по воздуху. Ничего не стало. Все хорошо стало — только видит одно красное солнышко.

Подходит к восударсвенному дворцу чиридейскому, увидала его красная девушка. "Моя сокровишша, меня встречает".

Отворяет ворота, заводит в комнату, ставит всякого разного кушанья, просит садиться.

— Молодец, др[уг] мой, выручил меня от етого несчастья. Я думала, что навек буду жить с царем Чиридеем, но все-таки типере я возорадовалася. Выйду я отцеле на белый свет, увижу я свою родную сторону. Поживем, мой милой друг, воздохнем.

Потом пошли в путь-дорожку, свою сторону.

13. [ВАСИЛИСА ВАСИЛЬЕВНА]

Жил отец, у его была дочь Василиса Васильевна. И стали выбирать отца в службу, головой служить. Девка и говорит:

— Поеду я за тебя служить.

Отец говорит:

— Тебе не отслужить.

— Ну, отслужу.

Отец пошел, купил мушинской лопати, нарядилась она и поехала, где надо служить, к Ягой Бабе на хватеру. Вот Баба Яга посадила ее чай пить и подумала, что не парень, не мушинское лицо.

Стала ее спать укладывать и возле бок положила веник — ежели мушина, то веник будет зеленый, а ежели женьшина, то веник пожелтеет. Тогда ничего с етого не вышло — веник не пожелтел.

У Бабы Ягой был сын. Вот стала она топить баню, истопила, послала ее со своим парнем в баню. Пришли, стали раздеваться, вот она и говорит:

— Я забыл мыло.

Сын бабы побежал по мыло, пока он бегал, она помылась и лопать надела. Он [*неразб.*] и говорит ей:

— Уже вымылся?

— У меня было, в пинжаке было мыло, я про его забыл (девка не мылась, только голову намочила).

Пришли из бани, баба ругат сына, что не мог узнать. Ее звали Василий Васильевич на службе.

Вот она отслужила свое время, сын узнал, что она девка, но матери не сказал. Вот ей уж домой ехать, тогда она Ягинишне и показала груди.

— Вот, — говорит, — ты хотела узнать, кто я.

Ягинишна говорит:

— Жива не буду, ежели тебя не добуду.

Приехала она домой, отец радехонек, что она отслужила и говорит:

— Что тебе, доченька, купить за то, что отслужила?

— Ничего мне, тятенька, не надо, только купи мне кровать с гусями и лебедями.

Отец купил, она легла в кровать, гусей накормила, а лебедей нет. Лебеди говорят:

— Мы унесем, гуси.

— А мы не унесем, — говорят, — лебеди.

На другу ночь она накормила лебедей, а гусей нет. Гуси говорят:

— Мы унесем.

Лебеди говорят:

— Мы не унесем.

На третью ночь она не накормила ни тех ни других. Она заснула, они взяли ее и понесли, понесли они ее на сине море. Она проснулась. С руки колечко сняла и говорит:

— Брошу кольцо в море и докуль не найду, не буду говорить с Бабой Ягой.

Они принесли ее к бабе в дом. Ягинишна отправляет ее коров доить, та пошла. А у них девка-чернявка выскакивает, ей прямо (а у бабы коровы — медведи). Чернявка говорит:

— У ней коровы — медведи, ты туесок там запехай и говори: "Коровы, подойтесь, коровы, подойтесь", — они и подоятся.

Так она и сделала. Потом взяла она молоко и принесла. А баба сердится и говорит:

— Не кошкины замыслы, а котовы (она, думала, что ей парень говорит).

Опять отправляет ее овец стригти, а у ней овцы были волки.

Опеть девка-чернявка выскакивает:

— Ето овцы-то — волки. Ты коробицу поставь, ножницы положи и говори: "Овцы остригитесь, овцы остригитесь", — они и остригутся.

Василиса так и сделала, принесла она бабе шерсть, баба опять сердится и опять эдак же говорит:

— Не кошкины замыслы, а котовы.

Тогда баба уже не знает, как ее извести, и посылает:

— Иди к моей сестре по берда полок ставить.

А ее сестра така же.

Чернявка выскочила и говорит:

— У ей есть береза, она тебя веником захлещет, у ей есть ворота, они исскрипят в ограде, у ей медведи, и волки, и собаки — они тебя съедят.

Дала чернявка ей денег, пошла она, накупила булавок, ленточек, масла и мяса, — так ее научила чернявка. Пошла Василиса. Береза ее хлещет веником. Она перевязала березу ленточкой, та пропустила ее. Ворота заскрипели, она маслица улила — оне ее пропустили, в ограду заходит, там на ее бросились медведи, волки, собаки — она всем дала по булавочке и по куску мяса — они ее пропустили. Пришла она в избу, поздоровалась, и та ушла зубы точить, ее есть. А тут мыши подали ей бердо и сами на гусли заиграли. Василиса взяла бердо и пошла. Пришла она к Ягой бабе, та осердилась и опять то же говорит:

— Не кошкин замысел.

Стала Яга баба пиво варить, а парень пошел рыбу ловить. Принес рыбу, и Василиса стала чистить, чистила и кольцо свое нашла в рыбе. Яга стала ткать красна, а Василису заставила пиво варить. Василиса сварила чугунку и берет красный фартук, прихватывать чугунку, а баба и заревела:

— Начто берешь фартук? Отымалка есть.

Василиса сказала:

— Не твое добро, а добро батюшкино.

[Она как кольцо нашла и заговорила!]

14. ЧЕРВЯЧОК

Старик со старухой жили. У них детей-то не было. Поехал старик в лес, срубил дерево и слышит хто-то в деревне, как ребенок, заревел. Огляделся вокруг

— никого нету. Кора, в коре, значит, червячок. Он этого червячка взял. Червячка этого взял, домой привез. Он же говорит, как ребенок.

Ну, старуха, я тебе привез, — говорит. — Повесим зыбку и водись.

— Ну че, — говорит ему.

Он тоже с имя разговаривает.

Сколько оне его покачали, он теперь (этот червячок) и говорит:

— Ну, батюшка с матушкой, мне пора жаниться.

Старик голову поцарапал. Ну что, как червячку жаниться.

— Время, — говорит, — дошло мне жаниться.

— Ну на ком ты думашь жаниться-то?

— Пойди батюшка, к царю, посватайся на царевне.

— Гошподи, как к царю идти? Ведь он голову снесет — сватать за червячка. Идти-то страшно.

Пошел старик свататься. Ну, он, значит, царь, встретил, угостил его. Но пиво подал ему.

— По какой причине?

Он рассказывает:

— Так и так, посвататься пришел.

Он рассмеялся, царь, и говорит:

— А вот тебе задача. Если, — говорит, — твой жаних, — говорит, — мне, — говорит, — принесет, — говорит, — подарок — блюдо, чтоб в этим блюде, — говорит, — плавали лебеди живые. Блюдо не просто — золотое, чтоб лебеди плавали на столе. А если, — говорит, — не сделашь, то твоя голова с плеч.

Пошел штарик, заплакал:

— Что, все теперь: с плеч голова.

Приходит домой, рашкаживат:

— Так и так. Не беспокойся, батюшка, ложись спокойно спать.

Но, старику что же и не спится. Сколь проворочался — уснул. Ушнул, значит, утром червячок его будит.

— Ну, вставай, батюшка, пора к царю идти.

Взглянул: на столе блюдо все из золота стоит и лебеди плавают. Но, старик обрадовался:

— Но, все-таки голова моя цела останется.

Пошел опять к царю. Опеть царь его угошшат, значит, всяким вином угошшат, закуски наставил. Ну ладно.

— А вот, — говорит, — второй, второй, значит, так вот, — говорит, — если он для невесты, — говорит, — несшитое-некроенное платье, — говорит, — сделат и ботинки несшиты-некроены, ему жаниться на моей дочери.

Ну ладно. Опеть старик, а то опеть голова с плеч. Идет старик, плачет опеть. Вот беда-то. Ну как он может сделать это? А червячок отвечат:

— Не плачь, утро вечера мудрене. Ложись — отдыхай.

Ну, старик уснул, опеть утром его червячок будит. Пора уже вставать, идти к царю. Взглянул, значит, лежат, ботинки, лежит платье. Како надо, заказали. Так и от не шито, не кроено. Что за платье такое? Понес опеть. Царевна увидала, обрадовалась, значит, что такое это хорошее все. Ну, теперь царь говорит:

— Ну, последний залог, чтобы от меня, — говорит, — и до вас были, — говорит, — бы мосты золотые проведенные. На этих мостах, — говорит, — птицы пели, пели и всяки, — говорит, — это кусты, леса, были бы. Но, дворник подметал ходил.

Ну че теперь? Ну уж это-то на знай как, чтобы мост до их, от них и до царя и где венчаться — туда. Ране венец был.

Ну, поехали опеть. Пошел он туда опеть.

— Ну все, теперь-то, наверно, мне все.

Приходит, [сын] говорит:

— Да, ой, батюшка, ложись — утро вечера мудренее.

Будит опеть его:

— Вставай, батюшка, иди к царю.

Ну че. Заглянул на него везде — вон какие сады, и птицы поют, и везде мосты намощены, и дворники ходют подметают. Ну ладно. Теперя, значит, поехали они к венцу, обвенчалися, стали жить, свадьбу отвели. Ну че, червячок, че? А когда, значит, идти к царю-батюшке — он ночью делатся молодцом. А днем, значит, он червячком. Был насколько-то заколдованный. Ну ладно.

Теперь вот также на гулянье-то у царя-батюшки были. Она прибежала вперед его и взяла эту шкатулку в печку бросила. В печку бросила. В печку бросила, сожгла. Он пришел и заплакал:

— Че же ты наделала. Теперь, — говорит, — ты меня не увидишь.

Вот шлепнул, значит по голове ее. Тихонько задел, колпак железный надел. По ногам, значит, вот ботинки железные ей надел.

— Теперь, — говорит, — вот пока это ты не износишь, потуль ты меня не найдешь. А когда, — говорит, — все эти ботинки слетят железные, колпак с головы, тогда ты меня найдешь.

Ну че? Сколько она ни плакала, а его не стало. Сколько ни плакала, ни горевала. Ишь че? Куды деваться? — К царю она обратно не пойдет.

Пошла она, значит, разыскивала его. Вот идет. Идет по лесам по дремучим, и попадатся домик. В домике этом, значит, его сестра младшая живет. Сестра, значит, живет. Она обсказала все, плачет. Она истопила баню. Ну, поругала ее:

— Че ты наделала, пошто. Время бы дошло, он человеком бы был. Потому что он, — говорит, — на три года был заколдованный.

Ну ладно. Она теперь ночевала, отдохнула и она, значит, ей выташкиват платье на дорогу.

— Вот тебе платье, — говорит, — когда, — говорит, — ты дойдешь до его, пойдешь в церковь, — говорит, — увидишь его жану. Когда, — говорит, — ты дойдешь до него, то, — говорит, — она будет у тебя это платье покупать, — говорит. — Не продавай, — говорит, — на деньги, а скажи: только с твоим мужем ночевать. Вот так.

Ну вот. Показала ей, значит, опеть дорогу, дала клубочек.

— Брось, — говорит, — клубочек и иди. Он тебе путь-дорогу покажет.

Ну и вот. Шла, шла, шла, и вот дошла она, значит, до второй сестры. Втора сестра опять так же ее вштретила. Поругала, конечно, баню истопила. Помылась она, отдохнула и пошла опеть. И она ей платье опеть вытаскиват како-то хорошее.

— Пойдешь когда, — говорит, — в церковь, надевай это платье. Ни на чего, — говорит, — не меняй — только на него.

Ну вот, значит, это платье дала. И она, значит, опеть ей полотенце дала.

— Полотенцем, — говорит, — махнешь, и будет тебе дорога до третьей сестры.

Вот она шла, шла, шла опеть до третьей сестры. Дошла до третьей сестры. Когда дошла, и она опеть так же ее встретила: поругала и баню истопила,

помыла, покормила, отдохнула она у ней. И она теперь, значит, дает ей платье, ишо красивше тех.

— Вот, — говорит, — только ни на кого не меняй. Пойдешь в праздник, — говорит, — в церковь, меняй только на него.

Вот так. И теперь она дала, значит, ей денег, золота много.

— Вот, — говорит, — неси это золото. Счас, — говорит, — будет мельница. Ты, — говорит, — придешь к мельнику к этому мельнику, — говорит, — заплати, отдай сколь-нибудь немного, — говорит, — он тебя, — говорит, — перешлет.

А там, значит, попадать-то к нему надо, он уже жанатый, у него ребенок. К нему попадать надо через море, а летают, значит, сокола. Эти, значит, эти кули с мукой возят на себе лётом.

Ну, этот мельник, значит, живенько взял ее в куль жашил. Вот-вот должны прилететь они по муку-то. Ни и это. Он зашил ее, она ему денег дала. Зашил ее в куль опять. Ну и прилетели сокола. Он говорит:

— Смотрите, не играйте, а то, — говорит, — утопите. Вот этот куль ценный. Самая хорошая мука, — говорит, — утопите, — говорит, — плохо вам будет.

Вот они сколько летели, летели и вздумали поиграть, кулями побросаться. И давай бросаться. И вдруг этот куль-то сорвался, и они кое-как его поймали, успели. Поймали, потом полетели. Не стали играть, а то бы утопили. Прилетают, значит, в склад, сдают эту муку. Принимат кладовщик. Теперя, значит, подходит к этому кулю-то, а уже сокола те сдали и ушли. Он подходит. Она потом ему говорит:

— Расшейте меня, я вам заплачу.

Он расшил. Она ему много золота, значит, дала опеть.

— А где же бы мне устроиться, — говорит, — в тако место, — говорит, — чтобы в церковь ходить.

А он говорит:

— Вон на краю избушка стоит старик со старушкой живут. Вот к имя, — говорит, — иди.

Она ушла туда. Ушла туда, ну че. Подходит воскресенье, она пошла в церковь Богу молиться. Ну, народ там собрался, Богу молятся. И подходит женщина и говорит:

— Вы не продаете ли? — Она, значит, первое платье надела. — Не продаете ли, — говорит, — платье.

Она говорит:

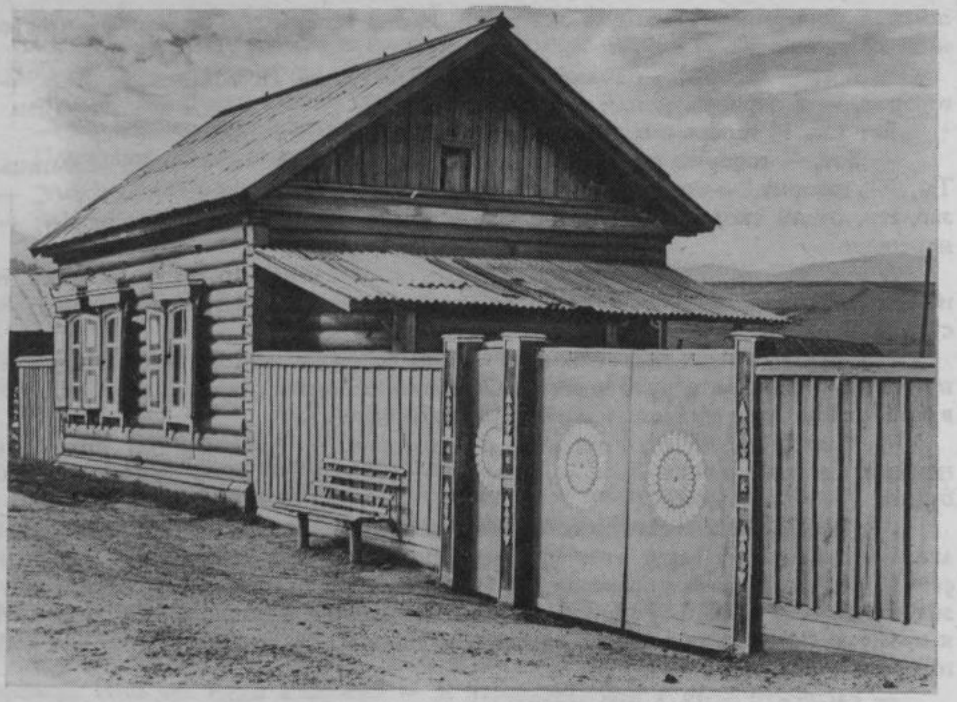
— Нет. Не продаю, — говорит, — я платье. А только, — говорит, — в заклад кладу с вашим мужем ночевать.

Она говорит:

— Пожалуйста, можно. Ну вот в тако-то время приходите, я вас пропущу к нему.

Ну, она приходит, значит. Она ее пропускат в комнату. Он спит-лежит. Вот она его тут: выла перед ним, все на свете, трясла его. Как спал, так и спит. Подходит утро. Она отлаживат: "Все, время вышло, пойду". Пошла. Че, она даже не разговариват с ней. Подходит опеть праздник какой-то старинный. Она пошла, второ платье надела. И опеть только пришла в церковь — подходит женщина:

— Вы, — говорит, — платье не продаете это?



Дом с воротами, украшенными солярными знаками, д. Бурнашево Тарбагатайского р-на Бурятии

А она говорит:

— Нет, продавать, — говорит, — не продаю я, а в заклад кладу с вашим мужем ночевать.

Она говорит:

— Пожалуйста, пожалуйста, ночуйте, — говорит, — приходите в тако-то время. Я, — говорит, — пропушшу вас к нему.

Ну и чо? А ребенок-то такой уж большинький с ней. Ну и теперя она опеть ее к себе пропустила, значит. Она опять всяко тут с ним делала и с ним все переделала. Никак не разбужатся. Просидела до утра и утро. Ладно. Теперь, значит, утро подходит. Она спрашиват:

— Почему он спит у вас? Даже ничо не спросит, не скажет.

— А он такой сонливый и есть.

А он утром-то стал, сял завтракать и с ребенком-то с етим говорит:

— У меня седни все-все болит.

Она его иголками колола, чтоб разбудился и ниче не могла добудиться. Он говорит:

— У меня че-то седни все-все болит.

А он говорит:

— Папка, знаешь че? Мамка, — говорит, — тетеньку пропускала к тебе. Ты, — говорит, — ночевал там, и она с тобой ночевала. Это она, — говорит, — наверно, че-нибыдь сделала с тобой — тетенька.

Ну, теперь догадался. Назавтра опеть же праздник. Она пошла и третье платье одела, ешо красивше. Теперь, значит, приходит она в третьем платье в этим. Она даже только как увидала ее и все — Богу молиться некогда.

— У вас, — говорит, — непродажно платье-то?

Она говорит:

— Нет. С вашим мужем ночевать. А почему же я его добудиться то никак не могу?

— Да он такой сонливый и есть.

А он теперь сам узнал, мужчина-то, что кто ходит ночевать. Мальчик это все рассказал. Теперя он, значит. Пришел с работы-то, сял. Она ему опеть подносит стакан, чтоб спал-то он. А он, значит, будто и выпил, сам взял его вылил. Вылил. Выпил его, не стал исти ничо — уснул будто. Слуги подскакивают, его опеть же туда уносят. Он спит будто. Ему надо знать, в чем дело тут. Ну, и она приходит. Она пропускат ее. Она, значит, заплакала и говорит:

— Господи, — говорит, — третью уж ночь я тебя добудиться не могу.

Так шибко-то зарыдала, а он глаза сбросил. На всю ночь он ее обнял. Она, значит, доходить когда стала — ботинки слетели, колпак этот слетел, когда до мельницы доходить стала. Все у нее слетело уж. Ну, теперь это давай она рассказывать ему, что вот так и так: ей сестры давали платья, чтобы вот как-нибудь тебя видеть только. Но она теперь отложила. Утром-то они сидят в обнимку. Она его погнала:

— Уходи, уходи.

Он ей сказал:

— Никуда не пойдет.

И счас же, ну, ранее говорили, теперь собрание, а ранее говорили сходки эти. Ну, пускай собрание.

Собрал собрание.

— Ну, — говорит, — товарищи. Кака, — говорит, — жена вернее: та, — говорит, — верна, которая за платье покупат, или та верне, которая за платье продает меня?

Ну, тут все, публика, вся заревела, что та верна жена, которая за платье покупат, а та неверна, которая за платье продает.

Вот он теперь с ней стал жить, а с этой разошелся. Вот тебе и ботинки износила. Вот сказке конец.

15. ЖЕНИХ-ЗАЯЦ

Жил старик. Было у него три сына и три дочки. Стал он умирать и говорит:

— Сыночки, мои сыночки, придите все, ночуйте по ночке.

Пришлось старшему сыну идти.

Он говорит:

— Нет, я не пойду. Поди, Ваня, за меня ночуй. Я тебе подол орех дам.

Ну, Ванюшка взял подол орех, пошел. Потом идет он: бежит заяц.

— Зайчик, ночуем вместе.

— Отдашь за меня старшую сестрицу замуж, так ночую.

— Ну, пойдет, так дам.

Ну, ночевали. Зайчик убежал. Он домой пришел.

На вторую ночь приходится среднему сыну идти ночевать. Он опеть говорит:

— Я не могу идти. Пойди, Ванюшка, за меня ночуй, я тебе подол орех дам.

— Но, давай пойду.

Вышел, пошел туды. Бежит заяц.

— Зайчик, зайчик, ночуем вместе.

— Отдашь за меня среднюю сестрицу, так ночую.

— Ну, пойдет, так отдам.

Ну ладно, ночевали так. Убежал заяц, соскочил. Он домой пришел.

На третью ночь надо идти ночевать самому Ванюшке. Пошел. Бежит заяц.

— Заяц, ночуем вместе.

— Ну, ночуем. Малую сестрицу отдашь за меня замуж, так ночуем.

— Ну ладно, пойдет, так отдам.

Он говорит:

— Вот я от могилы до своей избушки настрогаю стружек, а вы по им придите.

Он приходит и говорит:

— Ну, сестра, я тебя замуж просватал.

— Ну че, пойдем.

Пошли они. Шли, шли по этим стружкам: стоит избушка на курьичьих ножках, повертывается.

— Избушка, избушка,
К лесу задо́м,
Ко мне передо́м —
По-старому,
Как мать поставила.

Заходят в эту избушку, там стоят три кровати. На каждой кровати большие перины. Она на первую перину легла: полбока видно. В другую легла — еще видно. В третью легла, совсем болтунулась. Ну, и осталась она.

Братец ты мой Ваня, приди завтра ко мне, попроведуй меня.

Потом прибегают зайцы. Сбросили с себя шкуру: такие молодцы. Вот она и посмотрела на них помаленьку. Один говорит: "Я там был — то́ видал". Другой говорит: "Я там был — то́ видал". А третий имя́ и говорит:

— Братья вы мои, братья. Байте — не забаивайтесь. Говорите — не заговаривайтесь. Нет ли у нас лишнего бревна в доме?

— Ну, какие еще у нас бревна?

И легли спать. Назавтра приходит Ванюшка.

Она ему и говорит:

— Братец ты мой Ванюшка, принеси ты мне огнивце и лучиночку.

Вот ей братец Ванюшка принес в тот же день огнивце и лучиночку. Вот вечером опеть так же: прибегают зайцы, разделись они и стали ложиться спать. Вот она взяла огнивце и лучиночку, огня добыла. Одного посмотрела: хорош. Другого посмотрела — еще лучше. А к третьему подошла — лучиночка щелкнула, его жемчужинка лопнула на голове. Ну, и потом он сказал:

— Не могла ты меня совладать. Ищи ты меня за тремя горами, за тремя полями, за тремя морями.

Потом приходит опеть Ванюшка, ее проведать на другой день.

Она и говорит:

— Братец ты мой Ванюшка, принеси ты мне огнивце и лучиночку.

Вот ей братец Ванюшка принес в тот же день огнивце и лучиночку. Вот вечером опять так же: прибегают зайцы, разделись они и стали ложиться спать.

Вот она взяла огнивце и лучиночку, огня добыла. Одного посмотрела: хорош. Другого посмотрела — еще лучше. А к третьему подошла — лучиночка щелкнула, его жемчужинка лопнула на голове. Ну, и потом он сказал:

— Не могла ты меня совладать. Ищи ты меня за тремя горами, за тремя полями, за тремя морями.

Потома приходит опять Ванюшка, ее проведать на другой день.

Она и говорит:

— Братец ты мой Ванюшка, скуй ты мне три молота. Купи ты мне три просвиры, трое сапог.

Потом пошла. Гору прошла, поле прошла, море прошла. Молот избила, просвиру изгрызла, сапоги износила. Стоит избушка на курьичьих ножках, повертывается. Заходит в эту избушку, лежит Яга-Ягишня из угла в угол.

— Что это, русской коски слыхом не слыхать, русской коски видом не видать. Русска коска сама во двор пришла. Куды пошла?

— Что ты, бабушка, не накормила, не напоила, стала вести спрашивать.

Повернулать она, на карачки стала, калачик достала, щей плеснула.

— Садись, ешь, русский.

Она сяла, наелась, потом стала спрашивать:

— Куды пошла?

— Вот я пошла Ивана-царевича искать.

— Ах, он у моей сестры дочь взял. Да у них уж скоро, нако, родится сын.

Вот она утром опять стала. Подарила она ей яичко да блюдечко. Вот она и пошла. Шла, шла, гору прошла, долу прошла, море прошла. Молот избила, просвиру изгрызла, сапоги износила. Стоит избушка на курьичьих ножках, повертывается.

— Избушка, избушка,
К лесу задóм,
Ко мне передóм —
По-старому,
Как мать поставила.

Заходит в эту избушку— Яга-Ягишня лежит еще больше той:

— Куды пошла, русска коска? Русской коски слыхом не слыхать, русской коски видом не видать. Русска коска сама во двор пришла. Куды пошла?

— Что ты, бабушка, не кормила, не поила, стала вести спрашивать?

Вот старуха стала, стол подернула, щей налила, калачик достала.

— Садись, ешь.

Она сяла, наелась. Говорит:

— Куды пошла?

— Я вот пошла туды-то, Ивана-царевича искать.

— Ох, он у моей сестры дочь взял, да у них уж родился сын.

Ну, давай, потом переночевала она у ней. Она ей подарила зыбочку, и она пошла. Идет. Гору прошла, долу прошла, море прошла. Молот избила, сапоги износила, шляпу износила и просвиру изгрызла. Стоит избушка на курьичьих ножках, повертывается.

Заходит в эту избушку, лежит Яга-Ягишня еще больше той:

— Куды пошла?

— Что ты, бабушка, не напоила, не накормила, стала вести спрашивать.

Опять она так же, старуха, все ей наладила. Накормила ее, потом говорит:

— Куды пошла?

— Да я вот туды-то пошла.

— Ох он мою дочь взял, да у их уж родился сын. Вот переночевала она у нее. Вот она и говорит:

— У них там стоит постоялка. Зайди в эту постоялку. Там у их живут.

Зашла она в эту постоялку. Девчонка приходит, нянька, с этим ребенком. Она повесила ее, зыбочку. Покачала да выбросила:

— Отец богатый — надо, дак купит.

Потом ладно. Она подошла.

— Че ты там его раскевелила?

— Да вот у нашей-то постоялки, та, что пришла ночеватъ, повесили зыбочку, покачала ребенка да и выбросила из этой забочки, да сказала: "Отец богатый, че надо, дак купит".

Она приходит:

— Сколько стоит? Продайте эту зыбочку.

— Нет, не продажна, заветна.

— Много ли завету?

— С Иваном-царевичем ночь переспать.

— Пушай идет спит.

Пошла она. И плакала, и будила его — не могда разбудить. Уж утро стало. Она и говорит:

— Ишь какая бесстыдна молодушка, до эких пор спишь!

Стала и ушла. Опеть пришла девчонка с ребенком. Она ей дала яичко и блюдечко. Он покатал. Она отняла. Он опеть раскричался. Опеть домой приходит.

— Че ты там его раскевелила?

— Да эта же баба дала яичко, это яичко и отняла: "Отец богатый — надо, дак купит".

— Иди, купляй у нее.

Она пошла туды, в заежку, говореть:

— Оно не продажно, заветно.

— Много ли завету?

— С Иваном-царевичем ночь переспать.

— Пушай идет спит.

Пошла она, эта баба, опеть. Будила-будила, не могда разбудить. Приходит опеть эта баба:

— Эх, бесстыдна молодушка, до эких пор спишь.

Стала и опеть она пошла. Теперь на третий день стала давать ему веретешечко с прялочкой. Дала веретешечко с прялочкой и отняла. Он опеть раскевелился, давай кричать. Вот опеть она приходит:

— Продай.

— Нет. Не продажна. С Иваном-царевичем ночь переспать.

Вот опеть:

— Пушай идет спит.

Пошла она спать. Все волосики по одному волосику стала она перебирать. Перебирала, перебирала, у его темени нашла булавку, выдернула булавку, тогда он разбудился.

Вот и потом он посадил свою жену на ворота со всем с сыном и расстрелил простокишиными пулями. Стали с ей жить. И сделали пир, да на весь мир, да я там была, да мед пила, да по усам бежало, в рот не попало. Все.

16. [ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ]

Жил-был царь с царицей, у его был слуга. Звали его Хедот — такой етот слуга охотник был.

От однажды он пошел стрелять уток. От начал когда стрелять уток, а одна утка подближается до подближается к ему, как будто просится на руки. От Хедотушке ее жаль стало, будто она рада ему на руки сясь. От он не стал ее стрелять. Она совсем подплыла близко, от он ее хочет поймать, она совсем близко. От он ее поймал. Она поддалась на руки. Он ее принес домой, она скрылась и через несколько время сделалась девица, Василиса Премудрая. Она рассказала Хедотушке, что она была проклята матерью на три года. Царь узнал, что у Хедота такая красивая жена. И в скором времени у царя умирает жена. От царь и думат: "Как жа бы мне эту красавицу достать". От царь зовет к себе слугу и говорит:

— Сходи, слуга, дай такую службу Хедоту, чтобы он не вернулся сюда.

От идет слуга и думат: "Че жа дать, какую задачу, чтобы Хедот не вернулся?" Идет ему навстречу старуха. От етот слуга и спрашиват:

— Баушка, дай мне совет.

Рассказал все ето старухе. А она ему и говорит:

— Сходи и заставь достать Хедота царю жар-птицу.

От царский слуга дает наказ Хедоту. От Хедотушка приходит домой печальный такой и думат: "Где жа я достану царю жар-птицу?" А Василиса Премудрая и спрашиват его:

— Че ты печальный?

Он рассказал ей, что царь велит достать ему жар-птицу. Ну она ему и говорит

— Не беспокойся, Хедот, напейся квасу, помолись Спасу и ложись спать.

От он так и сделал. А она вышла вечером на крыльцо, махнула рукой, свистнула — вдруг сразу здесь и жар-птица, и человек незнакомый.

От он стал, собрали и все унесли царю. Отдали царю жар-птицу. Но ему ето неинтересно, ему надо достать себе Василису Премудрую. От он и думат, куда же свержить, Василису Премудрую чтобы взять себе. От он призывает своего слугу и говорит:

— Слуга, а слуга, дай задачу такую Хедоту, чтобы он не вернулся больше сюды.

Ну, слуга идет и думат. От он идет в заулок, из заулка в переулок. Идет ему навстречу старуха. Эта жа, которая до того попадалась. Он ей рассказал про то, что царь велел дать такую задачу Хедоту, чтобы тот не вернулся. А она ему и говорит:

— Ты его отправь на море, чтобы он достал там золотые рога.

От етот слуга приходит и сказал, что:

— Царь велит, Хедотушка, тебе достать золотые рога с моря.

Он идет, Хедотушка, домой печальный и приходит, и рассказывает ей: от так и так, царь велел достать ему золотые рога с моря. От та ему и говорит:

— Напейся квасу, помолись Спасу и ложись спать.

От он так и сделал. Она вышла ночью на крыльцо, махнула рукой и свистнула — вдруг тут явилась речка, на речку пришел корабель. На корабле стоит олень золотые рога.

От Хедотушка пришел к царю и ондал ему оленя с золотыми рогами, царь принял, поблагодарил, но ему ето недостаточно, ему надо Василису Прекрасную.

Он на ее обзарился прямо. Но царь потом думат, "Каку жа дать работу, чтобы его дальше угнать? Чтобы дать такую службу". От он сам думал-думал и зовет к себе слугу:

— Но, слуга, дай Хедоту такую работу, чтобы он не вернулся.

От идет слуга, а ему попадат опять навстречу старуха, он ей и говорит:

— Баушка, а баушка, как найти такую службу, которая бы увела его насовсем?

Ну, она ему и говорит:

— От пусь пойдет туды — не знат куды, принесет то — не знает что.

От слуга царская и говорит Хедоту:

— Сходи туды — не знай куды, принеси то — не знай что.

От идет домой Хедотушка печальный и рассказывает Василисе Премудрой то, что велел ему царь достать. Ну, тут и она задумалась. Вот поохала, поахала — не знает, как помочи ему. От и говорит:

— Дак не знаю, че надо.

От поплакали, и давай Василиса Премудрая его собирать. Собрала она Хедотушку и дала ему серинку.

— От тебе серинка, поди и вытирайся только этой серинкой. Чужими не надо

От он пошел, ушел, шел, видит — стоит избушка на куриных ножках на баранних рожках. От он и заходит и видит — сидит женщина. От она его и начала спрашивать:

— Но, откуда ето ты, дитятко, идешь и куды?

А он и говорит:

— Вначале напой, накорми, дашь уснуть и отдохнуть, а потом спрашивай.

От она его напоила, накормила, он отдохнул, уснул и встает, умылся и начал утираться серинкой, которую ему дала Василиса Премудрая. А женщина ета, когда увидела ету серинку, и говорит:

— Да че жа ето, матушки мои, да ето серинка моей сестры. Я вижу по вышивке, что моей сестры. А как жа к тебе попала?

Он рассказал ей, что он ходил на озеро стрелять уток, она там плавала, и я хотел в ее стрелить, а она как будто ко мне ласкалась, мне ее стало жалко, я ее поймал, пришел домой, и она превратилась в красавицу Василису Премудрую.

— А, да ее ето мама прокляла на три года.

От она его тут начала расспрашивать, что царь ему дал заданье: пойти туды — не знай куды, принести то — не знай что. Она ему и говорит:

— Нет, не знаю, как тебе помочь.

От он пошел дальше. А в ето время царь начинает приближаться да приближаться к Василисе Премудрой. Царь ето стал близиться. Сколько она ни плакала и ни отнекивалась, царь настаивает на своем, чтобы она стала его жаной. Он все приблизится. И когда он ее насильно хотел сделать его жаной, она ударилась о землю и сделалась уткой и улетела по Хедотова прихода.

А Хедот шел, шел далеко уж, ночует да опеть дальше, сам не знат, зачем идет. От видит — стоит избушка на курьих ножках, на баранних рожках. От он заходит туды. Сидит женщина и говорит:

— Расскажи-ка молодой человек, куды идешь? Зачем идешь и откуда?

А он ей и говорит:

— Напои, накорми, дай отдохнуть, уснуть, а потом расспрашивай.

Резные наличники и карниз деревенского дома. Деталь
Фото В.Т. Новикова

От она его накормила, напоила, он отдохнул, уснул. Встает, умылся и когда начал утираться, она, ета женщина жа, опять узнала по вышивке-то ету серинку.

— Да ета че жа, да ето моей сестры, Василисы.

От он рассказал, как он ходил стрелять уток и как она к ему ласкалась, как он ее пожалел, не убил. И она сделалась из утки, и как они стали вместе жить-поживать.

— А я, гыт, иду, меня послал царь туды — не знай куды и принести то — не знаю что. От я и иду.

— Ну че, не могу тебе ничем я помочь.

От он вышел и пошел дальше. Ни Василиса Премудрая, ни первая и ни вторая сестра не могут помочь ему в его беде. От он шел, шел, видит — стоит большой-пребольшой дом. От он заходит в етот дом, видит — там стоит старая-престарая старуха, сама большая-пребольшая. Она его начала расспрашивать:

— Ну, дитятко, расскажи, чей, откуда и куда путь держишь?

А он ей и говорит:

—От, баушка, я ись хочу. Напои, накорми, дай отдохнуть, уснуть, а потом спрашивай.

От она его напоила, накормила, он отдохнул, уснул. Встал и давай вытираться. Она как взглянула на вышитую серинку, так и узнала, говорит:

— А где жа ето ты, дитятко, взял ету сиринку? Ведь ета сиринка моей дочери.

От он сел и давай рассказывать ей:

— Я хожу всегда на охоту уток бить, и от один раз я хотел стрелять в уток, а одна из них ко мне приближатся да приближатся и точно в руки просится. Я

ее пожалел, не стал стрелять. От она близко-близко ко мне подплыла, я ее и схватил, принес домой. Она пархнула, стукнулась, исчезла, а потом вышла красавицей Василисой Премудрой. От мы и стали жить с ней, поживать.

— Да, — говорит, — старуха, — ето я ее прокляла на три года. От она и была уткой.

— А сейчас, — говорит он, — я иду, меня послал царь туды — не знай куды и принести то — не знаю что. От я иду, иду и не знаю, куды идти и где найти.

Она ему и говорит:

— Но ладно, буду я искать ето. Может, и кто-нибудь знает ето.

От она вышла на крыльцо и всех лесных зверей собрала: львов, тигров, медведей, волков и — словом, всех зверей. От она их спрашиват:

— Вы все звери?

— Все, — отвечают оне.

— Вы не знаете ли: идти туды — не знай куды, найти то — не знай что?

— Нет, не знаем, — отвечают все в голос.

От она собрала всех летучих птиц, глухарей, соловей, ворон, воробьей, сорок, галок — словом, всех. И спрашиват:

— Не знаете все ли вы здесь?

— Да, все, — отвечают оне.

— А не знаете ли вы пойти туды — не знай куды, принести то — не знай что?

— Нет, не знаем, — отвечают они все в голос.

От она давай созывать всех ползучих: ящеров, змеев, лягушек — и так всех-всех. От они собрались, она их и спрашиват:

— Но че вы все здесь собрались?

Они отвечают: так-то все, да нет одного лягушонка.

От она стоит и видит — бежит тот лягушонка. Она его и спрашиват:

— Че жа ты, где гуляешь, где проглаждалася?

А лягушонка:

— Да я бегу на трех ногах, ехал мужик на мельницу и колесом прямо мене наехал на ногу, и оторвал ее мне. От я и скачу.

От она и спрашиват:

— Не знаете ли вы: иди туды — не знай куды, принеси то — не знай что.

А лягушонка и отвечат:

— Я знаю.

От старуха ее завернула в платочек и дает ему:

— От иди, Хедотушка, туды — не знай куды, принеси то — не знай че. И неси ету лягушку.

От он пошел, куды лягушонка покажет. От он шел, шел — уткнулся в пещеру. От ему лягушонка и говорит:

— Я останусь за дверям, а ты войди. Кто войдет, че будет говорить, ты так и говори, после приглашай с собой.

От она, лягушонка-то, осталась за дверью, а он зашел. Стоит, видит — заходит двое мушин и говорят:

— Ум-разум, напой, накорми.

Быстро зажглись огни. На столе появились напитки, наедки. Они напились, наелись.

— Но, ум-разум, все убери, — все убралось, и мужики ети стали и ушли.

Он тожа сказал:

— Ум-разум, напои, накорми меня.

Все оказалось сразу на столе. От он садится за стол. И думат: "Че жа такое, все направилось, а никого нету". Он приглашает за стол, кто-то разговаривает, а никого нету. Когда он пригласил за стол, то ум-разум его отблагодарил и говорит:

— Благодарю, я, — говорит, — ум-разум, у етих служу более тридцати лет, меня ни разу не предупредили и не пригласили чай с ними попить. Ишь ты какой предобрый, первый раз, первый раз пришел и пригласил меня.

От они накушались. Хедот его отблагодарил, он пошел из дома и приглашает ум-разум:

— Со мной пойдем.

От ум-разум обрадовался:

— Сколько было людей, но таких добрых никогда я не видел. От, но че — пойдем.

И пошли оне. Вышли, взяли завернули лягушку в платок и пошли. Шли, шли, поели, отдохнули и пошли дальше. От идут, идут да торопятся к царю осударю. Шли, шли, Хедотушка устал.

— Ум-разум, — говорит Хедот, — я устал. Сядем отдохнем.

От сели оне, отдохнули. От пошли дальше. Идут, идут. Вот Хедот и говорит:

— Ум-разум, я устал. Ночуем здесь.

Легли на луг и ночевали, лягушонка тоже с нимя. От пошли. Шли, шли, Хедот и говорит:

— Я сильно устал и не могу идти.

А ум-разум ему и говорит:

— Что ты не сказал раньше.

Взял его ум-разум и понес его воздухом. От оне летели, летели — у Хедота спала шапка с головы. Он и говорит уму-разуму, что у меня упала шапка. А ум-разум ему и говорит:

— Да что ты, она уж осталась за сто верст от нас.

От они приехали в пепелише — Василисы Премудрой нет. От ум-разум и говорит Хедоту:

— Давай отойдем да сделаем дом получше царя-осударя.

От они отошли сделали дом лучше царя-осударя. Царь прямо — глаза устали: "Это что, это что строится?"

От построили они дом.

Прилетает Василиса Премудрая уткой, как упала, ударилась — сделалась девицей и стали жить.

От царь узнал, что это сделал Хедот. Берет войско солдат и идет разбивать дом Хедота. Когда солдаты уж подошли близко, Хедот их увидел да и говорит уму-разуму:

— Это че жа такая тьма солдат идет. Сейчас царь нас победит. И разобьет наш дом.

Ум-разум ему и говорит:

— Че жа ты раньше мне не сказал?

От они стоят, откуда ни возьмись — войско солдат и пошло напором на царское войско. И царя убили. И стал опосля управлять Хедот всем царством.

Стали оне жить-поживать, добра наживать да лиха изживать. Я у них была и чай пила, вино пила, по усам текло, в рот не попало.

17. ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Жил-был старик со старухой, было у них семь сыновей. Стали старики умирать и перед смертью благословили сыновей, чтоб они взяли за себя семь сестер. Умерли. Стали сыновья сряжаться, пали на коней, поехали: одному, меньшому брату Ивану, нет лошади. Пришел в пригон; к которой лошади ни подойдет, та и падет окарячь; один шелудливый жеребенок стоит, да и тот на плетень опирается. Закручинился Иван, братья уехали, он один остался. Пошел разгуляться на базар: идет из улки в переулок, а из кабака старуха и спрашивает:

— Что, Иван крестьянский сын, пригорюнился, что запечалился?

— Убирайся, старуха, я те пну под дыру, так улетишь под гору, свистну в висок — посыплется песок!

Пошла старуха в кабачок, выпила на пятачок, а Иван пошел опять домой. Зашел в пригон к другому табуну, опять к которой лошади ни подойдет, та и падет, один шелудливый жеребенок около плетня стоит. Снова запечалился Иван.

— Пойду, — говорит, — разгуляюсь на базаре.

Пошел, а та старуха опять ему навстречу.

— Что, Иван крестьянский сын, запечалился?

— Убирайся, старуха! Я те пну под дыру — улетишь под гору, дам под висок — посыплется песок!

Старуха повернулась, зашла в кабачок, выпила на пятачок. Пошел и Иван крестьянский сын домой, зашел в пригон к третьему табуну, опять к какой лошади ни подойдет, та и падет окарячь.

— Да что же я? — говорит. — Добры люди у старых людей спрашивают, а я изобидел вон как старуху. Верно, она чего-нибудь знат, два раза спрашивала. Пойду опять, не попадет ли она встречу.

Идет и опять старуха вышла из кабачка, спрашивает:

— Что, Иван крестьянский сын, опечалился.

— Прости ты меня, бабушка! Изобидел я тебя, горе мое вот какое.

Он рассказал, какое благословенье отец оставил перед смертью и как братья уехали, а он один остался, не может из всех табунов лошадь по себе выбрать.

— Поди, — говорит старуха, — помолись на могиле родителя и благословись у отца-матери, потом ступай в погреб, там увидишь плиту железную; ты ее подыми, под ней стоит отцовский конь на двенадцати цепях, на двенадцати развязях, из рта пламя пышет, из ноздрей искры сыплются. Поклонись ему в право копытцо и скажи: "Послужи мне, добрый конь, как отцу служил".

Пошел Иван домой; все, как учила старуха, сделал, нашел коня, поклонился ему в право копытцо, цепи порвались, конь выскочил к столбу. В право ухо — напился, в лево — срядился, сел на коня и поехал. Догнал братьев; они еще никуда не доехали, смотрят на него да дивятся, где он эку лошадь взял, спрашивают его.

— У мужика, — говорит, — на свою выменял.

Ну, ладно, едут. Объездили всю губернию, не нашли семи сестер. Приезжают они в терем Ягишны.

— Фу, фу! Русской костки слыхом не слыхать, видом не видать было, а нынче русская костка сама на двор пришла!

Вошли семь братьев в дом.

— Куда, детушки, поехали?

— Прежде напой, накорми, потом уж вестей расспроси.

Ягишна их накормила, напоила и на постелю положила отдохнуть. Тут они и рассказали ей, что объездили всю свою местность, не нашли невест — семь сестер. Поехали в чужие края. Ягишна их направляет к своей сестре в другое царство.

— Она, — говорит, — знает семь сестер, научит вас.

Поехали. Подъезжают к терему, а Яга на печке валяется.

— Русской костки слыхом не слыхать было, а нынче сама на двор пришла. Куда, детушки, поехали?

— Прежде напой, накорми, потом вестей расспроси.

Ягишна их накормила, напоила и в постель положила.

— Как вы, детушки, туда попадете? В некотором царстве, в некотором государстве у нашей сестры есть семь дочерей, семь сестер, так к ним идти — огненную реку переходить надо, она вас сожжет.

— Научи нас, бабушка, как ее перейти!

— Нате вот ширинку! Как подъедете, махните раз — река расступится; потом переедете, махните — река сольется.

Простились братья, поехали. Доехали до огненной реки, махнул Иван ширинкой — река расступилась, потом переехали, махнул — она опять слилась. Подъезжают они к терему, железным тыном обнесен и железны ворота; на всякой тычине голова надета, на одной только не было. Въехали молодцы, заслышала Ягишна:

— Фу, русской костки слыхом не слыхать, видом не видать было, а теперь русская костка сама на двор пришла! Куда вас, детушки, Бог понес?

— Прежде напой, накорми, потом уж вестей расспроси.

Ягишна напоила их, накормила и в постель положила отдохнуть. Иван и говорит:

— Дал нам родитель благословенье, не брать замуж иначе, как семь родных дочерей, семь сестер. Объездили все свое царство, не могли найти, приехали к тебе.

— Точно, есть у меня семь дочерей, возьми их, только умей разобрать, а не разберешь, так вон на тыну одной головы нет, тут твоя и будет.

Вывела Ягишна своих дочерей, поставила в ряд, все как одна, рост в рост, башмак в башмак, лик в лик. Задумался Иван.

— Позвольте, — говорит, — мне сначала на двор выйти.

Вышел он на двор, подошел к коню и плачется.

— Вот, — говорит, — какую мне задачу Ягишна задала — разобрать невест.

Конь ему и говорит:

— Поди, поставь своих братьев всех в ряд, как и старуха выставила, и смотри в окошко, там есть дыра, влетит в нее муха и сядет прямо на лицо старшей дочери, та сбросит ее платком, тут возьми и подведи к старшему брату и остальных разведи.

Пришел Иван, выставил своих братьев против Ягишных дочерей и смотрит в окно, влетела муха и села на лицо к одной дочери; она утерла ее платком; Иван взял ее и подвел к старшему, разобрал и других и себе взял меньшую.

— Ну, — говорит Ягишна, — я хитра, а ты еще хитрее. Умел разобрать, так умей и ночь спать, а не сумеешь, так быть твоей голове на тычке!

Пришла ночь, положила Ягишна каждого в особый терем. Иван опять пошел к коню, плачется ему, что вот так и так. Конь ему и говорит:

— Возьми да переболокися, невестино-то платье на себя надень, а свое-то ей отдай, да сам ложись к стенке и братьям так скажи.

Пошел Иван, сказал братьям, как надо сделать. Стали ложиться спать, Иван и говорит невесте:

— Давай, переболокемся, ты мое надень, а свое-то платье мне давай!

— Нет, у нас так не водится, зачем мы станем переболокаться.

— Ну, мое дело женихово: у нас так делается, не разговаривай!

Нечего делать, переболоклись, и братья также сделали, сами к стенке легли. Вот в полночь пришла Ягишна к одному, пошшупала с краю, отрубила голову, и так всех семь дочерей зарубила! Наутро братья встают, надо, говорят, бежать отсюда. Сели на коней, перепрыгнули через ворота, только Иван задел за симочку, вот и зазвенели колокольцы, гуси закричали, собаки залаяли, все звери поднялись, заревели, кинулась Баба Яга догонять. Братья доехали до огненной реки, махнули ширинкой, переехали; добежала Баба Яга, а река слилась и попасть ей нельзя. Стоит она на том берегу, ругается:

— Ах, мошенники! Погубили моих дочерей.

Ехали они, ехали, приехали в друго царство, повели их к царю, царь взял всех их в работники к себе, а Ивана сделал наперсником возлюбленным, шибко уж он ему поглянулся. Живут. Вот братья и осердились.

— Надо, — говорят, — извести меньшого брата! он наперсник, а мы что? В простых работниках живем.

Вот и говорят царю:

— Ваше царско величество! Не в нашем царстве, не в нашем государстве есть на тереме у Ягишны золотая маковка.

— Так как ее достать?

— Да наш брат, наперсник ваш, достанет; он умный человек, может это сделать.

Призвал царь Ивана и говорит:

— Ну, наперсник мой возлюбленный, хочу я наложить на тебя службу. Есть на тереме у Бабы Яги золотая маковка, достань ты мне ее.

— Хорошо, ваше величество, умереть так умереть, а сослужить службу надо.

Пошел к своему доброму коню, жалуется, вот какую, говорит, службу царь на меня наложил.

— Не печалься, садись, поедем!

Сел Иван и поехал; доехал до огненной реки, махнул ширинкой, переехал и прямо к терему.

— Держись, — говорит ему конь, — крепче! Я над теремом скочу, ты и схвати маковку.

Махнул конь, сорвал Иван маковку, а Ягишна храпит, только терем с угла на угол ходит. Поехал назад, ни за одну симочку не задел. Приехал к царю, привез ему маковку, и того пуще царь возлюбил его. Осердились братья, охота им извести его, а не могут. Опять и говорят царю:

— Есть у этой Ягишны гусли-мысли, сами пляшут, сами песни играют.

— Да как их достать?

— Да ваш наперсник это может сделать.

Призвал царь Ивана и говорит:

— Ну, наперсничек мой любезный! Сослужи ты мне еще службу, достань у этой Ягишны гусли-мысли.

Задумался, запечалился, службу сослужить надо, умру ли, жив ли останусь. Опять пошел к коню, жалуется ему, что вот каку службу царь наложил.

— Не печалься, садись, поедем!

Поехали, до огненной реки доехали; махнул ширинкой — река расступилась, переехал, махнул опять — река сошлась. Приезжает в терем, Ягишна спит-храпит, только терем с угла на угол ходит. Зашел он к ней в горницу, она храпит на постели и гусли-мысли промеж ног. Дернул их Иван — сдернул Ягишну с кровати, дернул другой раз — до порога удернул, дернул в третий раз — за порог выдернул, а Ягишна все храпит, не слышит; взял он гусли-мысли, сел на коня и поехал, прыгнул через ворота, за одну симочку задел, вот и поднялись все, гуси закричали, собаки залаяли, звери заревели, колокольцы зазвенели, Ягишна побежала догонять. Доехал до огненной реки, махнул ширинкой, а она уж тут; расступилась река, он скоре махнул другорядь — река сошлась. Сам он успел переехать, а коня-то сожег. Ягишна на том берегу ругатся, а Иван пошел домой и плачет, что коня погубил. Идет ему навстречу старик с костылем.

— Давай, — говорит, — менятъся гуслями на костыль?

— Вот дурака нашел! Гусли-мысли сами пляшут, сами песни поют, а костыль-то что?

— А костыль-то кого хошь догонит и отнимет, чего прикажешь.

"А, ладно, — думает Иван, — отниму я у него потом гусли".

Взял сменялся и идет. Идет плачет.

— Как я, — говорит, — к царю явлюсь? Сказнит он меня! Сменял на костыль. Старик-от, может, обманул меня?

Костыль ему из-за пазухи говорит:

— О чем запечалился?

— Да вот надо гусли отнятъ у старика.

И-их, костыль заковылял, догнал старика, отнял гусли, принес Ивану. Вот идет он, попадается другой старик, везет сумку.

— Давай, — говорит, — менятъся сумкой на гусли?

— Да как же нашел дурака, с чем я к царю явлюсь? Гусли, по крайней мере когда ни захошь, сами играют и сами пляшут, а сумка-то на что мне.

— А в сумке сидит тридцать три молодца, тридцать три удальца; что ни прикажи — все сразу сделают.

Подумал-подумал Иван, сменял. Идет и горюет, боится к царю явиться. Костыль опять и говорит:

— О чем горюешь?

— Да вот сменял гусли на сумку, теперь царь меня сказнит.

Тут костыль заковылял, догнал старика, отнял гусли, отдал Ивану. Идет он, попадается старик с бичом.

— Давай, — говорит, — гуслями на бич менятъся?

— Ну да как же, стану я менятъ гусли на бичик. Они мне попляшут и поиграют сами, а бичик что?

— А бичик-то вот что: раз стегни — мясо нарастет, два стегни — кожа нарастет, три стегни — оживит!

Подумал Иван, дай сменяю, говорит, хотъ коня оживлю. Сменялся, идет и печалится о гуслях. Костыль опять выскочил, заковылял, отнял у старика гусли, принес Ивану. Вот Иван положил гусли, костыль и сумку под кустом, а сам пошел к огненной реке с бичиком. Раз стегнул — у коня костки соткнулись, два стегнул — мясо, кожа наросли, третий раз стегнул — конь-от ожил.

— Долго, — говорит, — я спал, скоро стал!

— Век бы тебе, — говорит, — спать, кабы не я.

Обрадовался тут Иван, сел на коня и поехал домой; взял из-под куста костыль, сумку и гусли и везет. Подъезжает к царю ночью, вынул сумку.

— Ну, — говорит, — молодцы, выстройте мне в ночь дворец, чтобы больше царского был, и сделайте хрустальный подъезд, чтобы можно было царю въехать.

Вот и принялись те за работу, затюкали. К утру поспел дворец, больше царского, а Иван крестьянский сын сидит в нем, нейдет к царю. Проснулся царь, смотрит в окошко. Что такое делается, откуда взялся этакий дворец? Посылает своих слуг справиться, какая невежа смела без спросу поселиться на царском лугу? Слуги пошли, сказывают, что царь к себе требует. Нейдет Иван.

— Скажите, — говорит, — царю, если хочет, пусть сам идет.

Слуги вернулись к царю:

— Нейдет, — говорят, пусть царь сам, если хочет, придет.

Нечего делать, велел царь оседлать себе лошадь, поехал. Приехал на хрустальный подъезд, тут его Иван и встретил. Царь обрадовался, узнал про все и выдал за него свою дочь, а братьев его прогнал от себя, и царство все, со всем, что в нем было, отдал Ивану крестьянскому сыну, и стал тот царствовать.

18. БУЛАТ-МОЛОДЕЦ

В одно время Ивану-царевичу стало скучно. Походил он туды-суды, некуда деваться. Зашел в кабинет к отцу и увидел лук и стрелы. Взял лук и стрелы, вышел на балкон и пустил стрелу в одну сторону — она не летит; взял в другу сторону пустил — не летит. И так пускал несколько раз — не летит никуда. Заметил он впереди дубы, рощу в двенадцать дубов, и пустил туды в них ету стрелу. Стрела взвилась и улетела.

Тогда он сял на лошадь и поехал туда за стрелой. Ковда приехал туда, между двух дубов нашел дыру, куда ушла стрела в землю. Он ето место стал рыть. Там он нашел — чугунная плита. Сташшить он сам никак не мог, привязал лошаде за хвос и сташшил ее.

И вот под плитой оказалось отверстие, входит под землю. Когда он спустился под землю, то увидел прикованного старичка на цепях сам с локоть, борода с нокоть. Стрела лежит перед етим старичком. Ковда зашел, поздоровался с старичком, хотел взять стрелу, етот старичок говорит:

— Нет, не тронь, Иван-царевич, ету стрелу: ета стрела моя.

Иван-царевич говорит:

— Как жо ето стрела твоя: я взял етот лук и стрелы в кабинете. Как она могла попась к тебе? Кроме того, сидишь ты прикован на цепях, как ты мог владеть етим луком и стрелой? Как она попала к тебе?

— Я вот сижу здесь уже двенадцать лет, — отвечает старик, — посадила тетка твоего отца своей силой колдовства. И вот если ты теперь съездишь домой и найдешь у отца в кабинете в шкафу золотой ключ и отомкнешь мне ети цепи, товда я подарю тебе лук и стрелы и ты товда будешь стрелять куда угодно, товда оне будут лететь.

— Да как жо я сделаю, за ето отец меня накажот, если узнат, что я опустил тебя.

— Этого ты не бойся, что отец тебя накажот. Если ты его для меня сделашь, что бы с тобой где ни случилось, только помяни: "Где мой Булат-молодец", — и я всегда евлюсь тебе на помощь.

Иван-царевич согласился. Вышел, сял на лошадь, поехал домой, нашел етот ключ и вот возвратился опеть к етому подземелью, отомкнул цепи и отпустил етого старичка. Встал он. Только он и видел его товда, когда он вышел из темницы; потом старичок исчез, как будто его нигде и не было. Подземелья етого не осталось и знака.

Иван-царевич остался один и не мог представить, куда все ето делось. Потом возвратился домой. Через несколько время у отца сделался пир. Созвал он своих гостей, приближенных, вельмож. Когда подгулявши, расхвастал, что:

— У меня в подземелье сидит богатырь Булат-молодец. Если бы был столб в небо, он повернул бы небо вниз, а землю кверху. И не я его посадил, а посадила его моя тетка, и в доказательство я вам покажу цепи, на которых сидит Булат-молодец.

Вот пошел он в кабинет, сунулся в шкап — его нет на том месте, где лежал он. Туда-суда, видит, что ключ украден у него. Обозлился напал на прислугу:

— Хто осмелился похитить ключ!

Начал наказывать близких слуг, которы здесь находятся, Иван-царевич, как имел доброе сердце, жалко ему стало, что слуги терпят напрасно, признался, что он похитил ключ. Тогда отец озлобился на него и хотел его казнить. Приготовлена была уже вешалица, и вот его повели на казнь, Ивана-царевича. Иван-царевич вздумал, за что его казнят, и ему пал на ум етот Булат-молодец. "Ведь он наказывал мне, только вспомни меня и с тобой беда никака не случится". Он и вспомнил: "Где мой Булат-молодец?" Ниоткуда взялся старичок, остановил етих палачей, которы вели его на казнь и говорит:

— Зачем жо вы, слуги, ведете на казнь сына царя? Вы знаете, что царско поколение не секут, не рубят, а если он и провинился в чем, то вам сослать в чужие земли, вот вам и наказание.

Слуги послушались етого старичка, палачи-исполнители казни, вернули обратно к царю и говорят:

— Царско поколение рубить и весить нельзя, а вот сослать его в другое государство и етим его наказать.

Царь согласился на ето. Дали ему слугу, который должо́н сопровождать его везде, быть ему и товарищем и слугой. И оне должны уйти из своего государства и больше в него не возвращаться. Слугу етого звали Григорей. Их снабдили при́пасами на неделю, и оне отправились. И вот шли оне низко ли высоко, близко ли далеко, переходили горы, леса и вот вышли в чистое поле. Был сильной жар, и вот оне шли по етому жаркому чистому полю почти до изнеможения. Нет нигде озерка, ни ключика, нечем утолить жажду. И вот оне совсем стали выходить из силы и наткнулись на колодец. Колодец порядочной глубины, достать имя́ нечем. Оне товда ухитрились: поснимали с себя одежу, котору лишнюю, поразорвали, связали в большу ленту, и был у них котелок. И вот имя нужно было одному спускаться, зачерпывать воды.

Вот Иван-царевич и говорит:

— Ты, Гриша спускайся в колодец сам напьешься и мне подашь оттуда воды

Григорей говорит:

— Нет, Иван-царевич, спускайся ты: то ты слаб, меня не выташшишь, а я тебя выташшу.

Иван-царевич согласился и спустился в колодец. Подал воды Григорею, напился сам, затем говорит:

— Ну, теперь вытаскивай.

Григорей говорит:

— Нет, я тебя вытаскивать не буду оставайся здесь в колодце а я пойду один.

Иван-царевич зачал просить. Григорей не соглашался ни на что.

— Вот если, — говорит, — ты свои документы отдашь мне, а мои возьмешь себе, чтоб я был царевичом, а ты слугой, товда я тебя выташшу из колодца.

Вот Иван-царевич согласился, отдал свои документы, а сам взял его, что он его слуга. И вот товда он выташшил его из колодца.

Пошли опять дальше. И вот шли много или мало, выходят на взморье, видят — перед имя стоит прекрасной город. Оне направились в етот город. Когда зашли в город, етот мнимой Иван-царевич обратился к владетелю города (ето было уж другое государство), заявил свои документы, что он наследник такого-то государства, пошел странствовать. И вот ему дали слугу, и он вот ему не подчинятся.

— Несколько раз дорогой покушался на мою жизнь, и вот я прошу вас защитить меня, что-нибудь сделать с моим слугой, наказать его за ето.

Царь етого города собрал приближенных своих, министров. Начали обсуждать, что они должны сделать с этим слугой, куда его девать, чем наказать и присудили так:

— Если он не повинуется, то силой его не заставим. Здесь накажом, он будет подчиняться, а ковда оне уйдут отсуда, то он опеть сделает, что хотит. Оставить его у себя, такого вредного человека — нам он тожо не нужон. Дак вот его уничтожить, казнить.

И вот назначили казнь — заморить его голодной смертью. [Замечание слушающего крестьянина: "Здорово!"]

И вот царь говорит:

— Ну хорошо, так и сделам, посадим его на неделю в темницу, если он не умрет, мы помилуем, если умрет, то и дела все — похоронить его.

И вот етого бывшего Ивана-царевича засадили в темницу, а етот мнимой Иван-царевич стал жить при дворе. У царя была дочь Ксения-царевна. Ну и вот, сколько он тут пожил, полюбил ету царевну. Парень он оказался разбитной, развитой, царю понравился, хотя царевне — нет. Дошло до того, что царь стал соглашаться отдать свою дочь за его замуж.

Иван-царевич сидит день, сидит два, сидит третей. Вот уже стало трудно, хочет ись, а ему ничего: ни ись, ни пить не дают. Ночь уже он спать не мог. И вот он ночью сидит под окошечком и вспомнил: "Где мой Булат-молодец". Вдруг сделался шум и растворились у темницы двери, заходит знакомой ему старичок Булат-молодец.

— Здрастуй, Иван-царевич! Как ты суда попал? Какими судьбами? За что тебя суда посадили?

Иван-царевич рассказал все как случилось. Булат-молодец говорит:

— Плохо ты сделал, что не вспомнил меня, ковда ты был в колодце, товда бы ты не потерпел етой неприятности. Но нечего делать, теперь уж не воротишь, давай пойдем со мной.

И вот оне вышли из темницы, етот старичок взял его под мышку, взвился в воздух и полетели. Сколько оне летели, близко ли далеко, низко ли высоко,

смотрят — стоит хижина, и опускаются к етой хижине. Зашли в хижину, видит Иван-царевич — сидит там старушка пожилых лет, уже порядочных. Ковда зашел Булат-молодец, говорит:

— Здраствуй, сестра, я привез тебе гостя. Напой, накорми нас да дай ему подарочек.

Старуха приняла их радушно: начала суетиться, собирать на стол. Потом напоила, накормила и подарила ему зеркальце, Ивану-царевичу. Ковда он в ето зеркальце смотрит, он видит, что в его даже государстве делается, где отец царствует. Потом Булат-молодец взял его под мышку, взвились и полетели. Через несколько времени очудились в темнице. Булат-молодец говорит:

— На будущую ночь я тебя попроведаю, оставайся.

Иван-царевич теперь, как сытой, спокоен в надежде, что не погибнет, лег, уснул. Проспал цельной день. Наступила следующая ночь. Является опеть к нему Булат-молодец и вот говорит:

— Полетим опеть в гости, Иван-царевич.

Взял его под мышку, полетели.

Прилетают ко второй его сестре. Булат-молодец говорит:

— Но, сестра, напой, накорми гостя, да подарочек ему подари.

Она их угостила, напоила, накормила и подарила ему золотой гребень.

Оне опеть улетели; Булат-молодец отнес в темницу и говорит:

— На следующую ночь я тебя опеть попроведаю.

На третью ночь он прилетел и опеть взял его с собой и унес к третьей сестре. Ковда оне прилетели к хижине, Булат-молодец говорит:

— Иван-царевич, вот ето моя старшая сестра.

Потом обращается к сестре и говорит:

— Напой, накорми и угости его пивцом.

Она напоила, накормила, затем приносит чашу пива. Булат-молодец говорит:

— Но-ко, Иван-царевич, выпей ето пивцо!

Ковда Иван-царевич выпил ету чашу пива, Булат-молодец спрашивает его:

— Ну как, Иван-царевич, чувствуешь себя теперь?

— Да, — говорит, — если бы напали на меня хотя бы двести человек и то бы я сейчас мог от них отбиться.

— Но ето еще, — говорит, — мало. Принеси, сестра, вторую чашу!

Она принесла вторую чашу. Иван-царевич выпил и вторую чашу. Булат-молодец спрашивает:

— Как чувствуешь себя теперь?

— Так чувствую себя, что на земле нет такой тяжести, которую бы я не поднял.

— Ну-ко, сестра, принеси ему еще третью!

Сестра принесла ему еще чашу. Иван-царевич выпила еще третью чашу.

— Теперь как чувствуешь ты себя, Иван-царевич?

— Да теперь бы вот если был бы вкопаный от земли к небу столб, я бы повернул землю кверху, а небо вниз!

— Но, — гыт, — не хвались, а Богу молись.

Попросил сестру еще принести ему пивца чашу и говорит:

— Вот выпей, Иван-царевич!

Ковда выпил Иван-царевич, он спрашиват его:

— Ну как себя чувствуешь?

Иван-царевич говорит:

— Теперь я чувствую себя слабее.

— Ну хорошо, достатошно с тебя и етого. Поедем теперь в темницу.

Унес его в темницу. Ковда стал прошшаться с ним и говорит ему:

— Вот, Иван-царевич, быть можот найдется хто-нибудь сильнее тебя, то ты все-таки спомни обо мне, и я опеть тебе помогу.

При прошшании Булат-молодец подарил ему меч, который был спрятан за городом в земле.

И вот старичок скрылся, а наутро кончился строк его заключения. Приходят тюремшики смотреть, живой ли он. А он сидит себе, как ни в чем не бывало.

Оне доложили царю, что заключенный Гриша жив, вполне здоровой и веселой. Товда его освободили из темницы. Царь говорит:

— Ты теперь отнес свое наказание, покаешься и не будешь делать никому никакого вреда. Если вот желаешь, то поступай ко мне ко двору в слуги.

Иван-царевич согласился, и вот его сделали истопником, топить печи. Он живет. А между прочим свадьба у них уже слепляется: они уговорились, что в тако-то время будет свадьба, будет венчаться мнимой Иван-царевич на царевне.

Прислуга, котора находилась при царевне, частенько завертывала в комнату Ивана-царевича. Он им нравился и был умной молодой человек. И царевне он нравился. Несколько раз его захватывали: видели, что он чешот золотым гребнем волосы. Ковда он почешот, то у него сделаются золотые кудри. Махнет рукой по кудрям, делаются они обыкновенны, которы и были раньше.

Оне передавали царевне ето. Она заинтересовалась етим и тайком от отца сказала слугам, чтоб оне позвали его в комнату, Ивана-царевича-то. И вот ковда он пошел к царевне, она стала спрашивать:

— Ты скажи, Гриша, что ето у тебя за гребешок? Откуда ты его взял.

Он говорит, что:

— Ето подарила моя тетка, ковда я пошел странствовать; она дала на дорогу гребешок и зеркальцо.

— Какое жо твое зеркальцо? Что в него заключается?

— А я вот смотрю, что сдумаю, то и вижу; вижу, что в своей стороне делается.

Она спросила:

— Могу я все ето видеть?

Он дал ей зеркальцо и говорит:

— Ты чо задумашь, то и будешь видеть, все равно.

И вот она взяла зеркальцо и видит дворец. Сдумала про отца, видит — отец сидит в кабинете, занимается. Словом, видит все в ето зеркальцо. И вот она стала просить его:

— Подари мне зеркальцо. Ты слуга: оно тебе не нужно, а я тебя отблагодарю за него чем-нибудь.

Ивану-царевичу она понравилась, Ксения-царевна, и он не мог отказать ей в просьбе, подарил ей зеркальцо. Потом, конешно, ушел в свое помешшение.

Царевна осталась одна. Несколько раз брала зеркальцо, любовалась ее. И вот почему-то ей хотелось видеть етого Гришу в то зеркальце. Она то и дело берет зеркальцо, смотрит, как он таскает дрова, топит печи. Она видит, как перед ней он все ето делает. И вот невольно ей так думалось: "Вот ето бы был Иван-царевич, а тот Иван-царевич мне не сильно что-то нравится".

Чем дальше шло время, тем больше влюблялась в етого Гришу. Затем назначен был день свадьбы. В назначенный день утром царю в кабинете выпадает на стол письмо, что вот в двенадцать часов дня царевна чтоб была выведена на берег моря на съедение шистиглавому змею. Если ето не будет сделано, то змей уничтожит все его государство.

Теперь царь собрал всех своих вельмож, стали обсуждать, что делать с етим письмом, как поступить. Все зачали обсуждать, всем было жалко отдать на съедение царевну, но рассуждали так: "Если мы ее не отдадим, то все равно ее не спасем, погибнет все: и город и все мы". И вот присудили отвести царевну на морской берег, а Ивану-царевичу, как он ее жаних, то должóн он умереть с ей или защитить ее от етого змея.

Призывают Ивана-царевича и объясняют ему таку штуку, что вот ты должóн защищать свою невесту или помереть с ей, если любишь.

Он согласился. Не мог не согласиться: его так и так законтрамят, если он не пойдет.

В назначенны часы раскинули на берегу моря за городом шатер и посадили царевну. А Грише (мнимому Ивану-царевичу) оседлали коня, дали ему меч, и он поехал туда. Ковда он выехал за город, то увидел, что ворота городски закрылись, все скрылись, чтоб не видеть етого ужаса.

Гриша уехал в березову рощу, скрылся за кустом и стал смотреть, что будет делать змей. А настоящий Иван-царевич, истопником который служил, узнал ето и тайком ушел из дворца и спрятался поблизости, где будет раскинут шатер.

И вот, ковда раскинули шатер, привезли царевну. Заходит он к ней в шатер, она сидит и плачет. Он говорит:

— Не плачь, Ксения-царевна, я защищу тебя от етого чудовишша.

Она с удивлением посмотрела:

— Откуда ты взялся и как ты не боишься? Меня ведь поневоле везут, а ты по своей доброй воле идешь на погибель.

Иван-царевич говорит:

— Я полюбил тебя настолько, что не щажу свою жизнию и думаю, что тебя защишшу.

Присял он рядом с ей в шатре, склонил ей головку на колени и задремал. Наказал:

— Если змей выйдет прежде, то ты не жалей — тычь меня под бок иголкой, а то нам обоим не сдобровать.

И вот в назначенной час море взволновалось. Выходит шестиглавой змей и говорит.

— Есь чего выпить, есь чего и закусить.

Царевна заплакала, уколоть иголкой забыла или пожалела Ивана-царевича (мнимого Гришу), но горячая слеза капнула ему на шшоку, он пробудился, схватился за меч и говорит:

— Стой, идало проклято, померямся!

И вот оне разошлись. Иван-царевич взмахнул мечом и ссек ему сразу две головы. Идало в ето время его ударил. Иван-царевич даже не почувствовал его удара лапы. Размахнулся другой раз — ссек други две головы. В ето время змей ударил другой раз. Иван-царевич почувствовал, словно комар его укусил. И вот взмахнул третий раз — ссек ему остальные две головы. Вложил меч в ножны и отправился в березову рощу. А царевне он сказал:

— Ты не сказывай, что я тебя защишшал, у тебя есь жаних, а я, пока истопник, не могу быть твоим мужом.

И вот ковда зарубил змея, сам ушел, ниоткуда взялся Иван-царевич, взял ее на коня, увез в город. В городе встретили его с почестями, что вот защитил свою невесту. И вот свадьбу отложили на неделю, назначили день свадьбы.

А царевна, ковда возвратилась из-под шатра, то первым долгом послала свою служанку к Грише узнать, что он делает. Ковда та вошла в его комнату, увидала, что он спит и на груде у него лежит письмо, чтоб вот его не тревожили бы сутки. Служанка взяла письмо и передала царевне.

Ковда царевна прочитала письмо, то похлопотала, чтобы его не тревожили сутки

И вот, ковда был назначен день свадьбы, опеть выпало письмо в кабинете царю, чтобы вот в двенадцать часов дня вывели бы дочь на съедение девятиглавому змею.

Царь опеть собрал своих вельмож, стали обсуждать, как поступить. Но теперь уж относились все далеко хладнокровно, есь жаних, он защитит и от етого змея.

Вот в известное время раскинули шатер, вывезли царевну, посадили под шатер. А мнимой царевич выехал в рощу, опеть смотреть. Гриша в свою очередь подкрался из дворца, взял свой меч-кладенец, пришел в шатер к царевне.

Царевна обрадовалась и говорит:

— Опеть тебя Бох принес спасать меня, но теперь чудовишшо-то о девяти головах. Справишься ли, а то погибнем вместе.

— Да, Ксения-царевна, не хвастаю, на бой иду, а вот посмотрим, чем кончится бой. Помирать, дак помирать обоим вместе.

И опять вот привалился к ней на колена и наказал:

— Смотри уколи иголкой, да чтоб я не проспал.

В назначенный час взволновалось море, выходит девятиглаво чудовишшо и говорит:

— Ах, есь чо выпить и есь чем закусить.

Царевна заплакала, и горячая слеза капнула на шшоку, и Иван-царевич разбудился. Змей уже совсем близко. Он схватился за меч:

— Стой, идало проклято! Померямся, удасса ли выпить и закусить.

Оне разошлись опеть. Иван-царевич размахнулся — ссек три головы сразу. Идало размахнулось, ударило Ивана-царевича — он покачнулся, но не тронулся с места. Товда Иван-царевич ссек ему других три головы. Змей с остервенением набросился, ударил другой раз — Иван-царевич переступил с ноги на ногу, но не упал.

И вот Иван-царевич товда размахнулся и ссек остальные три головы. Вложил меч в ножны и пошел восвояси. А мнимой Иван-царевич вылетел на своем добром коне из березника, подхватил царевну и сказал:

— Смотри не сказывай, что не я защишшал, а говори, что я.

Тут еще с большими почестями стречают их в городе. Поднялся пир в чесь того, что Иван-царевич спас свою невесту.

А Ксения-царевна опеть лишь возвратилась домой, послала служанку попроведать, что делает Гриша. Служанка зашла и увидела, что Гриша спит и на груде записка, чтоб не будили его двое суток. Царевна охлопотала, чтоб его не будили двое суток.

Время идет. Опеть назначен был день свадьбы. В назначенный выпадает третий раз письмо, чтоб вывозили бы царевну к двенадцатиглавому змею на съедение. Если не вывезут, то будет уничточено государство и весь народ истреблен, а царевна все равно будет съедена.

Царь опеть собрал своих вельмож, начали опеть обсуждать, как поступить. Теперь уж вовсе отнеслись ко всему етому хладнокровно, дескать, защитник есь.

Вот в назначенный день вывезли ее на взморье, раскинули шатер, посадили ее под шатер.

Иван-царевич (мнимой) тоже на своем добром коне выехал за город наблюдать, что случится. А Гриша прокрался из дворца, извлек свой меч из земли и пошел в шатер.

Царевна обрадовалась, что Гриша опеть пришел, можот, опеть спасет. Вот он говорит:

— Ты смотри не плошай, с етим идолом будет друга возня, чем с тем; как бы он не застал меня спяшшого.

И вот приклонился опеть к ей на колено, задремал. В назначенной час море взволновалось, выходит чудовишшо двенадцати голов. И вот говорит:

— Есь чо выпить, есь чем и закусить.

Царевна заплакала. Змей совсем уже накрывает. Горячая слеза капнула ему на щеку — он пробудился. Схватился за меч и сказал:

— Стой, идало проклято, удасся ли тебе выпить и закусить.

И вот, ковда разошлись, Иван-царевич ссек четыре головы сразу. Змей размахнулся, ударил. Иван-царевич по колен в землю ушел. Выскочил и взмахнул мечом — ссек ему четыре други головы. Ковда змей размахнулся, ударил Ивана-царевича — он ушел по пояс в землю, но Иван-царевич еще мог выскочить, ударил и ссек ему три головы, а четвертую промахнулся. Остервеневшое чудовишшо как размахнулось, ударило и Иван-царевич по груди ушел в землю и уже выскочить был не в силах.

Товда вспомнил:

— Ах, где мой Булат-молодец.

Булат-молодец ниоткудова взялся, подхватил, выхватил из земли дал из пузырька:

— Вот выпей, Иван-царевич!

Иван-царевич, выпил ети капли, набросился на чудовишша, ссек ему остальную голову и изрубил ему все тело на куски и чуствовал, что если бы такой еще попал, дак не ушел целым.

— Но, — гыт, — Иван-царевич, теперь беды твои кончились и, ковда будешь в хорошой жизни, не забудь и меня на старости лет.

Иван-царевич пожал крепко руку, и оне расстались. Булат-молодец исчез, а Иван-царевич спрятал свой меч-кладенец, ушел в свою комнату, упал и уснул богатырским сном.

В бою он получил на левой руке ссадину от етого чудовишша. Царевна оторвала кусок шали и дала забинтовать ему ссадину. И вот, ковда мнимой Иван явился к ней из своего березнику, повез ее в город. Встречают его с почестями. Она послала служанку узнать, что он делат. Та зашла в комнату: и на груде записка, в которой сказано, чтоб не будить его шесть суток. Царевна охлопотала, чтоб его не беспокоили шесь суток. Но, между прочим, думала: "Вот он меня спас от смерти, неужели я должна забыть его за ето?" И вот она насмелилась идти к отцу и доложить обо всем етом.

Кода пришла к отцу и говорит:

— Вот что, государь мой батюшко, что спас меня от смерти, от всех трех чудовишшей не жаних мой, а вот Гриша, которой у нас истопником.

Показала ему все три записки и сказала:

— Он сейчас спит. Если хочешь, посмотри. Он ранен, и я в шатре завязала ему руку, оторвала от шали.

Царь пошел с ней к Грише в комнату и вот удостоверился, что спит он мертвым сном, и рука ранена, и кусок дочерниной шали завязан на руке.

Теперь царь собират своих министров, обсуждают, что теперь делать, как поступить с жанихом невесты. Министры сказали:

— Вот прежде чем разбирать ето дело, надо дождаться, ковда проснется Гриша. Можот, он сам скажот что-нибудь по поводу етого дела.

И вот по прошествии шести суток Гриша пробудился, а царевна кажной день по несколько раз ходила, проведала, ковда он проснется. И теперь ковда он проснулся, поправился и призывают его на етот суд. И вот теперь Иван-царевич объявил, что:

— Не он Иван-царевич, а я, а он мой служитель.

Рассказал им, как ето было.

— А если я и не сказал ето сразу, то я клёлся и в силу клятьбы не сказал. А теперь, ковда ето выяснено помимо меня, я подтверждаю. Документы мои у него, а его у меня.

И вот, ковда стали уличать действительного Гришу, он сознался в своем проступке, и его присудили к смертной казне, и в тот жо день его повесили.

А Иван-царевич жанился на Ксении-царевне. Ковда оне отгуляли свадьбу, отец Ксении-царевны уже престарелым правление все передал Ивану-царевичу. Иван-царевич ковда принял на себя все правление, то вспомнил о Булат-молодце. Булат-молодец явился. Иван-царевич в благодарнось за то, что он столько для его сделал, предложил остаться при ем до смерти. Булат-молодец принял его предложение, остался жить при дворце в качестве отца. Все.

19. СИВКО, БУРКО, ВЕЩИЙ КОУРКО

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был мужичок, у его было три сына: один был Андрей, потом Прокопей и Иван-дурак. Этот мужичок состарился и стал помирать. Перед смертью созвал своих сыновей и говорит:

— Вот, сынки, что тут есь, все вашо. Спрятанного у меня ничего нет. Но, а кроме етого вы поочередно приходите ко мне на могилу дежурить. Я вам там кажному дам ешо по подарку.

Кода похоронили отца, первую ночь надо идти старшему сыну, Андрею. Он боится:

— Да как я пойду на кладбишшо ночевать, невозможно.

А хочется ему получить подарок. Он и говорит:

— Ваня, иди за меня, пробудь там, а я завтре дам тебе калач, хорошой, белой:

— Ну дак что, пойду.

И вот только начинат вечереть, Ваня надеват кожух, берет краюху хлеба и отправляется на кладбишшо. Приходит.

— Где жо лекчи́ мне? Ежли на могилу лекчи, батька осердится — тяжело будет. Нет, я лягу рядом с могилой.

Лежит себе, грызет краюху хлеба да считает звезды:

— Раз звезда, два звезда... Ух, как много, не сошшитаешь!

Време подходит полночь. Слышит — земля дрогнула, раскрывается могила, выходит отец:

— Хто тут на дежурсве?

Ваня встает:

— Я, батюшко.

— А почему же не ста́ршей сын?

— Да он меня послал, я не знай...

— Но дак он боится, а боится, дак, значит, прогадал.

Вот он свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко и Бурко, вещий Коурко, станьте передо мной, как лист перед травой!

Сивко бежит, земля дрожит, из норок пламя вышот, из ушей дым столбом валит. Подбежал к старику. Старик берет уздечку, надеват на него, передает Ивану-дурачку и говорит:

— Вот, Сивко, как ты служил мне верой и правдой, служи и ему так же. А ковда он тебе понадобится, выйди в степь и гаркни: "Сивко-Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой", — и они явятся перед тобой, как лист перед травой, надевай уздечку и поезжай, куда хочешь.

Затем он опеть спустился в могилу и могила скрыла его. Ваня опустил коня, уздечку спрятал, и сам пошел домой. Приходит уж рассветало. Братья спрашивают:

— Как ночевал, чего видел?

Ваня говорит:

— Да чего я там увижу: могила и могила, больше ничего, проспал всю ночь да и только.

Приходит другая ночь. Надо идти Прокопию.

— Ваня, ты ступай ночевать за меня на кладбище, я калач хорошой дам завтре.

— Ладно, пойду ночую.

Вот опеть вечер приходит. Взял краюху хлеба, приходит на кладбишшо, лежит. Пришла полночь, земля дрогнула, раскрывается могила, выходит отец, спрашивает:

— Хто здесь на дежурсве?

— Да я, батюшко.

— Опеть ты, Ваня? Почему жо не Прокопей?

— Да он меня послал.

— А, боится, ну дак прогадал, значит.

Опять свиснул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Вот Бурко бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышот, из ушей дым столбом валит. Бурко подбежал к старику, понюхал его. Старик берет уздечку, надеват на Бурка, передает Ивану и говорит:

— Вот, Бурко, как ты мне служил верой и правдой, служи и сыну, он твой хозяин.

И опеть скрылся в могилу.

Ваня опустил доброго коня в поле, сам пошел домой, залез на печку. Братья спрашивают:

— Как ночевал, чо видел?

— Чо увижу: одне могилы да кресты.

Теперь очередь идти самому:

— Ну, Ваня, ты должóн идти сам за себя, — братья ему говорят.

— Ну дак что, пойду.

Опеть надеват зипун, берет краюху хлеба, отправляется. Опеть лег около могилы так жо. Приходит полночь, открывается могила, выходит отец:

— Ты, Ваня, тут?

— Тут, батюшко.

— Ну вот и хорошо.

Свиснул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Коурко бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышот, из ушей дым столбом валит; мелкие горки промеж ног пускат, мать-сыру землю хвостом устилат. Подбегат к старику. Старик берет уздечку, надеват, передает Ванюше и говорит:

— Вот, доброй мой конь, служи моему сыну, как мне служил.

Потом говорит Ивану:

— Ну вот, теперь делать вам здесь нечего: все, что имел, тебе отдал. Ковда понадобятся тебе кони, вызови их так, как я, в право ухо влезай, в лево вылезай и ты будешь товда непобедимым молодцом; седлай коня, садись и поезжай, куды тебе нужно.

Скрылась могила. Ваня отпустил своего доброго коня, пришел домой, сидит на печке, на кулак сопли мажот.

Приходит тако време: у ихнова царя были три дочери: две были замужом за генералом и офицером, а млачшая была еще девушкой. Она была красивее всех. Вот теперь царь посылат везде грамоты: "Хто желат жениться на моей дочере, должон приехать, она будет сидеть на балхоне на втором етаже. Хто выпрыгнет дотуда на своем коне, схватит с руки кольцо, того и будет она женой".

Всем было охота жениться на царской дочере да еще на красавице, да задача-то нелегка. Сряжаются и Ванюшины братья посмотреть, какой-то счастливец найдется достать царскую дочь. Седлают добрых коней, сряжаются ехать, а Ванюша говорит:

— Братья, возьмите меня с собой.

— Ну, куды тебя к черту дурака, хто тебя не видел!

— Я хоть издалека посмотрю, мне хоть трехногу кобыленку дайте.

— Ну ладно, вон поймай, там ходит паршива кобыла, поежжай, куда тебя девашь.

Сяли на лошадей и уехали.

Ваня поймал кобыленку, выехал в деревню, взял за хвос, сдернул с ее кожу и говорит:

— Сороки да вороны, поминайте батюшкову душу.

А сам свиснул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Сивко бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышот, из ушей дым столбом валит. Подбежал к Ванюше. Ванюша берет уздечку, надеват на него, потом в право ухо влез, в лево вылез и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Потом берет черкацко седелышко, кладет на коня потничок, сверх потничка черкацкое седелочко, сверх седелышка двенадцать подпруг шелковых — шелк не рвется, булат не гнется, чистое серебро на воде не

ржавеет. Надеват на себя меч-кладенец и все богатырские доспехи и полетел в путь-дороженьку.

Догонят своих братьев. Оне не поспели даже отворотить с дороги. Он дал им по плетке и обогнавши приехал туда, где царская дочь ожидает. Там народу собралось множество. Царевичи разных царств приехали, рыцари, молодцы. Выскочить не могут. Ваня подбежал, пришпорил добра коня, конь прыгнул и на три ряда не мог подняться заскочить. И вот, ковда упал на землю, взвился и улетел в чисто поле. Народ закричал:

— Держи!.. Лови!..

Царь знал, что лучше его никто не сделат. Это было дело на три дня.

Ванюша приехал домой опустил своего добра коня, сидит на пече, гложет краюшку. Приежжают братья. Жены их расспрашивают, че видели, оне рассказывают, что приежжал какой-то молодец, на три ряда не мог доскочить до царевны. И никто не знает, хто он такой.

Ваня говорит:

— Не я ли там был, не моя ли голова?

— Ну, куда ты к черту, дурак, лезешь, — ему ответили братья.

Назавтре опеть собираются:

— Поедем посмотрим, не приедет ли етот молодец.

Ваня опеть говорит:

— Возьмите, братья, меня с собой, я посмотрю.

— Дак поежжай опеть на той жо кобыле.

Он говорит:

— Дак она пропала, я ободрал ее, а вороны съели.

— Ну дак что жо с тобой делать: там еще есть худенька кобыла, садись да поежжай.

Сами сяли и поехали.

Он опеть вышел, поймал кобыленку за хвос, сдернул кожу и сказал:

— Сороки, вороны, поминайте батюшкову душу.

Сам опеть свиснул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Бурко бежит, земля дрожит, из норок пламя пышет, из ушей дым столбом валит. В право ухо влез, в лево вылез и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Седлат своего доброго: кладет потничок, сверх потничка черкасско седло, сверх седла двенадцать подпруг шелковых — шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в воде не ржавеет. Садится на доброва коня, полетел в путь-дорогу. Опеть догонят своих братьев, ударил их по разу плеткой и обогнал. Добегат до дворца. Там опеть масса народу. Вскочил он, но на два ряда не доскочил до царевны, оборвался и вот назать. Опеть тут закричали:

— Лови!.. Держи!..

Куда тут: только и видели!

Приехал, опустил коня в чисто поле, сам опеть на печку. Приежжают братья, рассказывают женам:

— Ах, какой был молодец! Немного не доскочил до царевны. Его не могли удержать. Хто он, откуда, неизвестно.

Ваня опеть на печке:

— Не я ли там был, не моя ли голова?

— Ну, куды, дурак, лезешь! Тут полутче тебя, да не могли.

На третий день снова сряжаются, опеть едут. Ваня просится:

— Возьмите меня с собой!

— Поежжай на той жо кобыленке.

— Да она пропала, я скормил ее воронам.

— Но там ешшо есь, поежжай, если хошь.

Вот оне уехали. Ванюша вышел, взял кобыленку за хвос, сдернул кожу и сказал:

— Сороки, вороны, поминайте батюшкину душу!

Потом свиснул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Коурко бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит, мелкие горки меж ног пускат, мать-сыру землю хвостом устилат. Вот Ваня в право ухо влез, в лево вылез и стал молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Опеть седлат своего добра коня: одеват потнички, сверх потничков черкасско седло, сверх седла двенадцать подпруг шелковых — шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в воде не ржавеет.

Садится на своего добра коня. Добрый конь ему и говорит:

— Смотри, Ваня, не плошай: мы на один ряд не доскочим, но ты не плошай: она ударит тебя этим кольцом в лоб, ты хватай и тогда мы убежим.

Вот поехал он, обгоняет своих братьев, стегнул плеткой по разу. Добегат до места, пришпорил Коурку, тот прыгнул, но не мог допрыгнуть на один ряд. Царевна ударила по лбу перстнем, рассекла. Он схватил перстень, упал на землю и умчался в чисто поле; только его и видели. Приезжат домой. Опустил коня в чисто поле. Разулся, достал портянку, забинтовал рассеченой лоб, и перстень завязал в узелок портянки и опеть на печку залез, гложот краюшку.

Братья приежжают, рассказывают женам:

— Был какой-то молодой, схватил перстень, да куды-то делся, не могли его поймать.

На следующшой день выходит объявление от царя, чтобы все собирались ко дворцу: стар и мал, больной и здоровой. Царь будет осматривать, хто доскочил до нее, тот и будет ее мужом. Собираются все с головы на голову. Надо и Ванюшу вести. Собралось там народу тысячи тысяч. Пошла царевна осматривать, у кого лоб разбитой. Мало ли, много ли она ходила, наконец доходит до Ванюшки, смотрит — у него портянкой завязана голова. Она к нему, он от нее пятится. Крикнула она слуг, поймали его, видят — лоб рассечен.

— Чем это?

— Да паут окусил.

Ковда стали разматывать портянку, видят — перстень в уголке завязан. Товда она берет его за руку, ведет к своему родителю, царю.

— Ну вот, батюшко, мое сужено. У него перстень и знак на лбу, он ето был вчера

Тут все, конешно, возмутились: вчера был такой молодец на коне, а етот в рваном зипунишке и шапчонке, как у меня, — на воронье гнездо надеть! Но доказательство налицо: не мог жо он отобрать перстень у такого молодца.

Ну, теперь что жо делать: пир пирком да и свадебка. Ивана-дурака женили на царевне. Теперь что жо, на смех; сестры смеются: у одной офицер, у другой генерал, а ето какой мужчина!

Отвели им флигилек, живут оне там. У царя бывают разны пиры, гости собираются почтенные, ближние чиновники, а первым долгом собираются его

два старших зятя с дочерями. Бывает и млачшая дочь, но над ней посмеиваются старшие сестры, что у ней муж дурачок.

— За кого ты шла?

Она знала, хто ее муж, терпела. Оне с ним ходили гулять по вечерка́м, выходили за город. Он вызывал своих лошадей, чистил, любовался. Она видела это, знала, говорила частенько:

— Ванюша, почему ты не останешься таким молодцом, каким бывашь?

Он говорит:

— Не пришло ишшо время.

И так време шло. В одно прекрасно время собирается пир у царя. Там у них был один знахарь. К нему обращаются лечить, у кого что потерятся — ворожить. При дворе он считался видным человеком. Вот он, подгулявши, говорит царю:

— Вот, государь, всего у тебя много, всем ты велик и сильно твое государсво, но есь, государь, богаче тебя.

Товда царь и говорит:

— А где же эти государсва, богаче меня? Нельзя ли с ними поравняться?

— Да я знаю, царь, за тридевять земель, в тридевятом государсве есь у царя завод — свинки с золотыми щетинками, и их там имеется целое стадо. Пасутся оне в чистых полях, вольны, не хранимы.

— Дак ето пустяки: товда я найду охотников, которы поедут туда, найдут ето государство и привезут етих свинок с золотыми щетинками.

Обратился он к своим вельможам с вызовом, не найдется ли хто охотник — поискать етих свинок с золотыми щетинками. Первым долгом вызвались ехать ети два старших зятя, ехать и найти золотых свинок.

— Я так и знал, что мои зятья вызовутся и привезут свинок с золотыми щетинками. Только горе мое — третий зять никуда не годится.

А царевна была на етом пиру. Через два, через три дня зятья начали сряжаться в путь-дорогу. Дали имя́ лошадей хороших, все доспехи, и оне должны были ехать.

Царевна, ковда пришла в свою квартиру, обсказыват:

— Вот, Ваня, зятья едут в тридевять земель за тридевятое царство искать свинку с золотыми щетинками, а ты вот не едешь. Отец обижается, что ты никуды́ не годишься.

Он говорит:

— Дак что жо, иди попроси у отца каку-нибудь лошаденку, можот, поеду и я, не отстану.

Она пошла к отцу с просьбой, что:

— Мой муж хочет ехать искать свинку с золотыми щетинками, только просит у вас лошади.

Царь был доволен етим, он не надеялся, что он привезет свинку с золотыми щетинками и думал: черти не задерут ли его где, не избавится ли его дочь.

Дали ему все снаряжение. Те уехали. Он взял лошадь и говорит жене:

— Поедем за город, провожай, и я поеду.

И вот оне двое отправились: провожать их никому не интересно. Кода оне вышли за город, пустил коня, а сам свиснул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Сивко бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Ковда прибежал, надел на него уздечку, влез в право ухо, вылез в

лево и стал молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Обнял свою царевну, распрошшался, сял и поехал. Она с довольным сердцом пошла домой. Теперь она увидела его молодцом.

Ехал он близко ли высоко, низко ли далеко, догнал своих свояков, обогнал их. Оне только им полюбовались:

— Ах, молодец какой-то, куда-то едет!

Ехал он несколько ден. Во време ночлегу думал: "Все-таки кода-нибудь должóн быть конец пути. Куды я еду и зачем".

Утром он стал, оседлал коня, сял возле него и думат: "Куда жо я поеду? Где возьму етих свинок с золотыми щетинками?"

Конь и говорит ему человечьим голосом:

— Что ж ты запечалился, Ваня?

— Да как жо мне не печалиться. Я поехал искать свинку с золотыми щетинками, а вот едем несколько дней и ничего нет. Куды ехать дальше, не знаю.

Конь ему говорит:

— Ты напрасно торопишься: мы проехали половину пути. Я довезу тебя до того места, где находятся свинки с золотыми щетинками.

Ванюша повеселел. Теперь он видит, что конь его знат, куды везет. Поехал дальше. Ехал он еще три. Наконец доехал до етого чистого поля, где пасутся свинки золотые щетинки. Тода конь говорит:

— Ты, Ваня, спрячься за деревом и сиди с веревкой, с петлей, а я погоню стадо, ты поймашь и тода повезем.

Ванюша спрятался за дерево, а конь пустился в чисто поле, стал пугать их, подогнал к дереву так близко, что Ванюша поймал одну, скрутил ей ноги, взял на седло и поехал обратно.

Ехал он много ли мало, наконец остается недалеко от города. Смотрит — нагоняют свояки, но нигде ничего не нашли. Видят Иванушку под шатром, просят разрешить:

— Нельзя ли нам остановиться и переночевать.

Он разрешил:

— Пожалуйсто, ночуйте, мне веселе будет.

Оне расседлали своих коней, разместились возле него. Затеяли разговор, хто откуда, какой. Увидели затем у него свинку с золотыми щетинками и говорят:

— Вот мы за етим и ездили, искать свинку с золотыми щетинками, но не могли найти. Не можешь ли ты продать ее?

— Нет, ета свинка не продажна, а заветна.

— Какой жо завет? — оне спрашивают.

— Да вот завет какой: хто отсекет мизинец от правой ноги и отдас мне, тот получит свинку с золотыми щетинками.

Оне переговорили между собой:

— Мы от етого не умрем, давай отсекем по пальцу и возьмем свинку золоты щетинки.

И вот ето они сделали, отсекли по мизинцу от правой ноги и отдали ему. Он отдал им свинку золоты щетинки. Взял он ети мизинцы, завернул в тряпочку. Оне поехали в свою сторону, а он в свою.

Вот оне приехали, привезли свинку золоты щетинки. Тут имя́ все почести, собрался пир. В том числе и знахарь тут. Ковда разгорелся пир, он и говорит:

— Да, государь, хорошо ты заимел свинку золоты щетинки, но ето не все. За тридевять земель, в тридевятом государсве есь еще жар-птица. Если добыть

одно перо, то оно будет светить во дворце как тысяча свеч. В етом государсве у царя есь громадной сад, и оне в нем ведутся. Для того чтобы взять ее, надо содтись с старушкой, которая сторожит етот сад. Надо содтись, чтоб она подманила жар-птицу.

Царь, подгулявши, говорит:

— Ну что нам, раз оне, зятья, достали свинку золоты щетинки, то достанут и жар-птицу. Им ето ничего не значит.

Оне в свою очередь вызвались, что мы съездим и достанем. Находилась в ето время и царевна, жена Ивана-дурака. Царь обратился к ней и говорит:

— Твой-то дурак приехал?

— Приехал, да ничего не привез.

— Ну, конечно, не привезет. Где жо ето сделать дураку.

Ковда кончился пир, зятья сряжаются в путь-дорогу добывать жар-птицу. Царевна Ванюше рассказывает:

— Опеть едут твои свояки за тридевять земель, в тридевятое царство добывать жар-птицу.

— Дак что жо, попроси у отца коня, и я поеду, можот, не пофартит ли мне на етот раз.

Она ему не прекословила, пошла попросила лошадь. Царь дал лошадь:

— Пушшай едет. Не завернет ли где его лешак.

Он опеть таким жо путем отправился. Жена пошла провожать за город. Ванюша свиснул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Бурко бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Подбежал к нему. Сял Ваня на Бурка, поехал. Ехал низко ли высоко, близко ли далеко, выехал в чисто поле, остановился на ночлег. Призадумался: куды ехать, в каку сторону, где ето государсво и сад, где ведутся ети птицы. Конь ему и говорит:

— Не печалься, Ванюша, я знаю, где етот сад, довезу до него и научу чего делать.

Еще оне ехали два-три дня, доежжают в прекрасной город, видят прекрасной обширной сад. И вот по край етого сада построен прекрасной флигилек, в нем живет старушка, котора хранит етот сад. Подъехал к саду, слез с коня. Конь ему говорит:

— Вот, Ванюша, в етом флигильке живет старушка, к которой ты должен обратиться с просьбой, чтоб она подарила жар-птицу. Но она хитра и недоброжелательна, можот тебя обмануть, дак не лутче ли тебе не просить ее, а укрась ету жар-птицу. Я буду пастись здесь неподалеку.

И вот Ванюша подумал, что: "И правда, чем я ее умолю, она меня обманет, а вот дождусь ночи, одну украду, а конь меня унесет".

Так он и сделал. Коня отпустил, а сам завалился в укромное место дождаться ночи. Затем, когда настала ночь, он пошел прокрадаться в етот сад. Птицы порхали по саду, блестели, как звезды. Он стал скрадать, а там висели по деревьям клетки золотые, но оне все больше летали по воле. Подкрался он к одному дереву и поймал одну из них и думат: "Как жо я их повезу? Но здесь есь золотые клетки, я возьму и повезу, мне удобно будет везти". Подходит он, берет ету клетку. Только коснулся клетки, к ней были подвешены волшебные струны, загремели во всему саду. Явилась прислуга, остерегавшая сад. Поймали Ванюшу, ведут его к старушке. Когда привели, она и говорит:

— Ты явился воровать птицу. Откуда ты?

Он рассказал, откуда, стал умолять, чтоб она подарила ему жар-птицу. Она говорит:

— Я прошшу тебе ето все и подарю птицу с золотой клеткой, если ты сослужишь мне службу: съездишь за тридевять земель, в тридевятое государсво. Царствует там царь-девица, она меня ненавидит, у ней есь такое снадобье в шкапу (рассказала, где оно), возьмешь пузырек етого снадобья и привезешь мне, товда отдам тебе жар-птицу и золотую клетку.Ванюша волей-неволей должен был согласиться, надо было выбраться. И вот она дает ему перстень:

— Возьми его, надень на руку. Кода будешь в ее царстве, заберись во дворец, поверни его, и ты будешь невидимым и возьмешь снадобье.

Выходит Ванюша за город, вызвал своего коня доброго. Конь спрашивает:

— А где жо твоя жар-птица?

Он обсказал коню все:

— Украл, да неудачно. Не надо было шевелить золотую клетку. Тода конь говорит:

— Ето я виноват, не предупредил тебя. Но делать нечего, садись на меня, я знаю, где ето царство царь-девицы. Через три дня мы доедем.

И вот оне поехали. Через три дня доехали до етого царства. Остановились близ города. Коня он опустил, а сам, как научила старушка, прокрался в город во дворец и повернул перстень, сделался невидимым, обшарил дворец, нашел шкап, пузырек, взял его в карман — и дела все.

Возвращатся обратно к коню и поехали с пузырьком к старухе. Кода приехали к старухе, он подал ей пузырек, она взяла, осмотрела, действительно то, что ей нужно.

— Теперь, — говорит, — Ванюша, возьми жар-птицу и золоту клетку и ишшо в благодарность за ето я вот тебе даю наказ: можот, ишшо будет тебе трудная задача, ты обращайся ко мне, я дам тебе добрый совет, как хорошему знакомому.

Он взял жар-птицу и поехал домой. На последнюю ночь остановился ночевать. Подъезжают его свояки, едут обратно ни с чем. Попросили разрешения ночевать и стали торговать жар-птицу. Он так жо сказал:

— Заветна, и завет таков: если у правой руки отрежите по мизинцу, то отдам жар-птицу и золотую клетку.

Оне согласились, отрезали по мизинцу, дескать, не помрем, а слава будет велика; купили жар-птицу и поехали своим путем, а он своим.

Их встретили. Пошли пиры да гулянья, похвалы да почести. Вернулся Ванюша, отпустил коня в чисто поле, пришел в флигерь, приехал, дескать, ни с чем.

Опеть дальше — больше, подгулявши, знахарь говорит:

— Теперь хорошо: достал ты свинку с золотыми щетинками, жар-птицу, но есь в одном государсве чудо-кобылица-златоница и с ней сорок жеребцов, и все с золотыми гривами. Поймать бы кобылицу, а жеребцы, как сыновья, придут за ней.

Вот зятевья опеть вызвались доставить кобылицу-златоницу о сорока жеребцах, все ее сыновьях. Спрашивает млачшую дочь:

— Твой-то дурак приехал?

— Приехал, но ничегó не привез.

Теперь зятевья собираются в путь-дорогу, а Ванюша говорит жене:

— Попроси у отца конишку, можот, я чо найду.

Она попросила лошадь. Вышли оне за город. Ванюша свиснул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Коурко бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Сял Ваня, поехал на Коурке.

Ехал близко ли далеко, низко ли высоко, выехал в чисто поле и думат: "Куда жо мне? Да постой, поеду к етой своей знакомой старушке, не знат ли она, ведь она меня предупреждала".

Кода он приехал к старушке, она встретила, как знакомого. Сказал ей:

— Мне надо достать кобылицу-златоницу о сорока жеребцах, не знаешь ли, ее как мне достать?

Старушка и говорит:

— Я знала, что ты заедешь ко мне. Тебе не поймать, если ты бы не заехал ко мне, теперь я тебе дам уздечку, вот котору лишь бы накинуть на нее и тода она будет твоя, а об жеребцах толковать нечего: оне пойдут за ней сами. И только тот будет владеть ей, и до тех пор, кто будет владеть етой уздечкой и не снимать ее. А в какой стороне находится кобылица-златоница, то твой конь довезет; он знат, где находится и остальное, он все научит. У тебя не доставало только одной етой уздечки.

Распрошшался он со старушкой, вышел в чисто поле, созвал коня, сял и поехали. Кода конь довез до чистых полей, где пасется кобылица-златоница, и говорит:

— Вот ты, Ваня, спрячься за ето дерево, а прежде вызови остальных братьев — Сивка и Бурка.

Ваня вызвал их, и кода спрятался за дерево, а кони отправились подгонять кобылицу.

— А ты не плошай, бросай на нее уздечку. Кода она упадет на нее, то будет твоя.

Сколько кобылица ни бегала, оне втроем смогли подогнать к дереву, где был Ваня. Она подбежала так близко, что Ваня накинул уздечку. Она остановилась. Надел на нее уздечку, она покорилась ему. Сял он на своего доброго коня и повел кобылицу. И вот цельной табун следовал за ним жеребцов златогривых.

На последнем ночлеге настигли его свояки, попросились ночевать и стали торговать у него ету кобылицу. Он говорит:

— Она заветна, и завет таков: если позволите вырезать у себя из спины по ремню, то я отдам кобылицу.

Хотя ето была нелегкая задача — вырезать по ремню, но и слава-то не мала, оне согласились. Ваня выкроил у них по ремню, отдал им кобылицу. И вот оне поехали с кобылицей и с табуном жеребцов, а он поехал своей дорогой, опустил коня и пришел в флигерь, как ни с чем. А их стретили с почестями, и был у них пир горой. Ковда Ванюша вернулся, и говорит:

— Ковда будешь на балу, спроси, почему с правых рук не снимают перчатки мои свояки.

Царь расхвастался своими зятевьями, только млачшу дочь отдал за дурака. Она сидит здесь и говорит:

— Хороши твои зятевья, да почему оне в перчатках принимают разны питья и кушанья, не снимают перчаток с рук?

— А мы наездились в чужих странах, насмотрелись на других людей, видим, что там в перчатках принимают кушанья, и мы не хотим снимать.

А знахарь етот, колдун, находился здесь. Он знал ето и говорит:

— Если вы были в других странах, там могли подчиняться ихным порядкам, а здесь надо подчиняться нашим.

Царь был согласен со знахарем, чтоб не вводить новы порядки. Оне волей-неволей должны были снять перчатки. Царь увидел, что они без мизинцев, и говорит:

— Что с вами? Где ето случилось?

Оне объяснили тем, что оне завоявывали жар-птицу и им отсекли по мизинцу. Тода знахарь говорит:

— Кода вы завоявывали свинку золоты щетинки, товда не потеряли ли что?

Оне волей-неволей должны были сознаться, что за свинку золоты щетинки нету по мизинцу у ног, и потом дошло дело и до ремня, что за кобылицу-златоницу оне позволили вырезать из спины по ремню.

Тода царь, конешно, обсудил, что не легко досталось им.

— Оне перетерпели и для меня достали.

Тода царевна объяснила:

— Вот, государь батюшко, не оне ето достали, а достал мой муж и вот продал имя за ети за мизинцы и за ремни ету кобылицу.

Ей, конешно, не верили все: мог ли дурак ето сделать. Товда она вынесла доказательство: ремни и мизинцы от рук и ног. Царь пожелал, чтоб Ваня был на пиру и рассказал сам все ето.

Царевна пошла и говорит:

— Вот царь просит тебя.

— Сейчас не могу, сначала пойду за город, вызову лошадей и приеду во дворец.

И вот он так жо сделал — крикнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Сивко, Бурко, вещий Коурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Кони прибежали. В право ухо влез, в лево вылез и сделалса молодцом. И вот въехал на царский двор на своем добром коне и за ним еще два коня. Царевна встретила его и все царедворцы. Царевна говорит:

— Вот, царь-батюшко, ето мой муж.

А Ванюши-дурачка как будто и не бывало. И вот етот Ванюша попросил, чтоб отвели ему конюшну для лошадей. Царь обрадовался такому зятю, а те остались осмеянные, как без мизинцев и из спины по ремню выкроено, и слава их тем кончилась.

И вот сделали там пир пирком. Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

20. СВИНЯЧАЯ КОЖУРА

А это жили супруги, у них народились два — сын и дочь, и ети супруги умирают, обои остаются ети дети.

Остаются ети дети, растут, растут, вырастают, выросли, значит. И этот брат тоже ходил, ходил, и такой красивой, как его сестра, он не находит. Предлагает сестре жениться. А сестра говорит:

— Что ты, братец да разве можно ведь нельзя, чтоб брат сестру взамуж брал

— Да ну, у нас никого нету родственников, мы с тобой вдвоем, ничего не будет.

Ну, она отговаривала-отговаривала и потом сказала:

— Ладно. Ты мне купи такое платье к венцу, чтоб как звезды на небе горят.

Ну, он ей купил.

Потом она ему говорит:

— Ты купи мне такое платье, как радуга-дуга.

Он ей купил.

— Теперь ты мне купи такое платье, как заря горит.

Он ей купил.

— Теперь ты мне купи халат из свинячей шкуры.

Он ей сделал.

Ну ладно. Она сшила четыре куклы. Потом назначен день был. Она говорит:

— Нужно истопить баню и пойти в баню, вымыться в бане.

Ну ладно. Истопили оне баню, она пошла в баню, он остался дома. Она посадила етих кукол по углам и говорит:

— Куколки, покукойте.
Жизнь мою послушайте:
Брат сестру взамуж зовет,
А сестра от брата в землю идет.

Вот опять маленько-помаленьку:

— Куколки, покукойте.
Жизнь мою послушайте:
Брат сестру взамуж зовет,
А сестра от брата в землю идет.

Ну, и так ушла. Ушла, значит. А он там покричал-покричал, открыл — нету. Ну, на этом сестра и кончилась.

Теперь, значит, она ушла там в другое государство. Вот она там шла, шла в етим свинячей кожуре, а все ети платья свои в узелке.

Заходит в одно прекрасное помещение, значит.

— Можно, — говорит, — у вас переночевать?

Ну, ее пустили переночевать. Они, значит, там.

Назавтра Пасха, Христов день. Хозяйка, ета купчиха, говорит:

— Вы вот сможете мне тут печку протопить и там пол подобрать, самовар скипятить, а мы идем в церковь, у нас христов день.

Она говорит:

— Смогу, смогу.

Вот они ушли, она скоренько все сделала, побежала под куст и надела на себя платье, платье, как звезды на небе сверкают, и туфли лакированные и пришла и стала в церкву.

Ну, этот хозяйский сын, где она поместилась, не молился Богу, а смотрел только на нее. Ну, потом, как кончиться в церкви, она опеть вперед убежала, все под кустики снова склала в котомочку и надела свинячий халат и пришла.

Оне приходят, садятся завтракать и посадили ее. А этот говорит сын матери:

— Видала, мамаша, какая красавица стояла. Я даже ни одного раза не перекрестился, я только смотрел на нее. И таких, наверно, нигде больше нету.

Она:

— Видела, грешная, повернулася.

А потом, значит, она говорит:

— А может, это я была?

— Куда тебе в свинячем кожуре соваться, — оне говорят. — Куда тебе.

Церковь в Верхоленске
Фото В.Т. Новикова

Ну ладно. На следующий день оне опять идут, ее опеть оставляют. Она поделала там, чо ей приказали, опеть побежала. Одела себе платье, как радуга-дуга горит [как на нашей Ольге]. Ну и вот. Опять пришла, опять на этом же месте встала. Ну, так как говорится, помолились, походили, пора расходиться, а она опять вперед убежала, опять все ето спрятала и опять тут кухарничат. Оне опеть приходят, садятся за стол, он опять говорит:

— Видала, мамаша, эта красавица на етом месте стояла, какое на ней платье седни было второе?

— Видала, — говорит, — грешным делом повернулася.

Ну, она опеть говорит:

— А может, это я была?

— Да куда же тебе соваться, — он говорит. — Что суесся. Там такая красавица написанная.

Ну ладно, значит.

Ну, оне идут на следующий день, вот опять ее оставили хозяйничать. Она опять быстренько похозяйничала и побежала, и одела, как заря горит, платье.

А он в это время решил девушку найти, где она находится, взял налил на ето место вара. И когда она стала и стояла, а вар-то пристал, туфель-то не может оторвать, один-то оторвала, а другой-то не может, а к концу ей надо убегать вперед. Она сняла туфель и убежала с однем. И переоделася и снова входит в дом.

А он оторвал этот туфель и приносит домой.

А он говорит:

— Слышишь, матушка, какая же это девушка, какая девушка! Я все же ее найду. Она оставила туфель, а я его оторвал, я етот туфель буду публиковать, чтоб только она объявилась, где ее один туфель. Вот.

Она говорит:

— Это мой.

— Да куда тебе соваться? — он опять ей говорит. — Твой!

И она пошла, принесла все платьи, они поглядели, и ети молодые женилися. Свадьба была, пир был, и мы с Ольгой там были, и по усу текло, и в рот не попало.

Вот как мы оттуляли.

21. СКАЗКА ПРО ИВАШКУ ХУДОГО ПОВАРИШКУ

Было у хресьянина три сына, и выстроен был у него новый дом. Посылал в этот новый дом ночевать старшего сына.

Что привидится тебе во сне — кажи ты мне.

И привиделся ему сон, будто хлеба много, и хлебопашество, и все.

— Ты будешь полнай хресьянин.

Посылает он второго сына, какой ему привидится сон. И спрашиват:

— Что тебе, сынок, привиделся, какой сон?

— Много я видел, папаша, лошадей и телок.

— Ты, — говорит, — будешь по дорогам ходить ямшичить.

Посылает третьего сына, какой ему привидится сон. Ему виделся сон, будто ему царем, а отцу пред ём на коленях стоять. Этот сон он родителю не посмел сказать. Он взял, родитель, рассердился и продал его корабельшикам. После этого корабельшики стали допытывать:

— Пошто, гыт, родитель продал тебя?

— Я, — говорит, — ночевал в новом доме, привиделся мне сон, я родителю его не сказал, он меня вам продал.

— А нам, ныт, ты скажешь этот сон?

— Тык, гыт, отцу родному не сказал, а вам хде жа я скажу.

Оне допытывались, спускали за кораблем в воду-то и всяко-то — никак не могли допытаться. И так же оне приезжали на пристань, им нужно дань заплатить восударю.

— Мы этим человеком заплатим дань, чтоб дозволил восударь торговать разным товаром.

Заплатили оне дань. Стал восударь спрашивать:

— Что за такое, у нас раньше человеком не платили дань, отчего таперь заплатили?

Стал его выпытывать:

— За что жа тебя заплатили?

— Так, — говорит, — я у родителя в новом доме ночевал; привиделся мне сон, я родителю не сказал, он меня продал корабельшикам. Потом корабельшики заплатили вашему величеству дань.

— А, гыт, что, молодец, мне скажешь своя-т сон?

— Никак нет, ваше царско величество, отцу родному не сказал, а вам не могу сказать.

После этого восударь осерчал и спустил его в колодец на погибельну смерть, чтобы и духу его не было.

Также у восударя была дочь, и она его пожалеючи и тихими стопами спускала ему пишшу, чтоб с голоду не помер.

Ставни с изображением древа жизни. Деталь

Потом был у восударя сын, и сдумал он жениться, и в иные королевства его отправляют свататься на корабле. Набрал он сватов с собой, весь поезд, и приходит восударска дочь, спускает пишшу и рассказыват, что вот у меня братец уехал жениться в иныя королевства.

— Ах ты, восударска дочь, погибнет он там, вынь меня отседова, из колоцу. Ну, она его оттедова выняла.

— И дай мне триста рублёв денег, все-таки я побегу за имя́ берегом, не посадят ли они меня на карапь.

Потом он бежит берегом, потом попадат, ему везёт смолы бочку. Он спрашиват:

— Сколько хресьянин, бочка смолы стоит?

— Сто рублёв.

Дает сто рублёв. Бочку эту взял, разбил и сам весь в смоле вымарался и опеть бежит себе дорогой по берегу. И попадат мушшина и везет перину.

— А что, мужичок, везешь?

— Везу, гыт, перину на базар продаватъ.

— Сколько она стоит?

— Тоже сто рублёв.

Разрывать эту перину и в этим пере он весь вымарался, оперился. И бежит своим чередом по берегу и ревет:

— Дядюшки, пожалуйста, возьмите меня.

Восударь Иван-царевич говорит:

— Надо взять этого молодца место забавы.

И сейчас с корабля на шлюпки и на берег и спрашивают:

— Что ты за человек?

— Я, — говорит, — есь Ивашка худой поваришка, — и шутит он с имя́, и балагурит, и всяки забавы рассказывает.

Приплывают они к пристани в иное королевство. И было у того короля три дочери, и эти сваты собираются свататься к этому королю. А этот Ивашка худой жа поваришка их не увольняет.

— Вам, — говорит, — не высватать будет. Я, — говорит, — поеду свататъ. Надо, — говорит, — написатъ бо́льшой дочери письмо, чтобы посмотреть на ее.

Королевская дочь заседлывать шесь лошадей из седла в седло, из струмина в струмино и бежит поскакиват. А Ивашка худой поваришка выдернул в полтора охвата дубину и доржит на плече, как коноплину. И потом она встретила Ивашку, он ударил ее дубиной и вышиб и шести сёдел.

— Нет, — говорит, — ты нашему Ивану-царевичу в подножьи не годишься. Подайте нам другую.

Она обрачается обратно и посылает вторую сестру. Потом эта вторая сестра заседлывать девять лошадей из седла в седло, из струмина в струмино и бежит поскакиват на девяти лошадях. А Ивашка худой поваришка выдернул в два охвата дубину и доржит на плече, как коноплину. Как она против Ивашки поверсталась, и ударил он дубиной, и вышиб королевску дочь из девяти сёдлов, и потом посмотрел, поглядел на нее.

— Нет, гыт, матушка барашня, ты Ивану-царевичу в подножьи не годишься, не то что замужество. Подавайте нам третью.

И третья собирается, заседлыват двенадцать лошадей из седла в седло, из струмина в струмино и бежит поскакиват. А Ивашка худой поваришка выдернул дубину в три охвата и доржит, как коноплину, и дожидатся королевску дочь. И так же она поверсталась супротив Ивашки, и так же Ивашка выхватил дубину, и вышиб ее из двенадцати седел. Потом принял, поглядел, посмотрел и говорит:

— Эта ишшо Ивану-царевичу годится в замужество.

Потом поехали свататься. Ну, у их пир пирком да и за свадебку. Эта как была у них, значит, свиданья, собрались они вечером, а Ивашка худой поваришка сидит в заднем столе. И потом большая дочь подходит к Ивашке-сватушке, подносит ему полтора ведра водки и быка на закуску. Потом он полтора ведра выпил, быка закусил; вторая дочь, та два ведра ему несет. Он и два ведра выпил и быком закусил. Эта самая невеста опеть ему три ведра несет, и он три ведра выпил, быка докончил и в то время охмелел, и вышел он в сени или куда ли, и лег, и уснул. И поели этого, вышли три сестры все, королевские дочери, и увидели сватушка — лежит пьянай. И эта большая и средняя говорят:

— Давайте его зарубимте.

А эта мала жа пожалеючи его говорит:

— Ежли бы он трезвай-т был — вы его зарубили, а пьяного-то можно его зарубить.

Потом невеста отошла, а они все-таки ему ноги по колен отрубили. В то время он пробудился — у него ног нету. Пробудился, ноги он ушарил, и забират

эти ноги, и отправлятся куды глаза глядят. Де ему надо идти день, а он тут пойдет неделю. Сколько времени он полз, полз, доползает он: стоит избушка. Заполз в эту избушку, зашел, помолился и просил Бога, и хозяев, и доброго человека напиться и поись.

— Хто тут, — говорит, — хозяин?

И лежит старичок на печке слепой.

— Что жа бы, дедушка, это поись? Я уж целу неделю не ел.

— А там, — говорит, — дитятка, в печке у меня тетерятина и всякая утканина. Доставай и поешь.

Он достал и ес за столом. В то время он наелся.

— Как же, дедушка, ты слепой, а дичоночку ловишь?

Он говорит:

— Я, гыт, дитятко, живу тридцать лет. Я, гыт, дитятка, до грудей тропы протоптал.

— Ты, — говорит, — дедушка, меня возьми. Ты будешь старший брат, а я млаччий. И будем больше пленочек подстреливать, и будем ездить и поставлять.

Окоренилися они вместе тут жить. Наутро стают, безногий лезет на слепого верхом и поехали по пленкам.

Потом они межу собою выдумали:

— У такого короля есь дочь, и она по субботам подаянья подает, и мы поедем с тобой, и ты мотри, — говорит слепой, — она во втором этажу подает. На роду, — говорит, — тут тьма, нишших кажную субботу, потом ты, — гыт слепой, — как будем подъежжать, ты все ниже садись, все ниже. Ежли я буду просить, чтобы у нас, калек, не отняли, ты подай нам пониже. Как она пониже-то опустится в окошко, я тебя ногам-то столкну, ты поднимись, мы ее схватим и увезем.

Значит, как пнул ногам-то, схватил он ее — только их и видели. Только пыль пошла, не видали, куды убежали.

Приезжают они в свое жительство.

— Ну, — говорят, — ты будешь наша сестра, мы будем по пленочкам ездить, а ты будешь нам приготавливать.

Так они стали ездить, а она имя приготавливать. И вдруг она стала у их худа, эта сестра. Потом они ездили по пленкам и раздырили из-за сестры.

— Ты, гыт, слепой, сестру обидишь.

— Нет, ты, гыт, безногий, собака.

Так они разругались.

— Я, гыт, тебя, слепого, завезу, ты пропадешь.

— А я тебя, безногого, сброшу, ты и сдохнешь.

Сколько аркались, аркались, опеть помирились. Безногай на слепого сял и по ехали к сестре. Ужо спросим, хто из нас ее обидит. Приежжают и спрашивают

— Ну, сестра, которай тебя брат обидит?

— Ах вы, братцы, гыт, ни тот и ни другой меня не обидит. Вы как уедете по пленкам, ко мне, — говорит, — прилетат Яга Ягишна и сосет мои груди, а я у ей в голове вшей ишшу.

— Пошто ты, гыт, нам, сестра не сказывашь?

— Я, гыт, потому что боюсь.

— Мы, гыт, сестра, изловим ее.

Нашшипали лучину и наклали на печку.

— Ты, — говорит, — слепой, ложись под лучину на печь, а я, гыт, тебе, сестра, под лавку за подол залезу, а ты будешь вшей чесать, волосся как можно больше под лавку бросай, чтобы круг рук обвернуть.

Ну, и прилетат Яга-Ягишна.

— Эка, каки, тебя братцы — и лучины тебе нашшипают и все. Ну, да имя́ че делать-то.

Садится на лавку, она у ей груди сосет, а она вшей ишшет и волосся спускат. Безногай завернул волосся круг рук да и заревел.

— Брат слепой, соскакивай скоре с печки, я доржу.

Слепой соскочил, поймали тут у дверей и давай Ягу-Ягишну здверяживать и спрашивать:

— Де жива и мертва вода?

— Что вы, дитятки, я скажу, скажу вам.

Этот же безногай дал слепому ее держать, а сам собират себе пузырьки, под живу и мертву воду. И потом забират безногай свои ноги и пузырьки и садится на Ягу-Ягишну верхом, слепого в повод, и поехали оне разыскивать живу и мертву воду. Она их так мчёт, где ехать неделю, они едут день и подъежжают к колодцу, к воде. Этот безногай слезает с ее, а слепому дал ее доржать. И сорвал он светочек, и пустил он в воду — светочек не блекнет. Потом безногай-т давай трубу шшипать, из ее кровь пошла. Колодцем-то она обернула дочь свою, а повареночка — мнучек. Давай жа они Ягу бить сколько влезет.

— Скажи, де жива и мертва вода, а то, — говорит, — забьем.

— Ой, батюшки, опустите, довезу же я вас до живой и мертвой воды.

Подъезжают они: опеть два колодца и мохом заросли. Потом безногай слез, слепому дал доржать. Сорвал он светочек, пустил он в мертву воду — светок померк. Из мертвой выташшил, пустил в живу — светок рассвел. Потом приносит безногай свои ноги к мертвой воде и смазал мертвой водой ноги. Ноги срослись — владенья нет. И подползь, живой помазал, и ноги стали по-старому. Таким жа манером приводит он слепого. Помазал мертвой — глаза стали, а зренья нету. Живой смазал и все — зренья оказалось. В то время они поздоровались и побратались, что узнали, каки братья есь. Безногай набрал себе живой и мертвой воды. И всю Ягу-Ягишну разорвали, сожгли и попелок развеяли. Обратились назать ко своей сестре. То ехали они пять дён, а шли назать цельнай месяц. Заходят к сестре в хату.

— Драстуй, сестра!

А она имя́ отвечает:

— Каки вы мне братья, у меня один безногай, другой слепой.

— Ты посмотри, сестра, в зеркало, ажли ты нас за братьев не признаёшь?

Посмотрелась, и давай жа они ее рубить на куски. Потом в воде перепоскали, кусок к куску склали, потом мертвой водой спрыскали — тело срослось, живой спрыскали — она стала. И такая сделалась красавица и полнолица, что краше ее в свете нет. Потом, которай был безногай:

— Ну, — говорит, — брат, теперь сестру надо отвезти на место. А нам с тобой будет жить, я пойду обиду отворачивать свою.

— Ты, брат малый, так мою-то обиду обрати жа имя́. Оне жа мне глаза выкопали, а я, — говорит, — уж здесь буду проживать, а сестру предоставь на место спокойным опытом, мы из-за ее — я глаза, а ты ноги прирастил.

Безногай предоставил ее в это жа королевство. И безногай отправился к Ивану-царевичу. Идет по берегу, а Иван-царевич воду черпат в бочку.

— Ты, — говорит, — ковды был Иван-царевич, а таперь заделался водовоз. Слезь-ка ты, — говорит, — с бочки-то. Дай-ка я сяду. А ты иди сзади за мной.

Подъежжает к дому, толкнул вороты, оне рассыпались. Подъежжает к куфне, поймал бочку в охапку и прямо в куфню. Ударил бочку об пол — бочка разлетелась, все побил, все поломал. Лакей донес вверх королю, что приехал водовоз и все разбил. Король поймал нагайку и бежит на куфню. А Ивашка худой поваришка выхватил нагайку и давай жа он короля нажваривать.

— Собери ты мне сейчас, чтобы весь поезд собраннай был.

Живехонько распорядился, хто едет из угольнику, хто из дроворуба, хто откудова.

Потом приказал баню топить. Ивашка худой поваришка живо приказал пир пирком да и за свадебку. А эти две невесты, больша и средня, спрятались, видят, что живу, не перемер. Иван-царевич обвенчался, сяли на корапь и в свое восударство. А Ивашка худой поваришка распорядился надобывать смолля и сделать метлы и помелля. Сяли на корапь. Ивашка распорядился:

— Ну-ка, Иван-царевич, со своей супругой побарахтайтесь.

Потому что она ему и статъ не дает. Потом Ивашка распорядился, что наклась костер смолля. Зажгли это смолле, потом поймал Ивашка шашку и разрубил супругу Ивана-царевича вдоль. И ее пошла всякая дрянь, всякай гнус, лягушки, и змееи, и мыши, и крысы — все там в ей было, и все это заметали в огонь. Потом он приказал ту половину туши на одну сторону на веревках выполоскать, а другу — на другу половину корабля. В то время выполоскали, он сложил, спрыскал мертвой — тело срослось, спрыскал живой — стала така красавица. Ивашка худой поваришка приказал опеть:

— Ну-ка, Иван-царевич, побарахтайтесь со своей супругой.

Потом она с Иваном-царевичем просто уж не может и стоять, он ее одолеват. Доежжают до своего восударства. Ивашка встал и пошел. Иван-царевич спросил:

— Куда ты, Ивашка?

— Нет, я, — говорит, — не могу, надо — дак найдете.

Пришел Ивашка в свое место и спустился в колодец. Сказал царской дочери:

— Спусти опеть меня. И в то время, как у них были радости, семь годов они ездили и сделалось у их такое гулянье.

В то время царская дочь и говорит брату:

— Что жа ты всех приглашаешь, а человека этого вынить бы из колодцу.

— Что ты, волос долог, да ум короток, столько лет разве он может не пивши, не евши жить в колодце.

— А все-таки, — говорит, — надо посмотреть, жив или нет.

Посмотрели, вынимают из колодцу и столь радехоньки, что признали Ивашку худого поваришку. Пили, пили, гуляли, гуляли. Иван-царевич не через долгое время помер. Ивашка худой поваришка женился на сестрице и сделался царем. Написал родителю письмо, чтобы он немедленно ехал к ему величеству. В то время его родитель и пал пред ём на колени. У Ивашки покатились слезы, поймал он его под руки.

— Прости меня, папаша, что такого тирания принял из-за сну. Что не сказал тебе, что мне быть королем.

Ну вот таперя и живут в добром блаополучии, и конец тапере.

22. [ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО]

Не в котором царсве, не в котором [государстве], именно в том, [в котором мы живем], жил хрестьянин с хрестьянкой. У них родился сын. Нарекли ему имя Петя. Вот живут-поживают, добра наживают. И мужичок етот, хрестьянин, ладненько зажил, подкопил денег, рублей с триста. И захворал и кончался. Понятно, его похоронили и помянули. Весь народ разошелся. Мать с сыном остались и переночевали ночь.

Утром мать сына будит:

— Петя, ставай, поезжай по дрова.

Петя стал и просит у матери денег. Мать отвечат:

— На что тебе денег?

— Нужно мне что-нимить купить — отца помянуть.

У матери деньги-то были как раз хрушки́ — сотельны. Она их берегла сына женить, етого Петю. Вот Петя загорюнился и чуть не сплакал, что дай мне, мать, денег. Мать дала ему сто рублей.

Сгреб он ети деньги, надернул шубенку и побежал. Идет старичок, и попадат ему стречу и несет кошку. Вот етот Петя:

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, молодой человек!

— Продайте мне ету кошечку.

— Что вы! Я ету кошечку пошел задавить, ободрать и шкурку на шапку!

Все-таки Петя стал шибко просить, и старик уступил ему за сто рублей.

Сгреб он ету кошку и бежит домой на радостях.

Мать отвечает ему:

— Что купил ты, Петя?

— Вишь, Ваську купил.

— За сколь?

— А вот сколько денег дала, за столько и купил.

Покормил он ее и лег с ей вместе спать.

И вот наутро встает Петя, Ваську покормил и опеть у матери просит денег. А мать одно что — гонит его по дрова.

Ну, поссорились, поругались, сын ей предъявляет, что, еже ты мне, мать, денег не дашь, я уйду от тебя совсем. Мать опеть вытаскиват сто рублей, ему дает. Он видит, там ишо есть сто рублей.

Ковды сто рублей сгреб, шубенку надернул, опеть побежал. Идет старичонко, старую собаку ведет.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, молодой человек!

— Ты куда ведешь?

— Да веду задавить, да ободрать, да кри́потки шить, да шапку сделать.

— А как его зовут?

— Его зовут Соболькой.

Петя привязался к ему: продай и продай.

Ну, потом старик говорит:

— Ладно, я тебе продам, только ведь шкура-то стоит рубля.

Петя ему ничего на ето не сказал, сует сто рублей, берет собаку, бежит домой. А старик выглядыват, кто бы его не увидал да деньги бы не отобрал, не сказал бы етот мальчик милиции. Выглядыват из-за народу, боится.

Петя приходит домой, мать спрашивает:

— Что купил отца поминать?

— Собольку.

— А сколько дал?

— А сколько ты денег дала, столько и дал.

— Дурак ты, дурак! Три раз дурак! Вот что!

Петя, конечно, Васю и Собольку покормил и опеть лег спать. Наутро мать Петю будит.

— Петя, ставай, поезжай по дрова — дров-то вовсе нету.

Петя стал, ей отвечат:

— Мать, дай мне последние деньги — я что-нибудь куплю отца поминать. Седни последний день. На что ты ети деньги копишь.

— Да я их копила тебя, дурака, женить, да теперь уж, видно, не стоит — выгрести деньги зазря: купил кошку да собаку!

Петя ей одно отвечат, что, ежли ты денег не дашь, я уйду. Собрал кошку на руку, собаку в поводок на веревочек и пошел. Матери жалко стало дитю, огаркала Петю, из сердцов выбросила последние сто рублей. Сгреб он ети сто рублей, опеть пошел драть в чистое поле, в широкое раздолье. Мужичок как раз пахал пашню и выпряг лошадь кормить. Ето время как раз к обеду. И вот после обеда ведет лошадь запрягать в соху — опеть пахать. И сглянул — на рогалé завился червяк. Мужичок спешился, сгреб топор и вырубат стяг. Ему змею убить. Как раз в ето время подходит Петя.

— Здравствуй, дядя.

— Здравствуй, молодой человек.

— На че ето палку делашь?

— А посмотри-ка, че на рогале, мать ее ⟨...⟩ сидит?

— А че же вы хочете делать?

Мужичок отвечает:

— Понято, бить хочу.

— Не бей ее, продай мне.

Мужичок заругался.

— Надо тебе, так бери.

Петя подходит, снимат ее с рогаля́, запехал в рукав, а мужику кладет сто рублей.

Змея ему из рукава русским языком отвечат:

— Ты меня, Петя, от смерти спас, так неси меня в свой дом.

Он спрашивает:

— Где же твой дом?

Она указыват:

— Вот видишь голец — мой дом в гольце, в камнях, в утесе. Придешь ты к моему дому, найдешь ты камень-дверь, ету каменну дверь ты отворишь. Скобка есть, но только сильно нужно тянуть. Тут будет колидор, в колидоре будет столик стоять, на ем будут два логушка: один с квасом, другой с водкой, и будет ковшичек лежать. Ты квасу выпей только полковшичка и водки тоже полковшичка. А то полный ковшик выпьешь, тебя мать-сыра земля не будет поднимать. И тут в колидоре отпусти меня с рук на пол и называй меня змея-сестра. По правую сторону из колидору будет дверь хрустальная и скобка медная. Ты берись за ету дверь — товда увидишь ты там: все на тебя нападут

Надворные постройки, д. Ярки Богучанского р-на Красноярского края

змеи, ты имя́ отвечай: "Вы меня не бейте, не ешьте, я вашу дочь спас, вашу сестру привел". Они все опешатся, товда я буду тебе помошница.

Но, ковды он дверь открыл — все на него напали, он им говорит:

[— Вы меня не бейте, не ешьте, я вашу дочь спас, вашу сестру привел.]

Товды взади заползат змея и имя отвечат:

— Етого человека нужно наградить.

"Будут, — говорит, — тебя награждать золотом, будут — разным драгоценностям, но ты ето не бери, только проси у них одно золотое колечко. Ковды оне тебе дадут ето колечко, с етим колечком ты можешь жить. Что заветишь, выходи в ночь, с руки на руку переверни и все тебе будет".

Ковды змея заползла и сказала: ["Етого человека нужно наградить",] оне стали спрашивать:

— Что тебе нужно? Злато, серебро?

Он им говорит, что:

— Мне ничего не надо. Мне надо только золотое колечко.

Как им не хотелось, но все ж таки принуждены были отдать, так как спас он ихую дочь и сестру.

Взял он ето колечко и идет к родительнице. Мать у его спрашиват:

— Че же ты купил, Петя, и где ты был? Целых шесть суток ты дома не был. Я уж загорюнилась и запечалилась об тебе.

Он товды ей показал:

— Вот купил кольцо.

— А сколько ж ты заплатил?

[— А сколько ты денег дала, столько и дал.]

— Ах, ты, чудак, чудак, оно всего пять рублей стоит!

Петя, понятно, Васю и Собольку покормил и сам поел, утумился и лег отдохнуть, а сам думат: "Как бы мне ето не проспать — в полночь пойти кольцо попробовать".

Петя тоже утумился, уснул крепко.

Вдруг полночь приходит, Васька около его спал, давай его царапать: мяу-мяу. Собольку глухой где-то спал, тоже пробудился, давай на него лаять: гау-гау.

В ту пóру пробудился Петя, избеночка у его была худенькая, помочился немного, кольцо с руки на руку перебросил и завечат:

— Эх, был бы у меня завтра хороший дом, были бы у меня кромные лошади, были бы породистые коровушки. Тогда бы я пожил!

Ну, заходит в помещение, опеть спит. Кольцо снова перенадел. Утром просыпат — старуха утром рано пробудилась — фу ты, в каком она помешении! На хорошей перине, под хорошим одеялом! Сглянула — и Петя тоже лежит на хорошей коечке, пальто висит хорошее, сапоги лежат с калошами. Все приготовлено.

Понятно, соскакиват она все-таки с постели. Ногу-то спустила — ей как раз попадат тюфель мяконькой, другу спустила — и другой попадат также мяконькой. Вышла на крыльцо — в ограде ходют породистые коровушки, в задней ограде — кромные лошади рыжут. Мигат, на углы взглянула — на углу устроен мангазин — лавка хорошая.

Приходит она в избу, давай будить Петю:

— Петя, эка какое счастье нам привалило! Во сне ли ето вижу, на яву ли!

— Ах, мама, ты все жалела ети деньги, но я тебе говорел, что воротим ети деньги — вот теперь у нас и конюшки, и коровушки. Ты, мать, говорела, нету у нас коровушек, нету у нас конюшек. Теперь корова есть, подем доить.

Вышли, коровушку подоили — ведро молока надоили.

— Ну, мамаша, стряпай же блины, давай отца поминать.

Заходит в кладовýю — яйца стоят, прямо корзины, крупчатка — прямо кули лежат. Взял он все ето, прямо нагреб, — заходит помешение, и дрова поленницы — он дрова забрал, она печку затопила, блинов настряпала и помянули. Мать сходила, последних коров подоила. Мать приходит и расплакалась:

— Ах, Петя, коровы-то больши, вымя-то туги, я их доить не могу.

Петя на то ей отвечат:

— Мамаша, ты об етом не тужи, я прислуг найму, будут тебе корову доить.

Ушел Петя, нанял коромницу, нанял горничну матери, нанял конюха за конями ходить, и опеть живут. Живут день, живут два и живут три. Мать сыну отвечат:

— А так что у нас за дом на углу стоит?

Сын ей и говорит:

— Ето лавка торговая.

— Так нужно же, Петя, торговать да деньги копить, да тебя женить — все ж таки я, Петя, старая стала.

Утром стали, чаю попили и лавку открыли. Ну, товар прямо замечательный, хороший. Так народ бросился, что прямо без утиха лезет в ету лавку. Петя мерил аршином, а мать собирала кассу. День проторговали и оба устали, как мать, так и сын. Сын назавтре нанял прикашшика, а мать все-таки не попустилась кассу

Кухонная утварь — супница деревянная с поварежкой, солонка из бересты и туесок из дерева

собирать — деньги прямо-таки лукошками таскала. И мать устала — нанял он прикашшиков — мать все ходит, смотрит:

— Ах, Петя, Петя, все чужой народ, все у нас развеется, рассеется — надо тебе все-таки жениться.

Петя на то ей отвечат:

— Ладно, если хочешь ты меня женить, то можно и посвататься.

— А где же ты думаешь невесту сватать?

Сын отвечат, что я думаю свататься у гусударя.

А у гусударя была дочь одна Елена-царевна. Мать ему на ето отвечала:

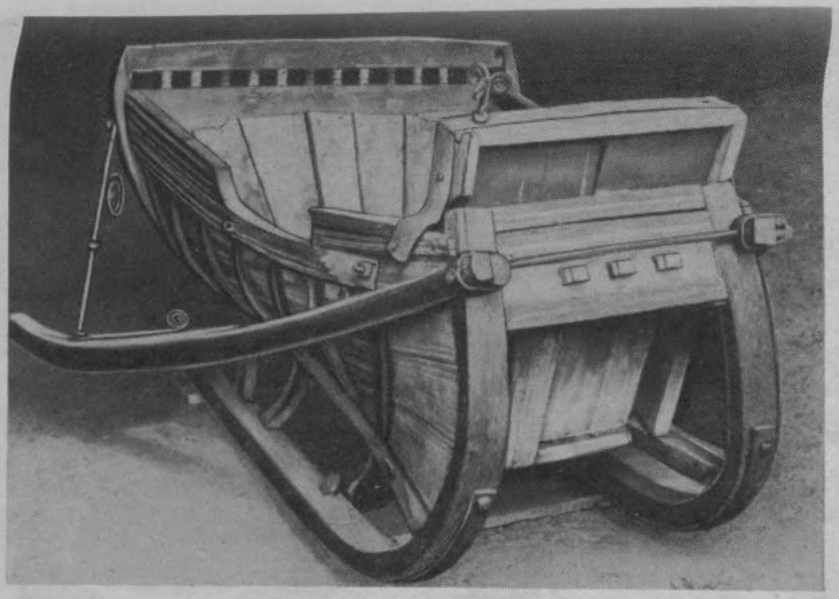
— Ондас ее гусударь за тебя? Он на дачу-то приезжал, видал ведь нашу худеньку избушку каждое лето.

Петя на то отвечат:

— А попробуем, какая выйдет.

Мать собралась, по старинке были у их каки-то салопы, косынку [*неразб.*] повязала и отправилась к царю.

Раньше, когда гусударыня захворат, ета старуха ее лечила, знала там уроки всяки, наговоры. Так вот потому она вхожа была во дворец — ее пропустили к царю. Приходит ета старуха, дают ей пропуск. Заходит она в помешение, Богу помолилась, на все четыре стороны поклонилась и наверх смотрит: где тут матня — не ошибиться бы, прямо под матней сесть. Свататься ведь пришла. Гусударь сам со стулом подскакиват и гусударыня тоже, но она все свое: ету матню ишшет, чтобы не ошибиться ей.



Сани для парадного выезда (кошева)
Фото В.Т. Новикова

Углядела она ету матню и сяла. Разделась, понятно, и стала на ноги — давай сватать. Сватала она так:

— Наш петушок, ваша курочка. Наш петушок желает, потоптать вашу курочку! Мой Петр Иванович желает на Елене Ивановне законный брак принять.

Гусударь тогда захохотал и убежал в кабинет, что вовсе ето сдурела старушка. Понятно, сколь она ни сидит, угустили ее чаем — она все свое заводит, что:

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить. Я пришла не на шутку говореть. Желает мой Петя с Еленой-царевной в законный брак вступить.

Гусударыня на то сказала, что:

— Я не знаю. Вот знат сам отец — над дочерью волен.

Государь все думал в кабинете, что бы ему сказать, думал-думал и придумал вот че:

— Бабинька, я тебе скажу, чтоб от моего дворца и до вашего дому был мост хрустальный и по етому мосту ходило двенадцать троек: три вороных, три гнедых, три рыжих, три серых. Кучера чтоб сидели на козлах, сверху бы летели конфеты и орехи — не простые, а золотые, чтоб кучера их кушали, а скорупшу за пазуху толкали.

Ну, и потом бабинька поднялась, распростилась и сказала, что я еще побываю у вас.

— Да, ето сделайте и побывайте у нас!

Приходит домой, Петя не с терпением ждет.

— Ну, что, мамаша, сказал государь?

— Ах, Петя, посваталась я, но государь задачку большую дает — исполнишь ли ты ее?

— Что такое? Какую задачку?

[— Чтоб от государева дворца и до нашего дому был мост хрустальный и по етому мосту ходило двенадцать троек: три вороных, три гнедых, три рыжих, три серых. Кучера чтоб сидели на козлах, сверху бы летели конфеты и орехи — не простые, а золотые, чтоб кучера их кушали, а скорупшу за пазуху толкали], чтоб на полету оне их имали, закусывали, раскусывали.

Петя говорит:

— Ето ничего, можно составить, мамаша. Ты устала, ложись спать, и я лягу спать.

Васька с ем спит, Соболька в колидоре. Тогда уж у его часов сколько. Вот на часы поглядывает. Скоро ли двенадцать часов? Как двенадцать часов пробило, Петя выходит на улицу — с руки на руку кольцо перенадел и заветил:

[— Чтоб от гусударева дворца и до нашего дому был мост хрустальный и по етому мосту ходило двенадцать троек: три вороных, три гнедых, три рыжих, три серых. Кучера чтоб сидели на козлах, сверху бы летели конфеты и орехи — не простые, а золотые, чтоб кучера их кушали, а скорупшу за пазуху толкали, чтоб на полету оне их имали, закусывали, раскусывали.]

И назать приходит в помешшение, лег спать и давай похрапывать. Утром спит, мать пораньше стает. Стала, вышла на крыльцо. Хрустальный мост устроенный, кучера взад-вперед разъезжают, фрукты, орехи летают, кучера их имают, ядра раскусывают, скорупшу за пазуху бросают. Мать вернулась и будит Петю:

— Петя, ставай, мост-то готовый!

Петя стал, приумылся, чайку с мамашей попил.

— Но, теперя, мамаша, на любой тройке поезжай к государю — неужель он изменшик будет.

— По самый раз попадем.

— Ну-ка тройку серу!

Под одеяло посадил — и тройка чиркнула по хрустальному мосту к государю.

Там уж и парадные двери отворили. Гусударю задумку бросили — в силу необходимости просватовать надо и дочь-то жалко, Елену-царевну.

Входит она в помешшение, раздеют ее, садится под матницу и начинат так же валять. Гусударь свою дочь вывел.

— Вот что, Елена-царевна, заручаю я тебя за Петра Ивановича — я своему слову хозяин — что я бабушке сказал, она исполнила.

Дочери шибко не хотелось выходить.

—Неужель ты, папа, отдашь меня за етого, который в худенькой избушке жил? Мы на дачу ездили, видали ее кажным летом.

Государь на то дочери отвечат:

— Я закон не могу изменить.

И вот все-таки он заручил дочь, выпили винца и бабиньке он говорит:

— Се-таки вы свадьбу скорей налаживайте, чтоб не было лишних разговоров.

Старуха ему на то отвечала:

— Ваше царское величество, у вас все готово — вам хоть кажный день можно свадьбу сыграть, а нам нужно подладиться. Дайте строку неделю, а потом я побываю у вас, подвенешное платье невесте принесу.

Старуха собралась от государя и приезжат домой.

— Ну, что, мамаша, сказал государь?

— *Да высватала!*

— *Ну, слава тебе, господи.*

Потом старушка говорит Пете:

— Ну, как теперя будем делать, как будем свадьбу заводить.

— А как? Я завтра съезжу, нагоню народу. Сорок пар быков заколю, двенадцать пар свиней, сто пар гусей. Давай собираться.

И вот так нагнали скота, давай делать побойку, давай людей наймывать.

— Че не хватат?

— Ну, нужно подвенешное Елене-царевне. Где мы его возьмем? За границу нужно, однако, заказывать.

— Да разве у нас нет? Пойдем, в мангазине посмотрим.

В товаре искали-искали — ничего не могли найти подходяшего. Стоит сундук замкнутый. Подходит Петя к етому сундуку, отмыкат сундук — в сундуке стоит хрустальная коробка, в коробке лежит маслетановый платочек, стоеросова материя, черепахова гребелка, всяки разны духи и помада. Но, потом забират ето стоеросово на платье и отправлятся подвенешное нести.

Садится на тройку вороных и только вихрем понеслась. Государь удивился, что ето за материя:

— Сколько я ни выписывал из-за границы — ну такого не видал. Где же мог нареченный зять Петруха достать?

Вот тут все сговорели с государем оне и уложили, ковда будет смотренье. И государь говорит:

— Да, вот что, сватьюшка, ты мне привези на смотренье не боле и не мене сорок пар хрестян. Посмотрю я на их.

Старуха назать вернулась и говорит:

— Ну, все готово, все дело уделала. Теперь дело только за тобой: теперь тебе надо тысяцкого найти.

— Да есть у меня крестный дядя.

— Поезжай к ему, да надо народ собирать.

Приезжат он к крестному:

— Ну, крестный батюшко, я женюсь, ты поедешь тысяцким.

— Что ты? Да у меня ни копейки нету.

— Ну, как хотишь. Нашто ж ты меня принимал, нашто крестным ставал?

Посулился дядя приехать. И гостей стал он угуваривать ехать — оне не едут, один говорит: "У меня блуза плоха", — другой: "У меня обуток нет", — а третий говорит: "У меня шапка худа".

Петя с имя́ бился-бился.

— Подемте, — говорит, — со мной.

Заводит их в цирульну — волосы имя́ обшингал, бороды все обрел. Заводит в мангазин.

— На первый случай одевайте брюки, одевайте сапоги с калошами, одевайте жилеты, одевайте пинжаки!

Набризгали их, надиколонили их, пошли оне — и жены их не признают:

— Нако, девка, мой! Нет, девка, мой был с бородой, а етот без бороды.

Пошли оне, сяли за стол. Теперя женьчины супорсвовали:

— Тепере мужья у нас вон как оделись, а мы че, в лоскутьях поедем что ли. Нет, не поедем.

Бился-бился Петя с имя́, повел в мангазин, одел — юбки им выдал, ботинки с калошами, напудрили их, умыли, идут — мужья не узнают. И вот женьчины

пришли, сяли за стол. И Петя сял за стол, и подали по бокалу водки всем. Взял Петя бокал водки и имя наговариват, всем гостям:

— Дорогие мои гости, вы-то все ромны, а отчего именно ромны, что кажный муж с женой, а я-то ешо не ромный, запрягаю дровни и еду по ровню.

Но и по бокальчику выпили и поехали к государю. Деревенщина неотесана, необолванена идет к государю, вваливатся. Ходить не умеют, там зеркала, паркет — все заглядывают друг на дружку, падают, ходить не умеют — смех над имя. Путаются в етих новых платьях.

Понятно, поднесли по бокальчику водки, и все на приборах налажено не по-деревенски. И вот которы не умеют, которы совестются. Предлагают им: "Кушайте, сватушки, кушайте, сватушки". Одна все-таки смела была, схватила парунью, на тарелку утушшила и тарелку разломила, и вовсе все опешились: "И че ето — все тарелки переломам и вовсе ниче не покушаем: глаз видит, да зуб не берет", — так все шепчутся.

Ну, понятно, смотренье прошло, давай танцовать. Оттанцовали, государь приказал:

— Завтре в шесть часов к венцу.

— От меня тоже будет сорок пар и тридцать пар с постелей.

Ну, и гости ети уехали от государя.

Назавтре нужно ехать к венцу, а тысяцкого нету — тот говорит: "У меня денег нету". — Другой говорит: "У меня денег нету", — и третий говорит: "У меня денег нету".

Все-таки крестного упросили и Петя-жених мильён денег дал. Ну, поехали к венцу, приезжают государю, тысяцкий покупат косу, берет проходит.

— Сколько стоит коса, Елена-царевна, ваша?

Там стоят два мальчика, отвечают:

— Недорога коса — один мильён.

Он дает за косу мильён. Понятно, государь благословил свою дочь и нареченного зятя и отправил к венцу. Постель собрали — тридцать пар народу собралось с постелями, с перинами, с подушками, и государь предложение сделал, что:

— Вы нас на столы не приглашайте, не приезжайте — столовать я только один сам поеду и с хозяйкой-государыней.

Уехали к венцу в ту сторону, постель в ту сторону ушла. Государь ждет от венца обратно. Поехали от венца. И государь зади запрег свою кромну кобылицу в маленьки саночки и посадил государыню на беседку, сам стоит на ногах и за имя — чтоб за один стол сесть, чтоб разных столов не было.

Ну, у государя все было хорошо настроено, музыка хороша играла. У Пети указалось ишо лутче. Государь сразу заметил:

— Что ето, где ето зять мой Петрушка такую музыку взял — я столько выписывал, доставал — таких оркестров не было.

Ну, и так что зашел в помещение — и на столе очень хорошо налажено: мяса много, всяких разных напитков, наедков. Че у гусударя не было — у Пети лучше. Гусударь все смотрит, любуется — за столом сидит.

Ну, понятно, отгостили, государь поехал домой. Назавтре приглашат к себе на блины, хлеба-соли откушать.

Назавтре ети же гости, пар сорок, попали на стол к государю. Приехали, давай одёжу сымать, Пете сдавать да опеть поздо стали, опеть у Пети все почевали — ето уж вышло четыре ночи ета свадьба.

Надели свои худеньки обутки, худеньки полушубки и отправились на песнях — Петя их ишо подпоил водочкой.

Живет Петя с Еленой день, живет и два, живет и три. Елена-царевна говорит Пете все-таки:

— Где же, Петя, капитал ты такой мог взясть? Раньше что было — худенькая избушка — я ведь знаю: на дачу сколь разов проезжала. А теперь че — лутче папи живете!

Ковда сестра-змея колечко ему передавала и наказывала, что ты никому про ето колечко не рассказывай и женись — и жене не показывай.

Ну, все-таки Елена-царевна доспрашиватся:

— Если ты, Петя, мне не скажешь, то я буду на тебя сердиться: то ли ты кого убил, то ли ограбил, то ли нашел — откуда у тебя такой капитал?

Петя бьется день, и два бился, на третий день распустился, сказал:

— Капитал вот он где, в колечке у меня!

Ковда рассказал Петя, что, как ковды у меня каки недостатки, с руки на руку надену заветю, и все у меня есть. Елена-царевна ето все на ус мотат. И вот так, приходит вечерок, располагаются оне спать — Елена-царевна к нему ласковее, что вот так и надо, ты мне муж, я тебе жена и ты мне все сказал. Муж да жена — одна сатана. Петя обрадовался, что жена его любит тепере, и так крепко уснул. А она сидит, на часы посматриват. Полночь подходит, она давай его помаленьку сымать, не может снять — кольцо крепко сидит.

Вот стоял самоварчик кипел, она нацадила кипяточку, принесла мыла кусок — давай руку мылить. Палец намылила и колечко содрала. Петя все спит крепким сном, не пробужатся. Сглянула — двенадцать часов. Вышла в ограду, с руки [на руку перебросила и заветила], — там за Байкалом у ей первый был, настоящий жених. "Ех, как бы мне к етому жениху попасть и чтоб етот хрустальный дворец и все ети лошади были убраты и очудились за Байкалом, а Петька как жил в худенькой избенке, в худеньком пальтишке, в худенькой шапчонке, так пусть и остается".

Так и сделалось. Утром старуха пробудилась, оглянулась: как была ета кроватка худенька, под дерюжиной лежит, рогожа постелена, и сглянула на Петю — тоже самое: рогожа постелена, шубенка худенька и шапка в головах.

Ну, давай мать будить Петю:

— Петя, где у тебя жена-то, все у нас украли!

Петя соскочил, тогда голову поймал, спомнил: "Ах, мне змея-сестра наказывала, никому показывать не велела — жене [*неразб.*] то колечко не велела показывать, а я что наделал — показал. Все погибло теперь у меня!"

Васька ревет: мяу! Соболька лает: гау! — будто как плачут. Пошел он, запустил их, все-таки не забыл, накормил — сам закручинился, запечалился. Пошел гусударю докладывать. Приходит — там уж знали его, как он гостил ездил, признакомились с ним часовые, а тут не знают, откуль лоскутник такой явился! Понятно, доложили. Государь велел пропустить. Приходит он к государю и докладыват, что ваша дочь, моя жена, убежала и все обокрала. Государь на то поглядел, на своего зятя:

— Убирайся, мерзавец, наверно мою дочь в карты проиграл! Чтоб найдено все было в двое суток!

Петя, как невольник, вышел и пошел. Приходит домой. Собачка Соболька встречат и Васька-кот и русским языком ему говорят:

— Не печалься, опусти нас — мы, может, тебе кольцо не возвратим ли назать.

Заходит он в помешшение, берет тарелку, отрубей насыпал, покормил их и выпустил их. Те убежали, сам сял и сидит, думу думат: "Что мне будет: то ли голову снесут".

Собачка прибегат с Васькой, нашли, где Елена-царевна живет. Она в окошко увидала:

— Ах, последний капитал идет — Вася и Соболь прибежали.

Сгребла тарелку, налила имя корму, накормила. Вася сразу к ей на кровать, на постель, как кошка, а Соболька где-то в сенях остался, лежит. И Елена-царевна легла отдохнуть и уснула. Васька пулюбувался на ей — кольцо у ей на руке. Как бы у ее сташшить. Выскочил сени и собаке передает, что:

— Мотри, я кольцо сташшу, а ты меня как-нибудь выпускай — я буду реветь, а ты лай.

Обратно прибежал, Елена-царевна пробудилась.

— Ну, его будем работать, — Васька Соболько сказал, — ночью.

Понятно, приходит ночь, приходит ее сожитель, как его назвать, муж ее второй. Отужинали и легли спать. Васька лежит с Еленой-царевной — она его гладит, обняла Ваську и с ем уснула. Васька давай когтями кольцо сдирать — крепко надето, не может содрать. "Шибко сарапать, — думат, — разбудю я ее". Взял етот палец с кольцом в рот и давай сосать. Ну, сосал-сосал и кольцо содрал и шмырг на нары! Давай реветь: мяу, мяу. Прислуга услыхала, которая находится в кухне, будит Елену-царевну:

— Елена-царевна, Васька на улицу че ли просится?

— Опустить! Опустить!

Она пошла, застукала, и в ту пору услыхал Соболька в сенях — давай лаять: гау! гау! Елена-царевна услыхала, приказала:

— Обоих отпустить! Они так наважены, сходят во двор и обратно придут!

Ковда Васька выскочил, Соболька спрашиват:

— Что, взял кольцо?

— Взял!

— Ну, пошли.

И давай полевать. Бежали-бежали, Соболька придумал:

— Васька, че кольцо ты один принесешь — хозяину услужишь, а я, выходит, беспути сбегал. Дай хоть маленько я понесу!

Васька бился-бился с Соболькой, дрались-дрались, взял кольцо, положил в рот Соболько. Подбегают к морю, Соболька спустился, Васька к ему на кордошки и поплыли. Невножко до берегу не доплыли, Соболька запыхался, пыхнул раз, пыхнул два, пыхнул три и кольцо выпыхнул. Ковда выскочили на берег, Васька говорит ему:

— Соболька, где кольцо?

Соболька рот разинул: кольца нету! Давай-ка оне тут драться! Васька тут ему все глаза выцарапал!

— Че ты наделал? Тепере и мы пропали, и хозяин наш пропал. Ему голову снесут, а мы голодной смертью помрем.

Ну бились-бились. На берегу стоит как раз дуб. Давай оне дуб драть да веревки вить. Веревку свили, нашли крюк железный, за веревку этот крюк железный завязали и спустили в море кольцо ловить. Потянули ету веревку —

тащится что-то тяжело. Се свои силы положили, но все-таки вытянули. Подделся на крюк черт. Черта вытянули, черт имя отвечат русским языком:

— Начто вы меня на белый свет вытащили? Поддели? Отденьте.

Соболька с Васькой отвечают:

— Мы пока тебя не отденем, пока нам кольцо золото не предоставишь. Ковда нам кольцо предоставишь, мы тебя отденем.

Взяли черта, назать в воду спехнули на веревке. Черт давай в трубы трубить — народ собирать, объявление делать:

— Кто кольцо найдет, предоставьте мне — выручите меня с крюку!

Весь народ собрался водяной — никто не может найти. Объявили, что не можут. Черт им отвечат:

— Не найдете кольцо — трое суток еще буду держать вас, ро́спуску не будет.

Неоткуль идет Баба Яга — лягушка, на полету кольцо поймала и идет заявлять, что вот я нашла. Ковда черт кольцо взял, тогда задергал веревку — давай опять тащить его Соболька с Васькой. Вытянули на берег. Подает он имя́ кольцо и просит:

— Только, пожалуйста, отденьте меня с крюка, с вешной муки.

Отдели его оне с крюка, черт — бух в воду — и ушел. Васька сгреб кольцо и пошли с Соболькой. Бежали-бежали, выскочили на желтый песок, Соболька давай опеть скулить:

— Васька, Васька, ты опеть один принесешь, да ешшо скажешь, что я чуть не утупил — хозяин меня любить не будет. Дай я хоть немножко понесу, за компанию, дай до дому донесу.

Васька бился-бился, положил в рот опеть Собольке. Бежали-бежали, Соболька опеть кольцо потерял, добежали чуть не до дому, до Пети. Васька упеть хватился:

— Где, Соболька, кольцо?

Соболька рот разинул:

— Смотри, — говорит, — Васька!

Васька посмотрел — кольца нету. Давай оне упеть драться. Васька чуть Собольке все глаза не выцарапал. Дрались-дрались.

— Ну, сколь ни будем драться, а надо кольцо искать.

Пошли кольцо искать. Нашли кольцо. Васька сгреб и прибегает к Пете. Сразу у крыльца Васька заревел, Соболька залаял, а Петя сидит последние часы ждет, что вот скоро последняя голова с плеч долой! Петька услыхал, что Васька ревет, собака лает — выскочил, дверь отворил — Васька заскочил и кольцо ему выбросил, русским языком отвечает:

— На, говорит, — хозяин, все тебе останется!

Петя — полночь как раз — и завечат:

— Ех, Елена-царевна, являйся-ка со всем с полюбовником своим сюда и с дворцом, и с местом, и с конями, и с коровами!

Утром старуха пробудилась — опеть в таком же хорошем дому, на хорошей койке лежит, и сглянула на Петю — Петя на хорошей койке, на хорошей постели лежит так же, как и был. Сглянула на невестку — и невестка лежит с любовником рядом. Соскочила она, давай Петю будить.

— Петя, твоя жена прикочевала и со всем с любовником. Что теперь ты будешь делать с ей?

Петя соскочил, пододелся, выскочил в парадные двери, на тройку ворону сял, к государю вихрем помчался. Государь только стал, велел пропустить зятя своего. Он доклад сделал:

— Ваше царское величество, батюшка мой, нашел свою жену и вашу дочь. Ну, только поедемте ко мне — что я буду со своей женой делать, а вы что с дочерью?

Государь ему на то отвечат, что я тебе сдал, должен хранить и жить. Ну все-таки созвал зять государя. Сяли на тройку и приехали к Пете и приводит прямо спальню:

— Вот смотри, что твоя дочь и что моя жена делат — с любовником лежит.

Государь на то ему сказал:

— Я тебе сдал, что ежели тебе не жалко, я вынимаю шашку и обоим им отстегаю голову, как дочери, так и любовнику.

Петя на то сказал:

— Нет, нужно разбудить их и поговорить с имя́, а потом будем знать че делать.

Разбудили Елену-царевну, она давай имя́ в ноги кланяться, то отцу поклонится, то мужу.

— Простите меня.

Отец на то отвечал:

— Я не прошшаю, как поставленной закон по старой вере — нет никаких прошшениев. Ежли муж простит, товда я прошшаю.

Но Елену-царевну муж простил, кольцо доржит крепко в руке, чтоб больше она никак не могла его снять. А полюбовника присудили государь с Петей. Государь спрашивает:

— Зять, у тебя дикие лошади есь?

— Есь!

— Дак пускай выведут сюда их.

Сгребли его со всем с одеялом, завязали, дикой лошади привязали, и она его растрясла всего по макову зернышку.

И стали Петя с Еленой-царевной жить хорошо.

Я как раз в Петрограде был — обратно шел, у их был, водку пил и мед пил — по усам текло, в рот не попало. И все! Конец.

23. ДВА БРАТА

Были два брата, один богатый, а другой бедный. Жили оне рядом и имели землю в одну полосицу. У бедного брата хлеб плохо родился, а у богатого — стена стеной. У бедного брата детей много, кормить нечем было.

В одно прекрасное время, значит, брат пошел в свою полосу караулить. Но. Приходит туда: ходит женщина, собират колосья.

— Зачем ты на моей полосе собираешь зерна? — поймал ее за косу.

Она говорит:

— Ты меня опусти, я судьба твоего брата, а твоя судьба в лесу играет в карты.

Ну, приходит в лес. Избушка стоит. Заходит. Три женщины играют картами. Он поймал:

— Ты моя судьба, почему играешь в карты, я плохо живу.

— Но... я твоя судьба, вон возьми серебряную сумку и неси домой ее жене.

Но, пошел. Прихожу домой. Но... баба спала с ребятами.

— Но, старуха, давай сади за стол ребят, будем ись.

— А кого ись? Ись-то нечего.

Но.

— Но, раздевай, мой их.

Но она не слушат его.

— Я че буду мыть, когда ниче нету ись.

Но он сам вымыл, посадил их. Вытаскиват серебряную сумку.

— Сумка, откройся!

Сумка открылась. Там всего навалом: белье, одежи и на три блюда еда. Ну, напились, наелись ребяты и лягли отдыхать.

Брат об етой сумке узнал, что брат сумку привез. Но. Пришел в гости к ему, договариваться.

— Ну, покажи, брат, сумку, кака у тя сумка.

— Ну хорошо, брат, садись за стол, открою сумку. Сумка, откройся!

Ну, сумка открылась — и все там, закуска, и вино, и все.

— Ну, брат, — говорит, — это вещь. Но, брат, давай сменяемся. У меня скота много, хлеба дам. Ну, мяса, все.

А баба:

— Не надо нам, нам сумку надо.

Но все же брат ходил, че — ума нету. Но теперь променял он. Взял скота сто голов, хлеба привезли, все. Ну, продал все — ни скота нету, ниче. Опеть пошел в поле. Ну, видит — женщина ходит, опять подходит. Поймал ее за косы:

— Зачем ты мой хлеб собирашь? Я живу в недостатках. Вы собираете последнее зерно.

— Твоя судьба в лесу играет, а я твоего брата судьба.

Ну, повела.

Опеть поймал ее за косу. Она говорит:

— Опусти. Я-то твоя судьба, ты жить не умешь. Вон возьми золоту сумку и иди.

Ну, он снял да думат: "Че".

Но, приходит. Сказал — баба посадила всех. Все сяли.

— Сумка, откройся!

Сумка открылась. Выскакивают пять цыганов, шестой жид без штанов, давай их пороть. Ну, на ограду залезли: дети маленьки были, а ему-то дали оне.

Но, теперь брат приходит. Услыхал про золоту сумку. А он наказал, что вы говорите — угорели. На печке лежат которы.

Ну, угорели — не угорели.

— Сейчас менять не буду. Голова болит.

Ну, вышел.

— Потом придешь.

Баба:

— Променяй ее скорей. [Смеется.]

Ну че. "Променять, променять, — мужик думат, — скорее толкнуть".

— Вот завтра договоримся, — он ему сказал.

Ну, тот назавтра рано приехал договариваться:

— Ну, столько-то скота, столько хлеба и сумку мою отдашь.

— Сумку возьми, ета золота.

Ну, набрал попов, дьяконов, кулаков, всех насадил. Перво вином обнес, потом вскричали:

— Сумка, откройся!

Сумка открылась — выскочило пять цыганов, шестой жид без штанов, давай их пороть. На улицу вытасшили. Ну, оне, которы померли. Тут уж драли, оне жирны! [Смеется.]

Ну, теперь этот кулак лежал, однако, месяца три. Но, теперь бедный стал жить. Сумку баба берегла, обтирала, чтоб никуда и никто не уташил. Вот они выросли с сумкой, не знай, жива ли нет.

24. ЧУДЕСНАЯ ОВЕЧКА

В некотором царстве, в некотором государстве, под номером седьмым, под которым мы сидим, жил да был белоус, надел на голову арбуз, на нос огурец и поставил великолепный дворец.

Это не сказка, а присказка, а сказка будет после обеда, поемши белого хлеба и мягких калачей.

Жили-были старик со старухой. Было у них три сына. Двое — так-сяк, а третий был совсем дурак. Жили они бедновато, впроголодь ели, впроголодь пили, исподволь спали. Сынам старшим это не нравилось, вот они и говорят своим отцу и матери:

— Трудно нам себя и вас кормить, давайте разделимся.

А что делить? Ступа да лопата, да кобыла горбата. Это, значится, имущество у них было бедняцкое. Ну, стали они делить, кому что достанется. Ивану досталась овечка, потому что он был самый младший, и дали ему меньше всех. Как хочешь, так и питайся. Погоревал он, погоревал да надумал пойти по свету, авось, и найдет свою долю.

Приходит он в другую деревню, приходит к одному хозяину, просится ночевать. Ну, почему бы и не пустить прохожего молодца, да Иванушка не хочет с овцой расставаться, хочет с овцой вместе спать. Ну, старики-то и не захотели вместе с овцой в избу пускать спать. А у стариков-то было три дочери, им стало любопытно с Иванушки. Стали они уговаривать отца с матерью, чтоб пустили они прохожего переночевать. Старики-то сдались на уговоры дочерей и пустили Иванушку. Постелили ему на лавку, а он подле себя овцу держит, привязал ее к себе. Вот легли все спать, уснули. А старшей дочери не спится, она разбудила среднюю свою сестру и говорит ей:

— Пойдем посмотрим, что Иван делает, ведь он с овцой рядом спит.

Прокрались они тихонько в горницу, где Иванушка ночевал — смотрят, и глазам своим не верят: овечка ночью окотилась, три ягненочка около нее, а шерсть на них золотая. Старшая и средняя сестры схватили на руки по ягненку, хотели шерсть с них состричь и браслеты из золота сделать. Тут и младшая сестра проснулась, стала браниться на старших за то, что не разбудили они ее. Схватила она на руки третьего ягненочка. А сестры-то поднять от пола ягнят не могут и рук оторвать от них тоже не могут.

Позвали они к себе на помощь отца, мать. Увидел отец, что с его дочками, разбудил постояльца и упрашивает его отпустить дочерей. А Иван посмотрел на них, засмеялся, и говорит: за ночь пришло ему его счастье, и от прибыли у него

голова не болит. И не отдал дочек хозяевам, взял овцу, ягнят и прилипших к ним девушек и всех вывел на улицу.

Дело было ранним утром. Все шли к обедне в церковь. Ведет он трех хозяйских дочерей мимо церкви, они как спросонья вскочили, так и идут, немытые, нечесанные, неодетые. Поп увидел это шествие, закричал:

—Господи помилуй! Стой! Как тебя звать? Стой!

А Иван знай себе идет дальше и говорит попу:

— А за постой деньги платят.

Заплатил поп Ивану сто рублей, подбежал к старшей хозяйской дочери, схватил ее сзади, хотел оторвать ее, да и сам прилип. Увидел эту процессию дьяк, что шел к заутрене, и кричит Ивану:

— Стой! Стой, говорю!

А Иван ему:

— А за постой деньги платят.

Заплатил дьяк Ивану пятьдесят рублей. Схватился дьяк сзади за вторую хозяйскую дочь, хотел ее оторвать и сам прилип. Идут дальше, увидел их пономарь, кричит Ивану:

— Стой!

Пришлось и пономарю заплатить Ивану двадцать пять рублей. Повел их всех Иван мимо церкви дальше по деревне. А одна старуха в избе хлеб пекла, увидела попа и как закричит на него:

— Люди к обедне, а у тебя глаза кобельи.

Схватила старуха ухват, да как ударит попа сзади — и прилипла. Идут дальше.

Долго ли, коротко ли идут, подходят к другой деревне. А в той деревне барин жил, богатства у него были несметные, не сочтешь, не обозреешь его владения. Была у барина дочь-раскрасавица, Аленой звали. Была она не замужем, а было ей уже тридцать три года. Поставила она условие своим женихам — кто ее рассмешит, за того она замуж выйдет. Много было у нее женихов, да никто не мог ее рассмешить. Уж отец только и думал, как бы ее замуж выдать, а она и слышать о том не хотела, на своем стояла. Когда Иван подходил к их деревне, она была на третьем этаже, сидела у окошка, увидела эту странную процессию да как рассмеется, целый день смеялась.

Барин обрадовался, закатили пир во весь мир, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Дали мне блин, он сто лет под столом был, был там какой-то смел, он все остальное съел, а мне не досталось.

25. СТАРУХА ПОВИВАЛЕНКА

Жила-была одна старуха повиваленка. Не было ни одного дома, где бы она не бабничала.

— И везде-то я побывала: и у татар, и у цыган, и у всех, у всех, — говорит раз старуха, — только у одного черта не бабничала.

Черт это подслушал и в одную ночь пришел к ей переряженный богатым хресьянином под окно и постучался:

— Эй, бабушка, отопри-ка!

Старуха увидала, что под окном стоит богатый, и обрадовалась, что может хорошо заработать.

— Иди к нам, бабушка, бабничать.

—Иду, батюшка, иду, — говорит старуха.

Оделась она и пошла с им, а черту показалось, что она идет очень тихо.

— Бабушка, садись ко мне не заплечки.

— Что ты, дитятко, выдумал, я и так дойду.

— Куда тебе дойти, больно далеко, — сказал черт, схватил ее за заплечки и потащил.

Так они бежали цельную ночь, все лесом и лесом и наконец к рассвету они добежали до берега большой реки. Туда черт вместе с ею и нырнул. На дне стоял большой и красивый такой дом, где жил черт с женою своей, русалкой.

— Ну, бабушка, слезай, приехали, — сказал он и повел ее к жене.

Старуха зачала у ей бабничать. Только пришла она к русалке и схватилась, что креста-то у ей не было.

— Не бойся, бабушка, назад пойдешь — найдешь. Не поминай о ем черту и не крестись, тожно он тебя задавит и не пустит домой. Я и сама, бабушка, была такая же, как ты. Когда я ишшо была молодухой, то мать меня прокляла. Раз пошла я на реку полоскать белье, черт меня, видишь ли, схватил да со мной и бултых в воду. Теперя я и сделалась русалкой, чертовой женой, а душу я имею и жалею тебя. Ты, бабушка, здесь ничего не ешь, окроме каши. Черт наставит тебе разных закусок полон стол, а ты не бери, а то останешься.

Ну, значит, истопили три бани и повиваленке должно отправляться домой. Русалка позвала бабушку и говорит:

—Черт тебя скоро позовет, насыпит на полу две кучи денег — одну золота, другую серебра и други две кучи: одна-то будет угли, а друга — кузнешно говно. Дак ты бери золота и серебра по одной горсти, а углей и слитышев больше.

Черт потом позвал бабушку и говорит:

— Вот тебе, бабушка, золота и серебра.

И зачал ей накладывать в фартук.

— Не надо, не надо, батюшка, куда его: не донесу, а вот по горсточке возьму. Углей и слитышев можно и больше, — и наклала полон фартук.

— Садись ко мне на заплечки, поедем домой, — сказал черт, схватил старуху и выскочил с ею из воды, а на земле было уже светло и петухи пропели.

— Дожидайся, бабушка, другой ночи, я к тебе приду и отвезу домой, а теперя сядь посиди.

— Я и сама дойду, батюшка.

— Куда тебе, до дому-то триста верст скакать, — и прыгнул сам в воду.

Сидела она это на берегу цельный день и крестик возле ног нашла, а к ночи пришел черт, схватил старуху на заплечки и в одну ночь предоставил домой. Постучалась старуха в ворота, старик ей отпер.

— Ах, старик, старик, знаешь, где я была? У самого черта бабничала, а денег-то сколько заработала! Только жена его — русалка, язви ее, наговорила мне, чтобы я слитышей да углей побольше взяла, а золота и серебра по горсточке, а я, дурная, и послушалась.

Вот развязала она фартук и смотрит, что золото и серебро сделалось углями и слитышами, а угли и слитыши — золотом и серебром. Обрадовались старики, стали жить да поживать да добра наживать.

26. ЛИСА И КОТ

Ехал старик с рыбой, глядит — на дороге лежит лисица. Тронул ее кнутиком, лиса не шевелится. "Хороший будет воротник на шубу моей старухе!" Поднял лису и бросил в телегу. Лиса ожила, проделала в телеге дыру и повыбрасывала рыбку.

Приехал старик домой, кричит:

— Старуха! Я тебе лисицу на воротник привез, в телеге лежит.

Посмотрела старуха, а там ни лисы, ни рыбы нет. Провела старика лиса.

Вот лиса склала рыбку в место и говорит:

— Я сегодня именинница, побегу звать на именины.

Побежала к зайцу.

— Иди, кум-заяц, на именины ко мне, я рыбки приготовила.

Пошел заяц к лисице на именины.

Встретила лиса медведя, зовет:

— Иди, кум-медведь, на именины ко мне, я рыбки припасла.

Пошел медведь на именины к лисе. Потом она созвала так волка и козла. Собрались гости в шалаш к куме-лисе. А она и говорит:

— Ах, забыла я позвать куманька — кота Ваську. Побегу звать!

Побежала. Гости и говорят друг другу:

— Что за зверь кот Васька? Давайте спрячемся! Так-то безопасней посмотреть будет.

Ну и спрятались. Зайчик улегся в листочках, волк за кустом стал, медведь на березу залез, козел за березу спрятался. Идет кот Васька. Дорога-то грязная, кот ноги подергивает, грязь отряхивает. "У, сердитый какой!" — думают спрятавшиеся.

Зайчик зашевелился в листочках; кот подумал, что мышь, бросился на шелест; заяц перепугался да и тягу; волк за ним; козел за волком; медведь соскочил с березы — за ним.

Кот увидел, что нет мыши, вернулся к лисе. А та и подумала: "Как бы и мне того же не было". Да и пустилась за всеми. Остался кот Васька хозяином рыбки.

27. МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Однажды медведь прогуливался по лесу. Идет, идет, и вдруг летит тетерева́. И прямо медведю в рот и влетела: он рот-от разинул, когда шел. Медведь скорей схватил ее, сдавил челюстями и идет дальше. Доволен, что будет ему чем отобедать, закусить.

Тут идет кума Лиса Патрикеевна. Увидела, что медведь тетереву́ во рту держит, и сдогадалась, как же обмануть его, чтобы эта тетерева́ у него вылетела изо рта-то. Сообразила и спрашивает медведя:

— Мишенька, скажи-ка мне, я чё-то не пойму никак, откуда дует ветер?

А ему, толстопятому дураку, надо бы ответить, что с севера, — он бы ишо крепче зубы-то прижал. "С севера" — вот так. А он сказал:

Кадь (кадушка) для воды
Фото В.Т. Новикова

— С запада!

Рот-то разинул, теререва́ выпала, лиса схватила ее — и только тут и была. Схватила и убежала.

28. [ЛИСА-ПОВИТУХА]

Жил-был медведь в избушке. И попросилась как-то лиса к нему ночевать. Медведь ее пустил. Сам на печи спит, а лису на лавку положил. А лисица заприметила у него в сенцах меду в кадушке, и не спится куме, хочется меду отведать. Вот лежит она и хвостом по лавке: стук-стук! стук-стук! Медведь проснулся и говорит:

— Никак стучат, кума!

А лисичка-та — прыг! С лавки.

— За мной, — говорит, — наверное, пришли! Ребенка крестить зовут! — и за дверь, прямехонько к кадушке.

Наелась медку и тихохонько спать улеглась.

А наутро медведь и спрашивает ее:

— Как ребятеночка назвали?

А лиса ему:

— Верхушечкой, — говорит.

Да. На следующую ночь сызнова лисице меду захотелось, и она по лавке: стук-стук! стук-стук! Медведь ей и говорит:

— Иди, кума, за тобой это.

Так лисичка опять наелась.

Утром медведь ей говорит:

— Как ребеночка-то назвали?

— Серёдышком!

И на третью ночь опять лиса по лавке: стук-стук! стук-стук! Медведь проснулся и говорит:

— Никак опять тебя, кума, зовут?

Лиса опять быстрехонько соскочила да прямо к кадушке. Сытно наелась да спать пошла. Медведь-то утром спрашивает:

— Какое имя-то ребеночку дали?

— Последышом.

Так лисичка и обманула медведя.

29. КОТУШКА И ЛИСА

Жили-были старик со старухой. И было у них добра, что один старый да серый кот. Как-то раз ушли старик со старухой на улку дрова пилить. Остался котушка дома один. Сидел, сидел — захотел есть. Прыгнул он на лавку, уронил крынку — молоко и разлилось. Наелся котушка сколько хотел и спрятался. Вернулись дед с бабкой домой, смотрят, а молоко-то разлито. Бабка и спрашивает:

— Кто пролил молоко?

Котушка молчит. А кроме него ведь некому. Принесла бабка длинный прут, взяла кота за шиворот и давай его бить. Била-била, била-била да и выбросила его на мороз и не пускает в избу. Сидел кот на улице, сидел да замерз.

Увидел кот дорожку, пошел по дорожке. Видит — бежит навстречу белочка.

— Куда, котушка, бежишь? — спрашивает. — Возьми меня с собой.

— Нет, — говорит кот, — куда тебе, я сам себе не рад.

— Возьми, а то исцарапаю.

Нечего делать — побежали вдвоем. Бегут, бегут — навстречу лиса.

— Куда, котушка, бежишь? Возьми меня с собой.

— Куда тебя, я сам себе не рад.

— Возьми, а то съем.

Делать нечего — побежали. Бегут — навстречу волк.

— Куда, котушка, бежишь? Возьми меня с собой.

— Куда тебе, я сам себе не рад.

— Возьми, а то съем.

Делать нечего — побежали вчетвером. Бегут, бегут — навстречу им медведь.

— Куда ты, котушка, бежишь? Возьми меня с собой.

— Куда тебя, я сам себе не рад.

— Возьми, а то растерзаю тебя.

Делать нечего — побежали. Навстречу им заяц.

— Куда, котушка бежишь? Возьми меня с собой.

Взяли они его и побежали вшестером. Бегут, а на дороге им яма повстречалась. Обходить им ее не хочется. Побежал кот в лес, притащил жердочку, перекинули они ее с одного конца ямы на другой. Медведь придавил один конец лапой, котушка и перебежал на другую сторону.

— А теперь вы идите, только идите дружнее да плотнее.

Пошли звери, друг к другу прижимаются. Дошли до середины, а кот взял да и перевернул жердочку. Они и полетели в яму. А котушка в лес убежал. Сидят звери в яме, выбраться не могут. Долго сидели, есть захотели. Лиса давай зверей по порядку считать:

— Лиса — баса, медведушка — баса, волчик — баса, зайчик — баса, белка — пучеглазка.

Съели белку. Белка маленькая, мяса мало, скоро звери опять есть захотели. Стала опять лиса считать:

— Лиса — баса, медведушка — баса, волчик — баса, заяц — пучеглазка.

Съели зайца. Заяц маленький, мяса мало, опять звери проголодались. Опять лиса считать стала. Съели волка, а лиса кишки волчьи себе под хвост спрятала. День живут, два живут, снова хотят медведь и лиса есть. А есть уже нечего. Стала лиса кишки из-под хвоста вытягивать и есть. Медведь спрашивает:

— Кого, лиса, ешь?

— Кишки из пуза вытаскиваю да ем.

— Дай мне.

— Вытащи свои да ешь.

Медведь терпел, да голод не тетка. Разорвал себе пузо, кишки и повалили.

— Больно, ой, помираю, — кричит медведь.

А лиса в ответ:

— Мне тоже больно было, да я ж тащила.

Сдох медведь. Лиса довольнешенька: много мяса. Поест да побегает, поест да побегает, да поспит — долго жила. Вот мясо кончилось. Что теперь делать? Горевала, горевала лиса. Смотрит — птички летают, крутятся над ямой. Лиса и кричит им:

— Птички-синички, набросайте мне спички, а то я вас съем.

Синички испугались, не понимают того дуры, что лиса их не достанет, и накидали ей прутьев в яму. Она их повтыкала в стенку ямы и выбралась по ним на волю, в лес убежала.

Тут и сказки конец.

30. ЛИСА И КОЗЕЛ

Бежала лиса по дороге, на ворон зазевалась и упала в колодец. Воды в колодце немного, утонуть — не утонешь, а выскочить — не выскочишь. Сидит лиса, горюет. Что тут делать?

Вот идет по той же дороге козел, головой помахивает, бородой потряхивает, по сторонам поглядывает. От нечего делать заглянул козел в колодец. Увидел там лису и спрашивает:

— Здорово, лисонька! Что ты тут делаешь?

— Да вот отдыхаю. Наверху-то жарко, а тут прохладно и водицы холодненькой сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

— Да хороша ли вода-то?

— Вода-то хороша, — отвечает лиса. — Да ты прыгай сюда — вот и попробуешь. Места нам и двоим хватит.

Козел сдуру и прыгнул. Воду замутил, чуть лису не задавил. Рассердилась лиса, бранится:

— Ишь, бородатый, и прыгнуть не сумел — всю забрызгал!

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца. Только козел ее и видел.

Сидит козел в колодце. До вечера досидел, не знает, как выбраться.

Хватился хозяин козла, пошел искать. Искал-искал, насилу нашел. Веревку принес и козла из колодца вытащил.

31. ЛИСА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Когда лиса и волк, и медведь шли, нашли поросенка пропашшего. Лиса говорит:

— Кому достанется? Кто всех старше. Ну, я, — говорит, — когда был Адам и Ева, я была дева.

Волк говорит:

— Когда создался век, — я был сед.

А медведь говорит:

— Нет у меня ни одной сединки. ⟨...⟩ вам не свининки!

32. ГРУЗДЬ, ЛИСА И СОРОКА

Жил груздок на лесиночке — на березоньке, жил он семейкой с тремя деточками. Пришла лиса и говорит:

— Груздок, груздок! Отдай мне своего дитеночка, а не отдашь — я березу хвостом ссеку и тебя самого съем.

Испугался груздок и отдал лисе своего дитеночка. Лиса схватила дитеночка, унесла его в лес и съела, а груздок сидит на лесиночке да плачет.

На другой день лиса опять явилась и просит:

— Груздок, груздок, отдай мне своего дитеночка, а не отдашь, — я березу хвостом ссеку и тебя съем.

Пуще прежнего испугался груздок и отдал лисе своего другого дитеночка. Лиса схватила дитеночка, утащила и его съела, а груздок сидит на лесинке и плачет. Летит сорока и спрашивает:

— Груздок, груздок, о чем ты плачешь?

— Как же мне не плакать?—отвечает груздок. — Лиса у меня уже двух дитеночков съела, теперь придет и последнего съест.

— А ты не давай лисе своего дитеночка.

— Как же я не дам лисе своего дитеночка? Лиса грозит ссечь хвостом березу и меня самого съесть.

— Не бойся, груздок, лисы: нет у ней ни ножа, ни топора, нечем ей ссечь березу, а хвост у нее не длинный, всего с четвертушку.

На третий день лиса опять явилась и говорит:

— Груздок, груздок! Отдай мне своего дитеночка, а не отдашь — я березу хвостом ссеку и тебя съем!

А груздок ей на это отвечает:

— Не боюсь я тебя, лиса, и не дам тебе своего дитеночка! Нет у тебя ни ножа, ни топора и нечем тебе ссечь березы, а хвост у тебя не длинный, всего с четвертушку!

Удивилась лиса этим речам и спрашивает:

— А кто тебе, груздь, сказал все это?

— Сорока!

Лиса бросилась на сороку и поймала ее и думает, как бы пострашнее замучить сороку. Побежала лиса в дом богатого мужика, украла у него лукошко и посадила в него сороку и думает: "Спущу я лукошко с сорокой под гору, лукошко попадет в воду, сорока утонет, тогда я ее съем". Покатила лиса с горы лукошко, а сорока из лукошка выскочила, села на пень, да и принялась дразнить лису.

— Ха-ха-ха! Ты, лиса, мудрена, а я мудреней тебя!

Так лиса и осталась ни с чем и вернулась домой голодная.

33. ЛИСА И ПЕТЯ-ПЕТУХ

Идет лиса из дальних стран, из пустыни. Завидела красного петуха на дереве.

— Здравствуй, Петя, милое чадо! Грешен ли ты? Покайся. Будешь в грехах прощен, в царствие небесное пущен.

Вот Петя стал спускаться с ветки на ветку, с сучочка на сучочек да на сыру землю. Лиса его — хвать! И говорит:

— Помнишь, Петя, как я в курятник наведывалась, а ты крыльями хлопал да кричал. Прибежали люди с ружьями да с кольями, так я насилу убралась.

Тут Петя призадумался, как от беды спастись. И говорит:

— Лисица, ласкова моя лиса, ласковые твои слова! А шел я митрополиту, принес бы тебе сладкие просвиры.

Лисица призадумалась, петуха в когтях поотпустила. Петя не возробел, не растерялся, на дерево встрепыхался:

— Эх, лиса, есть ли тебе сладкие просвиры и есть ли у тебя зубы для крепких орех?

Тут лиса запричитала:

— Ах ты, Петя-петух! Сколько я по свету ни ходила, ни гуляла, а такого насмеянья над собою не слыхала, как от тебя, дурака — красного петуха.

Тут лиса в лес ушла и сказку всю с собой унесла.

34. КОТ ДА ПЕТУШОК

Жили-були кот да петушок. Кот говурит:

—Я пойду рубить дровка, придет лисица, не отворай окошка.

Кот ушел, стал рубить дрова.

Прибежала лисичка под окошечко, стала петь:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шелкова бородка,
Взглянь на окошко,
На окошке гумажка,
Отвори окошко,
Хоть с игольное ушко.
Пойдем вместе золотым колечком играть
И золотым яичком катать.

— Кот ругаться станет, — говурит петушок, — как пойду?

Лисичка начала петь сызнова:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шелкова бородка,
Взглянь на окошко,
На окошке гумажка,
Отвори окошко,
Хоть с игольное ушко.
Пойдем вместе золотым колечком играть
И золотым яичком катать.

Петушок отворил окошко. Лисичка поймала петушка и понесла. Петушок стал кричать:

— Кот, кот, — говурит, — меня лиса несет за темные леса, и за високие горы, и за круглые озера.

Кот не слышит. Второй раз стал кричать петушок:

— Кот, кот, меня лиса несет за темные леса, за високие горы, и за круглые озера, и за бистрые реки.

Кот услышал, погнался. Гнался, гнался, гнался, лисичку только что настиг, хочет ударить топорчиком — лисичка петуха бросила.

Взял кот петушка и давай его драть. Драл, драл, драл. Петушок даже два раза обмер.

Принес домой этого петушка, бросил в дом и сказал:

— Покамест я рублю дрова, ты не отворай окошко.

И кот стал рубить дрова.

И вот прибежала лисичка и опять села у окошка и стала петь:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шелкова бородка,
Взглянь на окошко,
На окошке гумажка,
Отвори окошко,
Хоть с игольное ушко.

Пойдем вместе золотым колечком играть
И золотым яичком катать.

Взял петушок только с игольное ушко отворил. Лисичка петушка виволокла. И понесла. Петушок стал кричать:

— Кот, кот, меня лиса несет за темные леса, за высокие горы, за круглые озера и за быстрые реки.

Кот не слышит. Так кот и не мог услышать, и лисичка так и унесла петушка.

Кот нарубил дров, пришел домой — петушка нет нигде. Кот стал делать гусли-самогуды. Гусли-самогуды сделал. Пошел искать лисичку. Пришел на лисичкино гнездо. Стал в гусли-самогуды играть и петь:

— Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна.

Лисичка услышала и говурит:

— Девки, какой-то купец богатый приехал да поет. А ты, Чучелка, поди вынеси к нему чайнички и пирожки, пускай он покушает.

Чучелка вышла и чайнички, пирожки вынесла. Кот ударил Чучелку по головке и положил в свою сумочку. Опеть стал играть и петь в гусли-самогуды:

— Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна.

Лисичка услышала и говурит:

— Ну, Палачелка, вынеси чайнички, пирожки этому купцу, пускай покушает. Эта девка ушла да заслушалась.

Палачелка вишла, кот ударил топорчиком по головке и положил ее в свою сумочку.

Стал опять в гусли-самогуды играть и петь:

— Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,

Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна.

Лисичка услышала и говурит:

— Ну, Корешок, винеси чайнички и пирожки. Эти девки заслушалися и прийти не хотят.

Корешок винес чайнички и пирожки, кот ударил его по головке и в сумочку положил.

Кот стал опеть стал играть и петь в гусли-самогуды:

— Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна.

Лисичка услышала и говурит:

— Ну, Малышок, вынести чайнички и пирожки. Эти негодные все заслушались и прийти не хочат.

Малышок вишол, винес чайнички и пирожки, кот ударил его по головке и в сумочку положил.

Одна лисичка осталась. Кот опять начал в свои гусли-самогуды играть и петь:

— Брам-брам, гусельцы,
Брам-брам, липовые,
Где лисичка жила
В своем теплом гнезде,
У ней девка Чучелка,
Другая — Палачелка,
Сын Корешок,
Да другой — Малышок.
Сама лиса
На лицо красна.

Лисичка услышала и говурит:

— Эти негодные все заслушались, я разве сама пойду.

Лисичка вишла, чайнички, пирожки винесла. Кот ударил по головке и положил в сумочку. Лисичку убил.

Вошел в лисичкино гнездо. Взглянул — на шкафу стоит белый чайник. У этого чайника крышечка шевелится. Взял, крышечку открыл — петушок лежит.

Взял этого петушка, принес себе домой. Лисичку со всеми детями всех высушил и продал купцу и [набрал] всякой разности.

Стали жить да поживать и до таперя.

35. ЗАЯЦ И ОВЦЫ

Заяц бежал топиться с горя:

— Что я за несчастный! — говорит. — Хуже всех на свете: всех боюсь, а меня никто не боится!

Только увидало его стадо овец и кинулось бежать. Остался заяц.

— А еще есть же, которые меня боятся, — сказал.

36. ТЕТЕРЯ

Тетеря зимой каждую ночь собирается строить дом; как смеркнется, она и зарывается в снег, а сама говорит:

— Нет, завтра беспременно стану дом строить.

А утром обогреет — опять и забыла.

37. МЕДВЕДЬ И БРЕВНО

Медведь захотел полакомиться медом. Ходит, топчется возле пасеки, но побаивается. Хозяин это заметил и повесил над ульем бревно, потому что медведь пакостил ему уже не раз, охотился за медом.

И таким путем в одно прекрасное время медведь насмелился и пришел за медом, чтобы полакомиться. А тут привешено бревно. Медведь взял его в охапку крепко-накрепко и оттолкнул. Бревно откачнулось и полетело обратно к медведю, и сшибло его. Он поднялся и снова оттолкнул. И так много раз: бревно откачнется и летит обратно, сшибает да сшибает медведя. Тот злится, ишо сильнее раскачат. И до того качал, что бревно как ударит его — медведь тут и свалился. Потом еле ноги унес. Отвадился за медом ходить, так к нему и не пробрался.

38. ДРУЖБА СОБАКИ И КОТА

У одного крестьянина была собака, ее по имени звали Соболь. Конечно, собаки скоро старются и этот Соболь тоже состарился. Хозяин стал его ненавидеть. Стал его пинать ногами и бить палками, и гнать его со двора. Соболь свертывался в укромное место, лишь бы хозяин его не видал.

Однажды пробегал волк по улице, он увидал этого старого Соболя и спросил его:

— Что ты, Соболь, лежишь среди белого дня?

А Соболь и говорит ему:

— Не говори, брат, стар стал, хозяин стал мною гнушаться и стал гнать меня со двора, поэтому свернувшись приходится лежать на завалинке.

Тогда волк ему и говорит:

— Идем со мною, я прокормлю тебя.

Соболь обрадовался и побежал за волком. Приходят они в степь и увидали они там табун, волк сваливается и катается по земле, а потом соскакивает и спрашивает Соболя:

— Ну что, брат, глаза у меня красные?

А Соболь говорит:

— Нет.

Тогда волк сваливается обратно на землю и начинает валяться, повалялся и соскакивает и спрашивает Соболя:

— Ну как, глаза у меня красные стали?

А Соболь и говорит:

— Да, теперь красные.

В это время одна жирная кобыла заинтересовалась и стала подходить к ним. В этот момент соскакивает волк, схватывает кобылу за лен и сваливает ее. Когда перекусил он ей лен, кобыла стала недвижимая. Табун с испуга отдалился. Волк и Соболь стали кушать кобылицу. Дня через три кобылицу они закончили. Соболю показалось очень хорошо жить с волком, и думает на уме: "Как бы угостить волка". Соболь повел волка в деревню, приводит его домой. У Соболева хозяина была свадьба, Соболь и думает себе: "Вот удача была бы не плохая, если бы пробраться в избу да под стол".

Люди ходят взад и вперед, отворяют дверь, и вот между людьми Соболь и волк проскочили в избу, зашли под стол. Хозяин при гулянии был пьян. Соболь вышел из-под стола и стал лизать руки хозяина, а хозяин, увидя Соболя, стал гладить по голове и хвастать:

— Эх, когда-то у меня был Соболь в молодые года, находил он мне много добра!

Все гости слушали. Хозяин стал брать с тарелки мясо и подавать своему Соболю. Соболь не ел это мясо, а стал заемно гостить волка. Хозяин стал хвастать дальше, что его Соболь может пить водку. Наливает стакан водки и подает под столом Соболю. А Соболь берет этот стакан и подает волку. Так что хозяин в разгаре своего хмеля переподавал Соболю стакана три водки. Соболь глушил этой водкой своего друга — волка. Волк сталь сильно пьян. Когда гости запели песню, волк при хмеле тоже подтянул, тут все гости заревели: "Волк, волк!" Тогда Соболь потащил волка за хвост на двор.

— Давай скорее, брат, убирайся, а то обоим здесь не сдобровать.

Выскочили оба друга на улицу. Теперь, что делать, — надо будет удаляться в поле. Стали два друга скитаться то по полю, то по лесу, а ись было нечего, и Соболь голодный едва за волком ноги таскал.

Соболь тогда и говорит волку:

— У меня, брат, больше сил нет, вот упаду сейчас и лежать буду.

Волк ему и отвечает:

— Тогда ты здесь оставайся, а я пойду добывать себе добычу.

Соболь остался, с боку на бок поворачивается, ждет-пождет, а волка все нет да нет, и думает Соболь: "Ах, подлец волк, наверно, обманул меня и больше не придет. Лучше, пока ноги двигаются, надо шагать".

Соболь стал и пошел в деревню. Приходит в деревню, увидал — лежит кот на завалинке. Соболь и говорит коту:

— Что ты, котище, долгое хвостище, поляживаешь?

А кот сказал ему:

— Не говори, брат, когда был молодой и хорошо мышей ловил, тогда хозяин хорошо меня кормил, а вот как состарился, перестал мышей ловить, то хозяин бьет и гонит со двора.

— Тогда давай идем домой со мной. Я тебя прокормлю, — говорит собака.

Кот поднялся на ноги и поплелся за Соболем. В это время Соболь подбодрил себя, несмотря на то, что голодный. Приходят они в поле и увидали, что ходит

большой табун. Когда подошли к нему, то Соболь свалился и давай валяться, а когда повалялся, то встает и спрашивает у кота:

— Ну что, как у меня глаза — красные?

А кот ему отвечает:

— Нет.

Тогда Соболь сваливается второй раз на землю и давай валяться, а когда повалялся, соскакивает и спрашивает кота:

— Ну что, брат, покраснели у меня глаза?

А кот ему отвечает:

— Нет.

Соболь сваливается в третий раз, повалялся, соскакивает и спрашивает кота:

— Ну как, покраснели глаза?

А кот ответил ему в третий раз:

— Нет, не покраснели.

Соболь рассердился и сказал:

— Не может быть, чтобы они не были красными.

Соскакивается и бросается на жеребца. Хотел поймать жеребца за ногу и свалить его, а жеребец лягнул его прямо в лоб, и Соболь смертельно упал, а кот подскакивает к нему и думает, опять Соболь валяется, смотрит на него и говорит:

— Вот теперь твои глаза стали красные.

39. КОТ И ЛИСА

Был у мужика кот, да такой проказник, просто беда. Надоело мужику. Свез его мужик в лес да там и оставил.

Ходит кот по лесу, навстречу ему лиса:

— Откудова ты такой? Как тебя звать?

— Я таков из сибирских лесов Кот Котофеич.

— Пойдем ко мне жить.

— Пойдем.

Повела лиса кота в свою нору. Вот живут день, два, неделю. Лиса говорит:

— Оставайся, кот, а я пойду за припасами.

Остался кот, пошла лиса за припасами. Бежит лиса по лесу, навстречу ей медведь.

— Где ты, лисонька, пропадала? Давно тебя не видать.

— А взамуж вышла.

— А за кого?

— А есть таков из сибирских лесов Кот Котофеич.

— Как бы мне его посмотреть.

— Он у меня сердитый. Кое-кто не по ём — сейчас съес. Приготовь подарки, приходи познакомься.

Бежит лиса дальше. Навстречу ей волк.

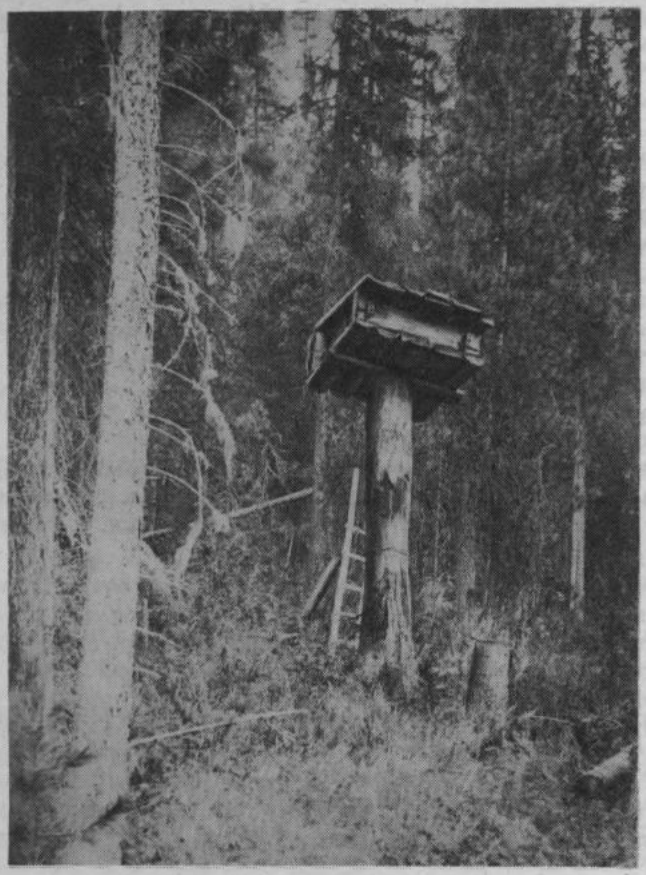
— Где ты, лисонька, пропадала? Давно тебя не видать.

— А я взамуж вышла.

— А за кого?

— Да есь таков из сибирских лесов Кот Котофеич.

— А как бы мне его посмотреть.



Лабаз на мысу Кала-Илим
Фото Г.А. Леонова. 1928 г.

— Он у меня сердитый, кое-кто не по ём — сейчас съес. К ему без подарков нельзя ходить. Ладно. Приготовь что-нибудь, приходи познакомься.

Медведь приготовил быка, волк — целого барана. Бежит заяц. Медведь крикнул:

— Ну-ка, косой, иди-ка сюда!

Прибежал косой.

— Ну, косой, знаешь, где лиса живет?

— Знаю.

— Поди, скажи: подарки приготовили, пусь идут.

Побежал заяц к лисьям.

— Ждут тебя, подарки приготовила.

Побежал заяц обратно.

— Сейчас придут.

Волк говорит медведю:

— Ну, ты залезешь на лесину, а я не заберусь. Я лягу, ты закрой меня листьями, хвоей.

Закрыл его медведь, заклал его сучьями, листьями. Сам залез на лесину.

Идут лиса с Котом Котофеичем. Стали подходить, кот увидел быка, шерсть на ем взъерошилась, спину выгнул и закричал:

— Мяу, мяу!

Медведю слышится со страха.

— Не велик зверь, а прожористый, нам четверым много, а ему одному мало.

Захотелось и волку посмотреть, да сквозь кустов не видно. Стал он нос высавывать. А кот думал — мышь, вцепился в волчью морду. Медведь испугался:

— До меня дело доходит!

Спрыгнул медведь с лесины да бежать. С тех пор звери разошлись по своим сторонам.

И вся сказка.

40. [СКАЗКА О ВОЛКЕ И СВИНЬЕ]

Собирались волки в вечера долги.
Они задумали думу:
— Жить-то нам весело,
А есть-то нам нечего.
У попа была свинья
Воровастая,
Чуть с двора взбрела —
Прямо к мужику в овес.
Негде взялся серенькой волчишко,
Взял свинку за щетинку,
Положил на спинку
И понес, куда надо.
Донес до зыбучего болота,
Торк свинку на кочку.
Свинья Богу помолилась,
Низко волку поклонилась:
— Волченёк, волченёк,
Отпусти меня на годок,
Я тебе принесу
Поросят табунок.
— Нет, ты — свинья, ты часто мигаешь,
А меня, серого волка, не обманешь.
У меня был дедушка-ловец
Ел свиней и овец.
И тебе пришел конец.
И съел свинью.

41. ЛОШАДЬ И ТИГР

Тайга наша уссурийская богата тиграми. Хитрые они и злые, ничего не боятся. Бывали случаи, что и на человека кидались. Вот как-то поехал один мужик в тайгу по дрова. Распряг лошадь, а сам дрова рубить пошел.

В это время тигр прыгнул на лошадь и зарычал:

— Я тебя съем, запорю.

А лошадь говорит:

— Сначала давай поборемся. Если одолеешь, тогда съесть можешь.

— Давай, — говорит тигр, — с чего начнем?

— Давай через реку прыгать, — сказала лошадь.

Тигр согласился.

Первой прыгнула лошадь с берега, а на другой берег не смогла допрыгнуть, посреди реки упала и вплавь добралась до другого берега.

Потом тигр прыгнул — и разом перемахнул на другой берег.

— Теперь я тебя съем, — сказал тигр.

— Погоди, — говорит лошадь, — я тебе задачу задам: давай бить ногами о камень, у кого полетит огонь?

Тигр согласился.

Подошла лошадь к камню и стала его подковой бить, из камня искры полетели веером.

Потом тигр стал лапой бить камень, но у него ничего не получилось, только лапы поранил.

Испугался тигр, убежал за холм и лег там, начал следить за лошадью.

Подошел к тигру серый волк и спрашивает:

— Что ты так трясешься?

— Едва живой ушел от зверя страшного, от лошади, — ответил тигр.

— Врешь ты все, — сказал серый волк, — я-то уж их поедал за свою жизнь. Покажи мне эту лошадь, и я ее сейчас же съем, при твоих глазах.

Поднял тигр волка повыше, чтобы виднее было, зажал его в своих лапах да так сильно, что тот и дух испустил. Тигр-то этого не замечает и спрашивает уже сдохшего волка:

— Ну что, видишь?

А волк молчит.

Рассердился тигр и бросил волка на землю, только тогда заметил, что волк мертвый. Покачал тигр головой и говорит:

— Говоришь, что лошадей едал, а сам только увидел ее — и то сдох. Болтун.

42. ПРО КОШЕЧКУ

Жила-была кошечка. Старики примерли. Ей деться некуда, она пошла. Пришла к гусю:

— Гусь, пойдем со мной, будем дом строить.

— Нет, мне в камышу тепло.

Пришла к петуху.

— Пойдем, петух, зимовье строить.

— Нет-нет, мне на суку тепло.

Пошла кошечка к барану.

— Баран, баран, пойдем избу строить.

— Нет-нет, мне на дворе тепло.

Пошла кошечка, всплакнула, руками взмахнула. Запрягла пестру кобылу. Поехала в лес, нарубила дров, срубила избушку. А рубила она: тяп-ляп, тюк-люк, тяп-ляп, тюп-люп! — изба готова.

Стала окошки пилить: тилим-пилим, тилим-пилим, тилим-пилим... Окошко есть. Тилим-пилим — друго.

Вот теперь построила, печку склала. Сидит. Теперь прозимует. Идет гусь.

— Га-га-га! Кто на нашей дорожке замок поставил?

— Кошечка.

— Пусти прозимовать.

— А-а, я тебе говорила, красноносому, дак ты!..

— Ты меня не серди! А то с потолка всю землю ссыплю!

— Но, иди, садись к окошечку.

Идет Петух.

— Ку-ку-реку! Кто же тут живет?

— Гусь да кошечка.

— Кошечка, пусти прозимовать.

— Я тебе говорила, красноперому, дак ты!..

— Ты меня не серди, мох повыдерыгаю!

Она заплакала, пустила. Сидят у окошечка.

Идет баран.

— Бя-а-а. Кто тут построил замок на моей дорожке?

— Кошечка.

— Пусти прозимовать.

— Я те говорила, круторогому, дак тебе во дворе тепло!..

— Ты не серди, разобью твою избу! Как смаху рогом дам — и готово.

Пустила его кошечка, посадила к третьему окошечку. Сама сидит на предпечике. Идет заяц.

— Кто же тут поселился?

— Кошечка, гусь, петух и баран.

— О-о! Гусятину и баранину люблю!

Ниоткуль берется гусь — цоп его за хвост. А у ушкана хвост-от ране вот какой был! Петух глаза выколол, баран как саданет — кишки вылетели! Теперь кошечка нос переела. Притащили. Баран толкует:

— Но-ка, Гусев, воды тащи, а ты, Петухов, дрова руби, а ты, Котофеевна, готовь. А я буду мясо рубить.

Вот гусь говорит раз:

— Кто бы мне перчатки связал?

Кошечка взяла веретешечко, села у окошечка и давай прясть. Идет к избушке лиса.

— Кто же тут поселился?

— Гусь, петух, баран да кошечка.

— О-ой, я гусятину, петушатину да баранину люблю!

Тут петух как прыгнет — сразу ухватил за глаза, гусь — за хвост, а кошка — за нос. Баран как рогом крутым-то поддел — кишки разорвал.

— Но, Гусев, опеть иди по воду, Петухов, дрова руби.

Наварили, нажарили. Наелись.

Вот петух говорит:

— Ох, Котофеевна, мне бы связала шапочку.

Она садится за окошко, берет веретешко и прядет. Шапку связала. Идет волк.

— Кто же тут живет? Кто на нашей дорожке поселился?

— Петух, гусь, баран и кошечка.

— Ого! Давно не едал баранины!

Тут как баран прыгнет да рогом-то... Сразу разорвал шкуру. Гусь — за хвост. Петух глаза выклявыват — у него же нос-то вострый, а кошка знат нос перекусат. Живо тут обделали, все. Опеть гусь пошел по воду, а петух — дрова рубить, баран — мясо рубить, а кошечка начала жарить.

Вот раз баран и говорит:

— О-ё-ё, мне как бы кустюм связать шерстяной из волка.

Кошка ошиньгала волка. Берет веретешко, садится к окошку, прядет. И связала ему кустюм хороший.

Идет медведь.

— Кто тут поселился?

— Гусь, петух, баран да кошечка.

— О-о, хватит мне поись и тут же ночую!

В этот момент кошка прыг — медведя прямо за нос. Он повернулся, а тут петух глаза клюет, баран рогами поддает — разорвал шкуру, гусь за хвост дергат. Вот гусь опеть по воду пошел, петух — дрова рубить, баран — мясо рубить, а кошечка варить взялась.

Живут дальше. Кошка и толкует:

— Эту теперь шкуру мне — на ковер.

Сделала ковер, живут дале.

Вот подходит тепло. Прилетела кедрушка на кишки. Прилетела ронжа, по-ученому она сойка. Теперь прилетел ворон:

— Корму, корму мало!

Как кошка прыгнула — поймала ворона, все разлетелись. Но, имя́ хватило мяса тут.

Теперь подходит весна, надо расходиться имя́. Петух попрощался:

— Пойду почищу перья, червячков поищу. Котофеевна, спасибо, к нам заходи!

Гусь:

— Я пойду умоюсь. Спасибо, Котофеевна, ко мне в гости заходи!

Баран тоже:

— Прощай. Вот в таким-то углу буду трави́чку исти, ты ко мне заходи.

Вот кошечка пошла по гостям. Шла, шла, к гусю пришла:

— Здорово, Гусев.

— Я тебя знать не знаю.

— Как так? Ты же у меня зимовал!

— Ты не ври, я вот на воде всю зиму ночевал.

Кошечка всплакнула, рукой слезу смахнула, дальше пошла. Баран ходит.

— Здорово, Баран Баранович!

— Ты кто така?

— Я кошечка. Ты же у меня зимовал!

— Врешь. Видишь, я по лу́гу хожу да зелену травочку щиплю.

Опеть кошечка всплакнула, рукой слезу смахнула, глаза протерла, пошла дальше.

Петух ходит.

— Ку-ку-рику! Кто тут?

— Здорово. Я кошечка, ты у меня зимовал.

— Ты не ври! Я вот по лугу хожу да червячков ищу.

Вот кошечка всплакнула, слезу смахнула, пошла назад домой. Стала одна жить.

43. [МУЖИК И МЕДВЕДЬ]

Вот мужик пахал землю, а кони у него были плохие, никак не хотели пахать. Вот мужик и говорит:

— Ну, медведи!

Медведь услыхал, приходит и говорит мужику:

— Давай лошадей, они мои.

— Как твои? — спрашивает мужик.

— А ты на них кричал: ну, медведи!

Мужик и говорит:

— Ну ладно, я сейчас попашу, а ты маленько отдохни.

Вот мужик далеко уехал и повстречал мужика, он рассказал все ему и приехал назад. А медведь и спрашивает его:

— Кто это с тобой был?

Мужик отвечает ему:

— Я повстречал охотника. Он у меня спрашивает, не видал ли я волков, зайцев, медведей? Я говорю: "Не видал". А он спрашивает: "Что это у тебя там лежит возле воза?" А я ему говорю: "Колода". А он говорит: "Если это колода, то должна веревками увязана".

Медведь говорит:

— Ну, увязывай меня.

Мужик опутал веревками медведя и поехал пахать снова. И опять повстречал мужика, поговорил и назад вернулся. А медведь спрашивает:

— С кем ты разговаривал?

Мужик отвечает:

— С охотником. Он спрашивает у меня: не видал ли я зайцев, волков, медведей? Я сказал, что не видал. "А что у тебя лежит?" Я сказал, что это колода. А он говорит: "Если колода, то секир торчал бы".

Медведь говорит:

— Ну, воткни секир.

Взял мужик секир и как ударил медведя по голове — и убил его.

44. ВОЛК И ЛИСА

Надо мной история случилась сорок пять лет тому назать. Здесь была чума. В селе осталось пять коров. В ночь пропадало по сто голов. У нас была заимка верст пять. Я жил зимой там. У нас вышол запасик на рожэсво, мне не привезли чо-то. Лег. Голодному не спится. Услышал — ударили в колокол. Я взял мешок и пошел. "К свету схожу", — думаю. Вышел из ключа, иду. Попадатся волк навстречу и говорит:

— Мужик, спаси меня! За мной охотники гонятся.

— Да как я тебя спасу?

— А вот посади в мешок.

— Я посадил. Бегут наши это охотники.

— Зверя видел?

— Видел.

— Где он?
— Да вот убежал через дорогу.
Я им соврал. Он у меня на плече.
Пробежали охотники. Он меня спрашиват:
— Пробежали охотники?
— Пробежали!
— Но выпускай!
Я выпустил. Он отбежал немного, сял на (...):
— Я тебя съем!
Съем и съем. Ну, думаю, пропал, съес. Вдруг бежит из логу лисичка и говорит:
— Чо делаете?
— Да вот я жись спас, а он хочет съись меня.
— За добро всегда злом платят.
Потом говорит:
— Неужели ты, кум, в мешке был?
— Был.
— Не может бытъ!
— Да был!
— Не поверю. Но-ко, мужик, доржи мешок!
Доржу я мешок, он опетъ полез. Ковда залез, лисичка шопотом:
— Завязывай скорее!
Я завязал.
— Вот веха стоит, убей его.
Но я и сам знал, что убитъ надо. Пошел убил его и продал за три рубля. Товда дешовы оне были.

45. ПРО ЛИСУ И ВОЛКА

Петушок пошел на точок, а курочка — на грядочку. Принес петушок колосок, а курочка — маковочку. Ну, петушок говорит:
— Дедушка, дедушка, обмолоти колосок.
Он обмолотил.
— Бабушка, бабушка, спеки мне пирожок.
Спекла пирожок, положила на окошечко студитъ. Лисичка прибежала, украла. Взяла мак выковырила и пошла с тем пирожком менятъ пирожок на бычка. Пришла лисичка-сестричка к пастухам и говорит:
— Пастушки, пастушки, променяйте мне бычка-третьячка на маковый пирожок.
— Не-не, мы не променяем, иди дальше.
Пришла к другим и опять говорит:
— Променяйте бычка-третьячка на маковый пирожок.
Они променяли. Она наказывает:
— Смотрите, не ломайте пирожок, пока я за каменну гору не заведу бычка, да ломайте через голову.
Они сломали, а там маку и нет. Плачут они: ни бычка, ни пирожка. Она завела бычка за каменну гору, сделала санки, запрягла, села и поехала на бычку. Едет. Вот идет волк.
— Лисичка-сестричка, подвези меня.

— Ты мне саночки поломаешь.

Он ей отвечает:

— Да не, не поломаю. Позволь, лисичка-сестричка, я хоть одну лапочку положу.

А она говорит:

— Ну, и клади.

Ехали-ехали, он и говорит:

— Лисичка-сестричка, дай я положу и другую лапочку.

Она отвечает:

— Саночки поломаешь.

— Не, не поломаю.

— Ну, клади.

Потом он и говорит.

— Лисичка-сестричка, дай я и сам сяду.

Она отвечает:

— Не, ты саночки поломаешь.

— Да не, не поломаю.

— Ну, и садись.

Сел он, едут-едут, вдруг — хруст! Она и говорит:

— Я говорила, что саночки поломаешь.

— Да нет, это у меня орех был в кармане.

Еще раз — хруст!

— Ишь ты, обманщик, говорит — орех, а опять грустнуло.

— А это я другой нашел.

Маленько проехали, санки и развалились.

— Ишь ты какой. Вишь санки сломались, теперь иди руби дерево, санки сделать. Руби дерево прямое и кривое.

Сама осталась бычка караулить.

Волк пришел в лес, рубит и приговаривает:

— Рубись, дерево, крива-крива, крива-крива.

Он принес только кривое — санки не сделаешь. Сама пошла в лес, а волка оставила бычка караулить. Она ушла, а волк у бычка бок прогрыз, кишки выел, туда нагнал сорок-ворон и соломкой прикрыл. А он, бычок, лег, лежит. Лисичка пришла, сделала санки, стала бычка поднимать:

— Птрусь, птрусь, бычок.

А он не встает. Потом он встал. Она говорит:

— Ой, что это соломка прилипла.

Взяла и отлепила, оттуда сороки-вороны вылетели, он и упал опять. Волк бычка доел, лиса пошла, легла на дороге и притаилась, как спит.

Едет мужик, наловил рыбы и везет. Видит — лисица дохлая лежит. Он остановился, поднял ее и говорит:

— Вот старухе воротник хороший будет!

Взял за хвост и закинул ее на воз. Она ямочку прокопала в санях и рыбку кидает, кидает. Приехал старик домой и говорит старухе:

— Вот я тебе воротник хороший привез.

Вышла старуха, смотрит — ни рыбы, ни воротника, ничо нет. Лиса ту рыбку в кучки собрала, сидит и исть эту рыбку. Вот идет волк:

— Лисичка-сестричка, ты что ешь?

— Рыбку.

— Дай мне хоть головку обсосать.
— Ишь ты какой, поди себе налови.
— А де ловить?
— А там, пойдем покажу. Вот здесь толкай свой хвостище, как помелище.
Он затолкал. Она бегает по берегу и говорит:
— Мерзни, волчий хвост. Мерзни, волчий хвост. Мерзни, волчий хвост.
— Лисичка-сестричка, что ты говоришь?
— Я говорю: ловись, рыбка, большая и маленькая.
Когда он примерз, она ему говорит:
— Ну, вытаскивай, наловил.
Он дергнул, дергнул — хвост примерз.
Она кричит:
— Сюда, люди! Волка бить! Сюда, люди, волка бить! Сюда, люди, волка бить!
Люди прибежали, начали волка бить, хвост оторвался, волк побежал.
Лиса в это время в тесто залезла, в кострыке вывалялась, идет. Волк бежит, а она ему говорит:
— Волчику-братику, у тебя хвоста нету, а на меня чирви напали, ты меня довези.
Она села на него и приговаривает:
— Битый небитого везет. Битый небитого везет. Битый небитого везет.

46. [ЗА ДОБРО ДОБРОМ]

Повадилась медведица из леса в деревню ходить: то детишек попугает, то козленка утащит. Мужики решили ее убить. Ходили они в лес, ходили — и не могли ее поймать. Один мальчик Ванюшка говорит:
— А вот я поймаю!
Мужики ему не верят:
— Куда уж тебе там!
Собрался Ваня и пошел в лес. Шел, шел и набрел на медвежью избушку. В избушке был один маленький медвежонок. Побыл Ваня там и говорит, что:
— Я пойду сейчас домой. [Поиграл он с ним, че ли.]
Медвежонок говорит:
— Не уходи, поиграй со мной, или что ты умеешь еще делать.
Мальчик Ваня сказал, что он умеет рассказывать сказки. Мишутка сказал:
— Ну, расскажи, я буду слушать.
Долго рассказывал Ваня сказки, медвежонок все слушал.
Слышат идет мать-медведица. Ваня испугался и говорит:
— Надо мне убегать домой.
Мишутка говорит:
— Лезь пока на крышу.
Ваня залез, значит, спрятался там. Медведица учуяла запах человечий, говорит:
— Кто-то у нас был.
Мишутка говорит, что:
— Был у нас мальчик и такие мне хорошие сказки рассказывал. Я бы их всегда слушал.
Медведица говорит:

— Если хорошие сказки, то и я бы послушала.

Тогда Мишутка сказал, что мальчик еще не ушел, он еще у них. Позвали Ваню, и Ваня снова стал рассказывать сказки. Медведице понравились сказки, она попросила Ваню остаться у них жить [пригласила ли].

Медведица стала ходить на охоту, а Ваня с медвежонком все играли. Но Ваня все думал, как же медведицу привести в деревню. И он решил, значит, раскопать в крыше дыру. И когда пошел дождь, стало мочить медведице постель. Медведица стала сердиться. А Ваня сказал:

— Не огорчайся, бабка, я построю вам хороший дом, с хорошей крышей. Не потечет.

Взял гвозди, молоток, пошел подальше в лес и стал строить дом для медведицы. Дом построил он на колесах.

Когда, значит, пошел дождь, снова все в старом доме потекло, и мальчик сказал:

— Перебирайтесь в новый дом.

Медведица с медвежонком перешли жить в новый дом. А Ваня закрыл дверь и повез дом в деревню. Мужики увидели, прибежали бить медведицу, но Ваня не дал убивать медведицу с медвежонком. И медведица дала обещание в деревне больше никого не трогать. И вот Ваня увез их снова в лес.

47. МЕДВЕДЬ —ДЕРЕВЯННАЯ НОГА

Жил-был старик со старухой. Старуха и говорит:

— Старик, печку нечем топить, ты бы съездил в бор, привез дровец-та!

Вот старик запрег свою кобылицу и поехал в бор. Вот приехал, наклал сучков, глядит — медведь сидит около колоды. Вот мужик-то подкрался и ногу топором отсек, и скорее на кобыленку и домой. Приехал и говорит:

— Старуха, затопляй печь. Дров привез и мяса привез. Шерсть-та остряги, печь-та затопи, мясо-та вари, на шкуру-та сядь, пряди.

Старуха так и сделала: печь затопила, шерстку остригла, мясо варит, на шкуру села и прядет. Медведь проснулся, приделал ногу деревянную, идет поет:

— Скрипи, нога,
Скрипи, липовая,
Все люди спят,
Все поселки спят,
Одна бабушка не спит,
На моей шкуре сидит,
Мое мясо варит,
Мою шерстку прядет.
Как приду, так и съем.

Говорит старуха:

— Старик, ровно как медведь кричит.

А старик на печи лежит. Услыхал он, что старуха сказала, и говорит:

— Старуха, это ветер на дворе.

А медведь все так же начинает, ближе и ближе:

— Скрипи, нога,
Скрипи, липовая...

Старик говорит:

— Старуха, лезь на печь. А подпол-то открой. Как медведь-та зайдет, так в подпол и упадет, и мы его закроем.

Вот зашел медведь в избу и упал в подпол. Вот закрыли медведя, побежали по суседям: медведя бить. Ну, сошлись суседи, кто с лопатой, кто с топором. Вытащили медведя, убили его. Большущий был медведь.

Вот и сказке конец.

48. СЫНОВЬЯ

Жили на одной заимке баушка да дедушка. Было у них четыре сына да дочь, пять овечек да жеребушечка. Старшие сыновья выросли. Дал старик им по коню, запряг в телегу, привязал корову и вывел на дорогу и сказал:

— Младший, езжай туда, где восходит солнце. Средний — где садится, а старший — на праву сторону по мою руку.

Остались одни — баушка да дедушка, паренек да девушка, пять овечек, жеребушечка.

Долго ли, коротко ли ехал младший сын, видит — деревня, на краю избушка. Постучал — вышел старик.

— Пусти меня пожить.

А у старика была внучка — сиротинушка, в пургу погибли ие отец-мать. Баушка поплакала, померла. Живут старичок да деушка, горя мыкают. Починил он им стайку, заплот, навозил сена и женился на внучке. Стали жить-поживать.

Второй сын ехал, ехал, увидел кузню, спросил у кузнеца работу. Приглянулся он кузнецу, женился на ивонной дочери.

Третий сын видит бурятскую юрту в степи. Зашел, слепая старуха сидит да внучка с ней. Подсобил он имя по хозяйству, женился на внучке.

Старики живут одни. Тут она и зима пришла. Сделал дед стайку рядом с избой, чтобы дверь не заметало. Повадились волки ходить. Днем паренек да деушка наносят сена овцам да жеребушке, а ночью дверь избенную на замок и сидят. Совсем одолели волки. Пришли ночью и запели:

— Баушка да дедушка, паренек да девушка, пять овечек, жеребушечка. Отдай, дед, овечку.

Потолковали старики, отдали овечку. Така картина была, пока всех овечек не съели. Осталась жеребушечка. Ночью пришли волки и запели:

— Баушка да дедушка, паренек да девушка, жеребушечка. Отдай, дед, жеребушечку.

Потолковали старые, решили отдать жеребушечку, а то того и гляди до детей доберутся. Отдали жеребушечку. На другу ночь та же картина — поют голодные волки под окошком:

— Баушка да дедушка, паренек да деушка, отдайте деушку.

Говорит дед:

— Пойду я, век провековал, помереть можно.

Старуха зауросила, заголосила. А сын говорит:

— Сидите!

Сидели, пока не взошло красно солнце, голодны волки ушли. Паренек думал-думал, говорит:

— Завтра всех переловлю.

Пригласил утром сестру за сеном, а сам ей тайну поведал. Пришли они на зарод, начали рыть вниз дыру. Наверх положили вершу. Прорыли дыру вниз, а потом в сторону. Вылезли из лаза и домой пришли.

Настала ночь, снова запели голодны волки:

— Отдай, дед, хошь кого.

Парень говорит:

— Мама, топи печку, — а сам взял головешку с огнем, вышел на улицу.

Старики воют, жалко парня. А парень говорит волкам:

— Седни миня ешьте, только отойдемте подальше, а то косточки будут хрустеть, а старики будут реветь. Идите за мной.

Пришел к зароду, крикнул:

— Залезайте, а я в дыру залезу, сниму курмушку, ичиги, чтобы легче было вам ись. Как взреву, тожно прыгайте.

Прыгнул в яму с головешкой, раздул ее, сено загорелось. Крикнул:

— Скачите!

Че тут было! Сам вылез в дыру внизу, убежал домой. Пришел домой, старики ревут от радости.

Старуха от радости квашню ставит, а мука последняя. Утром взошло солнце, видят старики — бегут с трех сторон волки.

— Опять проклятые!

Разули глаза, это собаки, за ними с трех сторон сыновья едут. Кажный привез по корове, коню, овце да собаке.

Богато жить стали старики. До сих пор живут.

49. [О ЛИСЕ]

Жила-была лиса одна. Жила она, как взяла она этоть, лычку [это вот лыко дяруть-то]. Взяла лычку, шла, шла и увидала огонек. И увидала огонек, застучала:

— Стук-стук.

— Кто тут?

— Пустите меня ночявать.

— Ну, у нас так тесно: стан на стану, держа на полу.

— А мне немного местечка: сама — на лавочку, хвостик — под лавочку, язычок — на крючок.

— Ну ладно, иди.

Вот теперича ее пустили.

— Нате, спрячьте мою лычку.

Спрятали этой лычку. Она встала ночай, убрала ее, спрятала-эт, сама лиса. Теперича она утром встала и говорит:

— Давайте мою лычку-то.

Искали-искали, не нашли.

— Ну, за лычку давай курочку.

Ну, они дали ей курочку. Ну, она опять шла, шла. Дошла и огонек увидала.

— Стук-стук.

— Кто тут?

— Пустите меня ночявать.

— У нас так тесно: стан на стану, держа на полу. Ну, иди.

Пустили ее.

— Нате, спрячьте мою курочку.

Ну, спрятали этай курочку. Вот она ее опять убрала, съела.

Теперь она утром встает и говорит:

— Давайте мою курочку.

Нету, это. Искали-искали, не нашли.

— Ну, за курочку давайте гуська.

Ну, опять пошла она дальше. Стучить. Стучала. Опять пришла.

— Стук-стук.

— Кто тут?

— Пустите меня ночявать.

— У нас и так тесно: стан на стану, держа на полу. Ну, иди.

— Мне немного местечка: сама — на лавочку, хвостик — под лавочку, язычок — на крючок. Нате, спрячьте мово гуська.

Спрятали гуська. Утром встала она, этого гуська съела. Ночью встала и съела.

— Ну, за гуська давайте коровку.

Дали ей корову. Она шла, шла с коровой с этой. Опеть дошла. Опеть огонек увидала.

— Стук-стук.

— Кто тут?

— Пустите меня ночявать.

— У нас так тесно: стан на стану, держа на полу.

— А мне много места не надо: сама — на лавочку, хвостик — под лавочку, а язычок — на крючок.

— Ну, иди.

Они пришли.

— Нате, спрячьте мою коровку.

Спрятали. Она ночью встала, эту коровку убрала, съела.

Утром: нету коровы.

— Давайте за коровку лошадь.

Ну, это... Шла, шла. Видит — сани стоять. Она взяла. Шла, шла — узду нашла. И это взяла. Шла, шла — хомут с дугою нашла. Запрягла и поихала. Ехала, ехала — пятух идеть.

— Кума, кума, посади мене.

— Так чижало.

Ехала, ехала. Заяц идет.

— Кума, кума, посади мене.

— Так чижало.

— Кума, кума, посади мене.

— Ну, садись, такой-сякой косой заяц.

Сел. Вот их уже трое стало. Ехали, ехали. Идет волк.

— Кума, кума, посади мене.

— Так чижало.

— Кума, кума, посади мене.

— Ну, садись, такой-сякой волк.

Ну, сели. Ехали, ехали. Медведь идет.

— Кума, кума, посади мене.

— Так чижало.

— Кума, кума, посади мене.

— Ну, садись, такой-сякой косолапый медведь.

Поехали. Оглобля сломалась. Ну, петуха послали. Петух принес соломинку.

— Какая оглобля!

Зайца послали. Заяц принес, обгрыз хворостиночку.

— Какая это оглобля!

Послали волка. Волк притащил целую березку.

— Ну, это опеть не оглобля?

Медведя. Медведь это пошел, целую сосну притащил.

— Это опеть не оглобля!

Взяла топор и пошла сама. Шла, шла, нашла оглоблю. Вырубила, а они взяли брюхо разрезали лошади, кишки вытащили, растащили куда им надо, солому набили и зашили. И стоить она, ехать ей надо. А они разбежалися. Ехать надо. Лиса*, это, села:

— Но-но, но-но!

Ни с места. Вот она шла, шла. Куды деваться ей?

— Пойду я в лес.

Идеть по лесу, плачет. Волк идет.

— Ты че, кума, плачешь?

— Так и че же мне, горе такое. У меня, это, лошадь съели.

— Не плачь, кума, я тебе помогу.

— Как ты мне помогнешь?

— Ну, маленько погоди, маленечко подойдем. Будем с тобой, это, белену брать.

Ну, стали, играли-играли. Он ее взял поймал и разорвал.

И сказке конец.

50. ПРО КОЗУ-РЕЗУ

Жили-были старик со старухой. Решили они денег накопить да коровушку купить. Копили-копили — на корову не накопили. Тогда старуха говорит:

— Поезжай, старик, на базар, купи хоть козулю.

Поехал дед на базар, купил козулю. Привел домой и отправил старуху пасти козулю эту. Велел хорошо пасти.

Старушка пропасла ее и гонит домой. А дед сел в ворота и караулит. Вот пригнала старуха козу. Старик спрашивает:

— Коза ли моя козонька!
Ела ли, пила ли?

* В оригинале: она.

А коза говорит:

— Нет, дедушка, не ела, не пила.
Бежала по гребелке —
Ухватила воды капёлки,
Бежала по мосточку —
Ухватила калинова листочка.

Дед рассердился на бабку. Назавтре сам погнал пасти. Пас, пас — напоил, накормил ее там и домой погнал. Когда стал к дому подходить, ее опередил и опеть в воротах сел. И опеть спрашиват:

— Коза ли моя козонька,
Ела ли, пила ли?

А она отвечат:

— Нет, я не ела, не пила.
Я бежала по гребелке —
Ухватила воды капёлки,
Бежала по мосточку —
Ухватила калинова листочка.

Но, тут дед рассердился на козулю, поймал ее на веревочку и давай резать. Когда резать стал, она порвала веревку и убежала.

Убежала эта козулька в лес и залезла там в зайкину избушку. Зайка был на охоте как раз. А она забралась на печку и сидит.

Вот зайка пришел, открыл дверь и спрашиват, кто это в его избушку без спросу залез. Она отвечат:

— Я коза-реза!
За три гроша куплена,
Полбока луплено.
Заколю тебя рогами,
Топы-топы́ ногами,
Ногами затопчу,
Хвостиком замету!

Зайка испугался и побежал. Бежит, плачет. Встречи ему идет петушок. Зайка петушку пожаловался, дескать, какой-то неведомый зверь залез в его избушку да ишо напугал всяко. Петушок говорит:

— Пойдем, я этого зверя прогоню.
— Да как ты его?
— А увидишь.

Но, пошли они, пришли к избушке, открыли дверь. Петушок поет:
— Кукурику-у! Кто в зайкину избушку залез?
А коза отвечат ему таким же образом:

— Я коза-реза!
За три гроша куплена,
Полбока луплено.
Заколю тебя рогами,

Топы-топы ногами,
Ногами затопчу,
Хвостиком замету!

Петушок ниче, не испугался и говорит ей:

— А я иду на ногах
В красных сапогах!
Несу косу по самы плечи!
Слезай, коза, с печи!

Тут коза испугалась, соскочила с печки и убилась. И они давай ее свежевать. Так зайка с петушком и подружились, вместе стали жить.

51. РЕПКА

Посеял дед на баню в парничок репку. Выросла репка, надо ее дергать. Залез дед, а бабка-то к парничку забраться и не может.

Посадил ее тогда дед в мешок, взял мешок в зубы; руками-то и самому держаться надо. Лезет дед, осталось уж немного, а бабка-то в мешке и спрашивает:

— Дед, скоро?

А дед ей:

— Скоро, старуха, скоро!

Мешок у деда из зубов и выпал. Упала бабка и убилась насмертъ. Загоревал дед. Как жить без старухи! Хоронить ее надо.

Причётальниц искать ехать! Запряг свою худеньку лошаденку и поехал собирать причётальниц. Едет лесом.

Попадает ему навстречу зайка.

— Далеко, дед?

— Причётальниц искать!

— Возьми меня!

— А умеешь ли причитать?

— Умею!

— Как?

— Была старушка добрая, пекла блинки теплые, овсянички мягкие!

— Садись, заяц!

Поехали они дальше. А навстречу им лиса. Спрашивает она их:

— Далёко поехали?

— Причётальниц искать.

— Возьмите меня.

— А умеешь ли причитать?

— Умею, дедко, умею!

— Как?

— Была старушонка добрая, пекла блинки теплые, овсянички мягкие!

Взяли с собой и лису. Едут дальше. Повстречали волка, потом медведя. Набрал дед зверей — причётальниц полон воз и едет он дальше. Много ли, мало ли ехали, сломалась у них оглобля. Дед и говорит зайцу:

— Иди, косой, выруби на оглоблю деревинку.

Пошел заяц, долго ходил, принес прутик тоненький, маленький.

— Не годен этот, — говорит дед.

— Иди ты, лиса!

Пошла лиса, принесла прутик потолще.

— И этот не годен, — дед говорит. — Иди ты, волк!

Пошел волк и несет толстенную деревину.

— Нет, это сильно толстая, не годится на оглоблю!

— Неси, медведь, ты! Да потоньше, да березовую!

Пошел медведь. Принес медведь толстенную березу. Не годилась и эта. Разозлился на них дед да и пошел сам в лес.

Ходил он, ходил, приходит назад, приносит деревинку на оглобельку. А зверушки тем временем распороли лошади брюхо, съели все изнутри, нарвали моху, набили им шкуру и ушли. Приходит дед, видит — лошадь пропащая лежит, расстроился он.

Пошел пешком домой, один, без причётальниц, так и схоронил свою старуху. Стал жить-поживать один. И по бабке слёз, пока с лавки снёс.

52. [МЫШЬ И ВОРОБЕЙ]

Вот мышь да воробей сошлись вместе жить. И вот давай хлеб оне таскать. Таскали [*неразб.*] по кулю́ натаскали. Одно зерно лишно оказалось. Воробей говорит:

— Я лишно приташшил.

Мышь говорит:

— Я лишно приташшила.

И давай оне спорить, да вай-ка оне дратца. Воробей пошел своему начальству — орлу, а мышь — льву: давай объявление, объявили, давай воевать, войска собрали. Лёв собрал всех своих зверей и орел своих. Воробей одолят мышь. Звери ничо не могут поделать. За птицей побежат, в воздух подыметца или в воду унурнет — совсем зверь замучился. Война шибко жестокая была. Когда лев с орлом сошлись, давай разговаривать, умные люди нашлись, — что как его сделать: зерно разделить, и вот присудили напополам его зерно разделить и половину воробьёшке дать, половину мышке. Мышка говорит:

— Я буду ломать.

А воробей говорит:

— Я буду ломать.

Ну, и присудили воробью ломать. Воробей склюнул и сразу проглотил, спрокнул и улетел. Мышь осталась со стыдом, как с горячим пирогом, с красными глазами, с колючими усами. И вся публика поворотила и разошлась по своим местам, как зверь, так и птица. И до тепере живут: мышь с воробьем вместе не сходятся. Конец.

53. [ЖУРАВЛЬ И ГАГАРА]

Жил журавль и гагара. Журавль задумал жениться. Вот он пошел. А через реку было. Пошел к гагаре свататься. Вот он брел, брел, брел. Брел, брел, прибрел, пристал — а через речку. Ага!

— Ну, гагара, я пришел к тебе посвататься, давай сойдемся и будем жить.

Гагара и говорит:

— Ага, журавль, ты большой, тебе штаны надо большие, рубаху надо большую, а я гагара, маленькая, много ли надо? Нет, не пойду.

Вот журавль побрел домой. Опять брбл, брбл, брел — прибрел, лег на печку, лежит.

Гагара ета: "А, дура, че же я не пошла замуж за журавля. Приходил ведь свататься".

Вот ета гагара побрела через реку тоже. Вот она брела, брела, брела, прибрела:

— Ну, журавль, я сдумала.

Он на печке лежит:

— Нет, гагара, я раздумал, не буду жениться.

Ну, она посидела, повертелась, пошла домой. Тоже брела, брела, брела, прибрела. Ага. Ну, и потом все-таки и журавль ходил к ей, и гагара к ему ходила. И так они и не поженились, так и не сошлись. Вот все.

54. ВОРОБЕЙ

Сидел воробей на воротах. Видит — идет кое-как собака — и спрашивает:

— Что же ты, кумушка, плохо идешь?

— Другой день, куманек, не едала.

Воробей сказал:

— Пойдем, я тебя накормлю, — и полетел на базар.

Сначала он полетел в мясную лавку, вскочил на прилавок и бросил собаке кусок мяса. Та съела и говорит:

— Надо хлеба.

Воробей полетел в хлебную лавку и бросил собаке кусок хлеба. После этого пошли в молочную лавку, и воробей бросил собаке кринку молока. Собака вылакала молоко и отправилась вместе с воробьем к воротам. Воробей сел на ворота, собака растянулась перед воротами.

Едет мужик на двух лошадях и везет бочку вина:

— Собака, убирайся с дороги, не то задавлю.

Воробей говорит:

— Смей только задавить моего друга! У тебя и трубка изо рту вылетит.

Мужик поехал и задавил собаку. Воробей сел на кран и выдернул. Вино выбежало. Мужик и сказал:

— Ох ты, эдакой!

Потом воробей на лошадь сел и стал клевать ее. Мужик топор взял и бросил в воробья, но в воробья промахнулся, а лошадь заколол. Воробей пересел на другую и стал ее клевать. Мужик схватил опять топор и махнул в воробья, но и другую лошадь убил, а воробей остался.

Мужику осталось не на ком ехать, и он пошел пешком. А воробей полетел и сел на поле к мужику — рожь клевать. Мужик пришел домой, баба и спрашивает его:

— Купил мне платок, ребятам пряников?

— Уйди ты от меня, Дарья.

Между тем прибежали ребятишки и сказали:

— Тятя, у нас кто-то рожь клюет.

Он говорит:

— А, это, поди, опять тот злодей.

Воробей прилетел на окно и говорит:

— Этого еще тебе мало, ты еще лишишься жизни за то, что моего друга убил.

Воробья поймали. Мужик и говорит:

— То ли колоть, то ли резать, то ли съись, али проглотить.

Ребятишки говорят:

— Проглотить этого вредно, — и стали его колоть.

Мужик стал держать, а баба топором рубить и воробья не зарубила, а отрубила у мужика руку. Воробей улетел, а мужик умер.

55. [О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ]

Вот завелся в море ерш-ершишка, маленький щепетишка, он ходит-похаживает, мелкую рыбку попугивает. Вот пошла мелкая рыба к сому, просьбу подавать:

— Сом, сом, с большим усом, рассуди нас с ершом.

— Ах, милые дети, некогда мне вас судить, надо избушку курить, у меня жены дома нет. Идите из коробки в коробку, из коробки в водовозную крепость, там есть судак-недурак, он вас рассудит с ершом!

Вот пошли из коробки в коробку, из коробки в водовозную крепость.

— Судак-недурак, рассуди нас с ершом.

— Ах, милые дети, некогда мне вас судить, надо избушку курить, у меня жены дома нет. Идите из коробки в коробку, из коробки в водовозную крепость, там есть щука-белобрюха, тонки губы, остры зубы, она вас рассудит с ершом.

Вот пошли из коробки в коробку, из коробки в водовозную крепость.

— Щука-белобрюха, тонки губы, остры зубы, рассуди нас с ершом.

— Подайте милого ерша!

Ерш видит — дело не менуче, заткнул ⟨...⟩ онучей, подпоясался мочалом, стал у щуки пред началом.

— Уж ты щука-хитра, но не съешь ерша с хвоста!

Щука осердилась, на ерша бросилась,выхаркнула назад — колючий шибко. Ерш опять ходит-похаживает, мелку рыбочку попугивает. Вот пошел он на морские озера, попадается ему навстречу осетр:

— Здравствуй, брат ерш!

— Здравствуй, осетр!

— Куда тебя Бог понес?

— Я пошел на морские озера, где потонули три корабля с мукой, пойдем и ты со мной!

Вот пошли они. Осетр идет, хворостья воз везет, а ерш идет, только трава считается. Сбил он кожу до мяса, с мяса до ребер, а с ребер до ⟨...⟩

— Стой, брат ерш, здесь рыболовы живут, они нас вытащат на берег!

— Я небольшу дырочку найду, вынурну — уйду, а тебя вытащат на берег!

Вот рыболовы закинули невод и вытащили их обеих. Ерш небольшу дырочку нашел, вынырнул — ушел, а осетра вытащили на берег.

— Стойте, ребята! Рыба больша ушла!

Закинули невод, вытащили ерша, разрубили его на девять банных котлов, собирались его есть девять человек, шесть Матрен, да Лука с Петром, и я нашей породы. Косой дьякон прибежал, этого ерша измякал.

— Вот стойте-постойте, казачьи постройки, молодецки попойки. Козачень-ка молодой, доведи меня домой, да перины перебей. На перине лежит Катерина, перед ней стоит детина, он и просит, умоляет, на колени припадает:

— Уж ты, Катенька-Катюша, если любишь, так скажи, а не любишь, откажи!

Как у нашей Марьюшки хата не метена, полна сора накоплена, приехали московские гости, взяли сору по горсти, пришел капитан, нагреб сору карман, пришла попадья, подол сору нагребла. Из улицы в улицу едет петух на курице, едет барыня в тележке, продает орешки копеек по девяти!..

56. СЛЕПЕНЬ И КОМАР

Собрались однажды слепень с комаром в деревню людей зорить. Прилетел комар к слепню ночью и зовет:

— Полетим деревню зорить.

— Нет, не полечу, кафтан замочу, — отвечает слепень.

Наступил полдень, жара. Прилетел слепень к комару и зовет:

— Полетим в деревню людей зорить.

— Нет, не полечу. Всю ночь гулял, не спал, голова болит, — отказался комар.

57. [ТЕРЕМ МУХИ]

Поехал мужик на пашню, потерял доро́гой рукавичку. В етой рукавичке завелась вша, потом летит блоха:

— Кто в тереме живет? Кто в высоком живет?

— Я — вша-поползуха.

— Пусти меня, блоху-поскакуху жить.

— Ну, иди!

Летит муха, видит рукавицу.

— Кто в тереме живет? Кто в высоком живет?

— Вша-поползуха да блоха-поскакуха.

— Пустите меня, муху-шуму́ху.

— Иди, — говорят.

Потом летит комар:

— Кто в тереме живет? Кто в высоком живет?

— Вша-поползуха, блоха-поскакуха да муха-шумуха.

— Пустите меня, комара-пискуна.

— Ну, иди!

Потом летит воробей:

— Кто в тереме живет? Кто в высоком живет?

— *Вша-поползуха, блоха-поскакуха, муха-шумуха да комар-пискун.*

— *Пустите меня, воробья-дристуна.*

— Ну ланно, иди!

Бежит ушканчик:

Кто в тереме живет? Кто в высоком живет?

— Вша-поползуха, блоха-поскакуха, муха-шумуха, комар-пискун да воробей-дристун.

— Пустите меня, ушканчика сероглазенького.

— Ну, иди!

Бежит лисица:

— Кто в тереме живет? Кто в высоком живет?

— Вша-поползуха, блоха-поскакуха, муха-шумуха, комар-пискун, воробей-дристун да ушканчик сероглазенький.

— Пустите меня, лисицу-подхилый хвост.

— Иди!

Идет полем волк, увидел рукавицу, походил вокруг и спрашиват:

— Кто в тереме? Кто в тереме живет?

— Вша-поползуха, блоха-поскакуха, муха-шумуха, комар-пискун, воробей-дристун, ушканчик сероглазый да лиса-подхилый хвост.

— Ну, пустите меня, волка серого.

— Иди!

Живут все вместе. Ланно. Лисица спрашиват волка:

— Кум, а кум, кто у нас хорошенький?

— Нате-ка! Ты хороша, ушканчик хороший, воробей хороший, комар, муха, блоха — все хороши, вот вша не хороша.

— Давайте вшу съедимте.

— Ланно, съедим.

Съели вшу. В другой раз опять лиса спрашиват:

— Кум, а кум, кто у нас хорошенький?

— Да все хороши — ты хороша, ушканчик хороший, да и другие хороши, вот блоха не хороша.

— Давайте блоху съедим.

— Ланно, съедим.

Съели и блоху. И так до тех пор, пока остались только волк да лиса.

У них масло в кадочке было. Лиса и говорит:

— Кум, а кум, меня завтра в баушки придут звать, разбуди: может, крепко усну.

Лежит она на голбичке и стучит хвостом.

— Кума, вставай, в баушки зовут!

— Ну ланно.

Убежала на вышку и ес там масло. Наелась, приходит, волк спрашивает:

— Кого Бог дал?

— Починушку. Кум, завтра опеть будут звать, так разбуди.

Утром опеть лежит и хвостом стучит, волк кричит ей:

— Кума, вставай, за тобой пришли.

— Ланно.

Лисица убежала, забралась на вышку, наелась масла и домой пришла.

— Кого Бог дал?

— Середышка. Завтра опеть разбуди.

Опеть утром хвостом стучит.

— Кума, за тобой пришли!

Убежала лиса опеть на вышку и все масло съела. Приходит.

— Кого Бог дал?

— Последыша.

Полез волк зачем-то на вышку — хвать — масла-то тю-тю!

— Это ты, кума, съела!

— Ну, да — это ты, кум!

Спорили-спорили, лиса и говорит:

— Затопим печку и станем к ей ⟨...⟩, у кого вытопится, тот и съел.

Ну, стоят перёд печкой. Волк стоял-стоял да и уснул, а лиса ему ⟨...⟩-то взяла да маслом вымазала. Будит:

— Кум, посмотри, не вытопилось ли у меня?

Волк посмотрел:

— Нет, у тебя нету, кума.

— Ну, а у тебя погляди.

Оглянулся волк, а с хвоста масло стекат:

— Верно, я съел!

Вот живут, исть больше нечего, вот лиса и говорит:

— Пойду, хоть рыбы половлю.

Пошла, сидит у дороги, видит — бочкари едут. Она легла на дорогу, как пропашша. Подходят мужики, один взял лисицу и бросил себе в воз. "Воротник годится".

Едут себе. Лисица прогрызла бочку и давай выбрасывать по рыбке, много набросала и сама сползла. Собрала рыбу в кучку и зовет волка:

— Кум, а кум! Иди, помоги мне!

Пришли, рыбу в корзину сложили, принесли домой — поели с неделю, чо ли. Опеть исть нечего. Вот волк говорит:

— Как ты ето, кума, рыбу-то ловила? Покажи, я пойду половлю.

Повела его на реку к прорубе, села, опустила в прорубь свой хвост и говорит:

— Вот так, кум, сядь.

Волк сел, хвост опустил в прорубь и сидит, а лиса кругом бегат да приговариват:

— Ясней, ясней на небе звезды, примерзай волчий хвост!

— Ты, кума, что-то не ланно говоришь.

— Нет хорошо, а то рыбы не будет. Ну, сиди, я за корзинкой пойду.

Побежала в деревню, видит — у бабы квашня стоит, она ето морду в квашне макнула, ее тестом облепило. Побежала на реку, стонет, а волк бежит ей навстречу весь в кровишше, без хвоста.

— Что же, кума, ты меня омманула? Рыбы не поймал, да ешшо так наколотили, еле вырвался.

— Ох-ох, кум, меня всю изувечили! Видишь, видишь, через силу к тебе на помощь шла.

— Ну, кума, садись на меня, я тебя донесу.

Лиса забралась на волка, он ее поташшил, а она сидит да поет:

— Бит небитого несет.

— Ты чо, кума, там говоришь?

— Ничего, кум, так, от болезни я.

Принес ее волк и ушел в лес один.

58. О МЫШКЕ ДА ПУЗЫРЬКЕ

Король на короле. Все на гладком месте, как челнок на прошесте. Жили-были мышка да пузырек. Говорит пузырек:

— Пойдем, мышка, по сарафонски ягодки.

— Пойдем!

Взяли по туесочку, подорожников да пошли вместе. Шли, шли, дошли до речки. Речка течет. Стали они мост мостить. Пошла мышка згрызла соломинку. Згрызла, притащила, через речку мост намостила и отправляет:

— Иди, пузырек, вперед ты!

А он ей:

— Нет, ты, мышка, наперед иди.

А она ему:

— Я мостила, а тебе вперед идти, пузырек!

— Нет, ты настилала, ты и иди попереди меня!

Мышка пошла. До средины дошла и упала в воду. А пузырек стал смеяться! Хохотал-хохотал да и лопнул — ничем взялся.

Еще под крыльцом у них яма была и там вода, да там щука да елец, ну и сказке конец.

59. СТАРИК И ДРОЖЬ [ДРОЗД]

Жили-были старик со старухой, люди были бедные и жили в худой избенке. Старуха сказала старику:

— Ступай, старик, в лес да наруби дров — топить нечем.

Пошел старик в лес. Идет лесом и видит — стоит толстый гнилой пень. Старик ударил обухом пень. Вскочил дрожь:

— Чего, старик, хошь?

Испугался старик, а все-таки промолвил:

— Изба худая, жить нельзя!

— Иди, старик, домой, все будет готово, — сказал дрожь и скрылся.

Вернулся старик домой и надивиться не может: на месте старой избенки стоят высокие и светлые хоромы, а в них его старуха ходит и управляется по хозяйству.

Прошло так несколько дней, и старуха говорит старику:

— Живем мы в этаких хоромах, а есть-пить, надеть нечего, да и ходим мы в таком худеньком платьишке. Поди в лес, старик, и попроси хлеба и платья да и про деньги не забудь, попроси хоть малость на нашу нужду.

Пошел старик в лес, ударил обухом пень. Выскочил дрожь:

— Чего, старик, хошь?

— Пить-есть нечего и одеться не во что, да и деньжонок малость надо бы!

— Иди, старик, домой, все ладно будет, — сказал дрожь и скрылся.

Вернулся старик домой и видит: старуха его ходит по хоромам разодетая, словно барыня; во дворе стоят амбары полнехоньки хлеба, в подвалах целые бочки с медом и пивом, а в избе в углу стоит большой сундук с золотом. И зажили старик со старухой в полном удовольствии, живут себе ни горя, ни нужды не знают.

Прошло немного времени, и старуха говорит старику:

— Поди, старик, в лес и проси, чтобы тебя сделали царем, а меня царицей.

Пошел старик в лес, ударил обухом в пень. Выскочил дрожь:

— Чего, старик, хошь?

— Я хочу, чтобы я был царем, а моя старуха царицей.

— Иди, старик, домой, все ладно будет! — сказал дрожь и скрылся.

Вернулся старик и видит, что по-прежнему стоит его избенка, а на печке сидит его старуха в рваном платьишке. От высоких же хоромов, от платья цветного и ото всего его богатства и следа не осталось.

И стали старик со старухой жить в нужде и бедности.

60. МАШЕНЬКА

Пошла Маша утром в лес по грибы. Набрала грибов в корзинку. Идет назад лесом и потеряла дорогу, а навстречу ей зверь попадается.

— Откуда ты, Маша, идешь?

— Я заблудилась. Покажи мне дорогу, где моя маменька и папенька живут.

А зверь схватил ее и утащил в свою берлогу. Ушел он на охоту, а Машенька из берлоги выскочила и через лес домой убежала. Попадается ей петушок навстречу:

— Петушок, петушок, покажи дорогу, где моя маменька и папенька живут.

— Не могу, машенька, узнает зверь, тебя убьет и мне худо будет.

Побежала Машенька дальше. Навстречу ей заяц скачет:

— Заинька кудрявенький, покажи мне дорогу, где моя маменька и папенька живут.

— Не могу, Машенька, узнает зверь и тебя убьет и мне худо будет.

Бежит Машенька дальше, а навстречу ей лиса:

— Лисанька-сестричка, покажи мне дорожку, где мои маменька и папенька живут.

— Ну, садись на хвост, довезу.

Села Машенька, и повезла ее лиса через моря, через горы. Привезла к своим. Обрадовались они, надавали лисе сала, масла, и не знают, чем отблагодарить. Вот учуял зверь, что его обманули, и бежать за Машей. Прибежал к воротам и кричит:

— Отворите дверь, я вам Машеньку привез.

Ну, тут охотники собрались и убили его. Тут зверю и конец пришел.

61. [О ПЕТУХЕ]

У деда был петух. Он был очень задиристый. Дед возьмет петуха, набьет и выбросит. А он пойдет на мусорную яму, покапается, придет домой и пуговицу ⟨...⟩. На второй день то же самое. На третий день дед снова набил петуха и выбросил. Полетел петух к попу. Стал ему надоедать. Поп и говорит:

— Бросьте его в воду.

Бросили петуха в воду, а он наглотался воды и вылетел. Тогда поп и говорит:

— Бросьте его в огонь.

А петух вылил в огонь воду и вылетел. Тогда поп велел засыпать петуха золотом. Петух наглотался золота и полетел домой. Прилетел к деду. Дед открыл дверь, а петух залетел. Выплюнул целый мешок золота.

62. ПРО КОЗУ ЛУПОГЛАЗУ

Пошла коза за орехами*. Нащипала три мяхи, а четвертый шелухи. Пошел козел домой козу загонить.

— Иди, коза, ко** двору.

А коза не идет.

Козел:

— Я на тебя стрельцов пошлю. — Стрельцы, стрельцы, идите козу убейте. — А они не идут.

Козел говорит огню, чтобы он*** стрельцов пожгли.

— Огонь, иди спали стрельцов.

А огонь не идет.

— Огонь, я на тебя воду налью.

— Вода, иди затуши огонь.

А вода не идет.

Козел посылает волов, чтобы они воду выпили.

— Волы, идите воду выпейте.

А волы не пошли.

Козел посылает**** на волов долбень, тот не идет.

— Долбень, иди ударь волов.

А он не идет.

На долбень козел червей позвал.

Пошли черви долбень точить,
Долбень пошел волов бить,
Пошли волы воду пить,
Пошла вода огонь тушить,
Пошел огонь стрельцов палить,
Пошли стрельцы козу бить,
Пошла коза ко двору, да в лисичкину нору.

Вышла лисичка и плачет. Идет зайчик:

— Кумушка, почему плачешь?

— Как же мне не плакать, коза в моей хате.

Заяц спрашивает:

— Кто в куминой хате?

— Я коза-рогоза.
За три гроша куплена,
Полбока луплено.
Топу-топу,
Ногами затопчу,
Рогами забуду.

---

*В оригинале здесь, видимо, искажение белорусского произношения слова (арэх — орех).

**Предлога не было.

***В оригинале местоимение во множественном числе и соответственно дан глагол.

****В оригинале, видимо, ошибочно: пошел.

Заяц испугался и убежал.
Медведь приходил, тоже выгнала его коза.
Петух пришел:

— Я петушок — золотой гребешок.
Свою косу несу,
Козе голову снесу.

Ушла коза из лисичкиной хаты.

63. ПРО КОЗЛА

У бабушки был козел. Захотелося козлу в лес погулять. И говорит козел бабушке:

— Уж, ты бабушка, ты Варварушка свет Кузьминишна, ты Лукинишна, Агафонтьевна, Маргафонтьевна, ты Ивановна, Селивановна, отпусти меня, козла, во зеленые луга. Я тебе волка убью, тебе шубу сошью.

Захотелось старухе в волчьей шубе погулять, отпускала козла далеким-далёко, открывала ворота широким-широко. Как пошел наш козел по ельничку да по березничку. А навстречу козлу, а навстречу дураку бежит серенький, зайка беленький.

Тут у нашего козла душа в пятки ушла.

— Ой, не смерть ли моя, ты не съешь ли меня?

— Ты дурак же, ты козлище, ты седая бородища, не смерть твоя, я не съем тебя. Я зайка, зайка беленький.

И пошел наш козел по ельничку да по березничку. Зашел наш козел в густой лес темный. А навстречу козлу, а навстречу дураку бежит семь волков, а восьмой волчище здоровые глазища, большущие зубища.

Тут у нашего козла душа в пятки ушла.

— Ой, не смерть ли моя, ты не съешь ли меня?

— Дурак же ты, козлище, ты седая бородища. Мы — смерть твоя, мы съедим тебя.

И схватили козла поперек живота. Куда ноги, куда роги, куда буйна голова, полетела требуха во зеленые луга.

— Ой, бабушка, ты Варварушка свет Кузьминишна, ты Лукинишна, Агафонтьевна, Маргафонтьевна, ты Ивановна, Селивановна, ты Андреевна, ты Фадеевна, ты поминай козла-то бородатого, бородатого.

— Ме-е-е!

Ой, помер козел!

Вот так вот и вся сказка!

64. О СТАРИКЕ ДА СТАРУХЕ, О КУРОЧКЕ И ПЕТУШКЕ

Жили-были старушка да старичок. У них были курочка да петушок.

Курочка да петушок клевали зернышки. Петушок и подавился бобровым* зернышком. Курочка — к реке просить воды:

— Река, река, дай воды!

*Очевидно, ошибка исполнителя; надо: бобовым.

— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к деве, проси ключи, тогда дам воды.
Побежала курочка к деве.
— Дева, дева, дай ключи!
— На что ключи?
— Реке дать.
— На что реке?
— Чтобы воды дала.
— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к липе, проси лыка, тогда дам ключи.
Побежала курочка к липе.
— Липа, липа, дай лыка!
— На что лыка?
— Деве дать.
— На что деве?
— Чтобы ключи дала.
— На что ключи?
— Реке дать.
— На что реке?
— Чтобы воды дала.
— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к коровникам, проси молока, тогда дам лыка.
Побежала курочка к коровникам.
— Коровники, коровники, дайте молока!
— На что молоко?
— Да липе.
— На что липе?
— Чтобы дала лыка.
— На что лыка?
— Дать деве.
— На что деве?
— Чтоб дала ключи?
— На что ключи?
— Дать реке.
— На что реке?
— Чтоб дала воды.
— На что вода?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к сенникам, проси сена, тогда дадим молока.
Побежала курочка к сенникам.
— Сенники, сенники, дайте сена!
— На что сена?
— Дать коровникам.
— На что коровникам?
— Они дадут молока.
— На что молоко?

— Дать липе.
— На что липе?
— Чтоб дала лыка.
— На что лыка?
— Дать деве.
— На что деве?
— Чтоб дала ключи.
— На что ключи?
— Дать реке.
— На что реке?
— Чтоб дала воды.
— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к косарям, проси косу, тогда дадим сена.
Побежала курочка к косарям.
— Косари, косари, дайте косу!
— На что косу?
— Сенникам дать.
— На что сенникам?
— Чтобы дали сена.
— На что сено?
— Чтоб дать коровникам.
— На что коровникам?
— Чтоб дали молока.
— На что молоко?
— Дать липе.
— На что липе?
— Чтоб дала лыка.
— На что лыка?
— Дать деве.
— На что деве?
— Чтоб дала ключи.
— На что ключи?
— Реке дать.
— На что реке?
— Чтобы воды дала.
— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к кузнецам, проси сковать косу, тогда дадим косу.
Побежала курочка к кузнецам.
— Кузнецы, кузнецы, скуйте косу!
— На что косу?
— Да косарям.
— На что косарям?
— Чтоб дали косу.
— На что косу?
— Дать сенникам.
— На что сенникам?
— Чтоб сена дали.

— На что сено?
— Коровникам дать.
— На что коровникам?
— Чтоб молока дали.
— На что молоко?
— Дать липе.
— На что липе?
— Чтоб дала лыка.
— На что лыка?
— Чтоб деве дать.
— На что деве?
— Чтоб ключи дала.
— На что ключи?
— Реке дать.
— На что реке?
— Чтоб воды дала.
— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к угольщикам, чтоб дали углей, тогда скуем косу.
Побежала курочка к угольщикам.
— Угольщики, угольщики, дайте углей!
— На что углей?
— Дать кузнецам.
— На что кузнецам?
— Чтоб сковали косу.
— На что косу?
— Косарям дать.
— На что косарям?
— Чтоб дали косу.
— На что косу?
— Сенникам дать.
— На что сенникам?
— Чтоб сена дали.
— На что сена?
— Коровникам дать.
— На что коровникам?
— Чтоб дали молока.
— На что молока?
— Дать липе.
— На что липе?
— Чтоб лыка дала.
— На что лыка?
— Деве дать.
— На что деве?
— Чтоб ключи дала.
— На что ключи?
— Чтоб реке дать.
— На что реке?
— Чтоб воды дала.

— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к дроворубам, проси дров, тогда дадим угли.
Побежала курочка к дроворубам.
— Дроворубы, дроворубы, дайте дров.
— На что дрова?
— Дать угольщикам.
— На что угольщикам?
— Чтоб угля дали.
— На что угля?
— Кузнецам дать.
— На что кузнецам?
— Чтоб сковали косу.
— На что косу?
— Дать косарям.
— На что косарям?
— Чтоб косили сено.
— На что сена?
— Дать сенникам.
— На что сенникам?
— Чтоб дали сена.
— На что сена?
— Дать коровникам.
— На что коровникам?
— Чтоб дали молока.
— На что молока?
— Чтоб липе дать.
— На что липе?
— Чтоб лыка дала.
— На что лыка?
— Деве дать.
— На что деве?
— Чтоб ключи дала.
— На что ключи?
— Чтоб реке дать.
— На что реке?
— Чтоб воды дала.
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к топорникам, проси топоры, дадим тебе дров.
Побежала курочка к топорникам.
— Топорники, топорники, дайте топоры.
— На что топоры?
— Дроворубам дать.
— На что дроворубам?
— Дрова взять.
— На что дрова?
— Дать угольщикам.
— На что угольщикам?
— Чтоб дали угля.

— На что угля?
— Чтоб дали кузнецам.
— На что кузнецам?
— Чтоб сковали косу.
— На что косу?
— Чтоб дать косарям.
— На что косарям?
— Чтоб скосили сена.
— На что сена?
— Дать сенникам.
— На что сенникам?
— Чтоб сена дали.
— На что сено?
— Дать коровникам.
— На что коровникам?
— Чтоб молоко дали.
— На что молоко?
— Дать липе.
— На что липе?
— Чтоб лыка дала.
— На что лыка?
— Дать деве.
— На что деве?
— Чтоб ключи дала.
— На что ключи?
— Реке дать.
— На что реке?
— Чтоб воды дала.
— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к точильщикам, чтоб точило дали, дадим топора.
Побежала курочка к точильщикам.
— Точильщики, точильщики, дайте точило.
— На что точило?
— Топорникам дать.
— На что топорникам?
— Дроворубам дать.
— На что дроворубам?
— Дрова взять.
— На что дрова?
— Дать угольщикам.
— На что угольщикам?
— Чтоб дали угля.
— На что угля?
— Чтоб дать кузнецам.
— На что кузнецам?
— Чтоб сковали косу.
— На что косу?
— Чтоб дать косарям.

— На что косарям?
— Чтоб скосили сена.
— На что сена?
— Дать сенникам.
— На что сенникам?
— Чтоб сена дали.
— На что сено?
— Дать коровникам.
— На что коровникам?
— Чтоб молоко дали.
— На что молоко?
— Дать липе.
— На что липе?
— Чтоб лыка дала.
— На что лыка?
— Дать деве.
— На что деве?
— Чтоб ключи дала.
— На что ключи?
— Реке дать.
— На что реке?
— Чтоб воды дала.
— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.
— Беги к кайленникам, чтоб дали кайло, дадим точило.
Побежала курочка к кайленникам.
— Кайленники, кайленники, дайте кайла.
— На что кайла?
— Точильщикам дать.
— На что точильщикам?
— Точило взять.
— На что точило?
— Топорникам дать.
— На что топорникам?
— Дроворубам дать.
— На что дроворубам?
— Дрова взять.
— На что дрова?
— Дать угольщикам.
— На что угольщикам?
— Чтоб дали угля.
— На что угля?
— Чтоб дать кузнецам.
— На что кузнецам?
— Чтоб сковали косу.
— На что косу?
— Чтоб дать косарям.
— На что косарям?
— Чтоб скосили сена.

— *На что сена?*
— *Дать сенникам.*
— *На что сенникам?*
— Чтоб сена дали.
— На что сено?
— Дать коровникам.
— На что коровникам?
— Чтоб молоко дали.
— На что молоко?
— Дать липе.
— На что липе?
— Чтоб лыка дала.
— На что лыка?
— Дать деве.
— На что деве?
— Чтоб ключи дала.
— На что ключи?
— Реке дать.
— На что реке?
— Чтоб воды дала.
— На что воды?
— Петушок подавился бобровым зернышком.

Кайленники дали кайла. Побежала курочка к точильщикам, отдала кайла, взяла точило. Побежала к топорникам, дала точило, взяла топор. Побежала к дроворубам, дала топор, взяла дров. Побежала к угольщикам, дала им дров, взяла углей. Побежала к кузнецам, отдала угли, взяла косу. Побежала к косарям, отдала косу, взяла сена. Побежала к коровникам, отдала им сена, взяла молока. Побежала к липе, дала ей молока, взяла лыка. Побежала к деве, дала ей лыка, взяла ключи. Побежала к реке, отдала ей ключи, взяла воды. Прибежала домой, дала петушку воды. Клюнул петушок воды и проглотил зернышко.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

За номером текста следует название сказки со слов исполнителя по архивной записи или по первой публикации; название, данное собирателем или публикаторами, заключается в квадратные скобки. Сюжетный состав приводится по АТ в той последовательности, в какой сюжеты-мотивы соединены в произведении, в скобках — в том же порядке номер сюжета и его название по СУС. Отсутствие сюжета в АТ или СУС отмечено знаком — .

Далее указываются собиратель, время и место записи (последнее в соответствии с современным административно-территориальным делением, исключение составляет Северо-Восток Сибири, куда входят северо-восточная часть Якутии и Камчатская обл.), исполнитель, его возраст и грамотность, если они известны. Опубликованный источник текста приводится по "Списку литературы" в квадратных скобках, рукописный — в соответствии со "Списком сокращений" в круглых скобках.

Соотнесению сюжета сказки с международным сказочным фондом служит отсылка к соответствующим примечаниям в сборнике "Народные русские сказки А.Н. Афанасьева" [53].

После краткой характеристики исполнителя, основанной на сведениях собирателя, рассматривается сюжетика публикуемой сказки в контексте ее сибирских вариантов: отмечается степень распространенности сюжета и его контаминаций с другими сюжетами, указывается география фиксированных текстов, если ареал бытования ограничен; при широком распространении приводится количественная характеристика, конкретизируются лишь отдельные сопоставимые варианты. Все учтенные нами печатные и рукописные источники вариантов на публикуемые сюжеты вынесены в особый указатель сюжетов-мотивов.

Публикуемые сказки анализируются в их соотнесении с общерусской традицией: обращается внимание на их традиционность и специфичность. СУС перед цифровым обозначением сказочного типа опускается, если рядом нет ссылки на АТ.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

1. О трех богатырях — Вечернике, Полуношнике и Световике. АТ 301+300А+302_1 (СУС 301А,В Три подземных царства + 300А Бой на калиновом мосту + 302_1 Смерть Кащея в яйце). Зап. Н.М. Хандзинский в 1925 г. в с. Кимильтей Зиминского р-на Иркутской обл. Исп. А.И. Кошкаров (Антон Чирошник), грам. [87, № 14].

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 128, 136, 156].

Антон Чирошник был рекомендован Н.М. Хандзинскому односельчанами как "сказочник стоющий", человек "многознающий". Сам же он, по словам собирателя, "скромно умалял ходившую о нем славу" и к сказкам относился пренебрежительно, зато высоко ценил авантюрные повести, исторические романы, любил книгу, много читал, хотя и был малограмотен. Его книжность, определенного рода начитанность проявились в самом существе сказки, в ее стиле, в художественном осмыслении действительности (о Кошкарове см.: [87, с. 77—80]). На отдельных моментах творческого метода сказочника остановился М.К. Азадовский в статье "Русские сказочники" [3, с. 69—73].

Соединение трех названных выше сюжетов в других сибирских вариантах нам неизвестно. Широко распространенная в русской сказочной традиции контаминация 300А + 301А, В в сибирских сказках, кроме публикуемого варианта, представлена записями из Иркутской обл. [72, № 22] и Красноярского края [64, № 21]. Сочетание типов 302_1+301А, В с добавлением других

сюжетов содержат пять текстов, записанных в Алтайском [65, № 12], Красноярском [69, № 1] краях, Курганской [65, № 7], Омской [64, № 7] областях и в Бурятии [64, № 22].

Публикуемая сказка сохранила традиционные мотивы, образы, художественную систему классической волшебной сказки и в то же время в ней нашли отражение тенденции творчества современных сказочников-книжников: описание внешнего выражения внутреннего состояния героя, жеста, мимики. Наряду с традиционным сказочным стилем присутствуют реалистические детали, картины природы, углубленные мотивировки, психологизм образов.

2. Подсолнешна Красота. АТ 532+300+318 (СУС 532 Незнайка + 300_1 Победитель змея+ +318 Неверная жена). Зап. Д.Д. Травин в 1928 г. в д. Косухино Аллаиховского р-на Якутии (Русское Устье). Исп. С.П. Киселев, 43 лет, неграм. (ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 122—135).

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 126, 171, 208].

С.П. Киселев — знаток не только сказок, но и былин, песен, преданий, в том числе и заимствованных у соседних народов. Многие сказки, по свидетельству Д.Д. Травина, узнал от отца, "хорошего сказочника", некоторые — из книг, хотя и неграмотен, а, например, сказку "Золотая рыбка" читал ему ссыльный. Произведения фольклора записывались от С.П. Киселева и другими собирателями: в 1931 г. А.Л. Биркенгофом, М.А. Кротовым, в 1941 г. С. Боло, в 1946 г. Н.А. Габышевым.

Близкие к публикуемому варианты были записаны Ю.И. Смирновым в 1982 г. (личный архив собирателя) и Е.И. Шастиной в 1983 г. [73, № 55] от сына С.П. Киселева — Е.С. Киселева, тоже одаренного сказителя. Другие варианты с таким сочетанием сюжетов в сибирском материале не отмечались. Известны две сказки с контаминацией сюжетов 300_1+318, записанные в Читинской (БНЦ, № 3480, п. 2, л. 269-277) и Томской [69, № 23] областях, одна — 318+532, записанная в Бурятии [70, № 43], четыре — 300_1+532, записанные в Иркутской [69, № 12], Курганской [70, № 37], Новосибирской (НГПИ, п. 5, л. 45-57), Омской [69, № 10, 13] областях (две из них осложнены другими сюжетами).

На содержание сказки, ее стиль оказала влияние хорошо сохранившаяся на Северо-Востоке Сибири эпическая традиция. Первая часть сказки, являющаяся как бы экспозицией, содержит мотивы былинного эпоса (описание богатырского детства, спор с царем, гибель кораблей, груженных товарами) и лубочных повестей. Она заменяет традиционное начало развернутого далее сюжета Незнайка (532). Заключает сказку слабо разработанный сюжет о неверной жене (318). Змееборческие эпизоды органично входят в сюжет 532.

Три персонажа — названные братья (герой и его спутники) — характерны для сюжета 301A,B Три подземных царства, но наметившаяся сюжетная линия не разрабатывается, ее прерывает мифологический мотив: через смерть — возрождение.

Киселев-сын воспринял сюжет и стиль исполнения от отца, но в его повествовании больше бытовых деталей, реалистических подробностей ("Он, значит, был нежного воспитания, напился рассоленную морскую воду и вздуло его" — в эпизоде кораблекрушения), однако опущены характерные для сказочного повествования описательные моменты ("Вот разгрузили эти двенадцать кораблев, и он вместе сял" — у Киселева-сына; "Де штали и нагружали жлато-серебро, и драгоценные камни, и дорогие материи, и сякой ражной дорогой товар; и он сял месте на корапь и отпихнулись" — у Киселева-отца). Сокращены некоторые дословные повторения, типичные речи персонажей. В конце сказки, в отличие от публикуемого текста, у Киселева-сына герой возвращается к прежней жене, исчез древний мотив возрождения через смерть.

Часто повторяющееся слово "де" (очевидно, фонетическая модификация якутского "диэн") в сказках С.П. Киселева близко по значению к слову "вот" или "ну".

3. Иван-царевич и Марфа-царевна. АТ 313H*+315+300 (СУС 313H* Бегство от ведьмы + 315 Звериное молоко + 300_1 Победитель змея). Самозапись П.Т. Литвинова, 62 лет, в 1951 г. в пос. Калачиково Залесского р-на Алтайского края (ГАМ, № 108, л. 2-10об.).

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 93, 171, 201].

П.Т. Литвинов родился в Новосибирской обл., батрачил, был рабочим на золотых приисках. Сказки в детстве слышал от своей бабушки Александры Клементьевны и от заезжавших на ночлег возчиков угля на линейный завод. "Сколько я ни прочитывал книг, рассказов, сказок, но не встречал такие, какие рассказывала еще бабушка" (ГАМ, № 108, л. 10об.).

Сказки типа "Звериное молоко" широко распространены в русском материале. В Сибири нами учтено 30 вариантов, 14 из них — контаминации сюжетов 315 и 300_1 — это довольно устойчивое сочетание для русского сказочного эпоса. В данной сказке оба сюжета подробно разработаны. В качестве эпизода входит сюжет 313H*, в описании змея используется деталь, характерная для персонажа сюжета 300A Бой на калиновом мосту: "нижнюю губу на нижний порог, верхнюю губу на верхний порог".

Сказительское мастерство П.Т. Литвинова проявилось в стиле повествования, в использовании художественных средств — традиционной сказочной обрядности, эпических формул, постоянных

эпитетов, красочных сравнений ("царство кручинно, печально, как сукном покрыто"). Сибирский колорит сказки проявился в подробностях, связанных с приметами быта, топонимикой, например, в сказительском отступлении о том, "как ходили ссыльные просили под окошком милостину".

4. Иван царской сын золотых кудрей. АТ 303+400$_1$+552А+301+302$_1$ (СУС 303 Два брата + 400$_2$ Царь-девица + 552А Животные зятья + 301А,В Три подземных царства + 302$_1$ Смерть Кащея в яйце). Зап. А.А. Макаренко в 1896 г. в с. Кежма Кежемского р-на Красноярского края. Исп. слепой крестьянин Е.М. Кокорин, по прозвищу Чима [25, 1912, II/IV, с. 365—386].

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 128, 155—157, 230, 232].

Е.М. Кокорин "обладал живым воображением, горячей фантазией и незаурядной плавностью речи, чем положительно увлекал своих слушателей. Они собирались то к нему в избу, то приглашали его на устроенное где-либо собрание. Чима занимал их побасенками, сказками; так коротали кежемцы долгие зимние ночевки" [25, 1912, II/IV, с. 353—355; 63, с. 222].

Оригинальный текст не только для сибирской сказочной традиции, но и общерусской как по сюжетной композиции, так и по стилистическому оформлению.

Отступлением от традиции следует считать замену функций действующих лиц. Благородные, честные поступки вопреки традиции совершает не герой, рожденный чудесным образом от животного, а Иван царской сын золотых кудрей. За живой и мертвой водой отправляется не Волк Волкович — хозяин медного дворца, не Сокол Соколович — хозяин золотого дворца, как этого требует традиция, а Ворон Воронович — хозяин серебряного царства. Причину такой замены раскрывают сами герои.

Сказка богата поэтическими средствами, примерами могут служить и речи коня троеногого,и финальная развернутая формула, и имена героев. Широко используются традиционные общие места, переходные фразы, пословицы, поговорки, афоризмы, эпические формулы. Для связи отдельных повествовательных моментов у сказочника выработались индивидуальные переходные формулы типа: "Оставим нынче это дело, возьмемся за Ивана Кошкина сына: такой же человек он, только сила не та уж".

5. Иван Вдовин. АТ 650А+301В+552А+400$_1$+554+особая разновидность типа 302, не выделенная в АТ (СУС 650А Иван медвежье ушко + 301А,В Три подземных царства + 552А Животные-зятья + 400$_1$ Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену + 554 Благодарные животные + + 302$_2$ Смерть Кащея от коня). Зап. Р.П. Матвеева в 1982 г. в с. Большое Уро Баргузинского р-на Бурятии. Исп. И.И. Гаськов, 76 лет, неграм. (БНЦ, № 3471, л. 31—44). Впервые сказка записана в 1981 г. (БНЦ, № 3464, л. 26—36).

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 128, 143, 156, 157, 159].

И.И. Гаськов принадлежит к типу повествователей, наследовавших традицию бродячих сказочников, с их вольным обращением с известным сказочным материалом: образы, эпизоды, мотивы с легкостью переходят из одной сказки в другую. Сказочник не пытается вспомнить, "как должно быть", а рассказывает, "как получится", рассказ нередко ведется от первого лица. Репертуар его состоит в основном из сатирических сказок с "соромшиной", предназначенных для мужской аудитории. Рассказывает медленно, длительные паузы заполняет словом-предложением "Но"; сам живо реагирует на острые ситуации рассказа.

Тексты 1981 и 1982 гг. не различаются по содержанию и стилю. Варианты, близкие по сюжетному составу публикуемому, в русской сказочной традиции не зафиксированы.

Сюжеты Животные-зятья, Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену, Благодарные животные, Смерть Кащея от коня раскрываются в рамках сюжета Три подземных царства с вступлением: силач и его спутники (АТ 301В), здесь же отголоски разрушенного сюжета Катигорошек (СУС 312Д). Главный герой — персонаж сказок типа Иван медвежье ушко (СУС 650А). У героя не два, а три спутника (по числу царевен). Последние эпизоды — возвращение наверх, свадьба — сказочник свернул, не раскрыл полностью.

В сказке соблюдены эпическая обрядность и традиционный стиль с поэтическими формулами, стереотипными речами персонажей, трехкратными повторениями ("Шел он долго ли, коротко ли — не так сказка сказывается, как дело делается"; "Фу, фу, русским духом пахнет". — "Ты по Руси летал, русского духу нахватался"; "стукнул-брякнул в колечко — выходит красавица на крылечко"). Наряду со сказочной атрибутикой — приметы сибирской жизни: "у девицы-богатырицы двенадцать зимовей было богатства"; Воробей Воробьевич сидит на сорока бочках в завозне, герои "продергивают тропу" в непроходимом лесу.

6. Сережа купеческий сын. АТ 307+507В+974 (отдельные мотивы) (СУС 307 Девушка, встающая из гроба + 507 Благодарный мертвец + 974 Муж на свадьбе своей жены). Зап. А.А. Соболев в 1973 г. в с. Макаринино Баргузинского р-на Бурятии. Исп. А.А. Хлескин, 86 лет. Печатается по беловой записи собирателя (БНЦ, № 3464, л. 88—119).

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 359, 364].

А.А. Хлескин был известным в Баргузинской долине "посказателем", сказки рассказывал в основном на рыбалке, "с бригадой ходил, дак все имя рассказывал сказки ети разны. Нагребут рыбы и поят-кормят, хоть месяц живи, только рассказывай. Молодежь собиралась сказки слушать... Сидит, сидит, его уже жена потерят" (БНЦ, № 3272, п. 3, л. 30).

Сочетание сюжетов 307 и 507 довольно устойчиво в восточно-славянском сказочном репертуаре, в Сибири кроме публикуемого известно еще пять текстов, записанных в 1890—1970-е гг., в Бурятии (БНЦ, № 2777, л. 55—61; ГБЛ, ф. 542, тетр. 5, № 5), в Иркутской (ИГПИ, л. 71—74), Омской [91, с. 129—134], Тюменской [81, с. 839—842] областях; в трех добавляются легендарные сюжеты 785, 849*, 974.

Начало сказки — легендарный сюжет об иконе Николая Угодника (сюжет в АТ и СУС не отмечен), функции благодарного мертвеца в сюжете 507 принадлежат также Николаю Угоднику. Кроме указанных сюжетных типов, в сказке содержатся мотивы сюжета "Чудесная скрипка" (592).

В сказке отчетливо проявились мифологические мотивы (в эпизоде разделения царевны пополам, очищение от насекомых — оттолоски этиологических преданий, связанных с актом творения, а также мифологических представлений о царстве мертвых, в котором живут "половинки") и более поздние легендарно-христианизированные (о Николае Угоднике).

Весь стиль повествования близок к новеллистическому, с его описательностью, рассуждениями, хотя исполнитель и соблюдает традиционные стилистические каноны волшебной сказки. Своеобразием является локальная прикрепленность действия, которая проявилась как в упоминании местных названий — Максимиха, Большое Уро, Малое Уро, Устье (села Баргузинской долины), Байкал, отражении бытовых деталей, специфики ведения хозяйства, так и в выраженной рассказчиком особой психологии промысловика, в характерных диалогах, местных оборотах речи.

7. [Медведь и три сестры]. АТ 311 (СУС 311 Медведь и три сестры). Зап. В.П. Зиновьев и А.К. Кукса в 1976 г. в д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл. Исп. И.С. Рязанцева, 84 лет (Зиновьев, № 28).

От И.С. Рязанцевой В.П. Зиновьев записал сказки, былички, легенды, предания, песни, частушки. "Говорок у сказительницы скорый, немного глуховатый, но все слова произносились внятно. Каждую сказку она проигрывала в лицах, каждый персонаж имел свой особенный голос" [74, с. 22].

Сюжет часто встречается в сказках восточно-славянской традиции. Среди 20 русских опубликованных текстов, зафиксированных в СУС, сибирских нет. В Сибири нам известны 8 сказок, в одном варианте сюжет 311 контаминируется с 312Д (ААН, ф. 250, оп. 1, № 125, л. 367—368). Публикуемый текст — наиболее полный по сюжетной разработке традиционный вариант. Сибирский колорит выразился в типично забайкальских оборотах речи ("Но дак а чё же, пойду тогда...", "Я почё пойду, не велел дак..."), живых диалогах, подчеркивающих рассудительность героев, несуетливость в поступках.

8. [Колдун и его ученик]. АТ 325+671 (СУС 325 Хитрая наука + 671 Три языка). Зап. М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Челпаново Качугского р-на Иркутской обл. Исп. Н.О. Винокурова, 60 лет, неграм. [18, № 4].

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 247, 249].

М.К. Азадовский записал от Н.О. Винокуровой 26 сказок. Переняла она их в основном от местных жителей и приезжих, некоторые слышала в ранней молодости в городе. Рассказывала "с заметным удовольствием и радостно, видимо, гордясь и любуясь своим мастерством" (о Н.О. Винокуровой см.: [4, с. 62—110]).

Сюжет Хитрая наука распространен в восточно-славянских сказках. В сибирском сказочном материале из 16 известных нам вариантов 5 включают другие сюжеты или мотивы. Соединение с сюжетом 671 встречается в сказке, записанной Е.И. Шастиной от дочери Н.О. Винокуровой [73, № 22], в одном варианте (тоже из Иркутской обл.) сюжет 325 контаминирован с 329 Елена Премудрая и 400$_1$ Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену [112, № 7], два варианта содержат сюжет 318 Неверная жена [64, № 30, 40].

Во всех известных вариантах устойчиво сохраняется мотив, связанный с распространенным в прошлом народным поверьем: нельзя продавать или отдавать животное с уздой или веревкой-оборотью — скотина не будет водиться.

Необычны присутствие в сказке двух невест героя и роль младшей дочери колдуна, ее гибель. Сказку отличает глубокий психологизм. М.К.Азадовский определил ее как одну из лучших сказок Н.О. Винокуровой, которая сумела традиционным сказочным действиям придать реалистическое звучание, отчего "внешние перипетии сказочного характера становятся подлинно человеческими переживаниями". Характерен в этом отношении эпизод продажи отцом сына. Не по-сказочному реалистично показаны затаенная обида отца, пьяное издевательство над сыном, отчаяние отца, потерявшего по своей вине сына.

Художественное своеобразие сказки "Колдун и его ученик" подробно рассмотрено М.К. Азадовским [63, с. 59—62].

9. Про Ванюшку. AT 327C,F (СУС 327C,F Мальчик и ведьма). Зап. Р.П. Матвеева в 1968 г. в пос. Поярково Михайловского р-на Амурской обл. Исп. Ф.С. Чернова, 72 лет, неграм. (БНЦ, № 3180, п. 3, л. 156—159).

О названном сюжете в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 106, 108].

Сказки и манеру сказывания Ф.С. Чернова переняла в детстве от матери, одаренной сказительницы. Сказочница прекрасно владеет диалогом, многообразием интонационных оттенков. Это одна из любимых сказок Ф.С. Черновой и ее слушателей — детей.

Сказка широко распространена в восточно-славянском сказочном материале. В разных районах Сибири зафиксировано 27 текстов, в основном односюжетных. Встречается контаминация с сюжетом 61B (см. примеч. № 34 наст. изд.).

10. Старик охотник и заветная птичка. AT 567+329+518+566 (СУС 567 Чудесная птица + 329 Елена Премудрая + 518 Обманутые черти + 566 Рога). Зап. В.Д. Кудрявцев в 1926 г. в с. Малый Хобык Минусинского р-на Красноярского края. Исп. С.И. Скобелин, 52 лет, малограм. [87, № 2].

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 185, 192, 195, 197, 236].

По словам собирателя, рассказывал С.И. Скобелин с чувством, не торопясь, останавливался на деталях. Сказки перенял от разных людей во время артельных работ, от "поселенца", бывшего дьякона. "Однажды он (С.И. Скобелин) жил в тайге 82 дня и каждый вечер рассказывал по две сказки и все новые" [87, с. 7].

Сложная по своему сюжетному составу сказка аналогичных вариантов не имеет. В сибирской сказочной традиции из названных сюжетов в одном повествовании соединяются обычно два: 567 и 566 (Омская обл. (ОГПИ, ЭК-37/1979, № 25)), 567 и 518 (Бурятия [73, № 7]), 566 и 518 (Томская обл. (ТГУ, № 95), Приморский край (БНЦ, № 3210, п. 5, л. 20—24, 56—60) и Бурятия (БНЦ, № 3192, тетр. 1, л. 1—11)), иногда с введением сюжета 306 Ночные пляски.

Своеобразна композиция повествования: нехарактерное для сказки попеременное развитие сюжетных линий. Сюжет типа 567 обрамляет повествование, которое осложняется вставными эпизодами из других сказочных типов, очевидно, исполнитель сам соединил известные ему сказки в одну. Не все действия в сказке доведены до логического завершения, например, не было реализовано приобретенное одним из братьев свойство "знать человеческие мысли".

В сказке соблюдена традиционная эпическая обрядность — трехкратные повторения, широко используются постоянные эпитеты: столы дубовые, ковры шелковые, напитки пьяные, наества сахарны. Обращает на себя внимание стремление к индивидуализации речи персонажей: галантность речи жены купца: "Ах, как будет мне это оскорбительно"; царь демонстрирует грозную, грубую силу: "Я есть ваш царь самодержавец, прикажу двери сорвать".

11. О мальчике купеческом сыне. AT 562+400$_1$ (частично) + 887A* (мотивы) (СУС 562 Дух в голубом свете + 400$_1$ Муж ищет похищенную жену + 887A* Купленая жена). Зап. В.Ф. Булгаков в 1905 г. в Бердске Новосибирской обл. Исполнитель неизвестен [27, № 25].

Сюжет типа 562 редко встречается в восточно-славянском сказочном репертуаре (в СУС отмечено шесть русских вариантов, три — украинских, один — белорусский). В Сибири известны два варианта, кроме публикуемого еще один вариант записан в 1904 г. также в Новосибирской обл. [27, № 16], он выдержан в бытовом плане, сказочная фантастика и эпический стиль присутствуют минимально, волшебный сюжет завершается новеллистическим — 905A* Королева (царица) и жена сапожника. Волшебный предмет — чудесная свеча — выполняет ту же функцию, что и волшебное кольцо в одноименном сюжете 560.

Публикуемая сказка отличается сложным переплетением сказочных мотивов, характерных для других сюжетных типов; в ней нашли отражение мифологические образы (конь является в виде огненного колеса, затем превращается в человека) и легендарные мотивы (путешествие на том свете, в гостях у покойного дедушки). Основной сюжет — Дух в голубом свете — в значительной степени разрушен.

Необычен персонаж — старая львица (обычно это Кащей, Воробей Воробьевич или змей), которую вопреки запрету жены герой выпустил из подвала. В результате нарушения запрета — жена из молодой красавицы превратилась в дряхлую старуху; героиня свою старость и хитрость передала львице.

Стиль сказки образный, с яркими сравнениями, эпитетами. Наряду с общесказочными поэтическими формулами встречаются малоупотребительные или характерные только для данной сказки формулы и стереотипные речи персонажей ("здрел бы, смотрел и ясных очей не сносил...", "захали, в ладоши схлопнули...").

12. [Царевна-старушка]. AT 402+400$_1$ (частично) (СУС 402 Царевна-лягушка + 400$_1$ Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену). Зап. М.К. Азадовский в 1927 г. в Тункинском р-не Бурятии. Исп. Д.С. Асламов, 69 лет, неграм. (ГБЛ,№ 542, ед. хр. 231, тетр. 8, л. 1—28).

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 157, 267].

От Д.С. Асламова М.К. Азадовский записал 41 сказку в 1927 и 1936 гг. (ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 9, л. 2—12). Д.С. Асламов был удивительно выразительным рассказчиком, обладал талантом перевоплощения, широко использовал мимику, жест, вводил в сказки свои комментарии, живо реагировал на сказочные действия. Его реплика перед началом сказки "Царевна-старушка": "Ну, папиши ету сказку! Па-а-пишешь!" Внезапно повествование прервал воспоминаниями о сказочниках, от которых перенял сказки: "У нас за Тункой старик жил, Темин. Ох, он сыпать пойдет ети сказки! Я от его все выучил. Я че, ешо екой был! Назать тому лет 60! А то ешо другой посказатель — он на пароходе был...".

Сказки на сюжет типа 402 широко известны в восточно-славянской сказочной традиции, популярны они и повсеместно в Сибири. Зафиксированные 29 текстов в записи с 90-х гг. XIX в. по 1986 г. в различных районах Сибири имеют устойчивый сюжет, однотипную образную систему. Наиболее стабильная контаминация с сюжетами типа 400_1 и 302_1 Кащеева смерть в яйце.

Наряду с традиционными для фольклора изобразительными средствами в повествовании, используются индивидуальные стилистические приемы: необычные для сказки сравнения (черная, как уголь; позеленел, как лук; глаза, как у ястреба, и др.), подражания лубочной книжности ("Домогайся, возлюбленный мой сын, все ж таки есь дурно, что твоя стрела не ушла").

Замена образа лягушки, характерного для русской сказки, более архаичным образом старушки, возможно, произошла под влиянием иноэтнического фольклора, сохранившего древнейшие мифологические образы старушек — хозяек стихий.

13. [Василиса Васильевна]. АТ 428+884В* (СУС 428 Девушка на службе у ведьмы + 884В* Василиса-поповна). Зап. в 20-х гг. XX в. в Красноярском крае. Сведений о собирателе и исполнителе нет (ГАМ, № 4, ед. хр. 14/58—59, л. 339—341об.).

Редкий для восточно-славянской традиции сюжет типа 428 (в СУС указано только девять вариантов) не распространен и в Сибири: публикуемый текст — единственный, известный нам в сибирском материале. В данном случае он контаминируется с новеллистическим сюжетом. Отступлением от традиционного развития сюжета является помощь в выполнении заданий, оказываемая девушке не сыном Ягинишны, а девкой-чернявкой (сохранилось лишь повторяющееся иносказание "не кошкины замыслы, а котовы").

14. Червячок. АТ 425+433 (СУС 433В Царевич-рак (змея)). Зап. Г. Афанасьева, Г. Запотылок, Э. Лямина, Е.И. Шастина в 1980 г. в с. Кривошапкино Киренского р-на Иркутской обл. Исп. А.Г. Брянева, 74 лет (ИГПИ, с. 213—216).

Сказочный тип 433В тесно переплетается с типами 440 и 430. Существенное отличие заключено в последней части сказки — жена находит мужа, получает позволение спать с ним — позиция, характерная именно для сюжета СУС 433В и АТ 425 Поиски потерянного мужа (см. след. текст).

Сюжет Царевич-рак (змея) в русском опубликованном материале отсутствует. В СУС указаны лишь пять украинских текстов. В Сибири нами учтены семь, не считая записанных повторно русских сказок на данный сюжет: в Бурятии (см. след. текст), в Иркутской (ИГПИ, л. 62—66, 213—216; [110, № 22] — аналогичный публикуемому вариант, отнесен в СУС к сюжету 440), Омской [84, с. 105—110] и Томской (ТГУ, № 24, 28) областях.

Сибирская семантика слова "червяк" — змея.

15. Жених-заяц. АТ 425+433 (СУС 433В Царевич-рак (змея)). Зап. Р.П. Матвеева в 1971 г. в с. Кырен Тункинского р-на Бурятии. Исп. В.Я. Бекетова, 81 года, неграм. (БНЦ, № 3274, п. 5, л. 89—95).

О названных сюжетах в сибирском репертуаре см. примеч. к № 14.

В завязке сказки используются начальный эпизод, характерный для сказок типа 530 Сивко-Бурко, неразвитый мотив сюжета 525А Амур и Психея, элементы сюжета 432 Финист ясный сокол.

Отправляясь на поиски мужа, девушка просит брата: "Скуй ты мне три молота, купи мне три просвиры, трое сапог" — явное отражение древнего обычая класть в могилу посох, обувь, хлебец, связанного с верой в потустороннее путешествие. Эта же связь и в поэтической формуле, указывающей на продолжительность путешествия и длительное течение времени: "шла, шла, гору прошла, долу прошла, море прошла. Молот избила, просвиру изгрызла, сапоги износила". В сказке хорошо сохранилась традиционная обрядность (повторения, типичные речи персонажей, поэтические рифмованные формулы).

Желая избежать неприличных выражений и слов в застывших сказочных формулах, сказочница перефразирует формулы, разрушая тем самым свой стиль изложения, варьируя устойчивые выражения: "Повернулась она, на карачки стала, калачик достала, щей плеснула", "Вот старуха стала, стол поддернула, щей налила, калачик достала".

16. [Василиса Премудрая]. AT 465 (СУС 465A Красавица жена ("Пойди туда — не знаю куда"). Зап. Т.И. Жукова в 1937 г. в д. В. Марково Усть-Кутского р-на Иркутской обл. Исп. А.Я. Исаева, 45 лет, неграм. (ГПБ, Ф. 1006, ед. хр. 367, л. 45—48).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 212].

Сюжет 465A имеет широкое распространение в восточно-славянском, особенно в русском сказочном фонде. В Сибири учтено 25 текстов из различных районов.

Варианты сохраняют основные структурные элементы, образующие сюжет, традиционные образы, типичные места, сказочную атрибутику. Наиболее устойчиво во всех вариантах совпадают стереотипные речи персонажей. Варьируются в основном задания и способ их выполнения. В варианте, записанном в 1892 г. в Кургане, герой добывает "чудо-чудное, диво-дивное" — это был ящичек, "его открывали и смотрели в него, как в зеркале было видно все, что делается на земле и под землей" [81, № 310].

В 15 сибирских текстах сюжет 465A контаминируется с другими типами, наиболее устойчивое сочетание, как и в сказках многих народов, с сюжетом 465B Гусли-самогуды.

В публикации не сохранено фонетическое диалектное своеобразие — употребление "у" неслогового вместо"л" в конце глаголов мужского рода, единственного числа, 3-го лица.

17. Иван крестьянский сын. AT 465B+327B+569+560 (отдельные элементы) (СУС 465B Гусли-самогуды + 327B Мальчик с пальчик у ведьмы + 569 Сумка, шляпа и рожок + 560 Волшебное кольцо (отдельные элементы)). Зап. А.В. Адрианов в конце XIX — начале XX в. в с. Жилино Барнаульского р-на Алтайского края. Исполнитель неизвестен [26, № 36].

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 105, 190, 212, 216, 270].

Сюжеты в таком сочетании в опубликованном русском материале не отмечены.

Сюжетная структура сказки характерна для сибирской сказительской традиции, так называемой школы бродячих сказочников. В сказке нет устойчивого сюжетного ядра, соответствующего определенному сказочному типу, в ней переплетены мотивы, эпизоды, атрибуты и функции героев из разных сюжетов: мотив добывания гуслей-мыслей может быть соотнесен с типом 465B, эпизод спасения братьев от Яги Ягишны (ночью братья меняются одеждой и местами с дочерьми Ягишны, и та убивает своих дочерей) аналогичен эпизоду сказок типа 327B. В качестве эпизода присутствует в сказке сюжет 569: гусли-мысли, добытые героем у Ягишны, герой меняет на другие предметы, с помощью волшебного костыля возвращает гусли-мысли. Встречаются отдельные элементы, характерные для сказок типа 560. Важная роль в сказке отведена чудесному помощнику — вещему коню. Соединение нескольких сказок в одну не всегда органично: образ героя трансформирован, некоторые сюжетные линии не завершены, в конце сказки усилена социальная направленность, совершенно не выраженная в начале сказки.

Повествование выдержано в традиционном стиле, широко представлена и сказочная обрядность: трехкратные повторения, общие места, градация заданий по трудности, переходные фразы, типичные речи персонажей, рифмованные формулы, характерные для фольклора словосочетания, архаизмы.

18. Булат-молодец. AT 502 (СУС 502 Медный лоб). Зап. В.Д. Кудрявцев в 1926 г. в г. Абакане (Хакасия) Красноярского края. Исп. А.С. Бакаев. Печатается по беловой рукописи, полученной Е.И. Шастиной от собирателя в дар и любезно предоставленной для публикации.

О названном сюжете в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 123].

На титуле рукописи рукой В.Д. Кудрявцева дарственная надпись и "справка": "А.С. Бакаев — крестьянин с. Абаканского Минусинского уезда, 62 лет. Человек бывалый: работал на приисках, в старательских артелях, малограмотный. Память изумительная, знал десятки сказок. Эти три сказки он слушал и запомнил во время работы на прииске Иваницкого Минусинского уезда".

В Сибирском сказочном материале учтены 14 вариантов сюжетного типа 502, записанные в Бурятии, Иркутской, Курганской, Новосибирской, Томской областях, Красноярском крае, на Индигирке в 1890 — 1970-е гг. Восемь сказок представляют собой контаминации с другими сюжетами, шесть из них включают в качестве эпизода тип 300$_1$, в том числе и публикуемая (частично) [65, № 1, 5; 69, № 15 (с добавлением типа 361); 84, с. 11—29 (с добавлением типа 465A)]; (БНЦ, № 2780, п. 1, л. 51—95), одна — 532 [65, № 3]. Сюжет во всех известных текстах имеет четкие очертания, варьируются в основном вставные эпизоды. Обычно в башне заключают чудище, обладающее чудесной силой. В публикуемой сказке на цепях в подземелье сидит старичок — сам с локоть, борода с локоть, такой же образ встречается в варианте, записанном в г. Сургут Тюменской обл. в 90-е годы XIX в. [81, № 356]. Как правило, этот персонаж характерен для сказок типа 301A, B. В стиле сказки смешение традиционной обрядности (трехкратные повторения, градация действий по трудности) с бытовизмом в изображении.

19. Сивко, Бурко, вещий Коурко. *AT 530+530A (СУС 530 Сивко-Бурко+530A Свинка золотая щетинка).* О сказочнике и собирателе см. примеч. к № 18.

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 179, 182].

В сибирском сказочном материале учтено 75 текстов на сюжет Сивко-Бурко. В 40 сказках сюжет контаминируется с другими. Публикуемый вариант представляет наиболее устойчивое сочетание (в 25 сказках Сибири) двух разновидностей сюжета: 530 и 530А.

Публикуемый вариант отличается полнотой разработки традиционного сюжета, сохранностью поэтической обрядности: поэтических формул призывания и седлания коня, его движения, переходных стереотипных фраз, трехкратных повторений.

В соответствии с особенностями сибирской традиции изображается иронический герой: в отличие от общерусского стереотипа обездоленного героя отношение к нему близких дружелюбное, хотя внешне и грубое, с самого начала ему не отказано в уме. В разработке эпизодов добывания диковинок ощущается влияние сказок типа 550 Царевич и серый волк, функции волка приданы коню.

20. Свинячая кожура. АТ 313Е*+510В (СУС 313Е* Сестра просела + 510В Свиной чехол). Зап. Н.Г. Котович, Р.П. Матвеева в 1978 г. в с. Казачинское Казачинского р-на Красноярского края. Исп. А.М. Давыдова, 65 лет, неграм. (БНЦ, № 3443, п. 1, л. 133—140).

О названных сюжетах в сказках народов мира см.: [53, примеч. к № 114, 290, 291, 294].

А.М. Давыдова — наследница известного в крае сказочника М.П. Варыгина (умер в 1960 г.), сказок от него никто не записывал, но о его выдающемся таланте сказочника до сих пор вспоминают с восхищением.

В сибирском сказочном материале известно 10 вариантов сказок типа 510В, записанных в 1890—1970-е гг. в Красноярском крае, Иркутской, Омской, Томской и Тюменской областях. Сюжет типа 313Е* относится к числу редких в восточно-славянской традиции. В Сибири зафиксировано три варианта в записи 1950—1981 гг. в Алтайском, Красноярском краях и Омской области.

Сочетание двух указанных сюжетов характерно для русских и белорусских сказок; публикуемый текст — единственный сибирский вариант, сочетающий эти два сюжета.

Сказка дает представление о поэтической школе, которую прошла А.М. Давыдова (песенка — обращение к куколкам, красочные сравнения: одно платье "как звезды на небе горят", второе — "как радуга-дуга", третье — "как заря горит"), а также о стиле современной сказочницы средней одаренности: иногда красочный эпический стиль переходит в сухой пересказ событий, житейски упрощенную речь персонажей.

21. Сказка про Ивашку худого поваришку. АТ 725+519 (СУС 725 Нерассказанный сон + 519 Слепой и безногий). Зап. Л.Н. Малкова в 1911 г. в с. Урик Иркутского р-на Иркутской обл. Имя исполнителя неизвестно (ИРЛИ, р. 5, к. 87, п. 1, № 8, л. 1—12).

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 198, 240].

Замечание собирательницы: "Сказка передана стариком крестьянином, 62-х лет, который родился и всю жизнь свою прожил в с. Урике. Эти сказки он еще мальчиком слышал от своего деда. Рассказывает охотно, при этом жестикулируя" (ИРЛИ, р. 5, к. 87, п. 1, № 8, л. 12).

Сюжет типа 725 обрамляет повествование, в основе которого сюжет типа 519; мотивы и эпизоды, характерные для других типов: очищение царевны из сюжета 507 Благодарный мертвец, превращение дочери Яги в колодец из сюжета 300А Бой на калиновом мосту. В Сибири сюжеты 725 и 519 зафиксированы в восьми вариантах. Сочетание указанных сюжетов повторяется в сказке, записанной на Нижней Индигирке [73, № 63; 106, № 6] и в Омской области с 1983 г. (ОГПИ, ЭК-22/1983, № 43).

22. [Волшебное кольцо]. АТ 560 (СУС 560 Волшебное кольцо). Зап. М.К. Азадовский в 1927 г. в с. Нюрхай Тункинского р-на Бурятии. Исп. Г.А. Тугарин (ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 3, л. 27—59).

О названном сюжете в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 190].

На творчество Г.А. Тугарина, как и его сестры А.А. Шелеховой, сильное влияние оказала семейная традиция, идущая от матери, со сложившейся языковой и образной системой, со своим стилем повествования, характеризующимся сочетанием традиционной обрядности с обилием деталей, ситуаций, картин, диалогов.

Сюжет волшебное кольцо зафиксирован в 36 вариантах сибирских сказок (из числа учтенных нами), в 17 контаминирован с другими сюжетами, но контаминации, как правило, не закреплены традицией, исключение составляет сочетание с сюжетами 301А, В Три подземных царства [64, № 28 (Бурятия), № 29 (Иркутская обл.); 65, № 7 (Курганская обл.)], 313А,В,С Чудесное бегство (БНЦ, № 3315, п. 1, л. 88—87 (Индигирка)); [65, № 13 (Красноярский край), № 24 (Иркутская обл.)], 313Н* Бегство от ведьмы (БНЦ, № 3315, п. 1, л. 85—87 (Индигирка)); [65, № 24 (Иркутская обл.)].

Промысловая жизнь, домашнее хозяйство, уклад жизни сибирского крестьянина с ее обрядами и обычаями — все это отразилось в сказке. Органично вошло в повествование описание свадебного пира, в сказках обычно заменяемого традиционными формулами ("пир пирком да за свадебку", "пир

на весь мир"). Г.А. Тугарин с этнографическими подробностями развертывает свадебный обряд продавания косы невесты, выборы тысяцкого, приглашение гостей, угощение их. Фантастические действия сказки представлены в реальных картинах.

23. Два брата. АТ 735+564 (СУС 735 Две доли + 564 Чудесные дары). Зап. Р.П. Матвеева в 1982 г. в с. Большое Уро Баргузинского р-на Бурятии. Исп. И.И. Гаськов, 76 лет, неграм. (БНЦ, № 3471, л. 21—23).

О названных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 187, 304].

В сибирском сказочном репертуаре сюжеты 735 и 564 встречаются 9 и 12 раз, сочетание их отмечается только в сказке И.И. Гаськова. Близкие варианты от него записаны в 1958 г. под названием "Про бедного и богатого" (БНЦ, № 2780, п. 1, тетр. 8, л. 32—34), в 1981 г. — под названием "Две сумки" [68, № 3]. В варианте 1981 г. бедный брат на поле видит: "...конь выходит. Коня пугнул — убежал", а затем уж увидел судьбу. В заключении: "Брата так отстягали, что он помер. Бедный живет и сумкой пользуется".

Распространенный в восточно-славянском фольклоре образ доли (судьбы) персонифицируется в сказке И.И. Гаськова в образе женщины, играющей в карты. Сказитель переосмыслил фольклорный персонаж, привнес в повествование ироническую окраску.

24. Чудесная свечка. АТ 571 (СУС 571 Диво дивное). Зап. С. Данильчук, Н. Жукова, И. Кривошеин в 1970 г. в с. Пудовка Парабельского р-на Томской обл. Исп. А.П. Шевалдаев, 77 лет (ТГУ, № 242).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 256].

Редкий в сибирской традиции сюжет, всего известно четыре текста: кроме публикуемого, записаны в 1890-е гг. в Тюменской [81, № 333], в 1969 г. в Иркутской [110, с. 154] областях и на Колыме [25, 1899, III, с. 376—377]. Своеобразие публикуемого варианта: диво дивное устраивает дурень, обойденный старшими братьями при разделе имущества. Сказка построена по принципу кумуляции. Завершает ее сюжет 559 Несмеяна-царевна. Стиль сказки и ее содержание отражают, с одной стороны, скоморошью сатиру с ее балагурными формулами, присказкой, с другой — стиль книжного повествования. Последнее, возможно, в какой-то мере идет от собирателей, недостаточно точно зафиксировавших речь сказочника.

25. Старуха повиваленка. АТ — (СУС — 677*** Повитуха попадает к чертям). Зап. В.С. Митич в 1910 г. в с. Таскино Каратузского р-на Красноярского края. Сведений о сказочнике нет (ИРЛИ, р. 5, к. 87, п. 1, л. 14—16).

В русской фольклорной традиции сюжет характерен для быличек и бывальщин. В сибирской традиции известны, кроме публикуемой, еще две сказки, записанные в Омской [84, с. 147—148] и Читинской [75, № 154] областях. Последний вариант представляет произведение переходного характера от бывальщины к сказке. В "Указателе сюжетов сибирских быличек и бывальщин" В.П. Зиновьева он отмечен двумя сюжетами В1—10 Баба принимает роды у жены черта и В1—30* Черт награждает золотом, которое превращается в угли [29, с. 69—70].

Связь с быличками и бывальщинами ощутима и в других текстах; в публикуемом, кроме указанных выше сюжетов, есть мифологические мотивы, связанные с образом русалки — проклятой когда-то матерью девушки, ставшей женой черта. В сказке она выполняет роль доброй советчицы.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

26. Лиса и кот. АТ 1+103 (СУС 1 Лиса крадет рыбу с воза + 103 Кот и дикие животные). Зап. А.А. Макаренко в 1895—1896 гг. в с. Монастырское Казачинского р-на Красноярского края. Исп. Татьяна К-ва (сокращение собирателя) [26, № 15].

О данных сюжетах в сказках разных народов см.: [53, примеч. к № 1, 40].

В СУС контаминация сюжетов 1+103 в распространенных не названа.

Сюжет 1 имеет широкий ареал бытования в Сибири: Амурская, Иркутская, Новосибирская, Омская, Читинская области, Красноярский край (см. "Указатель сюжетов сказок"). Он распространен и у других народов Сибири [14, № 45].

В сибирских записях сюжет 1 чаще встречается в контаминациях, хотя есть случаи его фиксации вне соединений с другими сюжетами (ИГПИ, запись от Т.А. Деревцовой в Читинской обл.). Нами выявлены следующие контаминации сюжета 1 дополнительно к имеющейся в публикуемом тексте: 1) 1+2 (Зиновьев, от В.И. Болвановой); 2) 1+2+3+4+15+20А +283В* [89, № 29] = данный том, № 57; 3) 1+2+3+4+154+170 [74, № 1 = 73, № 39]; 4) 1+2+3+122 А (НГПИ, ЭК-82, К-1342, № 8); 5) 1+2+4+158 (данное изд., № 45); 6) 1+2+43 (ОГПИ, ЭК-52/1984, № 93); 7) 1+2+61В (ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 11, л. 17—22); 8) 1+2+154 [104, № 1]. См. примеч. к № 45 и 57.

Сюжет 103 по сибирским записям зафиксирован в СУС только в виде публикуемой контаминации, хотя повсеместно известен преимущественно вне сюжетных соединений (см. текст № 39 и примеч. к нему).

Публикуемый по изданию 1902 г. текст — первый по времени из зафиксированных СУС сибирских вариантов разработки сюжетов. Бытование в Сибири и раньше сказок о хитрой и коварной лисе можно предполагать на основе косвенных данных [45, с. 19].

27. Медведь и лиса. АТ 6 (СУС 6 Лиса, схваченная волком, спрашивает его: "откуда ветер?"). Зап. В.П. Зиновьев в 1981 г. в пос. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл. Исп. Ф.А. Балагуров, 77 лет, грам. [74, № 3 = 73, № 40].

О сказочнике и его сказки см.: [73—75].

Редкий сюжет, зафиксирован в СУС только в одном украинском варианте. В публикуемом нами тексте сюжет получил локальную разработку (летит тетерев, попадает в рот медведю).

28. [Лиса-повитуха]. АТ 15 (СУС 15 Лиса-повитуха). Зап. Е. Рассомахина в 1984 г. в с. Красный Октябрь Черлакского р-на Омской обл. Исп. М.Е. Заботун, 78 лет (ОГПИ, ЭК-52/1984, № 15).

О сюжете: [53, примеч. к № 4].

Варианты зафиксированы как в Западной [84, с. 174—175; 104, № 2], так и в Восточной Сибири [89, № 29 (= наст. изд. № 57); 74, № 2], а также на Дальнем Востоке (БНЦ, инв. № 3210, п. 5, л. 111).

Публикуемый текст имеет типичное построение (троекратное повторение сходных по смыслу эпизодов), и хотя он лишен заключительной сцены посрамления обманутого лисой персонажа (ср. с № 57 наст. изд.), оставляет впечатление вполне законченного произведения. Особую эмоциональную окраску ему придает не только диалог персонажей, но и речь рассказчицы с заметным оттенком иронии (см., например, как лисичка прыг с лавки "и за дверь, прямехонько к кадушке. Наелась медку и тихохонько спать улеглась").

29. Котушка и лиса. АТ 20А + 21 (СУС 20А Звери в яме + 21 Пожирание собственных внутренностей). Данных о собирателе, месте записи и об исполнителе нет (ТГУ, № 70).

О сюжетах см.: [53, примеч. к № 5, 29].

Традиционный, отмечен в СУС как распространенный тип контаминации, но зафиксирован только один сибирский текст [89, № 29 = наст. изд., № 57] с разработкой сюжета типа 20 в другом соединении.

Публикуемый текст своим содержанием приближен к реальной обстановке быта сибирской деревни, отличается точной мотивировкой действий персонажей, употреблением ими отдельных местных слов ("баса").

В варианте, хранящемся в НГПИ (р. 1, тетр. 535, № 6), сюжет 20А без комтаминации.

30. Лиса и козел. АТ 31 (СУС 31 Волк (козел, медведь, олень) и лиса в яме). Зап. Т.Г. Анадина, Л.Ф. Гайдукова, М.А. Осипенко и Ж.А. Шахлина в 1984 г. в с. Азово Таврического р-на Омской обл. Исп. Е.В. Чирик, 50 лет, родом с Украины, в Сибири с 1947 г. (ОГПИ, ЭК-66/1984, № 194).

Сюжет мало распространен и в сборниках Сибири не зафиксирован. Это впервые публикуемый сибирский текст отличается выразительностью языка, наличием в нем элементов ритмической организации речи, психологизмом в изображении персонажей. Неопубликованные варианты записаны в Омской (ОГПИ, ЭК-23/1983, № 103) и в Тюменской (ТГПИ = копия: ОГПИ, ЭК-76/1987, № 65) областях.

31. Лиса, волк и медведь. АТ 51А* (СУС 51А* Медведь, лиса и волк). Зап. Р.П. Матвеева в 1982 г. в с. Большое Уро Баргузинского р-на Бурятии. Исп. И.И. Гаськов, 1906 г. рожд. (БНЦ, инв. № 3471, л. 55). О сказочнике см. примеч. к № 5.

Сюжет очень редкий. В СУС зафиксирован лишь один текст — русский (запись в Горьковской обл.). Кроме публикуемой, другими сибирскими записями мы не располагаем.

32. Груздь, лиса и сорока. АТ 56А Лиса и дятел или дрозд, соловей (СУС 56А Лиса и дрозд). Зап. П.А. Городцов в 1907 г. в д. Артамоново Нижнетавдинского р-на Тюменской обл. Исп. М.А. Белоглазова, 13 лет (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. № 176, л. 8).

Редкий в русском сказочном репертуаре сюжет. В СУС зафиксировано только три варианты и ни одного сибирского.

Впервые публикуемый сибирский текст имеет черты местного языкового колорита (*лесиночка, груздок-дроздок* и др.), характерную индивидуальность речи персонажей, подробно разработанный сюжет.

Неопубликованный вариант (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 8, об), записанный там же, где и публикуемый, соответствует последнему эпизоду о неудачном мщении лисы.

33. Лиса и Петя-петух. АТ 61А (СУС 61А Лиса-исповедница). Зап. Ж. Лапшина, С. Недосеко, А. Недошковская, Г. Сметанникова, Г. Шалаева в 1963 г. в с. Парабель Парабельского р-на Томской обл. Исп. И.И. Черепанова, 71 года (ТГУ, № 21).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 1, 15, 16; 32, с. 207—209].

Сибирский текст публикуется впервые. В нем нет иногда встречающегося начального эпизода о том, как прокравшаяся в курятник лиса была вспугнута петухом, но об этом упоминается в диалоге персонажей, благодаря чему сохраняются причинно-следственные связи в развитии действия. В тексте заметны элементы ритмической организации речи.

Неопубликованный вариант (ЧГПИ, Р-541, л. 15) — неполный, с пропусками текст записан в Читинской обл.

34. Кот да петушок. АТ 61В (СУС 61В Кот, петух и лиса). Зап. Н.А. Габышев в 1946 г. в д. Косухино Аллаиховского р-на Якутии. Исп. С.П. Киселев, 81 года, неграм. [106, № 1].

О сказочнике см. примеч. к № 2, а также в книге "Фольклор Русского Устья" [106, с. 16, 18—22, 304—308].

В репертуаре С.П. Киселева из 70 сказок лишь три сказки о животных. Они "лишены привычной для нас мягкости и не имеют признаков детских сказок" [106, с. 16].

О сюжете 61В см.: [53, примеч. к № 37—39].

Сюжет 61В в сибирских записях представлен в разновидностях. Часть текстов сходна с публикуемым по основным сюжетным ситуациям [27, № 3; 71, № 25; 74, № 4]; (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 6—7; ЯНЦ, № 778, л. 28; Зиновьев, записи от О. Лобина, В.И. Болвановой, А.Г. Паклутовой). В этих текстах варьируются песни лисы и петушка, имена дочерей лисы, меняются главные персонажи (кот и петушок; кот, воробей и петух; мужик и петух; лиса, петух и кот; заяц и петух; старик и петух).

Текст в записи М.К. Азадовского от А.А. Шелеховой в 1927 г. (ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 11, л. 17—22) — контаминация: СУС 61В+1+2. О сюжетах типа 1 и 2, входящих в соединение с 61В, см. наст. изд. № 26 и примеч. к нему.

В ряде текстов наблюдается соединение сюжета типа 61В с типом 327С,F.

О сюжете 327СЕ см.: [53, примеч. к № 106—111] и примеч. № 9 наст. изд.

Контаминация сюжетов 61В + 327С,Г в СУС не отмечена. Между тем, в Западной Сибири такой тип развития сюжета распространен. В Омской и Тюменской областях записано семь вариантов [84, с. 171—174; 104, № 3]; (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 2—4; ОГПИ, ЭК-25/1978, № 26, ЭК-9/1980, № 12; ТГПИ = копия: ОГПИ, ЭК-75/1987, № 8; ТГПИ = копия в ОГПИ, ЭК-79/1987, № 3).

Персонаж сказки — Жихарко (это петух или мальчик). Варьируется момент выманивания Жихарки бабой-ягой: или она заставляет его выглянуть в окошко, или, чаще, войдя в избу, начинает перебирать ложки с приговором.

35. Заяц и овцы. АТ 70 (СУС 70 Кто трусливее зайца?). Зап. Г.Н. Потанин в с. Чарышское Чарышского р-на Алтайского края. Исполнитель неизвестен [59, с. 122].

В СУС указаний на сибирские публикации нет.

Та же лаконичность формы и то же построение, как в публикуемом тексте, обнаруживается в других записях сказки (ср.: [14, № 63 и примеч. на с. 435]), что позволяет считать устойчивой определенную устную традицию в передаче сюжета.

36. Тетеря. АТ 81 (СУС 81 Заяц (тетерев) не хочет строить зимой избу). Зап. Г.Н. Потанин в с. Чарышское Чарышского р-на Алтайского края. Исполнитель неизвестен [59, с. 123].

Редкий сюжет: в СУС зафиксирован лишь один русский несибирский текст, данный не указан.

37. Медведь и бревно. АТ 88* (СУС 88* Медведь и бревно). Зап. В.П. Зиновьев в 1981 г. в пос. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл. Исп. Ф.А. Балагуров [74, № 8].

О сказочнике см. примеч. к № 27.

Русские тексты в СУС не зафиксированы. Сюжет отмечен по украинским публикациям. В нашем распоряжении других сибирских записей нет.

38. Дружба собаки и кота. АТ 100 + 117 (СУС 100 Волк в гостях у собаки + 117 Собака подражает волку). Зап. Л.Е. Элиасов в 1939 г. в с. Хобок Тункинского р-на Бурятии. Исп. Е.И. Сороковиков-Магай (БНЦ, № 2051, т. 5, л. 38—45). Есть ранний вариант того же исполнителя [22, № 50 = 72, № 19].

О сказочнике см.: [51].

О контаминации сюжетов 100 + 117 см.: [53, примеч. к № 59]. Сибирские публикации, кроме названных, в СУС не зафиксированы. В языке сказки Е.И. Сороковикова-Магая ощутимо влияние книжной речи, литературных приемов изображения персонажей.

39. Кот и лиса. АТ 103 (СУС 103 Кот и дикие животные). Зап. Р.П. Матвеева и Р.П. Потанина в 1979 г. в с. Байкальское Северо-Байкальского р-на Бурятии. Исп. А.С. Безотеческих, 61 года (БНЦ, № 3450, п. 2, л. 37—39).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 40].

Сюжет 103 в Сибири и на Дальнем Востоке зафиксирован вне контаминаций в Красноярском крае, в Омской, Томской и Читинской областях. Общее количество текстов шесть, из них три опубликованы. См. "Указатель сюжетов сказок".

Характерны постоянные для разных вариантов детали: кот из сибирских лесов, кот-бурмистр, начальник, принимает подарки.

40. [Сказка о волке и свинье]. АТ 106* (СУС 106* Волк и свинья). Зап. А.П.Долгополова в 1970 г. в г. Кызыле (Тува). Исп. О.Е. Бардакова. Сведений об исполнительнице нет (КГПИ).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 17, 51, 52].

Сибирский текст публикуется впервые.

Менее полный вариант записан в Омской области (ОГПИ, ЭК-32/1984, № 57).

41. Лошадь и тигр. АТ 118 (СУС 118 Лев и лошадь). Зап. в 1967 г. в с. Кукалево Вяземского р-на Хабаровского края. Исп. А.П. Привалов, 74 лет. Собиратель неизвестен (БНЦ, инв. № 3167, л. 91—93).

В русском сказочном репертуаре сюжет известен только по сибирским изданиям [5, № 2, с. 11—15; 22, № 49=72, № 18; 90, № 33]. В трех последних сборниках даны тексты в записи разных лет от одного и того же исполнителя — Е.И. Сороковикова-Магая.

К текстам Е.И. Сороковикова-Магая по развитию сюжета близок публикуемый вариант, но здесь иные место действия и персонаж (уссурийская тайга и тигр); начало сказки максимально ориентировано на рассказ о якобы действительных событиях. Отступление от сказочной традиции есть и в последнем эпизоде: тигр спрашивает волка, что он видит, лишь один раз (у Е.И. Сороковикова-Магая два-три раза).

42. Про кошечку. АТ 130 (СУС 130 Зимовье животных). Зап. В.П. Зиновьев в 1980 г. в с. Курумдюкан Газимуровского р-на Читинской обл. Исп. Н.Г. Бояркин, 75 лет [74, № 10].

О сюжете см.: [53, примеч. к № 63]. Ср.: [20, № 23 = 76, с. 178—181].

В публикуемом тексте сказочник с трогательной симпатией рассказывает о кошечке, о происходящих с ней событиях и даже о ее чувствах. Для характеристик разных животных используются элементы звукоподражания. Сказка имеет ярко выраженную мораль: сила в коллективе, но не всегда, увы, за добро платят добром.

43. [Мужик и медведь]. АТ 154 (СУС 154 Мужик, медведь и лиса). Зап. М.С. Филимоненко в 1974 г. в д. Сносск Купинского р-на Новосибирской обл. Исп. П.А. Шарикова, 69 лет (НГПИ, р. 1, т. 1236, № 8).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 23—26].

В публикуемом тексте нет характерного для данного сюжета персонажа — лисы, которая хитрыми советами помогает мужику избавиться от медведя. Здесь мужик сам обманывает наивного и глупого зверя. В тексте заметна характерная для позднего этапа бытования жанра сказки тенденция передавать речь персонажей в косвенной форме.

Есть опубликованный, более близкий к традиционному типу сюжета в своей первой части, вариант с контаминацией 154+1+2 [104, № 1], записанный тоже в Западной Сибири.

Имеются также варианты, зафиксированные в Восточной Сибири, с контаминациями сюжетов: 170+154+1+2+3 [74, № 1 = 73, № 39]; 170 + 154 (Зиновьев, запись от Р.С. Бессоновой в Читинской обл.).

О сюжетах 1 и 2 см. в примеч. к № 26, о сюжете 170 — к № 49.

Неконтаминированными другими сибирскими текстами, кроме публикуемого, мы не располагаем.

44. Волк и лиса. АТ 155 (СУС 155 Старая хлеб-соль забывается). Зап. В.Д. Кудрявцев в 1926 г. в с. Белоярское Минусинского р-на Красноярского края. Исп. И.А. Гордеев, 65 лет [87, № 10].

О сюжете см.: [53, примеч. к № 27].

Другими сибирскими вариантами, кроме публикуемого, мы не располагаем.

Своеобразие данного варианта состоит в том, что сказочник повествует от первого лица, делает себя участником событий, и таким образом его сказка обнаруживает близость к устным рассказам, к жанрам несказочной прозы.

45. Про лису и волка. АТ 158+1+2+4 (СУС 158 Звери в санях у лисы + 1 Лиса крадет рыбу с воза + 2 Волк у проруби + 4 Битый небитого везет). Зап. Р.П. Матвеева, Р.П. Потанина в 1968 г. в пос. Поярково Михайловского р-на Амурской обл. Исп. Ф.С. Чернова, 72 лет, неграм. (БНЦ, № 3180, п. 3, л. 5—8). О сказочнице см. в примеч. к № 9.

О сюжете 158 см.: [53, примеч. к № 4,6].

Сюжет зафиксирован в Амурской, Омской и Читинской областях, а также в Бурятии и Якутии. См. "Указатель сюжетов сказок". См. также примеч. к № 26, 49, 51.

46. [За добро добром]. АТ—(СУС —160А* За добро добром). Зап. Т.И. Жихарева в 1978 г. в с. Дурой Приаргунского р-на Читинской обл. Исп. В.К. Мурзина. Сведений об исполнительнице нет (ЧГПИ, Р-644).

Сюжет редкий. В СУС зафиксирован один текст — русский (Воронежская обл.). Как во многих сказках о животных, в публикуемом тексте мир животных сближается с миром людей. Это сказка с дидактической направленностью.

47. Медведь — липовая нога. АТ 161А* (СУС 161А* Медведь на липовой ноге). Зап. А. Попов в с. Усть-Мосиха Шаргинского р-на Алтайского края. Исп. К.Ф. Попова. Сведений об исполнительнице и времени записи нет (БНЦ, № 3288, п. 2, л. 400).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 57].

Кроме публикуемого сюжет зафиксирован еще в 12 текстах, записанных в Иркутской, Омской, Томской, Тюменской, Читинской областях, в Красноярском и Приморском краях, в Якутии. См. "Указатель сюжетов сказок".

В сибирских текстах традиционно варьируются начало (как медведь лишился лапы), песня медведя и конец сказки (был или не был убит медведь). Один текст — запись П.А. Городцова в Тюменской обл. (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 4) — представляет собой контаминацию сюжетов 163 (Пение волка, медведя) и 161 (Медведь на липовой ноге): такая контаминация в СУС не учтена.

Имеющиеся в части вариантов мотивы неприкосновенности зверя и наказания им человека за нарушение запрета являются наиболее архаичными в сибирских сказках о животных. Текст из Приморского края (БНЦ, № 3210, п. 5, л. 176—178) отличается от остальных необыкновенностью ряда ситуаций (медведь просит мужика спасти его от охотников; трижды вместо старухи он получает разных животных; медведь пугается измазанного в саже мужика). Названный вторым эпизод сходен с сюжетом типа 163 (см. № 48). Последний эпизод имеет неожиданную для сказок данного сюжета комическую разработку.

48. Сыновья. АТ 163 (СУС 163 Пение волка). Зап. Т.А. Хромова в 1977 г. в пос. Удокан Комаровского р-на Читинской обл. Исп. А.Т. Додина, 71 года (ЧГПИ, Р-309).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 49].

Распространенный в русском сказочном репертуаре сюжет в сборниках Сибири представлен только одним текстом [74, № 14].

Неопубликованные тексты записаны в Кемеровской (ТГУ, № 6), Новосибирской (НГПИ, р. 1, п. 72, № 3), Омской (ОГПИ, ЭК-72/1984, № 49), Томской (ТГУ, № 175), Тюменской (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 4), Читинской (ЧГПИ, Р-541, л. 11) областях, в Туве (КГПИ, зап. С.Б. Тюлют, от М.И. Кошкаревой). В них варьируется песня волка, которой он выманивает животных и людей, и различна развязка (волк всех съедает; его изгоняют и убивают). В двух текстах вместо волка медведь.

Публикуемый текст имеет своеобразное усложненное развитие сюжета, связанное с отъездом и возвращением трех сыновей к старикам. Характерны бытовые детали и диалектные особенности речи исполнителя, придающие тексту колорит.

49. [О лисе]. АТ 170 + 158 (СУС 170 За скалочку — гусочку + 158 Звери в санях у лисы). Зап. К. Бурдаков и И. Омельченко в 1982 г. в с. Заковряжино Сузунского р-на Новосибирской обл. Исп. П.Г. Юзжалина, 74 лет (НГПИ, ЭК-82, К-1342, № 2).

О сюжетах см.: [53, примеч. к № 4—8].

Данная контаминация характерна для русских сказок.

В сборниках Сибири представлены контаминированные тексты из Забайкалья и Якутии: СУС 170+154+1+2+3, неучтенная в СУС контаминация [74, № 1 = 73, № 39]; СУС 170+158 [106, № 2, 45].

Неопубликованные варианты из Бурятии, Омской и Читинской областей составляют две группы текстов: 1) СУС 170 (ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 12, л. 12—14; Зиновьев, зап. от Т.А. Деревцовой; ОГПИ, ЭК-19/1984, № 151; ЧГПИ, Р-303); 2) СУС 170+154 (Зиновьев, запись от Р.С. Бессоновой).

В сходных с нашей публикацией контаминированных текстах [106, № 2, 45] есть замена персонажа — лисы старушкой, которая останавливается на ночлег то в одной, то в другой юрте, пускает в свои сани, наряду с обычными для сюжета волком и медведем, горностая и песца. Старушка вместо лисы имеется и в архивной записи М.К. Азадовского (ГБЛ). Такая замена лисы старухой характерна для северорусской сказки [48, с. 8—13].

См. также примеч. к № 45, 51.

50. Про козу-резу. АТ 212 (СУС 212 Коза луплена). Зап. Г. Белошицкая и Г. Зиновьева в 1974 г. в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл. Исп. В.И. Болванова, 68 лет (Зиновьев).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 62].

В Сибири сюжет 212 вне соединений зафиксирован в Алтайском крае, в Новосибирской, Омской и Читинской областях. Два текста ранее опубликованы [20, № 19; 74, № 18]. Из семи архивных записей выделяются тексты с заметным украинским влиянием (НГПИ, запись от М.А. Криводы; ОГПИ, ЭК-29/1984, № 58).

В настоящем издании представлены два варианта — один в виде публикации № 50, другой воспроизводится на пластинке (см. его расшифровку в "Приложении").

В тексте № 50 есть вступительная часть, рассказывающая о том, почему старик решил зарезать козу. Подобной экспозиции с мотивировкой последующих действий персонажей в сказке на пластинке нет. Но звучащий текст ближе, чем текст № 50, к канону народной сказки по характеру повествования. Здесь сюжет развивается традиционно — с усиливающей художественный эффект троекратностью повторения одинаковых по смыслу эпизодов (трое животных безуспешно пытаются изгнать козу из чужой избушки).

В обоих вариантах сохранились монологи и диалоги в стихотворной форме, что является показателем ценности текстов.

Помимо всех названных выше текстов с сюжетом 212 (вне соединений) в нашем распоряжении есть один контаминированный текст с сюжетом 2015+212 (см. № 62 и примеч. к нему).

51. Репка. АТ 218В*+37+158 (СУС 218В* Небесная избушка + 37 Лиса-лекарка, плачея + 158 Звери в сенях у лисы). Зап. Т. Самусенко в с. Сосновка Томской обл. Исп. К.Н. Вахромеева, 65 лет. Время записи неизвестно (ТГУ, № 150 = БНЦ, № 3288, п. 2, л. 380—381).

О сюжетах см.: [53, примеч. к № 18—22] и примеч. к № 45 и 49 наст изд.

Данная контаминация в СУС не отмечена.

В сибирских записях есть еще контаминация 218В*+37, зафиксированная тоже в одном тексте [66, № 96]. Оба сюжета — редкие для сибирской традиции. Как самостоятельный сюжет 218В* не фиксировался; сюжет 37 вне соединения известен в единственной записи в Омской области (ОГПИ, ЭК-19/1984, № 150).

52. [Мышь и воробей]. АТ 222* (СУС 222* Мышь и воробей). Зап. М.К. Азадовский в 1927 г. в с. Нюрхай Тункинского р-на Бурятии. Исп. Г.А. Тугарин (ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 12, л. 51—52).

О сказочнике см. примеч. к № 22.

Сюжет известен как самостоятельный, но чаще в соединении с другими. См. перечень контаминаций [65, с. 317].

Зафиксирован в Бурятии, в Красноярском крае, в Иркутской, Омской и Тюменской областях. См. "Указатель сюжетов сказок".

Публикуемый текст дает представление о разработке сюжета типа 222* вне соединений с другими сюжетами. В данной его интерпретации сказка воспринимается как законченное произведение. Здесь подробно описывается война зверей и птиц. Концовка сказки ("И до тепере живут...") напоминает этиологические предания.

53. [Журавль и гагара]. АТ 244А* (СУС 244А* Журавль и цапля). Зап. Н.К. Козлова, И.Я. Панкрац и Н.А. Пуртова в 1981 г. в с. Бешаул Нижнеомского р-на Омской обл. Исп. П.А. Невротов, 73 лет (ОГПИ, ЭК-33/1981, № 130 = МАГ-1, № 10 — расшифровка Н.К. Козловой).

Известна лишь одна публикация русского несибирского текста [53, примеч. к № 72].

Текст П.А. Невротова своеобразен языковым колоритом — сочетанием звукоподражаний, имитирующих язык птиц, и разговорного крестьянского просторечья с наличием сибирских диалектных черт.

54. Воробей. АТ 248 (СУС 248 Собака и дятел). Зап. в с. Кургане Курганской обл. Сведений о собирателе и исполнителе нет [81, № 307].

О сюжете см.: [53, примеч. к № 66, 67].

В СУС из четырех зафиксированных русских текстов один — сибирский (вторично нами публикуемый). Это дидактическая по содержанию сказка.

55. [О Ерше Ершовиче]. АТ 254** + 253 (СУС 254** Ерш Ершович + 253 Рыбы в верше). Зап. А.А. Савельев в 1912 г. в д. Ярки Богучанского р-на Красноярского края. Исп. Н. Безруких. Сведений об исполнителе нет (ГАМ, № 4, д. 14/47—50, № 47, л. 284—285).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 77—80; 9, с. 41—44; 32, с. 113—115, 201—209, 241—242; 100, с. 14—15].

В русском фольклоре сюжет известен преимущественно по записям в северно-русских областях. Сибирский текст публикуется впервые.

Учитывая результаты анализа списков-редакций древнерусской "Повести о Ерше" и сказок о ерше [23, 52], а также принимая во внимание работы современных исследователей, можно определить своеобразие публикуемого нами текста.

Как и во всех устных вариантах сказки о ерше, в сибирском тексте ощущается ритмический строй. Что же касается содержания, то в нем гораздо меньшая, чем в других вариантах, зависимость от древнерусской повести.

События в публикуемом тексте лишены столь характерной для данного сюжета конкретной приуроченности места действия. Сказка начинается с типичного для устных вариантов рассказа о появлении ерша. Далее в нашем варианте нет судетного разбирательства, а есть только троекратное обращение мелких рыб то к одной, то к другой крупной рыбе с просьбой рассудить их с ершом. "Сом с большим усом" направляет мелкую рыбу к "судаку-недураку", а тот — к "щуке-белобрюхе, тонкие губы, остры зубы". Этот эпизод воспринимается как сатира на судебную волокиту и на самих судей. Тот момент, когда ерш дурачит щуку и заставляет ее есть себя с хвоста, имеет параллели в северно-русских текстах.

К следующей части сказки (о том, как ловили ерша и ели его рыболовы) имеются соответствия почти во всех устных вариантах, и в этой части сказки есть сходство с четвертой редакцией древнерусской повести [52, с. 168].

Концовка публикуемого варианта представляет собою сцепление не связанных с содержанием сказки рифмованных каламбурных припевок, по ритмике и содержанию перекликающихся с шуточными песнями сибирских вечерок. В нагромождении нелепостей в связи с похождениями ерша и в рифмованном строе рассказа исследователи видят проявление скоморошьего балагурного стиля, что характерно и для сибирского текста.

56. Слепень и комар. АТ 282B* (СУС 282B* Разговор комара со слепнем). Зап. Б. Герасимов в г. Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской обл. Исп. А. Гутов, 60 лет [20, № 26].

Из четырех зафиксированных в СУС русских текстов два — сибирские [20, № 26; 27, № 12]. Здесь публикуется первый из них.

57. [Терем мухи]. АТ 283B*+20A+15+1+2+3+4 (СУС 283B* Терем мухи+20A Звери в яме+15 Лиса-повитуха+1 Лиса крадет рыбу с воза + 2 Волк у проруби + 3 Лиса обмазывает голову тестом + 4 Битый небитого везет). Зап. М.В. Красноженова в д. Шипулина Богучанского р-на Красноярского края. Исп. В.Д. Вишневская, 52—56 лет [89, № 29].

О сюжетах см.: [53, примеч. к № 1—7, 29, 30, 82—84] и примеч. к № 26, 28 и 29 наст. изд.

Публикуемый текст — единственный зафиксированный в Сибири с сюжетом типа 283B*, который органично соединяется со следующим сюжетом. Данный тип контаминации сюжетов в перечне традиционных в СУС не указан.

Текст отличается цельностью. Традиционны прозвища животных, их диалоги, кумулятивная композиция сказки.

58. О мышке да пузырьке. АТ 295 (СУС 295 Пузырь, соломинка и лапоть). Зап. А.А. Савельев в 1916 г. в д. Ярки Богучанского р-на Красноярского края. Исп. Т. Безруких, 30 лет (ГАМ, № 4, п. 14/24, 25, № 24, л. 184).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 87].

Еще один вариант известен по записи в Читинской обл. [74, № 22].

Начало и конец публикуемого текста стилистически близки к тексту № 55, записанному в том же населенном пункте.

59. Старик и дрожь [дрозд]. АТ 555 (СУС 555 Исполнение желаний бедняка золотой рыбкой или деревом, лисой, котом, птицей). Зап. П.А. Городцов в 1907 г. в д. Артамоново Нижнетавдинского р-на Тюменской обл. Исп. Л.Л. Заякин (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 5).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 75].

Сюжет зафиксирован в Западной и Восточной Сибири, известен по немногочисленным публикациям [26, № 30; 81, № 363 (=104, № 25); 105, с. 119; 73, № 5; 106, с. 316].

Для сибирской народно-сказочной традиции, видимо, характерно, что в этой сказке старик и старуха не противопоставлены друг другу и исполнителем их желаний является грош-дрозд (о происхождении данного слова-образа см. во вступительной статье).

В текстах, отмеченных влиянием А.С. Пушкина, подобную функцию выполняет золотая рыбка, а старик и старуха оказываются на разных ступенях иерархии.

60. Машенька. АТ 703* (СУС 703* Снегурочка). Данных о собирателе, месте записи и об исполнителе нет (ТТУ, № 27).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 34].

В сборниках Сибири опубликовано два варианта [104, № 30; 76, с. 37—39], записанных в Омской области. Второй из них представляет контаминацию сюжетов 703*+780.

Публикуемый текст сходен с центральной частью варианта из сборника Н.А. Афанасьева [53, № 34]: Снегурушка встречается с разными животными.

В неопубликованном варианте, записанном в Омской области (ОГПИ, ЭК-9/1982, № 4), спасителем Снегурочки от медведя является бычок (мотив сюжета типа 314A* — бычок-спаситель).

В трех вариантах, зафиксированных в Красноярском крае (ГАМ, № 4, д. 14/26—29, № 28; д. 14/47—50, № 50; д. 14/58—69, № 61), бычок спасает от медведя глиняную девушку. Еще в одном варианте, записанном в Новосибирской области (НГПИ, ЭК-82, К-1342, № 7), девушку пытаются спасти от Бабы Яги петух и волк, но это удается сделать телочке.

61. [О петухе]. АТ 715А* (СУС 715А* Чудесный петушок и царь, барин). Зап. Г. Гаськова и Ж. Гизатулина в с. Ново-Чаново Барабинского р-на Новосибирской обл. Исп. С. Штезель, 11 лет (НГПИ).

В сборниках Сибири есть лишь один опубликованный вариант [80, № 193].

В публикуемом тексте вместо царя поп и нет социальных мотивов.

62. Про козу лупоглазу. АТ 2015 (СУС 2015 Нет козы с орехами + 212 Коза луплена). Зап. Т. Кузьмина, Н. Сильченко, Г. Шевченко в 1978 г. в с. Максимовка Тюкалинского р-на Омской обл. Исп. Лена Шабанова, 10 лет (ОГПИ, ЭК-29/1978, № 105).

О сюжетах см.: [53, примеч. к № 60, 61] и примеч. к № 50 наст. изд.

Это типичная по построению кумулятивная сказка.

Сюжет типа 2015 в сборниках Сибири представлен единственным текстом [27, № 11].

63. Про козла. АТ—(СУС—2015** Козел и встречные животные). Зап. Э. Лямина в 1981 г. в Иркутске Иркутской обл. Исп. М.Г. Воронин, 78 лет (ИГПИ).

Сибирских записей и публикаций сюжета не зафиксировано.

Очень выразителен язык публикуемого текста. Благодаря мягкому юмору и ритмическому складу повествования сказка воспринимается как шуточная, несмотря на определенный драматизм действия в ней.

64. О старике да старухе, о курочке и петушке. АТ 2021А (СУС 2021А Смерть петушка). Зап. А.А. Савельев в 1914 г. в д. Богучаны Богучанского р-на Красноярского края. Исп. Д.Я. Мутовин, 46 лет (ГАМ, № 4, д. 14/31, 32, л. 196—203, № 31).

О сюжете см.: [53, примеч. к № 69].

В сборниках Сибири текстов с таким сюжетом нет.

Это еще одна кумулятивная сказка. В ее лексике есть архаичные элементы. Несмотря на сокращения, сделанные собирателем, запись оставляет впечатление полного текста.

Есть неопубликованный вариант сказки, записанный в Омской области (ОГПИ, ЭК-66/1984, № 193).

ТЕКСТЫ СКАЗОК, ЗВУЧАЩИХ НА ГРАМПЛАСТИНКЕ

1. ПРО КОШЕЧКУ И СОБАЧКУ

Жили старик со старухой, у их был один сын. Когда старик помер, от его осталось наследство — триста рублей денег. Мальчик подрос, просит у матери:

— Мама, дай мне сто рублей.

Она дает ему сто рублей, он пошел. Пошел по дороге, встречат старичка. Он ведет кошечку на поводу.

— Продажна кошечка?

— Да, продажна.

— Сколь?

— Сто рублей.

Отдает сто рублей, берет кошечку, приводит домой.

— Мама, я кошечку купил.

— Вот на что ты купил, самим ись ничего, а ты ешо кошечку купил.

— Кошечка на этих же крошках проживет.

Ладно. Сколь время прошло, он опять просит:

— Мама, дай сто рублей.

Она дает ему опеть сто рублей. Приходит... Идет по дороге, стречат старичка, ведет старичок собачку.

— Продажна собачка?

— Продажна.

— Сколь?

— Сто рублей.

Ваня отдает сто рублей, берет коше...собачку. Приводит домой.

— Мама, я собачку купил.

— Ну вот, деньги истратил и ись нечего, ешо собачку купил.

— Собачка на этих же крошках проживет.

Ладно. Потом сколь время прошло, просит опеть:

— Мама, дай денег.

Она отдает ему:

— Ну вот, последни сто рублей, боле нету.

Он пошел. Стречат старичка. У его на руке перстень.

— Продажный перстень?

— Да, продажный.

— Сколь?

— Сто рублей.

Он отдает ему сто рублей, берет перстень, перстень не простой. Приходит домой:

— Мама, я перстень купил.

— Но вот, и денег нет, и ись нечего — перстень купил.

— Ну, эта не твоя печаль.

Ладно. Ут...Вечером легли спать. Он вышел на крыльцо:

— Перстень, перстень золотой, в тебе камень дорогой.

Выскочил Ярахта:

— Что, Ваня, прикажешь?

— А я прикажу то что, чтобы к утру был новый дом и новые амбары и полные хлеба были.

— Молись Спасу, ляжись спать, утром... поутру все будет готово.

Он помолился Спасу, лег спать, утром мать встала и в избе заблудилась, не знат, по какой двери выходить. Вышла, смотрит — новы амбары полны хлеба. Разбудила:

— Ваня, это что?

— Бог дал.

Ладно. Сколь они там живут, Ваня говорит:

— Мама, иди сватайся к царю. На дочере.

Мать говорит:

— Но, да чего ты, Ваня, кружашь, где же царь за нас отдас свою дочь.

— Ну отдас, не отдас, в лоб не подас. Спрос — не беда.

Мать собралась, пошла. Приходит:

— Вот так и так, за добрым делом за сватаньем.

Царь говорит:

— Вот, — говорит, — если он построит мост, как от вашего крыльца и до моего дворца, хрустальный, и чтоб на ём пели разные пташечки. Тогда, — говорит, — может, и отдам за его дочь.

Мать приходит:

— Вот так и так, Ваня.

— Но это, мама, не твоя печаль, моя.

Он дождался вечера. Вечером вышел на крыльцо:

— Перстень, перстень золотой, в тебе камень дорогой.

Выскочил Ярахта:

— Что, Ваня, прикажешь?

— А вот прикажу, чтоб к утру от моего крыльца и до царского дворца был золот... э-э... хрустальный дворец с перилами и чтоб на перилах разные пташечки пели.

— Молись Спасу, ляжись спать, поутру все будет готово. Да поране вставай, вроде ешо доделывашь.

Он помолился Спасу, лег спать. Утром встал, смотрит — мост готовой. Пошел, ешо там че-то шевелит. Царь погляд... встал, посмотрел — готовый мост. Ладно. Мать утром пошла к царю.

— Да, молодец, — говорит, — твой Ванюшка, мост выстроил. А теперь, — говорит, — надо выстроить церкву, чтоб освятить её и все чтоб готово, можно было имя венчаться.

Мать приходит, говорит:

— Вот так и так, Ваня, надо... царь сказал, чтоб построить церькву, освятить ее и...

— Ну ладно, это не твоя, мама, печаль, моя.

Дождался вечера:

— Перстень, перстень золотой, в тебе камень дорогой.

Выскочил Ярахта:

— Что, Ваня, прикажешь?

— А прикажу, — говорит, — чтоб к утру была выстроена... золотая церьква... церьква с золотой крышей.

— Молись Спасу, ляжись спать, поутру все будет готово, да утром вставай, ешо на крыше, подлаживай.

Он помолился Спасу, лег спать. Утром встал рано, смотрит — церьква готова, полез на крышу и ешо там поправлят маленько. Царь посмотрел — царьква готова.

— Ешо, — говорит, — чо-то делат там.

Ут... мать пришла:

— Вот молодец твой Ванюшка, сделал церькву... в срок. А теперь, — говорит, — теперь пусь, — говорит, — наберет поезжан и приезжат за невестой.

Ну, он... он, Ваня, собрал поезжан, приехали за невестой, сыграли свадьбу, все, живут. Она стала у Вани выпытывать, как это все он мог сделать: и мост, и церькву. Он сразу не говорил, а потом промолвился ей. И она ночью у его сняла колечко, перстень, с руки.

— Перстень, перстень золотой, в тебе камень дорогой.

Выскочил Ярахта:

— Что, — говорит, — молодая мадама, прикажешь?

— А вот прикажу, — говорит, — меня унести за море к такому-то такому. — Ей надо было за море замуж выйти.

— Молись Спасу, ляжись спать.

Она помолилась Спасу, утром встала — уже там. Ваня встал: перстня нету и жены нету. Царь прибежал проведать — нету, и Ваню посадили в тюрьму. От он в тюрьме сидит. Собака и кошка подкопались под тюрьму, он вышел на волю. Царь говорит:

— Ну ладно, пока не буду его никуда садить.

На воле два-три дня прожил, царь тогда его посадил в каменный столбец. Кошка и собака подскреблись, под столбец, туды. Ваня имя и говорит:

— Вот, кошка и собака, сбегайте, — говорит, — за море и принесите, — говорит, — мне перстень.

Кошка, собака побежали. Прибежали к морю, там рыбаки жили, кишков поели, то-друго. Кошка поплыла... Собака поплыла, кошка на собаку, переплыли. Переплыли, прибежали. Кошка под кр... собака под крыльцо, а кошка у дверей. Ну, кто-то вышел, кошка забежала. Забежала, дождалась вечера. Как легли спать, а она спала, и кольцо это было у ей в роте. Заспала, рот открытый был, кошка хвостиком кольцо вытащила и опять ко двере, кто пришел, она выскочила.

— Но, собака, — говорит, — побежим.

Прибежали к морю, собака поплыла, кошка на ее. На средину моря выплыла, кошка говорит:

— Отдай мне перстень, то я тебя утоплю.

Кошка стала ей перстень отдавать и уронили в море, перстень утопили. Переплыли, к Ване идти не с чем. Ну и живут тут у рыбаков, кишки едят. Рыбаки поймали большу шшуку, стали чистить. Очистили:

— О, смотри, — говорит, — ешо перстень сглонула, — на полочку положили, сами ушли в избушку.

Кошка на полочку, перстень взяла и побежали. Прибегают к Ване сразу в этот в каменный столбец, отдают ему кольцо. Он дождался вечера.

— Перстень, перстень золотой, в тебе камень дорогой.

Выскочил Ярахта:

— Что, Ваня, прикажешь?

— А вот прикажу, — говорит, — чтобы этот каменный столбец сделался песком.

— Молись Спасу, ляжись спать.

Он помолился Спасу, лег спать, разбудился на бугре — все песком сделалось, никакого каменного столбеца нету. Царь посмотрел — на воле.

— Ну, пускай, говорит, — может он что и найдет, жену.

Он опять дождался вечера:

— Перстень, перстень золотой, в тебе камень дорогой.

Выскочил Ярахта:

— Что, Ваня, прикажешь?

— А вот прикажу, чтобы унес мою жену и чтобы обратно принес.

— Молись Спасу, ляжись спать, поутру все будет готово.

Он помолился Спасу, лег спать, утром встал, жена рядом с им спит. Со стены берет плетку и давай плеткой выхаживать. Царь прибежал проведать, не нашел ли жену. Дверь открыл, увидел, что такое дело, думат: "И мне бы не попало". Заворотился — и обратно. Тогда стали жить и поживать.

2. [ПАДЧЕРИЦА]

Жил старик со старухой. У них, значит, была доченька, детей больше не было. Ну, вот, и вдруг заболела старуха и умерла. Ну что? Жили они, жили, ребенок еще был небольшой. Он нашел себе старую тоже старуху. И у ней тоже была доченька. Ну, учидилась падчерица.

Она свою доченьку так уж любила, а эту бедненькую всяко разно искарала. Ну, искарала ее и говорит однажды старику:

— Вот, старик, тебе задание. Давай собери свою дочь, на коня и увези ее в лес, чтоб ее никто не видал, а то иначе я жить с тобой не буду.

Ну ладно. Старику делать нечего, одному оставаться не охота, и он, значит, взял, поди, запрёг лошадь и повез ее в лес. Везет да плачет, а девочка не знает ничего, годов пятнадцать девочке.

Ну ладно. Привез ее и свалил в тайге, в падь. Стала она и пошла куды глаза глядят. Шла, шла эта девочка, видит: стоит избушка на курьих ножках на бараньих рогах. Она и говорит избушке:

— Избушка, избушка! Повернись ко мне передом, к лесу задом.

Повярнулась избушка, заходит туды девочка. Видит девочка: ляжит Баба Яга, ноги в потолок, титьки в грядке. Она и говорит:

— Здравствуй, девочка, ты как сюды попала?

Она:

— Бабушка, меня отправила сюда.

— Ну хорошо.

— Мамки-то у меня нет.

Ладно.

— Ну вот, моя дорогая, я теперича тебе сделаю два урока. Один урок: ты мене истопи баньку. А второй урок: ты мене опряди куль пряжи за ночь.

Ладно. Дала ей сито — воду таскать. Наклала дров она, затопила баню, а э... воду таскать — сито. Была-была девочка, сидела. Ну, что? Почерпнет — воды в сите нет. Она сидела, летит ласточка:

— Что, девочка, плачешь?

— Что ты, моя милая, помоги мне, замажь мне глинкой, я водички натаскаю.

Ласточка быстрехонько замазала ей глинкой сито. Она его подсушила и наворочила ей полну баню.

Вымылась Баба Яга и пошла домой. Хорошо [*неразб.*]. Ужином ее покормила. Ну, хорошо, Легла спать, а ей приташила куль пряжи:

— Вот, за ночь ты должна опрясь, иначе тебя съем.

Ну ладно. Девочка сидит. Прялка. Веретёшко. Вот теперича, сидела пряла-пряла, пряла-пряла, еще полкуля не опряла. А ночь уже кончается скоро. Ись захотела. Давай она варить кашу. Сварила кашу, давай ись. Глядит: а прибягает мышь и говорит:

— Девочка, девочка, дай кашки на ложку, я тебе прясь помогу.

Она ей наклала. Опеть. И так десять мышей прибежали, и она всех кашей накормила. И давай прясти, и давай ей прясти. И всю пряжу до утра вот таки клубки намотали, опряли всю. Девочка спит, ляжит. Спит, и пряжа вся опряжена. Вот Баба Яга обрадовалася, наградила ее, одела ее в красивое всё, и в сани красивые запрягла лошадь и отвязла ее домой.

А старуха блины пякет, поминки делат ей. Собачонка сидит:

— Хав-хав-хав! Старикову дочку в золоте да в серебре везут... Старикову дочку в серебре да в золоте везут.

Ну вот. Старуха теперь, значит, что? Бьет ее, собаку, пирожки пякет и готовится все равно, и вдруг въезжает дочь, такая пышная, одетая, красивая. Она мона́ток привязла сколько.

Она обжарилась [обзарилась], что:

— Ой, господи! Такая дочь приехала.

Ну, сколько там прошло, может, неделя, может, две, и говорит она старику:

— Вези мою дочку туды же, где свою возил.

Ну, собирает ее, накладывает ей и отправила ее. Вот так же получилося. Привез он ее в эту падь, свалил. Шла, шла она, пришла по той же дорожке, к этой же бабке.

Вот эта Баба Яга ей так же и задала, что ситом воду таскать. Она баню ей не истопила, пряжу ей не испряла, мышей всех прибила. И ету девочку она съела. Одне кости собрала в эти сани и повезла. Вот старуха готовит стречу. А собака:

— Хав-хав-хав! Коски да рожки везут старухиной дочки.

Ну и то. Когда она ее бьет, ругает, она никак не понимает, опеть ей повторяет:

— Хав-хав! Коски да рожки вязут!

Открываются ворота, куль с костями выбросила Баба Яга, и вот старуха пала в омморок и была такова.

И сказке конец, и Марфушке огурец.

3. КОЗА ЯРАЯ

Зарезал мужик ко́зу, нача́л с ней шкуру снимать, половину бока ободрал, ножик затупился, он пошел точить ножик. Коза соскочила и убежала в лисичкину хатку.

Приходит лисичка и говорит:

— Кто-кто в моёй хатке живет?

Она:

— Я коза ярая,
Половина бока драного.
Тупу-тупу ножками,
Сколю тебя рожками.
Вон-вон под печь,
Бородой замяту.

Испугалась лиса, сидит плачет. Вот идет волк.

— О чем, лисичка-сестричка, плачешь?

— Да как же мне не плакать, в моей хатке ктой-то живет.

— Пойдем, выгоню.

Подошли. Он говорит:

— Кто-кто в лисичкиной хатке живет?

Она:

— Я коза ярая,
Половина бока драного.
Тупу-тупу ножками,
Сколю тебя рожками.
Вон-вон под печь,
Бородой замяту.

— О-о-о, лисичка-сестричка, я боюся.
Сидят плачут. Идет мишка косолапый, медведь.
— О чем, лисица-сестрица, плачешь?
— Да как же мне не плакать, в моей хатке ктой-то живет.
— Пойдем, я выгоню.
Подошли.
— Кто-кто в лисичкиной хатке живет?
Она:

— Я коза ярая,
Половина бока драного.
Тупу-тупу ножками,
Сколю тебя рожками.
Вон-вон под печь,
Бородой замяту.

— О-о-о, лисичка-сестричка, я боюся.
Вот бежит зайчик. Прибежал зайчик.
— О чем, лисичка-сестричка, плачешь?
— Да как же мне не плакать, в моей хатке ктой-то живет.
— Пойдем, я выгоню.
— Да ну, что ты!
— Ну, пойде-е-м.
Подошли.
— Кто-кто в лисичкиной хатке живет?
Она:

— Я коза ярая,
Половина бока драного.
Тупу-тупу ножками,
Сколю тебя рожками.
Вон-вон под печь,
Бородой замяту.

— О-о-о, лисичка-сестричка, боюсь.
Сидят все плачут.
Бежит мышка-погромушка.
— О чем, лисичка-сестличка, плачешь?
Она говорит:
— Как же мне не плакать, в моей хатке ктой-то живет.
— Пойдемте, я выгоню.
— Да что ты, такая маленькая разве выгонишь?
— Пойдемте.
Подошли.
— Кто-кто в лисичкиной хатке живет?
Она:

— Я коза ярая,
Половина бока драного.
Тупу-тупу ножками,
Сколю тебя рожками.
Вон-вон под печь,
Бородой замяту.

— О-о-о, лисичка-сестличка, я боюсь.
Вот сидят все плачут.
Вот летитт пчелка: бжж-бжж-бжж.
— О чем, лисичка-сестричка, плачешь?
— Как же мне не плакать, в моей хатке ктой-то живет.

— Пойдемте, я выгоню.
— Ой, куда ж ты, такая маленькая, вон какие звери не могли выгнать, а ты разве выгонишь.
— Пойдемте!... Открывай двери!
Подошли.
— Кто-кто в лисичкиной хатке живет?
Она:

— Я коза ярая,
Половина бока драного.
Тупу-тупу ножками,
Сколю тебя рожками.
Вон-вон под печь,
Бородой замяту.

Залетела туда пчелка, как начала́ ее жалить. Коза выскочила — и потеда ее видали. И лисичка-сестричка стала жить-поживать в своёй хатке.

1. Про кошечку и собачку. СУС 560 Волшебное кольцо. Зап. Р.П. Матвеева, Р.Б. Назаренко в 1989 г. в с. Ярки Богучанского р-на Красноярского края. Исп. И.А. Лушников, 60 лет, грам. (БНЦ, № 3519, л. 100—105).
Расшифр. с м/п И.Г. Карасева.
2. [Падчерица]. СУС 480. Мачеха и падчерица. Зап. Р.П. Матвеева, Р.П. Потанина в 1975 г. в г. Киренск Иркутской обл. Исп. Л.В. Белова, 60 лет, малограм. (БНЦ, № 3419, п. 1, л. 127—131).
Расшифр. с м/п Р.П. Матвеева.
3. Коза ярая. СУС 212 Коза луплена. Зап. Н.В. Соболева в 1988 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. А.В. Федоринова, 73 лет. (БНЦ, № 3520, л. 140—143).
Расшифр. с м/п Н.В. Соболева.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ*

ААН — Архив Академии наук, Ленинградское отделение
АГО — Архив Географического общества
БККМ — Библиотека Красноярского краеведческого музея
Браславец — Личный архив К.М. Браславца. "Говор села Марково на Анадыре", г. Южно-Сахалинск
БНЦ — Рукописный отдел Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГБЛ — Государственная публичная библиотека им. В.И. Ленина. Отдел рукописей
ГЛМ — Государственный литературный музей. Отдел рукописей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей
ДВГУ — Записи студентов Дальневосточного государственного университета
Зиновьев — Архив В.П. Зиновьева в Иркутске, раздел сказок
ИГПИ — Фольклорный архив Иркутского государственного педагогического института, раздел "Сказки"
ИРЛИ — Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом). Отдел рукописей
КГПИ — Записи студентов Кызыльского государственного педагогического института
КГУ — Записи студентов Кемеровского государственного университета
КПИ — Записи студентов Курганского государственного педагогического института
КрПИ — Фольклорный архив Красноярского государственного педагогического института
НГПИ — Записи студентов Новосибирского государственного педагогического института
ОГПИ — Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького
ТГПИ — Записи студентов Тобольского государственного педагогического института
ТГУ — Кафедра советской литературы Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Отдел рукописей
ХАК — Архив Хакасского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ЧГПИ — Фольклорный архив Читинского государственного педагогического института
ЧОМ — Архив Читинского областного музея
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЯНЦ — Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Андреоли	— 45**	Верхнел.	— 18
Афанасьев	— 53	Верх. сб.	— 19
Василенко	— 92	Винокурова	— 2

*Наименования учреждений, архивов, рукописных фондов даны по состоянию на период подготовки книги к изданию.

**Здесь и далее цифровое обозначение указывает на номер источника в "Списке литературы".

Герасимов — 20
Гуревич — 72
ЖС — 25
Записки Красн. I — 26
Записки Красн. II — 27
Избр. маст. — 63
Кожемякина, 1968 — 91
Кожемякина, 1973 — 84
Красноженова, 1937 — 89
Красноженова, 1940 — 34
Кучеряванко — 38
Магай, 1940 — 90
Магай, 1968 — 88
Матвеева, 1979 — 69
Матвеева, 1980 — 64
Матвеева, 1984 — 65
Матвеева, 1987 — 68
Мельников — 86
Очерки Ирк. — 56
Парилов — 77
Потанин — 59
Прибайк. — 22
Русские сказки Сибири — 76
РФС, 1979 — 78
РФС, 1981 — 79
Сиб. — 87
Сказки XIX в. — 71
Ск. Забайк. I — 74
Ск. Забайк. II — 75
Смирнов — 81
Соболева, 1981 — 67
Соболева, 1985 — 66
СУС — 102
Тунк. — 80
ФЗС — 104
ФРУ — 106
Худяков — 16
Чичаева — 109
Шастина, 1971 — 110
Шастина, 1974 — 93
Шастина, 1975 — 112
Шастина, 1981 — 111
Шастина, 1985 — 73
AT — 117
Azadovskij — 116

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ СКАЗОК

В Указатель включены источники вариантов на сюжетные типы публикуемых сказок, учтены также варианты, сюжетный состав которых совпадает с публикуемой сказкой лишь частично. Номер и название сюжетного типа приведены по СУС, после названия сюжета — номер (номера) текста в настоящем издании. Названия источников обозначены в виде условных сокращений, список которых приведен. Источники расположены по месту записи (с учетом современного административно-территориального деления, исключение составляет Северо-Восток Сибири, куда входят северо-восточная часть Якутии и Камчатская обл.), опубликованные — в хронологической последовательности, архивные — в алфавитном порядке. За названием печатного источника следует номер текста (знак № опускается, как в АТ и СУС), в скобках со знаком равенства — последующие публикации. При этом в отдельных случаях дается ссылка на архив, если архивная запись послужила источником текста настоящего издания. Разные тексты, относящиеся к одному источнику, разделены запятой, название последующего источника отделено от предыдущего точкой с запятой.

Записи разных собирателей и разных лет от одного сказочника приведены как самостоятельные варианты. Учтены некоторые ссылки собирателей на неопубликованные тексты, если они сопровождались указаниями на сюжетный тип и имя сказочника.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

300₁ ПОБЕДИТЕЛЬ ЗМЕЯ № 2, 3

Алтайский край: Записки Красн. I, 52 (= Матвеева, 1980, 37); Герасимов, 8; Матвеева, 1980, 8; ГАМ, № 108, л. 2—10 об. (= наст. изд., № 3); л. 10 об. — 17.

Бурятия: Гуревич, 41; Прибайк., 27 (= Матвеева, 1979, 19), 33 (= Матвеева, 1979, 11), 34 (= Матвеева, 1979, 18) Магай, 1940, 2 (= Магай, 1968, 2; Матвеева, 1979, 5), 8 (= Магай, 1968, 8); Матвеева, 1979, 9 (= Матвеева, 1987, 14), 15, 16 (= Матвеева, 1987, 12); 1980, 45; 1984, 5; ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 17, тетр. 5, л. 2—21 об.; тетр. 6, л. 24—34.

Иркутская обл.: Винокурова, 6 (= Избр. маст., 19; Верхнел., 6; Матвеева, 1980, 44); Гуревич, 23 (= Матвеева, 1979, 12); Шастина, 1975, с. 169 (ссылка на неопубл. сказки Ф.Е. Томшина); 1985, 16; ГАКК, ф. 1839, оп, 1, ед. хр. 131, л. 4—8; ГБЛ, ф. 542, к. 4, ед. хр. 6, л. 30—37.

Красноярский край: Сиб., 12 (= Матвеева, 1981, 1); Красноженова, 1937, 15 (= Красноженова, 1940, с. 27—39; Матвеева, 1980, 35), 22; 1940, с. 159—163 (= Кр. альманах, 1940, кн. 1, с. 261—265); РФС, 1981, с. 136—139, 139—141; БНЦ, № 3235, п. 3, л. 315; лич. арх. Е.И. Шастиной — записи В.Д. Кудрявцева от А.С. Бакаева.

Курганская обл.: Смирнов, 305 (= Матвеева, 1984, 37).

Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 29 (= Матвеева, 1980, 36), 37 (= Матвеева, 1980, 39); НГПИ, п. 5, л. 6—7, 45—57, 98—105.

Омская обл.: Василенко, 1 (= Матвеева, 1979, 10); 2 (= Матвеева, 1980, 20); 7, 10; Кожемякина, 1968, с. 11—18 (= Кожемякина, 1973, с. 30—41; Матвеева, 1973, 13); 1973, с. 11—29; ФЗС, 9; ОГПИ, ЭК-15/1981, № 57.

Приморский край: Матвеева, 1979, 25.

Томская обл.: Парилов, 7 (= Матвеева, 1979, 23); Матвеева, 1979, 21, 26; ТГУ, № 346, 116 (копия БНЦ, № 3288, с. 371—374).

Тюменская обл.: Смирнов, 342 (= Матвеева, 1979, 14); ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 16, л. 11—12.

Читинская обл.: Матвеева, 1979, 24; Ск. Забайк. I, 34, 35 (=II, 37, 38); II, 39; Матвеева, 1984, 20, 21; БНЦ, № 3480, п. 1, л. 248—255; п. 2, л. 269—277, 300—313; Зиновьев, № 37а[1], 45а.

Северо-Восток: Верх. сб., 1 (= Худяков, с. 263—264; Матвеева, 1979, 27); Шастина, 1985, 55; ФРУ, 7 (= ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 122—135; наст. изд., № 2).

300А БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ № 1

Алтайский край: Записки Красн. I, 45 (= Матвеева, 1979, 28).

Иркутская обл.: Сиб., 14 (= Матвеева, 1979, 2; наст. изд., № 1); Гуревич, 22 (= Матвеева, 1980, 2); ИГПИ, с. 57—61.

Красноярский край: Записки Красн. I, 33 (= Матвеева, 1980, 21), 34 (= Матвеева, 1979, 8).

Омская обл.: Кожемякина, 1968, с. 76—79 (= Кожемякина, 1973, с. 118—122).

Томская обл.: Матвеева, 1979, 30.

Тува: личн. арх. М.П. Татаринцевой — записи от М.А. Мерзляковой, 1926 г. рожд.

Читинская обл.: БНЦ, № 3480, п. 1, л. 3.

301АВ ТРИ ПОДЗЕМНЫХ ЦАРСТВА № 1, 4, 5

Алтайский край: Записки Красн. I, 43 (= Матвеева, 1981, 12); Герасимов, 25.

Амурская обл.: Матвеева, 1980, 8.

Бурятия: Сиб., 17 (= Прибайк., 1905; Матвеева, 1979, 4), 18 (= Прибайк., 1907); Магай, 1940, 7 (= Магай, 1968, 7; Матвеева, 1980, 24); Тунк., 197; Матвеева, 1980, 10, 28; БНЦ, № 2699, п. 4, тетр. 6, л. 11—22; № 3464, л. 26—36; № 3471, л. 31—44 (= наст. изд., № 5).

Иркутская обл.: Винокурова, 7 (= Верхнел., 7; Матвеева, 1980, 17), 8 (= Верхнел., 8; Матвеева, 1980, 23); Azadovskij, 3 (= Избр. маст., 22; Верхнел., 23; Матвеева, 1980, 4; Шастина, 1985, 20); Сиб., 14 (= Матвеева, 1979, 2; наст. изд., № 1); Гуревич, 22; Очерки Ирк., с. 91—95 (= Шастина, 1971, 3; Матвеева, 1980, 19; Шастина, 1985, 18); Шастина, 1974, с. 42—51, 90—96 (= Матвеева, 1980, 29, 18); 1975, 1 (= Матвеева, 1980, 16; Шастина, 1981, с. 279—293; 1985, 19); 1975, с. 172 (ссылка на неопубл. сказки С.В. Высоких); Матвеева, 1980, 12; Шастина, 1985, 16; ГАКК, ф. 1839, оп. 1, ед. хр. 131, л. 6—12 ИГПИ, с. 9—10, 165—166.

Кемеровская обл.; КГУ* № 630, 66С/1986, с. 80—83; ГВС/26, с. 13—47.

Красноярский край: Записки Красн. I, (= Матвеева, 1980, 21); II, 10 (= Матвеева, 1981, 36); ЖС, 1912, II/IV, с. 357—365 (= Избр. маст., 10; Матвеева, 1979, 7), с. 365—386 (= Матвеева, 1979, 1; наст. изд., № 4); Красноженова, 1937, 18 (= Красноженова, 1940, с. 53—61; Матвеева, 1979, 3); Матвеева, 1980, 27; ГАМ, № 4, ед. хр. 14/58—59, л. 341 об. — 344; ИРЛИ, р. 5, к. 78, п. 13.

Курганская обл.: Афанасьев, 156 (= Матвеева, 1981, 7).

Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 31 (= Матвеева, 1979, 6).

Омская обл.: Василенко, 1 (= Матвеева, 1980, 20), 6, 9 (= Матвеева, 1980, 11); Кожемякина, 1968, с. 82—92 (= Кожемякина, 1973, с. 152—161; Матвеева, 1980, 1); Русские сказки Сибири, с. 11—17; ФЗС, 28; Матвеева, 1980, 7; ОГПИ, ЭК-32/1981, № 109.

Приморский край: Матвеева, 1980, 15.

Томская обл.: Матвеева, 1979, 21, 26; 1980, 3,9, 13, 26; ТГУ, № 138, 174.

Тюменская обл.: Смирнов, 340, 361 (= Матвеева, 1980, 5,14).

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 36 (= II, 40), 37 (= II, 41, Шастина, 1985, 46).

Северо-Восток: Верх. сб., 1 (= Худяков, с. 263—264; Матвеева, 1979, 27); ФРУ, 29, 37, 48, 51; ЯНЦ, № 1040, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 453, л. 8—9 (копия БНЦ, № 3315, п. 1, л. 59—60).

302[1] СМЕРТЬ КАЩЕЯ В ЯЙЦЕ № 1, 4

Алтайский край: Записки Красн. I, 43 (= Матвеева, 1981, 12); II, 15 (= Матвеева, 1981, 9).

Амурская обл.: БНЦ, № 3180, п. 4, л. 151—155.

Бурятия: Прибайк., 36; Магай, 1940, 8 (= Магай, 1968, 8); Матвеева, 1980, 28; ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 7, тетр. 5. л. 90—108; ед. хр. 231, тетр. 14, л. 11—17.

---

*Сведения из архива КГУ получены от С.Е. Репиной.

Иркутская обл.: Винокурова, 1, (= Избр. маст., 17; Верхнел., 1; Шастина, 1985, 17); Сиб., 14 (= Матвеева, 1979, 2; наст. изд., № 1; Верхнел., 30; Шастина, 1971, 26; 1981, с. 257—264; 1985, 21; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, тетр. 23, л. 139 об. — 149.

Красноярский край: ЖС, 1912, II/IV, с. 365—386 (= Матвеева, 1979, 1; наст. изд., № 4); Красноженова, 20 (= Матвеева, 1981, 11); Матвеева, 1984, 39; БНЦ, № 3253, л. 160—168.

Курганская обл.: Афанасьев, 156 (= Матвеева, 1981, 7).

Омская обл.: Матвеева, 1980, 7.

Тюменская обл.: Смирнов, 345; ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 16, л. 22—23.

Читинская обл.: БНЦ, № 3252, п. 5, л. 111—130, 142—170.

Северо-Восток: Шастина, 1985, 57 (= ФРУ, 3).

302$_2$ СМЕРТЬ КАЩЕЯ ОТ КОНЯ № 5

Алтайский край: Записки Красн. I, 55 (= Матвеева, 1981, 10).

Бурятия: БНЦ, № 3464, л. 26—36; № 3471, л. 31—44 (= наст. изд., № 5).

Красноярский край: Красноженова, 1937, 19 (= Красноженова, 1940, с. 70—84; Матвеева, 1981, 13).

Томская обл.: ТГУ, № 136.

Северо-Восток: Шастина, 1985, 54 (= ФРУ, 31); ФРУ, 46.

303 ДВА БРАТА № 4

Алтайский край: Герасимов, 8; ГАМ, № 108, л. 10—17.

Бурятия: Прибайк., 27 (= Матвеева, 1979, 19), 34 (=Матвеева, 1979, 18); Матвеева, 1980, 45; ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 17, тетр. 5, л. 2—21 об. (= тетр. 6, л. 24—34); ед. хр. 231, тетр. 2, л. 10—18.

Иркутская обл.: Шастина, 1974, с. 90—96 (= Матвеева, 1980, 18). 1975, 3.

Красноярский край: ЖС, 1912, II/IV, с. 157—365 (= Избр. маст., 10; Матвеева, 1979, 7)с. 365—386 (= Матвеева, 1979, 1; наст. изд. № 4); Красноженова, 1937, 20; БНЦ, № 3235, п. 3, л. 315; ИРЛИ, р. 5, к. 78, п. 13.

Новосибирская обл.: Мельников, с. 25—38.

Омская обл.: Василенко, 5, 7; Кожемякина, 1968, с. 70—75 (Кожемякина, 1973, с. 110—117); ФЭС, 9; ОГПИ, ЭК-28/1978, № 30а, ЭК-18/1981.

Приморский край: БНЦ, № 3210, п. 5, л. 44—50.

Томская обл.: Парилов, 3(= Матвеева, 1979, 17); ТГУ, № 346.

Читинская обл.: БНЦ, № 3480, п. 2, л.. 269—277; ИГПИ, с. 240—244.

Северо-Восток: Шастина, 1985, 63; ААН, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 125, л. 12—28.

307 ДЕВУШКА, ВСТАЮЩАЯ ИЗ ГРОБА № 6

Алтайский край: Записки Красн. I, 51; Герасимов, 21.

Бурятия: БНЦ, № 2777, л. 55—61, № 3464, л. 88—119 (= наст. изд., № 6); ГБЛ, ф. 542, тетр. 5, № 5.

Иркутская обл.: Шастина, 1975, с. 169 (ссылка на неопубл. сказки Ф.Е. Томшина); ИГПИ, с. 1—3, 71—74.

Красноярский край: Записки Красн. I, 3; II, 9.

Курганская обл.: Записки Красн. I, 63.

Новосибирская обл.: НГПИ, п. 5, л. 92—97.

Омская обл.: Кожемякина, 1973, с. 129—134.

Тюменская обл.: Смирнов, 326, 329.

Северо-Восток: ФРУ, 22; Браславец, п. "Говор села Марково на Анадыре" (копия БНЦ, № 3426, л. 55—62).

311 МЕДВЕДЬ (ЛЕШИЙ, ЧАРОДЕЙ, РАЗБОЙНИК) И ТРИ СЕСТРЫ № 7

Иркутская обл.: ИГПИ, с. 44—48.

Бурятия: ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 17, л. 47 об. — 51.

Кемеровская обл.: КГУ, № 596, 33С/1980, с. 24—28.

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 39 (=II, 43, Зиновьев, № 28; наст. изд., № 7; Зиновьев, 28а, б.

Северо-Восток: Шастина, 1985, 58 (= ФРУ, 41); ФРУ, 43; ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 125, л. 340—341.

313E* СЕСТРА ПРОСЕЛА № 20

Алтайский край: ИРЛИ, р. 5, к. 243, п. 3, л. 71—76.
Красноярский край: РФС, 1981, с. 151—153 (= наст. изд., № 20).
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-32/1981, № 101.

313H* БЕГСТВО ОТ ВЕДЬМЫ № 3

Алтайский край: ГЛМ, № 108, л. 2—10 об. (= наст. изд., № 3); № 109, л. 17—20 об.; ИРЛИ, р. 5, к. 243, п. 3, л. 44—47.
Бурятия: Магай, 1940, 4 (= Магай, 1968, 4).
Иркутская обл.: Избр. маст., 36 (= Матвеева, 1981, 24); Шастина, 26.
Красноярский край: Записки Красн. II, 10 (= Матвеева, 1981, 36); Хак. НИИЯЛИ, ф. 421, л. 85—88 (копия БНЦ, № 3253, п. 4, л. 111—114).
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-25/1978, № 10, ЭК-32/1981, № 101.
Приморский край: Кучерявенко, с. 45—52.
Томская обл.: Записки Красн. II, 20; Матвеева, 1981, 31; ТГУ, № 118 (копия БНЦ, № 3288, п. 2, с. 490—492).
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 28 (= II, 29); ЧОМ, ф. 2, ед. хр. 114, л. 19—23.
Северо-Восток: ФРУ, 46, 52, 60; Браславец, с. 62—63 (копия БНЦ, № 3426, л. 46—47).

315 ЗВЕРИНОЕ МОЛОКО № 3

Алтайский край: Записки Красн. I, 52; Герасимов, 7, 18; ГЛМ, № 108, л. 2—10 об. (= наст. изд., № 3), № 109, л. 1—16.
Бурятия: Гуревич, 9 (= Прибайк., 26); Магай, 1940, 6 (= Магай, 1968, 6; Матвеева, 1980, 34).
Иркутская обл.: Винокурова, 5 (= Верхнел., 5; Матвеева, 1980, 43), 6 (= Избр. маст., 19; Верхнел., 6); Гуревич, 23 (= Матвеева, 1979, 12); Шастина, с. 159 (ссылка на неопубл. сказки Р.Е. Шеметовой); ГБЛ, ф. 542, к. 4, ед. хр. 6, л. 30—37.
Красноярский край: Красноженова, 1937, 15 (= Красноженова, 1940, с. 27—39), 22.
Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 29, 37 (= Матвеева, 1980, 36, 39); НГПИ, п. 5, л. 6—7, 148—154.
Омская обл.: Василенко, 4; Кожемякина, 1968, с. 38—44 (= Кожемякина, 1973, с. 66—74).
Томская обл.: Герасимов, 7, 18 (= Матвеева, 1980, 41, 38); Матвеева, 1980, 42.
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, ед. хр. 84, л. 18—36.
Читинская обл.: Матвеева, 1979, 24; Ск. Забайкл. I, 35 (= II, 38); БНЦ, № 3480, п. 2, л. 300—313; Зиновьев, № 46а.
Северо-Восток: ФРУ, 40; Браславец, с. 55—58 (копия БНЦ, № 3426, л. 36—40.

318 НЕВЕРНАЯ ЖЕНА № 2

Бурятия: Матвеева, 1980, 30; 1984, 43.
Иркутская обл.: Шастина, 1975, 2 (= Матвеева, 1980, 33).
Кемеровская обл.: КГУ, ГВС/26, с. 13—37.
Красноярский край: ИРЛИ, р. 5, к. 78, п. 13, л. 81—86.
Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 27 (= Матвеева, 1980, 40).
Омская обл.: Кожемякина, 1968, с. 70—75 (= Кожемякина, 1973, с. 110—117); Матвеева, 1980, 32.
Приморский край: Матвеева, 1978, 31.
Томская обл.: Парилов, 7 (= Матвеева, 1979, 23).
Читинская обл.: БНЦ, № 3480, п. 2, л. 269—277.
Северо-Восток: Шастина, 1985, 55, 56 (= ФРУ, 4); ФРУ, 7 (= ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 122—135; наст. изд., № 2), 21, 39.

325 ХИТРАЯ НАУКА № 8

Алтайский край: ИРЛИ, р. 5, к. 243, п. 3, л. 108—113.
Бурятия: Матвеева, 1980, 30.
Иркутская обл.: Azadovskij, 6 (= Верхнел., 25), Избр. маст., 18; Винокурова, 4 (= Верхнел., 4; наст изд., № 8); Шастина, 1971, 10 (= Шастина, 1985, 22); 1975, 7.

Красноярский край: Красноженова, 1937, 26.
Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 27 (=Матвеева, 1980, 40).
Омская обл.: Кожемякина, 1968, с. 54—57 (= Кожемякина, 1973, с. 86—92); ФЗС, 12, ОГПИ, ЭК-34/1979, № 6, 11.
Приморский край: Фольклор Дальнеречья. — Владивосток, 1986, 5.
Тюменская обл.: Худяков, 119.
Северо-Восток: Шастина, 1985, 59; ФРУ, 42.

327B МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК У ВЕДЬМЫ № 17

Алтайский край: Записки Красн. I, 36.
Иркутская обл.: ГПБ, ф. 1006, ед. хр. 367, л. 27—28.
Кемеровская обл.: КГУ, № 573, 10С/1980, с. 22—25; ФЗС, 14; ОГПИ, ЭК-7/1978, № 10.
Приморский край: Кучерявенко, с. 45—52.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 40 (= II, 45); Зиновьев, № 66а.
Северо-Восток: БНЦ, № 3315, п. 1, л. 470—472; п. 2, л. 200—213.

327C, F МАЛЬЧИК И ВЕДЬМА № 9

Алтайский край: Записки Красн. I, 41; Герасимов, 17; ИРЛИ, р. 5, к. 243, п. 3, л. 37—40, 40—43.
Амурская обл.: БНЦ, № 3180, п. 3, л. 156—159 (= наст. изд., № 9).
Бурятия: БНЦ, № 2777, л. 192—194; № 3274, п. 5, л. 126—130.
Иркутская обл.: ИГПИ, с. 7—8.
Кемеровская обл.: КГУ, № 251, ВКВ/36, с. 5—7; № 626, 63С/1978, с. 10—11; № 643, 1НГ/21, с. 18—21; ТГУ, № 6.
Красноярский край: Записки Красн. I, 32, II, 4; ЖС, 1912, II/IV, с. 319—320; ГАМ, № 4, ед. хр. 14/51—54, л. 298—300 об.
Курганская обл.: Афанасьев, 106.
Омская обл.: Кожемякина, 1973, с. 171—174; ФЗС, 3, 13, 14; ОГПИ, ЭК-25/1978, 26.
Тюменская обл.: Смирнов, 343.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 41 (= II, 47); БНЦ, № 3480, п. 1, л. 208—212; Зиновьев, № 23.
Северо-Восток: Браславец, с. 59—61 (копия БНЦ, № 3426, л. 41—45).

329 ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ № 10

Иркутская обл.: Винокурова, 10 (= Верхнел., 10); Шастина, 1971, 16; 1975, 7.
Кемеровская обл.: КГУ, № 593, 30С/1977, с. 11—17.
Красноярский край: ЖС, 1912, II/IV, с. 345—350 (= Красноженова, 1940, с. 108—115); Сиб., 2; (= наст. изд., № 10); Красноженова, 1937, 3 (= Чичаева, с. 106—115).
Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 28.
Омская обл.: Кожемякина, 1968, с. 80—83 (= Кожемякина, 1973, с. 123—129).
Тюменская обл.: Смирнов, 355.

400$_1$ МУЖ ИЩЕТ ИСЧЕЗНУВШУЮ ИЛИ ПОХИЩЕННУЮ ЖЕНУ № 5, 11, 12

Алтайский край,: Записки Красн. I, 55, II, 15 (= Матвеева, 1981, 9); Герасимов, 2, 16.
Бурятия: Гуревич, 40; Магай, 1968, 12 (= Матвеева, 1981, 17); БНЦ, № 3464, л. 26—36; № 3471, л. 31—44 (= наст. изд., № 5); Шастина, 1985, 1 (= ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 8, л. 1—28; наст. изд., № 12).
Иркутская обл.: Шастина, 1971, 16, 26; 1975, 7; 1985, 21; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, тетр. 23, л. 139—149 об.
Красноярский край: Записки Красн. II, 13; ЖС, 1912, II/IV, с. 345—350 (= Красноженова, 1940, с. 108—115); Красноженова, 1937, 3 (= Чичаева, с. 106—115); 1940, с. 169—177 (= Матвеева, 1981, 11); БНЦ, № 3253, л. 160—168; ГАМ, № 4, ед. хр. 14/58—69, л. 363—368 об.
Курганская обл.: Афанасьев, 267.
Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 25, (= наст. изд., № 11), 28.
Омская обл.: Василенко, 3; Кожемякина, 1986, с. 66—69, 84—92 (= Кожемякина, 1973, с. 105—110, 152—161); Матвеева, 1980, 1; 1982, 37.
Томская обл.: Парилов, 5; Матвеева, 1979, 26; ТГУ, № 149.

Тюменская обл.: Смирнов, 335, 339, 341, 345, 355.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 27, 31 (= II, 28, 32); БНЦ, № 3252, п. 5, л. 142—170.
Северо-Восток: Верх. сб., 4 (= Худяков, с. 267), Шастина, 1985, 54 (= ФРУ, 31).

400$_2$ ЦАРЬ-ДЕВИЦА № 4

Иркутская обл.: Шастина, 1971, 22; ИГПИ, с. 185—188.
Красноярский край: ЖС, 1912, II/IV, с. 365—386 (= наст. изд., № 4).
Приморский край: Матвеева, 1979, 25.
Томская обл.: Матвеева, 1979, 26.
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 16, л. 13—14 об.
Северо-Восток: ААН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 125, л. 97—114.

402 ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА № 12

Алтайский край: Герасимов, 6; ИРЛИ, р. 5, к. 243, п. 3, № 26. л. 83—95.
Амурская обл.: БНЦ, № 3180, п. 4, л. 151—155.
Бурятия: Прибайк., 38; Шастина, 1985, 1 (= ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 8, л. 1—28; наст. изд., № 12); БНЦ, № 2699, п. 4, тетр. 7, л. 1—12; ГБЛ, ф. 542, к. 40, ед. хр. 1, л. 76—81.
Иркутская обл.: Шастина, 1971, 26, с. 159 (ссылка на неопубл. сказки Р.Е. Шеметовой); 1975, с. 174 (ссылка на неопубл. сказки З.Е. Пермяковой); ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 6; ИГПИ, с. 16—19, 67—71, 91—96, с. 211—212.
Красноярский край: Записки Красн. I, 7; РФС, 1981, с. 141—145; БНЦ, № 3253, л. 160—168.
Курганская обл.: Афанасьев, 267.
Омская обл.: ФЗС, 16, 17.
Приморский край: БНЦ, № 3210, п. 5, л. 88—89.
Томская обл.: Парилов, 8.
Тюменская обл.: Смирнов, № 345; ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 16, л. 22—23.
Читинская обл.: БНЦ, № 3252, п. 5, л. 142—170; № 3480, п. 1, л. 5.
Северо-Восток: Браславец, с. 64 (копия БНЦ, № 3426, л. 48—49).

428 ДЕВУШКА НА СЛУЖБЕ У ВЕДЬМЫ № 13

Красноярский край: ГЛМ, № 4, ед. хр. 14/58—59, л. 339—341 об. (= наст. изд., № 13).

433В ЦАРЕВИЧ-РАК № 14, 15

Бурятия: Матвеева, 1987, 9 (= БНЦ, № 3274, п. 3, л. 89—95; наст. изд., № 15).
Иркутская обл.: Шастина, 1971, 22; ИГПИ, с. 62—66, 213—216 (= наст. изд., № 14).
Омская обл.: Кожемякина, 1968, с. 66—69 (= Кожемякина, 1973, с. 105—110).
Томская обл.: ТГУ, № 24, 28.

465А КРАСАВИЦА ЖЕНА («ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА») № 16

Бурятия: Магай, 1968, 13; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 1, № 5.
Иркутская обл.: Винокурова, 10 (= Верхнел., 10; Шастина, 1971, 9, 16; 1975, 6, с. 169 (ссылка на неопубл. сказки Ф.Е. Томшина)); ГПБ, ф. 1006, ед. хр. 358, л. 104—108; ед. хр. 367, л. 45—48 (= наст. изд., № 16); ИГПИ, с. 297—300.
Красноярский край: БНЦ, № 3253, п. 2; л. 127—143.
Курганская обл.: Смирнов, 310.
Новосибирская обл.: НГПИ, п. 5, л. 82—90, 217—222.
Омская обл.: Василенко, 3; Кожемякина, 1973, с. 11—29.
Томская обл.: Матвеева, 1979, 26; ТГУ, № 276.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 49 (= II, 57); II, 49.
Северо-Восток: ФРУ, 5, 29, 49, 57; ААН, ф. 250, ед. хр. 125, л. 60—67 об.

465В КРАСАВИЦА ЖЕНА (ГУСЛИ-САМОГУДЫ) № 17

Алтайский край: Записки Красн. I, 36 (= наст. изд., № 17).
Красноярский край: ГЛМ, № 4, ед. хр. 14/39—40, л. 224 об.—235.

Курганская обл.: Смирнов, 310.
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 16, л. 50—51.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 49 (= II, 57).
Северо-Восток: ФРУ, 23, 38.

502 МЕДНЫЙ ЛОБ № 18

Бурятия: Матвеева, 1979, 15; 1981, 5; БНЦ, № 2780, п. 1, л. 51—95.
Иркутская обл.: ИГПИ, с. 54—57.
Красноярский край: Сиб., 12 (= Матвеева, 1981, 1); личн. арх. Е.И. Шастиной — записи В.Д. Кудрявцева от А.С. Бакаева (= наст. изд., № 18).
Курганская обл.: Афанасьев, 125 (= Матвеева, 1981, 2); Смирнов, 303.
Новосибирская обл.: НГПИ, п. 5, л. 106—114.
Омская обл.: Кожемякина, 1973, с. 11—29.
Томская обл.: Матвеева, 1981, 4.
Тюменская обл.: Смирнов, 356 (= Матвеева, 1981, 3).
Северо-Восток: Верх. сб., 2, с. 268—298; ФРУ, 58.

507 БЛАГОДАРНЫЙ МЕРТВЕЦ № 6

Бурятия: БНЦ, № 2777, л. 55—61; № 2780, п. 1, л. 17—51; № 3464, л. 88—119 (= наст. изд., № 6); ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 5.
Иркутская обл.: ИГПИ, с. 71—74.
Омская обл.: Кожемякина, 1968, с. 129—134.
Тюменская обл.: Смирнов, 329.

510В СВИНОЙ ЧЕХОЛ № 20

Бурятия: БНЦ, № 2699, п. 1. л. 6—13.
Иркутская обл.: Шастина, 1971, 13; 1975, с. 174 (ссылка на неопубл. сказки З.Е. Пермяковой); ИГПИ, с. 51—53.
Красноярский край: Записки Красн. I, 12; РФС, 1981, с. 151—153 (= БНЦ, № 3443, п. 1, л. 133—140; наст. изд., № 20).
Омская обл.: Василенко, 13.
Томская обл.: ТГУ, № 95, 243.
Тюменская обл.: ТГУ, № 208.

518 ОБМАНУТЫЕ ЧЕРТИ № 10

Алтайский край: Герасимов, 5.
Бурятия: Шастина, 1985, 7; БНЦ, № 2699, п. 4, тетр. 7, л. 1—12; № 3192, тетр. 1, л. 1—11; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 8, л. 53—58; к. 38, ед. хр. 7, тетр. 5, л. 90—108.
Иркутская обл.: Шастина, 1971, 9; 1975, с. 169 (ссылка на неопубл. сказки Ф.Е. Томшина); ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, тетр. 21, л. 150—151.
Красноярский край: Сиб., 2 (= наст. изд., № 10).
Приморский край: БНЦ, № 3210, п. 5, л. 20—24, 56—60.
Томская обл.: ТГУ, № 95.
Северо-Восток: Шастина, 1985, 63; ФРУ, 6.

519 СЛЕПОЙ И БЕЗНОГИЙ № 21

Алтайский край: Герасимов, 1.
Бурятия: Магай, 1940, 1 (= Магай, 1968, 1); Шастина, 1985, 4; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 18, л. 34—48.
Иркутская обл.: ИРЛИ, р. 5, к. 87, п. 1, л. 1—12 (= наст. изд., № 21).
Омская обл.: Василенко, 5; ОГПИБ, ЭК-22/1983, № 43.
Северо-Восток: Шастина, 1985, 63; ФРУ, 6; ААН, ф. 250, ед. хр. 125, л. 97—114 об.

Алтайский край: Записки Красн. I, 54 (= Матвеева, 1984, 2); Герасимов, 1; ИРЛИ, р. 5, к. 243, п. 3, л. 120—127.

Бурятия: Прибайк., 33 (= Матвеева, 1979, 11); Матвеева, 1984, 9—11, 19, 25; БНЦ, № 2777, л. 1—3; № 2780, п. 1, тетр. 5, л. 26—32; № 3471, л. 24—31; ГАКК, ф. 1839, оп. 1, ед. хр. 131, л. 13—16 (копия БНЦ, № 3290, л. 119—122); ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 6, л. 37—58.

Иркутская обл.: Очерки Ирк., с. 83—88 (= Шастина, 1971, 2; Шастина, 1981, с. 269—276; Матвеева, 1984, 16); Шастина, 1971, с. 154, 159, 164 (ссылка на неопубл. сказки Д.А. Коношанова, Р.Е. Шеметовой, Т.П. Дуловой); 1975, с. 169, 172, 174 (ссылка на неопубл. сказки Ф.Е. Томшина, С.В. Высоких, З.Е. Пермяковой); Матвеева, 1984, 6, 30; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, тетр. 25, л. 150—155; ГПБ, ф. 1006, ед. хр. 359, л. 160—161; ИГПИ, с. 21—23, 76—77, 97—100, 120—123, 137—141, 151, 295; ИРЛИ, р. 5, к. 39, п. 1, л. 2.

Кемеровская обл.: КГУ, № 570, 7С/1979, с. 31—37; № 580, 17С/1978, с. 5—7; № 589, 26С/1978, с. 23—27; ТГУ, № 231.

Красноярский край: Красноженова, 1937, 23 (= Красноженова, 1940, с. 166—173, Матвеева, 1984, 8); Матвеева, 1984, 1, 13, 18; ГАМ, № 4, ед. хр. 14/58—59, л. 356—361; личн. арх. Е. И. Шастиной — записи В. Д. Кудрявцева от А. С. Бакаева (= наст. изд., № 19).

Курганская обл.: Афанасьев, 179 (= Матвеева, 1984, 4).

Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 23.

Омская обл.: ФЗС, 21; ОГПИ, ЭК-51/1969, № 1; ЭК-28/1978, № 37; ЭК-67/1980, № 12; ЭК-51/1980, № 48; ЭК-33/1981, № 131.

Томская обл.: Герасимов, 11 (= Матвеева, 1984, 5); Парилов, 6 (= Матвеева, 1984, 14); Матвеева, 1984, 15, 17; ТГУ, № 58, 158.

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 23 (= II, 23; Матвеева, 1984, 24; Шастина, 1985, 43), 24 (= II, 24; Матвеева, 1984, 23); Матвеева, 1984, 20—22, 35; БНЦ, № 3480, п. 1, л. 129—133; Зиновьев, 37а[1], в.

Северо-Восток: Шастина, 1985, 61; ФРУ, 24, 25, 52, 60; Браславец, 51—54 (копия БНЦ, № 3426, л. 21—24); личн. арх. М. Ф. Дружининой, тетр. 2, л. 11—18; тетр. 6—7, л. 1—39 (копия БНЦ, № 3315, п. 1, л. 573—575); ААН, ф. 250, ед. хр. 125, л. 51—59 об., 97—114 об.

530А СВИНКА ЗОЛОТАЯ ЩЕТИНКА № 19

Алтайский край: Записки Красн. I, 54.

Бурятия: Прибайк., 33; Тунк., 192; Матвеева, 1984, 9, 11, 25; БНЦ, № 3471, л. 24—31.

Иркутская обл.: Очерки Ирк., с. 83—88 (= Шастина, 1971, 2; 1981, с. 269—276; Матвеева, 1984, 16); Шастина, 1971, с. 159 (ссылка на неопубл. сказки Р. Е. Шеметовой); 1975, с. 174 (ссылка на неопубл. сказки З. Е. Пермяковой); ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, тетр. 25, л. 150—155.

Кемеровская обл.: КГУ, НФД/18, с. 27—35.

Красноярский край: Красноженова, 1937, 23 (= Красноженова, 1940, с. 166—173; Матвеева, 1984, 8); Матвеева, 1984, 1, 18; ГАМ, № 4, ед. хр. 14/58—69, л. 356—361; личн. арх. Е. И. Шастиной — записи В. Д. Кудрявцева от А. С. Бакаева (= наст. изд., № 19).

Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 23; Мельников, с. 10—25.

Омская обл.: ОГПИ, ЭК-4/1969, № 1; ЭК-51/1980, № 48.

Томская обл.: Парилов, 6 (= Матвеева, 1984, 14); Матвеева, 1984, 15.

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 24, 26 (= II, 24, 27; Матвеева, 1984, 23, 45); Зиновьев, № 45а.

Северо-Восток: Шастина, 1985, 61; ФРУ, 24, 25; личн. арх. М. Ф. Дружининой, тетр. 2, л. 11—18, тетр. 6—7, с. 1—39 (копия БНЦ, № 3315, п. 1, л. 573—575).

532 НЕЗНАЙКА № 2

Алтайский край: Герасимов, 21; ИРЛИ, р. 5, к. 243, п. 3, л. 58—66.

Бурятия: Матвеева, 1984, 11, 43; БНЦ, № 2697, п. 3, л. 49—55.

Иркутская обл.: Гуревич, 23 (= Матвеева, 1979, 12); Матвеева, 1984, 6; БНЦ, № 3420, п. 2, л. 85—90.

Красноярский край: Записки Красн. I, 4 (= Матвеева, 1984, 38); ЖС, 1912, II/IV, с. 331—340 (= Матвеева, 1984, 40); Красноженова, 1937, 16 (= Красноженова, 1940, с. 46—52; Матвеева, 1984, 41); Матвеева, 1984, 39, 42, 48; Шастина, 1985, 16.

Курганская обл.: Смирнов, 305 (= Матвеева, 1984, 37).

Новосибирская обл.: Мельников, с. 10—25.

Омская обл.: Василенко, 2 (= Матвеева, 1979, 10); Кожемякина, 1968, с. 11—18 (= Кожемякина, 1973, с. 30—40; Матвеева, 1979, 13); Матвеева, 1981, 39; ОГПИ, ЭК-18/1981.

Приморский край: Матвеева, 1984, 46.

Томская обл.: Матвеева, 1984, 44; ТГУ, № 346, 239.

Тюменская обл.: Смирнов, 356 (= Матвеева, 1981, 3); ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 84, л. 18—36.

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 26 (=II, 27, Матвеева, 1984, 45; Шастина, 1985, 44); БНЦ, № 3252, п. 5, л. 111—130.

Северо-Восток: Шастина, 1985, 55; ФРУ, 7 (= ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 122—135; наст. изд., № 2).

552А ЖИВОТНЫЕ ЗЯТЬЯ № 4, 5

Амурская обл.: БНЦ, № 3180, п. 4, л. 151—155.

Бурятия: Прибайк., 32 (= Гуревич, 10); Магай, 1940, 5 (= Магай, 1968, 5); БНЦ, № 3464, л. 26—36; № 3471, л. 31—44 (= наст. изд., № 5).

Иркутская обл.: Верхолен., 30; Шастина, 1985, 21; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, тетр. 23, л. 139 об. — 149 об.

Красноярский край: ЖС, 1912, II/IV, с. 365—386 (= Матвеева, 1979, 1; = наст. изд. № 4); Красноженова, 1937, 20 (= Матвеева, 1981, 11); ГАМ, № 4, ед. хр. 14/58—69, л. 363—368 об.

Новосибирская обл.: Мельников, с. 10—25.

Омская обл.: ФЗС, 24; ОГПИ, ЭК-28/1978, № 31.

Томская обл.: ТГУ, № 346.

Тюменская обл.: Худяков, 118.

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 31 (= II, 32); ЧОМ, ф. 2, ед. хр. 114, л. 9 об. — 12 об.

Северо-Восток: Шастина, 1985, 54 (= ФРУ, № 31).

554 БЛАГОДАРНЫЕ ЖИВОТНЫЕ № 5

Алтайский край: Записки Красн. I, 55.

Амурская обл.: БНЦ, № 3180, п. 4, л. 151—155.

Бурятия: Гуревич, 41; Прибайк., 27 (= Матвеева, 1979, 19); Магай, 1940, 8 (= Магай, 1968, 8); Тунк., 192; БНЦ, № 3464, л. 26—36; № 3471, л. 31—44 (= наст. изд., № 5).

Иркутская обл.: Шастина, 1975, 3, с. 169, 172 (ссылка на неопубл. сказки Ф.Е. Томшина и С.В. Высоких); ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, тетр. 23, л. 139 об. — 149 об.

Кемеровская обл.: КГУ, ГНЖ/19, № 296, с. 41—48.

Красноярский край: Матвеева, 1984, 39.

Омская обл.: Василенко, 7, 21.

Томская обл.: ТГУ, № 136.

Тува: личн. арх. М.П. Татаринцевой — запись от М.А. Мерзляковой, 1926 г. рожд.

Читинская обл.: БНЦ, № 3480, п. 2, л. 300—313.

Северо-Восток: ФРУ, 31, 35.

560 ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО № 17, 22

Алтайский край: Записки Красн. I, 36 (= наст. изд. № 17).

Бурятия: Избр. маст., 38 (= Магай, 1940, 3; Магай, 1968, 3); Прибайк., 35; Матвеева, 1980, 28; Шастина, 1985, 6; БНЦ, № 2697, п. 3, л. 76—83, 119—125; № 2777, л. 120—141; № 2780, п. 1, тетр. 4, л. 60—65; тетр. 5, л. 51—57; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 3, л. 27—59 (= наст. изд., № 22); тетр. 5, л. 78—109.

Иркутская обл.: Винокурова, 11 (= Верхнел., 11); Избр. маст., 36 (= Матвеева, 1981, 24); Шастина, 1974, с. 42—51 (= Матвеева, 1980, 29); 1975, с. 169, 172 (ссылка на неопубл. сказки Ф.Е. Томшина, С.В. Высоких).

Красноярский край: Красноженова, 1937, 19 (= Красноженова, 1940, с. 70—84; Матвеева, 1981, 13); ЬККМ, 398 (09), № 136.

Курганская обл.: Смирнов, 301; Афанасьев, 156 (= Матвеева, 1981, 7).

Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 39.

Омская обл.: Василенко, 3, 8; Кожемякина, 1968, с. 45—53 (= Кожемякина, 1973, с. 74—86); ФЗС, 26; ОГПИ, ЭК-3/1978, № 138; ЭК-39/1981, № 34.

Томская обл.: Парилов, 14; ТГУ, № 273.

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 51 (= II, 59); Зиновьев, № 39.
Северо-Восток: ФРУ, 8, 55; БНЦ, № 3315, п. 1, л. 20—32, 85—87.

562 ДУХ В ГОЛУБОМ СВЕТЕ № 11

Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 16, 25 (= наст. изд., № 11).

564 ЧУДЕСНЫЕ ДАРЫ № 23

Алтайский край: Записки Красн. I, 44.
Бурятия: БНЦ, № 2780, п. 1, тетр. 8, л. 32—34; № 3464, л. 37—39; № 3471, л. 21—23 (= наст. изд., № 23).
Иркутская обл.: ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 234, тетр. 28, л. 201—205; ГПБ, ф. 1006, ед. хр. 367, л. 40—41.
Красноярский край: ЖС, 1912, II/IV, с. 322—325 (= Красноженова, 1940, с. 87—91); ГАКК, ф. 1839, оп. 1, д. 138, л. 24—26.
Курганская обл.: Смирнов, 308.
Омская обл.: БНЦ, № 3291, л. 318—322.
Тюменская обл.: Смирнов, 359.

566 РОГА № 10

Алтайский край: Записки Красн. I, 48.
Бурятия: БНЦ, № 3192, тетр. 1, л. 1—11.
Иркутская обл.: Гуревич, 26.
Красноярский край: Сиб., 2 (= наст. изд., № 10).
Новосибирская обл.: НГПИ, п. 5, л. 19—32.
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-37/1979, № 25.
Приморский край: Матвеева, 1987, 47; БНЦ, № 3210, п. 5, л. 56—60.
Томская обл.: Парилов, 14; Соболева, 1985, 88; ТГУ, № 95.
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 84, л. 55—57.

567 ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА № 10

Алтайский край: Герасимов, 8 (= Матвеева, 1979, 20).
Бурятия: Прибайк., 27 (= Матвеева, 1979, 19), 34 (= Матвеева, 1979, 18); Шастина, 1985, 7; ГБЛ, ф. 542, ед. хр. 231, тетр. 4, л. 44 об. — 51; к. 39, ед. хр. 16, тетр. 2, л. 39—45 об.; тетр. 3, л. 48—51.
Иркутская обл.: Винокурова, 9 (= Верхнел., 9); Шастина 1971, 15; 1975, 12; 1974, с. 145—146.
Красноярский край: Сиб., 2 (= наст. изд., № 10); БНЦ, № 3503, п. 1, л. 95—100.
Омская обл.: Василенко, 7; ФЗС, 9; ОГПИ, ЭК-5/1974, № 3; ЭК-37/1979, № 25.
Новосибирская обл.: Мельников, с. 25—38.
Приморский край: БНЦ, № 3210, п. 5, л. 44—50.
Томская обл.: ТГУ, № 2, 104, 244; 281.

569 СУМКА, ШЛЯПА И РОЖОК № 17

Алтайский край: Записки Красн. I, 36 (= наст. изд., № 17); Герасимов, 4.
Иркутская обл.: Винокурова, 12 (= Верхнел., 12); Гуревич, 28.
Тюменская обл.: Смирнов, 319.
Читинская обл.: Ск. Забайк. II, 61.
Северо-Восток: ФРУ, 49.

571 ДИВО ДИВНОЕ № 24

Иркутская обл.: Шастина, 1971, с. 154 (ссылка на неопубл. сказки Д.А. Коношанова).
Красноярский край: Соболева, 1985, 67.
Томская обл.: ТГУ, № 242 (= наст. изд., № 24).

Тюменская обл.: Смирнов, 333.
Северо-Восток: ЖС, 1899, III, с. 376—377.

650А ИВАН МЕДВЕЖЬЕ УШКО № 5

Бурятия: Сиб., 18 (= Прибайк., 1907); Тунк., 197; Матвеева, 1987, 8; БНЦ, № 2780, п. 1, тетр. 5, л. 11—26; № 3464, л. 26—36; № 3471, л. 31—44 (= наст. изд., № 5).
Иркутская обл.: Шастина, 1975, с. 169 (ссылка на неопубл. сказки Ф.Е. Томшина); Матвеева, 1980, 12.
Омская обл.: Василенко, 9 (= Матвеева, 1980, 11); ФЗС, 28.
Томская обл.: ТГУ, № 138, 209.
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 16, л. 44—44 об.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 36 (= II, 40).

671 ТРИ ЯЗЫКА № 8

Бурятия: БНЦ, № 2699, п. 5, тетр. 10, л. 1—20; ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 17, тетр. 9, л. 98—102.
Иркутская обл.: Винокурова, 4 (= Верхнел., 4; наст. изд., № 8); Шастина, 1971, 10; 1985, 22; 1974, с. 52—71. Омская обл.: ОГПИ, ЭК-22/1983, № 43.
Северо-Восток: Шастина, 1985, 63; ФРУ, 6.

—677*** ПОВИТУХА ПОПАДАЕТ К ЧЕРТЯМ № 25

Красноярский край: ИРЛИ, р. 5, к. 87, п. 1, л. 14—16 (= наст. изд., № 25).
Омская обл.: Кожемякина, 1973, с. 147—148.
Читинская обл.: Ск. Забайк. II, 154.

725 НЕРАССКАЗАННЫЙ СОН № 21

Алтайский край: ГАМ, № 109, л. 17—20 об.
Иркутская обл.: Винокурова, 3 (= Верхнел., 3); ИРЛИ, р. 5, к. 87, п. 1, л. 1—12 (= наст. изд., № 21).
Кемеровская обл.: КГУ, № 623, 60С/1985, с. 21—24.
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-22/1983, № 43.
Читинская обл.: Матвеева, 1984, 22.
Северо-Восток: Верх. сб., 2 (= Худяков, с. 264—266); ФРУ, 6.

735 ДВЕ ДОЛИ № 23

Бурятия: Матвеева, 1987, 3; БНЦ, № 2780, п. 1, тетр. 8, л. 32—34; № 3471, л. 21—23 (= наст. изд., № 23).
Иркутская обл.: Винокурова, 9 (= Верхнел., 9); Шастина, 1971, 15, 17; 1975, 12.
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-2/1983, № 2, 5.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1 ЛИСА КРАДЕТ РЫБУ С ВОЗА № 26, 45, 57

Амурская обл.: БНЦ, № 3180, п. 3, л. 5—8 (= наст. изд., № 45).
Иркутская обл.: Сказки XIX в., 30.
Красноярский край: Записки Красн. I, 15 (= наст. изд., № 26); Красноженова, 1937, 29 (= наст. изд., № 57).
Новосибирская обл.: НГПИ, ЭК-82, К-1342, № 8.
Омская обл.: ФЗС, 1; ОГПИ, ЭК-52/1984, № 93.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 1 (= Шастина, 1985, 39); Зиновьев, записи от В.И. Болвановой; от Г.А. Деревцовой.

2 ВОЛК У ПРОРУБИ № 45, 57

Иркутская обл.: Сказки XIX в., 30.
Красноярский край: Красноженова, 1937, 29 (= наст. изд., № 57).
Новосибирская обл.: НГПИ, ЭК-82, К-1342, № 8.
Омская обл.: ФЭС, 1; ОГПИ, ЭК-52/1984, № 93.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 1 (= Шастина, 1985, 39); Зиновьев, запись от В.И. Болвановой.

3 ЛИСА ОБМАЗЫВАЕТ ГОЛОВУ ТЕСТОМ № 57

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 1 (= Шастина, 1985, 39).

4 БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЕТ № 57

Иркутская обл.: Сказки XIX в., 30.
Красноярский край: Красноженова, 1937, 29 (= наст. изд., № 57).

6 ЛИСА, СХВАЧЕННАЯ ВОЛКОМ. СПРАШИВАЕТ ЕГО: "ОТКУДА ВЕТЕР?" № 27

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 3 (= Шастина, 1985, 40; наст. изд.., № 27).

15 ЛИСА-ПОВИТУХА № 28, 57

Красноярский край: Красноженова, 1937, 29 (= наст. изд., № 57).
Омская обл.: Кожемякина, 1937, с. 174—175; ФЭС, 2.
Приморский край: БНЦ, № 3210, п. 5, л. III.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 2.

20А ЗВЕРИ В ЯМЕ № 29, 57

Красноярский край: Красноженова, 1937, 29 (= наст. изд., № 57).
Новосибирская обл.: НГПИ, р. 1, тетр. 535, № 6.
Томская обл.: ТГУ, № 70 (= наст. изд., № 29).

21 ПОЖИРАНИЕ СОБСТВЕННЫХ ВНУТРЕННОСТЕЙ № 29

Томская обл.: ТГУ, № 70 (= наст. изд., № 29).

31 ВОЛК (КОЗЕЛ, МЕДВЕДЬ, ОЛЕНЬ) И ЛИСА (ЧЕЛОВЕК) В ЯМЕ № 30

Омская обл.: ОГПИ, ЭК-66/1984, № 194 (= наст. изд., № 30); ОГПИ, ЭК-23/1983, № 103.
Тюменская обл.: ТГПИ (= копия в ОГПИ, ЭК-76/1987, № 65).

37 ЛИСА-ЛЕКАРКА, ПЛАЧЕЯ № 51

Омская обл.: ОГПИ, ЭК-19/1984, № 150.
Томская обл.: ТГУ, № 150 (= наст. изд., № 51).
Кемеровская обл.: Соболева, 1985, 96.

—51А* МЕДВЕДЬ, ЛИСА И ВОЛК № 31

Бурятия: БНЦ, № 3471, л. 55 (= наст. изд., № 31).

56А ЛИСА И ДРОЗД № 32

Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 8 (= наст. изд., № 32), 8 об., запись от Л.Л. Заякина.

61А ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА № 33

Томская обл.: ТГУ, № 21 (= наст. изд., № 33).
Читинская обл.: ЧГПИ, Р-541, л. 15, запись от Ю.А. Кривоносенко.

61В КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА № 34

Бурятия: ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 11, л. 17—22, запись 1927 г. М.К. Азадовского от А.А. Шелеховой.
Иркутская обл.: Сказки XIX в., 25; Записки Красн. II, 3.
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-25/1978, № 26, запись от Г.М. Шингарева; ОГПИ, ЭК-9/1980, № 12, от О. Сосновой.
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 6—7, запись от М.А. Белоглазовой.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 4; Зиновьев, записи от О. Лобина, В.И. Болвановой и от А.Г. Паклутовой.
Якутия: ФРУ, 1 (= наст. изд., № 34); ЯНЦ, № 778, л. 28, запись Н.А. Габышева от А.М. Чикачевой.

70 КТО ТРУСЛИВЕЕ ЗАЙЦА № 35

Алтайский край: Потанин, с. 122 (= ФЗС, 63; наст. изд., № 35).

81 ЗАЯЦ (ТЕТЕРЕВ) НЕ ХОЧЕТ СТРОИТЬ ИЗБУ № 36

Алтайский край: Потанин, с. 123 (= наст. изд., № 36).

88* МЕДВЕДЬ И БРЕВНО № 37

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 8 (наст. изд., № 37).

100 ВОЛК В ГОСТЯХ У СОБАКИ № 38

Бурятия: Прибайк., 50 (= Гуревич, 19); БНЦ, № 2051, тетр. 5, л. 38—45 (= Магай, 1940, 32; наст. изд., № 38).

103 КОТ И ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ № 26, 39

Бурятия: БНЦ, № 3450, п. 2, л. 37—39 (= наст. изд., № 39).
Красноярский край: Записки Красн. I, 15 (= наст. изд., № 26).
Омская обл.: ФЗС, 5; ГАОО, ф. 1074, оп. 1, ед. хр. 174, № 7 (копия БНЦ, № 3291, л. 52—53).
Томская обл.: ТГУ, № 276.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 11 (= Шастина, 1985, 41).

106* ВОЛК И СВИНЬЯ № 40

Омская обл.: ОГПИ, ЭК-32/1984, № 57.
Тува: КГПИ (= наст. изд., № 40).

117 СОБАКА ПОДРАЖАЕТ ВОЛКУ № 38

Бурятия: БНЦ, № 2051, т. 5, л. 38—45 (= Магай, 1940, 32; наст. изд., № 38); Прибайк., 50 (= Гуревич, 19).

118 ЛЕВ И ЛОШАДЬ № 41

Бурятия: Прибайк., 49 (= Гуревич, 18); Магай, 1940, 33.
Тюменская обл.: 5, № 2, с. 11—15.
Хабаровский край: БНЦ, № 3167, л. 91—93 (= наст. изд., № 41).

Алтайский край: Герасимов, 23 (= Русские сказки Сибири, с. 178—181).
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 10 (= наст. изд., № 42).

154 МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА № 43

Новосибирская обл.: НГПИ, р. 1, т. 1236, № 8 (= наст. изд., № 43).
Омская обл.: ФЗС, 1.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 1 (= Шастина, 1985, 39); Зиновьев, запись от Р.С. Бессоновой.

155 СТАРАЯ ХЛЕБ СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ № 44

Красноярский край: Сиб., 10 (= наст. изд., № 44).

158 ЗВЕРИ В САНЯХ У ЛИСЫ № 45, 49, 51

Амурская обл.: БНЦ, № 3118, п. 3. л. 5—8 (= наст. изд., № 45).
Бурятия: ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 12, л. 12—14.
Новосибирская обл.: НГПИ, ЭК-82, К-1342, № 2 (= наст. изд., № 49).
Омская обл.: Кожемякина, 1969, с. 102—103.
Томская обл.: ТГУ, 150 (= наст. изд., № 51).
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 6.
Якутия: ФРУ, 2, 45; личн. арх. М.Ф. Дружининой, тетр. 8, л. 10—13 (= копия БНЦ, № 3315, п. 1, л. 578).

—160А* ЗА ДОБРО ДОБРОМ № 46

Читинская обл.: ЧГПИ, Р-644 (наст. изд., № 46).

161А* МЕДВЕДЬ НА ДЕРЕВЯННОЙ НОГЕ № 47

Алтайский край: БНЦ, № 3288, п. 2, л. 400 (= наст. изд., № 47).
Иркутская обл.: Сказки XIX в., 29.
Красноярский край: ГАМ, № 4, д. 14/58—69, № 62; д. 14/26—29.
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-19/1982, ФЗС, № 7, 8, № 13.
Приморский край: БНЦ, № 3210, п. 5, л. 176—178; ДВГУ, запись О. Васильевой от П.М. Рыковой.
Томская обл.: ТГУ, № 3.
Тюменская обл.: ГАМ, № 346, п. 1, № 2; ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 4.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 15.
Якутия: Худяков, прил. I, № 5.

163 ПЕНИЕ ВОЛКА № 48

Кемеровская обл.: ТГУ, № 6.
Новосибирская обл.: НГПИ, р. 1. п. 72, № 3.
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-72/1984, № 49.
Томская обл.: ТГУ, № 175 (=копия БНЦ, № 3288, п. 2, л. 498).
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 4.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 14; ЧГПИ, Р-309 (= наст. изд., № 48); ЧГПИ, Р-541, л. 11.
Тува: КГПИ, запись С.Б. Тюлот от М.И. Кошкаревой.

170 ЗА СКАЛОЧКУ — ГУСОЧКУ № 45, 49, 51

Бурятия: ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 12, л. 12—14.
Новосибирская обл.: НГПИ, ЭК-82, К-1342, № 2 (наст. изд., № 49).
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-19/1984, № 151.

Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 1 (= Шастина, 1985, 39); Зиновьев, от Т.А. Деревцовой; ЧГПИ, Р-303, запись от Е.А. Тихомировой. Записи от Р.С. Бессоновой.
Якутия: ФРУ, 2, 45.

212 КОЗА ЛУПЛЕНА № 50, 62

Алтайский край: Герасимов, 19; БНЦ, № 3520, л. 140—143 (= публикация в "Приложениях").
Новосибирская обл.: НГПИ р. 1, т. 11, № 3.
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-29/1978, № 105 (= наст. изд., № 62); ОГПИ, ЭК-35/1979, № 17; ЭК-29/1984, № 58.
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 18; Зиновьев, записи от В.И. Болвановой (= наст. изд., № 50), от М.О. Дутовой и от Н.И. Пешковой.

218В* НЕБЕСНАЯ ИЗБУШКА № 51

Кемеровская обл.: Соболева, 1985, 96.
Томская обл.: ТГУ, № 150 (= БНЦ, № 3288, п. 2, л. 380—381; наст. изд., № 51).

222* МЫШЬ И ВОРОБЕЙ № 52

Бурятия: Магай, 1968, 12 (= Матвеева, 1981, 17); Матвеева, 1981, 16; ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 12, л. 51—52 (= наст. изд., № 52).
Иркутская обл.: Винокурова, 1 (= Избр. маст., 17 = Верхнел., 1 = Матвеева, 1981, 8); Гуревич, 24 (= Матвеева, 1981, 19); Шастина, 1981, с. 92—96; 1985, 17.
Красноярский край: Красноженова, 1937, 19 (= Красноженова, 1940, с. 70—84; Матвееева, 1981, 13); ГАМ, № 4, д. 14—32, № 32, л. 204—205.
Новосибирская обл.: Записки Красн. II, 38 (= Матвеева, 1981, 14).
Омская обл.: Василенко, 4 (= Матвеева, 1981, 34), 27; Кожемякина, 1973, 92—96 (= Матвеева, 1981, 33).
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 84, № 25.
Перечень контаминаций см.: Матвеева, 1984, с. 317.

244А* ЖУРАВЛЬ И ГАГАРА № 53

Омская обл.: ОГПИ, ЭК-33/1981, № 130 (= наст. изд., № 53).

248 СОБАКА И ДЯТЕЛ № 54

Курганская обл.: Смирнов, 307 (= наст. изд., № 54).

253 РЫБЫ В ВЕРШЕ № 55

Красноярский край: ГАМ, № 4, д. 14/47—50, № 47, л. 284—285 (= наст. изд., № 55).

254** ЕРШ ЕРШОВИЧ № 55

Красноярский край: ГАМ, № 4, д. 14/47—50, № 47, л. 284—285 (= наст. изд., № 55).

282В* РАЗГОВОР КОМАРА СО СЛЕПНЕМ № 56

Восточно-Казахстанская обл.: Герасимов, 26 (= наст. изд. № 56).

283В* ТЕРЕМ МУХИ № 57

Красноярский край: Красноженова, 1937, 29 (= наст. изд., № 57).

295 ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ № 58

Красноярский край: ГЛМ, № 4, п. 14/24, 25, № 24, л. 184 (= наст. изд., № 58).
Читинская обл.: Ск. Забайк. I, 22.

555 КОТОК ЗОЛОТОЙ ЛОБОК (ЗОЛОТАЯ РЫБКА, ЧУДЕСНОЕ ДЕРЕВО) № 59

Бурятия: ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 12, № 9 (= Шастина, 1985, № 5).
Красноярский край: Записки Красн., I, 30.
Омская обл.: Смирнов, 363 (= ФЗС, 25); [105, с. 119].
Тюменская обл.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 176, л. 5 (= наст. изд., № 59).
Якутия: ФРУ, с. 316.

703* СНЕГУРОЧКА № 60

Красноярский край: ГЛМ, № 4, д. 14/26—29, № 28; д. 14/47—50, № 50; д. 14/58—69, № 61.
Омская обл.: ФЗС, 30; [76, с. 37—39]; ОГПИ, ЭК-9/1982, № 4.
Томская обл.: ТГУ, 27 (= наст. изд., № 60).

715А ЧУДЕСНЫЙ ПЕТУШОК № 61

Бурятия: Тунк., 193.
Новосибирская обл.: НГПИ, запись от С. Штезеля (= наст. изд., № 61).

2015 НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ № 62

Красноярский край: Записки Красн. II, 11.
Омская обл.: ОГПИ, ЭК-29/1978, № 105 (= наст. изд., № 62).

—2015** КОЗЕЛ И ВСТРЕЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ № 63

Иркутская обл.: ИГПИ, запись от М.Г. Воронина (= наст. изд., № 63).

2021А СМЕРТЬ ПЕТУШКА № 64

Красноярский край: ГЛМ, № 4, д. 14/31, 32, л. 196—203, № 31 (= наст. изд., № 64).

УКАЗАТЕЛЬ КОНТАМИНАЦИЙ СЮЖЕТОВ

1+2+3+4+15+20A+283B* 57
1+2+4+158 45
1+103 26
2+1+3+4+15+20A+283B* 57
2+1+4+158 45
3+1+2+4+15+20A+283B* 57
4+1+2+3+15+20A+283B* 57
4+1+2+158 45
15+1+2+3+4+20A+283B* 57
20A+1+2+3+4+15+283B* 57
20A+21 29
21+20A 29
37+158+218B* 51
100+117 38
103+1 26
117+100 38
158+1+2+4 45
158+170 49
158+37+218B* 51
170+158 49
212+2015 62
218B*+37+158 51
253+254** 55
254**+253 55
283B*+1+2+3+4+15+20A 57
300_1+313H*+315 3
300_1+318+532 2
300A+301A, B+302_1 1
301A, B+300A+302_1 1
301A, B+302_1+303+400_2+552A 4
301A, B+302_2+400_1+552A+554+650A 5
302_1+300A+301A, B 1
302_1+301A, B+303+400_2+552A 4
302_2+301A, B+400_1+552A+554+650A 5
303+301A, B+302_1+400_2+552A 4
307+507+974 6
313E*+510B 20
313H*+300_1+315 3
315+300_1+313H* 3
318+300_1+532 2
325+671 8
327B+465B+560+569 17
329+518+566+567 10
400_1+301A, B+301_2+552A+554+650A 5
400_1+402 12
400_1+562+887A* 11
400_2+301A, B+302_1+303+552A 4
402+400_1 12
428+884B* 13
465B+327B+560+569 17
507+307+974 6
510B+313E* 20
518+329+566+567 10
519+725 21
532+300_1+318 2
552A+301A, B+302_1+303+400_2 4
552A+301A, B+302_2+400_1+554+650A 5
554+301A, B+302_2+400_1+552A+650A 5
560+327B+465B+569 17
562+400_1+887A* 11
564+735 23
566+329+518+567 10
567+329+518+566 10
569+327B+465B+560 17
650A+301A, B+302_2+400_1+552A+554 5
671+325 8
725+519 21
735+564 23
884B*+428 13
887A*+400_1+562 11
974+307+507 6
2015+212 62

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПРОЗВИЩ ПЕРСОНАЖЕЙ

Адам 31
Алена 24
Андрей 19
Антон 1

Бабка голуба шапка 4
Бабка зелена шапка 4
Баран Баранович 42
Белка-пучеглазка 29
Блоха-поскакуха 57
Булат-молодец 18
Бурко 19
Бычок-третьячок 45

Ванюшка, Ваня, Иван, Иванушка 5, 9, 12, 15, 24, 46
Ванюшка вдовин сын медвежье ухо, Иван вдовин 5
Варварушка свет Кузьминишна, Лукинишна, Агафонтьевна, Маргафонтьевна, Ивановна, Селивановна, Андреевна, Фадеевна 63
Василий 10, 12
Василиса Васильевна 13
Василиса Премудрая 16
Васька, Вася кот 22, 26
Верхушечка 28
Вечерник 1
Волк Волкович 4
Волчище здоровые глазища, большие зубища 63
Воробей Воробьеич 5
Воробей-дристун 57
Ворон-Воронович — супостат 4
Вша-поползуха 57

Георг 1
Григорей, Гриша 18
Гусев (гусь) 42

Дарья 54
Драгодер 5

Ева 31
Елена Ивановна 22
Елена-царевна 22
Еленка 9
Елизавета 10
Еруслан 1
Ерш-ершишка, Ерш Ершович 55

Желюшка, Зялюшка 2

Заинька кудрявенький 60
Зайка беленький 63
Заломилом 5
Заяц косой 49
Заяц-пучеглазка 29
Золотая Рыбка 1

Иван-дурак 19
Иван Кошкин сын 4
Иван крестьянский сын 17
Иван купеческий сын и сар Заря 2
Иван-царевич 3, 12, 15, 18, 21
Иван царской сын золотых кудрей 4
Ивашечка 9
Ивашка худой поваришка 21
Идола, Идолишша 1

Катенька-Катюша, Катерина 55
Кашшей Бессмёртный 4
Коза лупоглаза 62
Коза-реза 50
Коза-рогоза 62
Козлище седая бородища 63
Комар-пискун 57
Корешок (сын лисы) 34
Кот Котофеич 39
Котофеевна 42
Коурко 19
Красота от зари — заря подсолнушна красота, от семи сестер — сестра, от двенадцати бабушек — внучка, от трех матерей — дочь 4
Ксения-царевна 18
Кум-волк 57
Кум-заяц 26
Кум медведь 26
Кума лиса 26, 49, 57, 62

Лиса Патрикеевна 27
Лисанька (лисичка)-сестричка 45, 60
Лисица-подхилый хвост 57
Лука 55

Малышок (сын лисы) 34
Мария-царевна 3
Марфа-царевна 3
Марфида-царевна 11
Марьюшка 55
Матрена 55
Матрена-царевна 3
Маша, Машенька 10, 60
Медведь косолапый 49
Медведь — деревянная нога 47
Милавида Прекрасная 1
Митюшка, Митя, Митька 8
Мишенька, толстопятый дурак (медведь) 27
Мишутка (медвежонок) 46
Муха-шумуха 57

Николай, Коля 6

Ольга 20
Отворотигора 5

Павел, Паша 12
Палачелка (дочь лисы) 34
Петр 55
Петр Иванович 22
Петя, Петруха, Петька 22
Петя, красный петух, Петя-петух 33
Петухов (петух) 42
Петушок — золотой гребешок 62
Подсолнешна Красота 2
Полуношник 1

Последыш 28, 57
Починушка 57
Прекрасная Командула 2
Прекрасная Королевна 1
Прокопий, Прокопей 1, 19
Птичка-синичка 29

Сар Зара (Царь Заря) 2
Светлан (змей) 1
Световик (богатырь) 1
Середышек 28, 57
Сережа купеческий сын 6
Сережа Петров 6
Сивко 19
Сивушка 3
Соболь, Соболько (собака) 22, 38
Сокол Соколович 4
Судак-недурак 55

Ушкан сероглазенький 57

Федор 10
Федул (царь) 2

Хедот, Хедотушка, Хедушка 16

Цимбал, Цымбалка-дядька 4

Чиридей царь 12
Чучелка (дочь лисы) 34

Шадурский 6

Щука-белобрюха 55

Яга-Ягишна, Яга, Ягинишна, Ягая баба 1, 13, 15, 17, 21, 22

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В СКАЗКАХ

Англия 1
Андропия 11

Байкал 6, 22
Буян, остров 1

Кавказ 1

Максимиха, село 6
Малое Уро, село 6
Микольский остров 4

Петроград 22

Португалия 2

Русь 4, 5

Сарачинский остров 4
Серебрянка-река 1
Сибирь 3

Терек 1

Устье (Усть-Баргузин) 6

Франция 1

Чудское ожеро 2

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СКАЗОЧНИКОВ

Асламов Д.С. 12

Бакаев А.С. 18, 19
Балагуров Ф.А. 27, 37
Бардакова О.Е. 40
Безотеческих А.С. 39
Безруких Н. 55
Безруких Т. 58
Бекетова В.Я. 15
Белоглазова М.А. 32
Болванова В.И. 50
Бояркин Н.Г. 42
Брянева А.Г. 14

Вахромеева К.Н. 51
Винокурова Н.О. 8
Вишневская В.Д. 57
Воронин М.Г. 63

Гаськов И.И. 5, 23, 31
Гордеев И.А. 44
Гутов А. 56

Давыдова А.М. 20
Додина А.Т. 48

Заботун М.Е. 28
Заякин Л.Л. 59

Исаева А.Я. 16

К-ва Татьяна 26
Киселев С.П. 2, 34
Кокорин Е.М. 4
Кошкаров А.И. 1

Литвинов П.Т. 3

Мурзина В.К. 46
Мутовин Д.Я. 64

Невротов П.А. 53

Попова К.Ф. 47
Привалов А.П. 41

Рязанцева И.С. 7

Скобелин С.И. 10
Сороковиков-Магай Е.И. 38

Тугарин Г.А. 22, 52

Хлескин А.А. 6

Черепанова И.И. 33
Чернова Ф.С. 9, 45
Чирик Е.В. 30

Шабанова Л 62
Шарикова П.А. 43
Шевалдаев А.П. 24
Штезель С. 61

Юзжалина П.Г. 49

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБИРАТЕЛЕЙ

Адрианов А.В. 17
Азадовский М.К. 8, 12, 22, 52
Анадина Т.Г. 30
Афанасьева Г. 14

Белошицкая Г. 50
Булгаков В.Ф. 11
Бурдаков К. 49

Габышев Н.А. 34
Гайдукова Л.Ф. 30
Гаськова Г. 61
Герасимов Б. 56
Гизатулина Ж. 61
Городцов П.А. 32, 59

Данильчук С. 24
Долгополова А.П. 40

Жихарева Т.И. 46
Жукова Н. 24
Жукова Т.И. 16

Запотылок Г. 14
Зиновьев В.П. 7, 27, 37, 42
Зиновьева Г. 50

Козлова Н.К. 53
Котович Н.Г. 20
Красноженова М.В. 57
Кривошеин И. 24
Кудрявцев В.Д. 10, 18, 19, 44
Кузьмина Т. 62
Кукса А.К. 7

Лапшина Ж. 33
Литвинов П.Т. 3
Лямина Э. 14, 63

Макаренко А.А. 4, 26
Малкова Л.Н. 21
Матвеева Р.П. 5, 9, 15, 20, 23, 31, 39, 45
Митич В.С. 24

Недосеко С. 33
Недошковская А. 33

Омельченко И. 49
Осипенко М.А. 30

Панкрац И.Я. 53
Попов А. 47
Потанин Г.Н. 35, 36
Потанина Р.П. 39, 45
Пуртова Н.А. 53

Рассомахина Е. 28

Савельев А.А. 55, 58, 64
Самусенко Т. 51
Сильченко Н. 62
Сметанникова Г. 33
Соболев А.А. 6

Травин Д.Д. 2

Филимоненко М.С. 43

Хандзинский Н.М. 1
Хромова Т.А. 48

Шалаева Г. 33
Шастина Е.И. 14
Шахлина Ж.А. 30
Шевченко Г. 62

Элиасов Л.Е. 38

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ СКАЗОК

Алтайский край

Барнаульский р-н
с. Жилино 17
Залесский р-н
пос. Калачиково 3
Чарышский р-н
с. Чарышское 35, 36
Шарлинский р-н
с. Усть-Мосиха 47

Амурская обл.

Михайловский р-н
пос. Поярково 9, 45

Бурятия

Баргузинский р-н
с. Большое Уро 5, 23, 31
с. Макаринино 6
Северо-Байкальский р-н
с. Байкальское 39
Тункинский р-н 12
с. Кырен 15
с. Нюрхай 22, 52
с. Хобок 38

Восточно-Казахстанская обл.

г. Усть-Каменогорск 56

Иркутская обл.

г. Иркутск 63
Зиминский р-н
с. Кимильтей 1
Иркутский р-н
с. Урик 21
Качугский р-н
с. Челпаново 8
Киренский р-н
с. Кривошапкино 14
Усть-Кутский р-н
д. В. Марково 16

Красноярский край 13

Богучанский р-н
д. Богучаны 64
д. Шипулина 57
д. Ярки 55, 58
Казачинский р-н
с. Казачинское 20
с. Монастырское 26
Каратузский р-н
с. Таскино 25
Кежемский р-н
с. Кежма 4
Минусинский р-н
с. Белоярское 44
с. М. Хобык 10

Хакасия

г. Абакан 18, 19

Курганская обл.

с. Курган 54

Новосибирская обл.

г. Бердск 11
Барабинский р-н
с. Ново-Чаново 61
Купинский р-н
д. Сносск 43
Сузунский р-н
с. Заковряжино 49

Омская обл.

Нижнеомский р-н
с. Бешаул 53
Таврический р-н
с. Азово 30
Тюкалинский р-н
с. Максимовка 62
Черлакский р-н
с. Красный Октябрь 28

Томская обл. 29, 51, 60

Парабельский р-н
с. Пудовка 24
с. Парабель 33

Тува

г. Кызыл 40

Тюменская обл.

Нижнетавдинский р-н
д. Артамоново 32, 59

Читинская обл.

Газимурозаводский р-н
с. Курумдюкан 42
Комаровский р-н
пос. Удокан 48
Нерчинский р-н
д. Крупянка 7
Приаргунский р-н
с. Дурой 46
Сретенский р-н
с. Верхняя Куэнга 50
Шелопугинский р-н
пос. Шелопугино 27, 37

Хабаровский край

Вяземский р-н
с. Кукалево 41

Якутия

Аллаиховский р-н
д. Косухино 2, 34

СЛОВАРЬ МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Ангели, ангела день — именины
Архаться, аркаться — ругаться, скандалить
Бабничать — принимать роды
Баить — разговаривать
Баклан (жить как баклан) — болван, чурбан, чурка
Баляcы разводить — балясничать, пустословить
Баса — красота
Бёзна — бездна чего-л., много
Бердо — бёрдо, принадлежность ткацкого станка, род гребня
Бладость — молодость
Веретень, веретешко — веретено, приспособление для прядения, стержень для навивания нити
Вёрша — плетеная рыболовная снасть в виде двойной воронки (наружная с глухим концом)
Вешная тьма — кромешная тьма
Восипитовали — возроптали
В плепорцию — в соответствии с чем-л. — пропорционально
Всячина — 1. всё, чего хочется, в изобилии, 2. по-разному, всяко
Вшима — всеми
Вызмиться — взмыться вверх
Выпленить — взять в плен
Выть — 1. аппетит, 2. сытость
Вышка — чердак
Голбец — небольшое подполье в крестьянском доме; припечье — завалинка со ступенькой всхода на печь
Голец — высокая гора в цепи каменистых гор, обычно не имеющих растительности
Гостить — 1. быть в гостях, 2. угощать
Гребелка — гребень горы
Грустнуло — хрустнуло
Гумага — бумага
Де (якут. "диэн") — ну, вот
Девир — деверь, брат мужа
Дён — дней
Держа — содержание, уход, забота; сила, прочность, крепость, владение
Долбень — дятел
Доспеться — делаться, случаться, происходить
Доць — дочь
Драчить — ласкать
Дрязга — ссора, перепалка
Дряклый — дряхлый
Ереститься — сердиться, браниться, брюзжать
Жамок — замок
Жива — сохранилась, имеется в наличии
Жял — взял
Забедно — обидно
Заветить — загадать на будущее; заклинать

Зава́зня — сарай с широкими воротами, в котором хранится хозяйственный инвентарь, телеги
За́дорога — углубление в печи сбоку около шестка для горшков, сушки тряпок и т.п.
Заёмно гостить — долг отдавать в гостеприимстве
Займа́ка — зимовье и постройка для зимнего содержания скота в местах отдаленных сенокосов
Закору́знуть — заскорузнуть, усохнуть и съежиться от мороза, жары, ветра
Закурпе́тить — забить, довести до смерти, замучить
Заложи́ть (ворота) — закрыть на запор
Западня́ — подъемная дверь в подполье
Запло́т — деревянная ограда из досок или бревен
Заро́д — стог сена обычно большого размера и продолговатой формы; *перен.:* большая куча
Зауросить — заупрямиться, закапризничать
Здверя́живать — охаживать
Здрел — зрел
Золовка — сестра мужа
Зо́рить — смотреть
Зы́бка — колыбель, люлька
Е́рькнуть — резко, сильно ударить
Ивóнный — его
Изгаля́ться — издеваться
Измя́кать — изжевать, пережевать
Има́ть — ловить
Имя́ — им
Источа́ться — уменьшаться, исчезать
И́чиги — мягкая легкая обувь из юфти (сорт кожи, получаемый особой обработкой шкур крупного рогатого скота, лошадей, свиней)
Кадушка — небольшая кадка
Карапь, корабь — корабль
Карга́ — песчаная отмель на Байкале
Кайло́ — землекопное орудие
Клопча́тая гумага — хлопчатобумажная ткань
Колóда — 1. лежачее дерево в лесу, 2. короткое толстое бревно или бревно с выдолбленной серединой
Кордошки — заплечье
Косечóк, косой столик — треугольный столик, который ставится обычно в переднем углу
Кóска, костка — 1. *уменьш.* от кость, 2. род, племя
Кострык — отходы после обработки конопли на мялке
Коси́ца — висок
Кра́дчи — тайно
Кра́сна (кросна) — домотканое полотно
Крипотки — теплые носки
Крупча́тка — мука высшего сорта
Крыльца — плечные лопатки
Кузне́шно говно — перегорелые отбросы железа (пояснение в тексте)
Кула́шник — противник в борьбе, в бою
Кури́ть — дымить, чадить
Курму́шка — верхняя, чаще женская, утепленная одежда на верблюжьей шерсти
Ла́ста — передняя лапа
Лега́вый — *прост.* сыщик, доносчик, шпион, предатель; сибирские крестьяне так называли людей интеллигентного, по их понятиям, "легкого труда" [87, с. 153]
Лен — сухожилие, связки шейных позвонков, шея
Леши́нка (лесинка) — срубленное дерево
Леси́нка — лесиночка — дерево
Ло́потъ — одежда
Лукошко — ручная корзинка из лубка или прутьев
Лы́ко, лычко — 1. молодой дуб, 2. Волокнистое подкорье любого дерева
Маслета́новый (платочек) — шелковый или полушелковый
Ма́тка — матица, средняя балка, поддерживающая потолок в деревянных постройках
Матня́ — 1. *см.* матка, 2. мотня — кошель у невода
Матушка (ключей) — связка
Ме́лошник — торговец мелким товаром
Му́дречьти — мудрости

Нама́яться — сильно устать, утомиться
Назеркоем — жаркий
Нажва́ривать — охаживать, бить
На́ко — наверное
Натака́ть — научить, подсказать
Неутоли́мый — здесь: дурной
Но́рки — ноздри
Обора́т — оборотничество
Оввернуть — обернуться, превратиться
О́жеро — озеро
Озъя́ило — осветило, озарило
Онаме́ннишной, онамеднишной — намеднишний, недавний, на днях бывший
Онна́ — одна
Остопы́рить — остановить, ограничить
Отве́тить — *здесь:* сказать
Отсягну́ть (сягну́ть) — отстегать (ударить)
Отымалка — грязная тряпка для прихватывания закопченных, в саже чугунов
Ошиньгать — ощипать, растрепать
Пара́тный — парадный
Парёнка, пару́нья — пареная в русской печи на поду брюква, репа
Пелеговать — исследовать, изучать, понимать
Пе́рстики — *уменьш.* от персты — пальцы
Пест — стержень с округлым концом для толчения чего-л. в ступке
Печу́рочка — небольшое углубление в стене русской печи для спичек, мелких вещей и т.п.
Побо́ротом — образом
По́бытом — способом
Поведаться — рассчитаться
Повиту́ха — женщина, занимавшаяся оказанием помощи при родах
Пого́да — *здесь* в значении 'непогода'
Подоро́жники — пироги, калачи, какие-л. продукты, взятые в дорогу
Подсе́ленная — вселенная
Подхи́леть — привянуть
Полма́тницы — полматни; *см.* матня во *2-м знач.*
Полови́н-день — полдень
По́лом — много
Полушалок — платок, небольшая шаль
По́пришше — *здесь:* верста
По столбы — до береговых столбов
Потре́т — портрет
Почё — зачем
Пра́втику наводить — практиковать
Предпе́чек — шесток русской печи
Примяха — *искаж.:* три мешка
Причётальница — плакальщица, вопленица
Проклажда́ться — прохлаждаться, бездельничать
Просви́ра — просфора, небольшая круглая булочка, выпекаемая из квасного пшеничного теста, употребляемая в православном богослужении
Просить ради Христа (христорадничать) — просить подаяние, нищенствовать
Прочкнуться — проснуться, очнуться
Проше́ст — ткань в ткацком стане
Пужире́к — пузырек
Пусто́й — один, только
Пустопле́сье — безлесное, открытое место
Пуща́й, пуще — сильнее, больше
Раздыри́ть — разругаться
Раскевели́ть — расшевелить, побеспокоить
Ре́лия, реля — виселица
Ровнаки́, ро́мны — два товарища, в одно время мобилизованные в армию; *здесь:* супружеская пара
Ро́вно — словно, будто
Рога́ль — рогатина
Ро́мны — *см.* ровнаки

Рых, ры́хло — опилки, мелкие щепки, стружки; *перен.*: пышное, хорошо поднявшееся, ноздреватое тесто и выпечка из него
Са́дко, шатко — резко
Санами — лопатами
Сар — царь
Са́шка — шашка
Сбости́ — забодать
Святы́ — иконы
Се — все
Се́дала — насест
Се́кир, секира — топор
Се́ни — помещение между жилой частью дома и крыльцом
Серинка — ширинка, полотенце
Серянки — спички
Сесь — шесть
Си́мочка — тонкий шнурочек, бечёвка, завязка в ловушках на лисиц и зайцев, в рыболовных снарядах. *Здесь:* тонкий шнурочек, связанный с сигнализацией
Сини́шное — пшеничное
Славу́тно — в славе
Сли́тыши — перегорелые отбросы железа
Спорхну́ть — вспорхнуть
Скорлупша — скорлупа
Ста́йка — крытые ворота, двор, хлев, сарай, загон
Стан — станок, на котором ткут
Стоеро́сова материя — по аналогии со стоеросовым деревом, т.е. крепкая
Стрекну́ться — хватиться
Стрепеска́ться — встрепенуться
Струмина́ — стремена
Стяг — слега, длинный, большой шест, дубина
Суперик — колечко
Сура́з — рожденный вне брака
Сусе́к — закром, отгороженный ларь в амбаре
Сухарник (сушник) — сухие ветки, хворост
Сухума — сушей
Сши́тать — считать
Сши́ньгать — растрепать, общипать
Сызнова — снова, опять
Сю — всю
Ся́гнуть — секануть, стегнуть
Темни́ло — темница
Тожно́ — тогда, в то время
Ток, точо́к — 1. площадка для молотьбы, очистки и просушки зерна, 2. место, где токуют птицы (созывают самок особым криком, пением)
Тонь, тоня́ — 1. рыбная ловля, 2. неводное рыболовное заведение, 3. место рыбалки
Точи́ло — устройство для точки ножей, бритв, кос и т.п.
Третавик — третий
Трушоба — чаща
Туес, туесо́к — берестяная кубышка с тугой крышкой, дужкой или скобкой
Тутока — здесь
Тычка, тычинка — кол
Тяг, дать тягу — поспешно убежать
Узо́рить — дождаться зари
Уныривать, унырнуть — уйти, скрыться, спастись нырнув
Упаль — падаль, дохлое животное
Уро́ки, уро́чить — навести порчу, наслать болезнь, сглазить
Уру́титься — оказаться
Утури́ться — потерять сознание
Уходи́ть — извести, замучить
Учу́хаться — опомниться, прийти в себя
Ушка́н — заяц
Фарт — удача

Хана́ — конец, погибель
Ходьба́ — гульба, гуляние
Хрушки́ — крупные
Це́рка — церковь
Ча́стье — счастье
Челдо́н — сибиряк, русский старожил Сибири
Чело́, цело́ — наружное отверстие печи, куда кладут дрова
Челпан, чалпан, чулпан — кусок жира массой 8—10 кг, завернутый в жировую рубашку; *здесь:* массивное неопределенной формы существо
Че́тверть арши́на, четверту́шка — четыре вершка, или одна пядь (=17,78 см), др.-рус. мера длины, применявшаяся до введения метрической системы
Ша́дко (са́дко) — резко
Шешь — шесть
Ши́ла — сила
Ширинка — *см.* Серинка
Ще́чки — *уменьш.* от щи
Щурячо́к — шурин, брат жены

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СКАЗОК

Булат-молодец 18
[Василиса Васильевна] 13
[Василиса Премудрая] 16
Волк и лиса 44
[Волшебное кольцо] 22
Воробей 54
Груздь, лиса и сорока 32
Два брата 23
Дружба собаки и кота 38
Жених-заяц 15
[Журавль и гагара] 53
[За добро добром] 46
Заяц и овцы 35
Иван Вдовин 5
Иван крестьянский сын 17
Иван-царевич и Марфа-царевна 3
Иван царской сын золотых кудрей 4
[Колдун и его ученик] 8
Кот да петушок 34
Кот и лиса 39
Котушка и лиса 29
Лиса, волк и медведь 31
Лиса и козел 30
Лиса и кот 26
Лиса и Петя-петух 33
[Лиса-повитуха] 28
Лошадь и тигр 41
Машенька 60
Медведь и бревно 37
Медведь и лиса 27
[Медведь и три сестры] 7
Медведь — деревянная нога 47
[Мужик и медведь] 43
[Мышь и воробей] 52
[О Ерше Ершовиче] 55
[О лисе] 49
О мальчике купеческом сыне 11
О мышке да пузырьке 58
[О петухе] 61
О старике да старухе, о курочке и петушке 64
О трех богатырях — Вечернике, Полуношнике и Световике 1
Подсолнешна Красота 2
Про Ванюшку 9
Про козла 63
Про козу лупоглазу 62
Про козу-резу 50
Про кошечку 42
Про лису и волка 45
Репка 51
Свинячая кожура 20
Сережа купеческий сын 6
Сивко, Бурко, вещий Коурко 19
[Сказка о волке и свинье] 40
Сказка про Ивашку худого поваришку 21
Слепень и комар 56
Старик и дрожь [дрозд] 59
Старик охотник и заветная птичка 10
Старуха повиваленка 25
Сыновья 48
[Терем мухи] 57
Тетеря 36
[Царевна-старушка] 12
Червячок 14
Чудесная овечка 24

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеева Е.А.* Воспоминания об Иркутске // Отеч. зап. — 1848. — Т. LIX, отд. VIII.
2. *Азадовский М.* Сказки Верхнеленского края. — Иркутск, 1925. — Вып. I. — XLVIII + 144 с.
3. *Азадовский М.К.* Русские сказочники // Статьи о литературе и фольклоре. — М.; Л., 1960. — С. 15—79.
4. *Азадовский М.К.* Сибирская сказочница Н.О. Винокурова // Статьи и письма: Неизданное и забытое. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — С. 62—110.
5. *Анучин В.* Сибирские сказки. — Тюмень, 1903. — Вып. 1. — 36 с.
6. *Астырев Н.М.* На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. — М., 1891. — 450 с.
7. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. — М., 1855—1863. — Вып. 1—8.
8. *Бараг Л.Г.* Взаимосвязи сказок народов СССР // Фольклорное наследие народов СССР и современность. — Кишинев, 1984. — С. 270—300.
9. *Бахтина В.А.* Эстетическая функция сказочной фантастики: Наблюдения над русской народной сказкой о животных. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. — 52 с.
10. *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за 100 лет. — М., Л., 1946. — 262 с.
11. *Биркенгоф А.Л.* Потомки землепроходцев. — М., 1972. — 222 с.
12. *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречия. — Спб., 1901. — 346 с.
13. *Болонев Ф.Ф., Мельников М.Н.* Лиродраматические песни сибирского крестьянства // Хороводные и игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — С. 3—15.
14. *Бурятские* народные сказки. Волшебно-фантастические и о животных / Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров; Под общ. ред. Е.В. Баранниковой. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. — 447 с.
15. *Василенко В.А.* Из истории собирания русского народно-поэтического творчества на Л[illegible]ае // Фольклор и литература Сибири. — Омск: ОГПИ, 1975. — С. 3—22.
16. *Великорусские* сказки в записях И.А. Худякова / Отв. ред. В.Г. Базанов. — М.; Л.: Наука, 1964. — 301 с.
17. *Венедиктов В.Л.* Литература и культура: Сказки Русского Устья // Рус. лит. — 1985. — № 2. — С. 128—141.
18. *Верхнеленские* сказки / Сост. М.К. Азадовский. — Иркутск, 1938. — 216 с.
19. *Верхоянский* сборник: Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым // Зап. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва по этнографии. — Иркутск, 1890. — Т. 1, вып. 3. — 314 с.
20. *Герасимов Б.* Сказки, собранные в Западных предгорьях Алтая // Зап. Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1913. — Вып. VII. — С. 1—87.
21. *Гуляев С.* О сибирских круговых песнях // Отеч. зап. — 1839. — Т. III, №5, отд. VIII. — С. 53—72.
22. *Гуревич А.В., Элиасов Л.Е.* Старый фольклор Прибайкалья. — Улан-Удэ, 1939. — Т. 1. — 472 с.
23. *Демократическая* поэзия XVII века / Вступ. ст. В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева. — М.; Л., 1962. — 181 с.
24. *Дружинина М.Ф.* О говоре русских старожилов на Нижней Индигирке // Фольклор Русского Устья. — Л., 1986. — С. 356—363.
25. Живая старина: 1899, III; 1912, II/IV; 1915, I/II.

26. Зап. Красноярского подотдела Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва по этнографии. — Красноярск, 1902. — Т. 1, вып. 1. — 200 с.
27. Зап. Красноярского подотдела Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва по этнографии. — Томск, 1906. — Т. 1, вып. 2. — 290 с.
28. *Зензинов В.М.* Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда // Этногр. обозр. — 1913. — Кн. 96/97, № 1/2, — С. 110—235.
29. *Зиновьев В.П.* Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. — С. 305—320.
30. *Колесницкая И.М.* В.Г. Богораз-Тан — фольклорист // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1971. — Вып. V. — С. 139—159.
31. *Колесницкая И.М.* Сказки русских колымчан по записям В.Г. Богораза // Прозаические жанры фольклора народов СССР. — Минск, 1974. — С. 153—155.
32. *Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. — М., 1987. — 269 с.
33. *Кошелев Я.Р.* Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX вв.). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. — 349 с.
34. *Красноженова М.В.* Сказки нашего края / Предисл. и ред. С.Ф. Савинича. — Красноярск, 1940. — 199 с.
35. *Краснощанов С.И.* Амурская экспедиция М.К. Азадовского // Вопросы советской и зарубежной литературы. — Хабаровск, 1972. — С. 88—102.
36. *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. — 504 с.
37. *Кротов М.А.* В просторах Индигирки. — Якутск, 1934. — 80 с.
38. *Кучеряненко В.* Сказки Дальнего Востока. — Хабаровск, 1939. — 104 с.
39. *Левин И.* Введение // Свод таджикского фольклора. — М., 1981. — Т. 1: Басни и сказки о животных. — С. 9—72.
40. *Леонова Т.Г.* Взаимодействие художественных традиций в разных жанрах славянского фольклора (по сибирским записям) // Эпическое творчество народов Сибири (тез. докл.). — Улан-Удэ, 1973. — С. 91—93.
41. *Леонова Т.Г.* Из истории собирания и изучения русской народной сказки Сибири (дооктябрьский период) // Учен. зап. Омского гос. пед. ин-та. — 1961. — Вып. 13, ч. 2. — С. 1—18.
42. *Леонова Т.Г.* Наблюдения над современным состоянием фольклора // Современный русский фольклор. — М.: Наука, 1966. — С. 24—42.
43. *Леонова Т.Г.* Обзор материалов фольклорных экспедиций Омского пединститута за 20 лет // Фольклор и литература Сибири. — Омск: ОГПИ, 1974. — Вып. 1. — С. 69—88.
44. *Леонова Т.Г.* О собирании и некоторых вопросах изучения фольклора Омской области // Русский фольклор: Полевые исследования. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. — Т. XXIII. — С. 11—18.
45. *Леонова Т.Г.* Свидетельство Э. Андреоли о бытовании сказок и преданий в Сибири в середине XIX века // Фольклор и литература Сибири. — Омск: ОГПИ, 1980. — С. 12—24.
46. *Леонова Т.Г.* Традиции русской народной сказки в Сибири (по материалам Омской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1956. — 16 с.
47. *Леонова Т.Г.* Эволюция жанра сказки в условиях современности // Сиб. фольклор. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. — Вып. 1. — С. 99—120.
48. *Лойтер С.М.* К вопросу о современном состоянии традиционной сказки // Вопросы историзма и художественного мастерства. — Л., 1976. — Вып. 1. — С. 4—19.
49. *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. — Спб., 1896. — Т. 1. — 404 с.
50. *Матвеева Р.П.* Сюжетный состав русских волшебно-фантастических сказок Сибири // Локальные особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — С. 5—55.
51. *Матвеева Р.П.* Творчество сибирского сказителя Е.И. Сороковикова-Магая. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. — 190 с.
52. *Митрофанова В.В.* Народная сказка о Ерше и рукописная повесть о Ерше // Рус. фольклор. — Л., 1972. — Т. 13: Рус. народная проза. — С. 166—178.
53. *Народные* русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. — М.: Наука, 1984. — Т. 1. — 511 с.; 1985. — Т. 2. — 463 с.; 1986. — Т. 3. — 495 с.
54. *Онучков Н.Е.* Сказки Тавдинского края // Сказочная комиссия в 1926 г. — Л., 1927. — С. 26—31.
55. *Осокин Г.М.* На границе Монголии. — Спб., 1906. — 304 с.
56. *Очерки* русской и зарубежной литературы. — Иркутск, 1968. — 189 с.

57. *Полищук Н.С.* Судьба традиционного фольклора в Алтайском крае // Современный русский фольклор. — М.: Наука, 1966. — С. 43—52.
58. *Померанцева Э.В.* Русская народная сказка. — М., 1963. — 128 с.
59. *Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этногр. сб. — Спб., 1864. — Вып. VI. — С. 1—154.
60. *Пропп В.Я.* Русская сказка. — Л., 1984. — 335 с.
61. *Пропп В.Я.* Указатель сюжетов // Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. — М., 1957. — Т. 3. — С. 454—502.
62. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: Избр. статьи. — Л., 1976. — 325 с.
63. *Русская* сказка. Избранные мастера / Сост., вступ. ст., примеч. М.К. Азадовского. — Л.: Akademia, 1932. — Т. 1, 2.
64. *Русские* героические сказки Сибири / Сост., предисл. и коммент. Р.П. Матвеевой; Отв. ред. Л.Е. Элиасов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 356 с.
65. *Русские* волшебные сказки Сибири / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.П. Матвеевой; Отв. ред. Э.В. Померанцева. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. — 334 с.
66. *Русские* народные бытовые сказки Сибири / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.В. Соболевой; Отв. ред. К.П. Кабашников. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. — 255 с.
67. *Русские* народные сатирические сказки Сибири / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.В. Соболевой; Отв. ред. Э.В. Померанцева. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. — 289 с.
68. *Русские* народные сказки Сибири / Записи, сост., предисл. Р.П. Матвеевой. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1987. — 190 с.
69. *Русские* народные сказки Сибири о богатырях / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.П. Матвеевой; Отв. ред. Л.Е. Элиасов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. — 304 с.
70. *Русские* народные сказки Сибири о чудесном коне / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.П. Матвеевой; Отв. ред. Л.Г. Бараг. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. — 336 с.
71. *Русские* сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.В. Новикова. — М.;Л., 1961. — 396 с.
72. *Русские* сказки Восточной Сибири / Сборник Александра Гуревича. — Иркутск, 1939. — 347 с.
73. *Русские* сказки Восточной Сибири / Подгот. текстов, сост., вступ. ст. и коммент. Е.И. Шастиной. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 464 с.
74. *Русские* сказки Забайкалья. Современные записи / Сост. В.П. Зиновьев. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. — 352 с.
75. *Русские* сказки Забайкалья / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.П. Зиновьева. — 2-е изд., доп. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. — 464 с.
76. *Русские* сказки Сибири / Сост. Т.Г. Леонова. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. — 1977. — 192 с.
77. *Русский* фольклор Нарыма / Сост. И.Г. Парилов. — Новосибирск, 1948. — 230 с.
78. *Русский* фольклор Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. — 209 с.
79. *Русский* фольклор Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. — 193 с.
80. *Русский* фольклор Тункинской долины / Общ. ред. и вступ. ст. Л.Е. Элиасова. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1966. — 391 с.
81. *Сборник* великорусских сказок архива РГО / Изд. А.М. Смирнов // Зап. Рус. геогр. о-ва по этнографии. — Пб., 1917. — Т. XLIV, вып. II. — I—IV+505—991 с.
82. *Сборник* материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. — Л., 1936. — 289 с.
83. *Селюкова Т.А.* Новые записи произведений устного народного творчества русского нижнеколымского населения (по следам В.Г. Богораза) // Историко-этнографический сборник памяти В.Г. Богораза-Тана. — Магадан, 1967. — С. 58—68.
84. *Сибирские* сказки. — 2-е изд., доп. / Записаны И.С. Коровкиным от А.С. Кожемякиной. Ред. Н.А. Каргаполов. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 176 с.
85. *Сибиряк.* Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературный сборник. — Спб., 1885. — С. 407—424.
86. *Сказки* Васюганья / Сост. М.Н. Мельников. — Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ин-т. — 1983. — 61 с.
87. *Сказки* из разных мест Сибири / Под ред. М.К. Азадовского. — Иркутск: ИГУ, 1928. — 172 с.
88. *Сказки* и предания Магая / Записи Л.Е. Элиасова. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1968. — 372 с.
89. *Сказки* Красноярского края / Сборник М.В. Красноженовой под ред. М.К. Азадовского, Н.П. Андреева. — Л.: ГИХЛ, 1937. — 294 с.
90. *Сказки* Магая (Е.И. Сороковикова) / Зап. Л. Элиасова и М. Азадовского; Под общ. ред. М. Азадовского. — Л.: ГИХЛ, 1940. — 337 с.

91. *Сказки* Омской области / Записаны И. Коровкиным от А.С. Кожемякиной. Ред. Н.А. Каргаполов. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 107 с.
92. *Сказки*, пословицы, загадки: Сб. устного нар. творчества Омской обл. / Ред., подгот. текстов и сост. В.А. Василенко. — Омск: Кн. изд-во, 1955. — 179 с.
93. *Сказки* Приленья / Под ред. Е.И. Шастиной. — Иркутск:Иркутск. гос. пед. ин-т, 1974. — 132 с.
94. *Сказочная* комиссия в 1927 году. — Л., 1928. — 80 с.
95. *Смирнова В.И.* Изучение досуга и развлечений крестьян краеведами Западной Сибири (40—60-е годы XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX века. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — С. 30—39.
96. *Смирнова В.И.* Изучение материальной культуры русского крестьянства краеведами Западной Сибири (40—60-е годы XIX в.) // Общественный быт и культура русского населения Сибири XVIII — начала XX века. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. — С. 150—160.
97. *Соболев А.А.* Байкальские промысловики о своем фольклоре // Русский фольклор Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. — С. 70—87.
98. *Соболева Н.В.* К характеристике сюжетного состава русских сказок низовьев Индигирки // Локальные особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — С. 55—62.
99. *Соболева Н.В.* Сказочник из Нерчинска // Русский фольклор Сибири: Материалы и исследования. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1971. — Вып. 1. — С. 178—184.
100. *Соболева Н.В.* Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. — 173 с.
101. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. — М., 1938. — 559 с.
102. *Сравнительный* указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг., И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — 438 с.
103. *Три* маралухи: Сибирские сказки о животных / Сост. Э. Падерина, А. Плитченко. — М., 1986.
104. *Фольклор* Западной Сибири. Сказки / Под ред. Т.Г. Леоновой. — Омск: Омск. гос. пед. ин-та, 1982. — 128 с.
105. *Фольклор* и литература Сибири. — Омск: Омск. гос. пед. ин-т, 1981. — 155 с.
106. *Фольклор* Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — 384 с.
107. *Худяков И.А.* Великорусские сказки. — М., 1860. — Вып. 1/3. — 168 с.
108. *Чистов К.В.* М.К. Азадовский и проблема исполнителя в русской фольклористике XIX—XX вв. // Сов. этнография. — 1989. — № 2. — С. 71—81.
109. *Чичаева Екатерина.* Сказы и сказки / Записал и подгот. к печати А. Гуревич. — Красноярск: Кн. изд-во, 1954. — 135 с.
110. *Шастина Елена.* Сказки Ленских берегов / Ред. Э.В. Померанцева. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. — 166 с.
111. *Шастина Е.И.* Сказки, сказочники, современность. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. — 319 с.
112. *Шастина Е.* Сказки и сказочники Лены-реки. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — 177 с.
113. *Шастина Е.И.* У чистых родников // Русские сказки Восточной Сибири. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — С. 3—42.
114. *Щапов А.Н.* Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — Иркутск, 1873. — Т. III, № 5. — С. 243—274.
115. *Azadovskij M.* Eine sibirische Märchenerzählerin. — Helsinki, 1926 (FFC, 68). — 70 S.
116. *Azadovskij M.* Pohádky z hrnolenského kraje // Národopisný věstnik československý. — Praha, 1928. — Fasz. I/IV.
117. *The types of the* folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / Pransl., enl. by Stith Thompson. — 2nd revis. — Helsinki, 1964. — 588 S.

SUMMARY

The volume contains 67 tales recorden on the territory from the Urals to the Pacific ocean during the period of 1890—1980. Most of them are published for the first time, others may be found in the editions that are not easily available. Included into the volume are the tales recorded by a famous tale-collector N.O. Vinokurova (№ 8) and those of unknown narrators (№ 11, 17, 21). The subjects of some tales are widely known among the eastern Slavonic peoples, including those in Siberia, others are very rare, almost obsolete. Some of the tales are connected with "bylichkas and byval'shchinas"*.

The first and greater part of the volume are fairy tales whose subjects are mostly common Russian ones. The volume reflects both the typical and the specific peculiarities of the general Russian tale fund. Of the widely spread Russian tales the greater part may be found in Siberia. The subjects "The Victor of the Serpent" (AT 300; № 1, 2 in this volume); "The Three Underground Kingdoms" (AT 301; № 1, 4, 5 in this volume) and "Sivko-Burko" (AT 530; № 19 in this volume) are represented in about 70 Siberian texts. Such tales as "A Ghost in the Blue Light" (AT 562; № 11) and "A girl Serving a Witch" (AT 428; № 13) are rare both in Siberia and the European part of the country.

The index in the appendix reflects the popularity of the versions published in this volume.

The narration of tales during the leizure hours helped the stralling tale-tellers to earn their living. Some of the tales were very long, incorporating from 4 to 6 subject — motifs. Most often they include 3 motifs (tales № 1, 2, 3, 6, 11), but sometimes 5 or 6 (№ 4, 6). As a rule, such tales have no stable subject corresponding to a definite type of the tales, they involve motives, episodes and attributes from different subjects (tales № 5, 17).

Close contacts of the first Siberian settlers with the severe nature, the beliefs of the neighbouring peoples and the folklore of the aboriginals made them believe in the existence of supernatural mythological beings and helped to preserve the archaic versions of the known subjects. Thus in the tale "Of Ivan Vetrov" (the subject of "The Three Underground Kingdoms") the heroic battle for the bride is presented as the struggle against the elements of nature. The hero of the tale is fighting against his father-in-low Koshey — the Immortal who are appears in the

* Bylichka and byval'shchina — oral narrations of superstition nature that describe unreal events taken by the listeners as quite trustworthy.

form of a black cloud. The hero's bogatyr' helpers fight against other adversaries who are also presented as the black clouds.

In the tale of "The Beauty under the Sun" (№ 2) one can see a mythological motif based on the belief that a man may be revived from his bones. Having learnt that his brothers want to kill him, the hero asks them not to throw away his bones. Later an old man — a helper of the hero — collects the bones, sprinkles them with the water of life and thus revives the hero.

In the tale of "Ivan Vdovin" (№ 5) the description of the sister's meeting her brother incorporates traditional tale actions: "she at once stuck the pin" and then "she drove the knife into the threshold". These actions are supposed to possess magic power — a pin or another sharp object stuck into something defend the hero from an evil eye. Very often the hero is transformed into a pin or another sharp object to hide him from his adversary.

Studying the tales of the same subject one can see the richness of the veriations and forms that embody the contents. Y.A. Avdeyeva, an Irkutsk autoress of the XIXth century who prepared the collection of "Russian tales for children" pointed out that the charming and entertaining nature of Russian tales depends to a greater degree on the skill of the narrator tham on the comtents itself. This is proved by the Siberian versions of the Russian tales.

The Siberian tale traditions have preserved the poetic system of the tales with its repetitions, stereotype speeches of the personages and its poetic formulas.

Preserving the traditional folklore style, the tales of some authors are genuinely individual. Such are the tales of A.I. Koshkarov (№ 1), S.P. Kiselev (№ 2), Y.I. Kokorin (№ 4), G.A. Tugarin (№ 22) and D.S. Aslamov (№ 12). Though following the classic art traditions of the fairy tales they also reflect the peculiarities of the modern tale-tellers, the personal skill of the performers.

In Siberia the tales were mostly spread among the grownups, and were narrated by men. Tales for the children were usualy recited by women (№ 20, 7, 15, 9). The women — narrators are great experts of the dialogue and the intonation. The mother calls Ivashechka using a tender and sweet voice, Ivashechka answers her in a delicate voice of a child. Baba-Yaga repeats the mother's words but in a hoarse and rude voice (№ 9). The language of the tales is very poetic, it is full of diminutive and endearment suffixes and picturesque comparisons. The dress is as beautiful as a rainbow, as the stars sparkling in the sky, or as dawn.

The tales are full of specific nicknames: Ivan-the-golden curled, his bride the dawn of the dawn, the beauty of the Sun, a sister of seven sisters, a daughter of three mothers, a granddaughter of twelve grandmothers (№ 4).

Siberian fairy tales partially owe their epic style, subjects and poetics to Siberian bylinas. The tales often use the phraseology characteristic of bylinas. Some descriptions of the riches of Ivan-the-merchant's son, his voyages and shipwreck, the boasting of the guests at a wedding feast and the magic in S.P. Kiselev's tale (№ 2) were borrowed from the bylinas' epos.

Along with the traditional tale peculiarities, the Siberian versions possess some special local colouring in the descriptions of the numerous details of everyday life — the Siberians' food, clothes, rituals, agriculture and hunting. In the evening the the tales were recounted in the winter huts (see tales № 6, 10, 22). Especially expressive are the tales of G.A. Tugarin.

The action is often attached to a definite locality, e.g. to the Baikal: a tsarevna is waiting for the serpent on the shore of the Baikal, the serpent carries the tsarevna

away from the Baikal, etc. Along with the traditional features of a tale personage the Siberian heroes possess some traits of local hunters. Thus Ivan-tsarevich is especially strong, dexterous and witty. The heroes win not only with the help of magic, but mainly due to their personal abilities. The character of Ivan-the Fool, an ironic personage, is somewhat transferred in Siberian tales. He does not perform great feats as he is rather young, but he is quite clever. Success attents him not so much because he is lucky, but due to his wit. His brothers are friendly towards him, though sometimes rude (№ 19).

The historic conditions, under which the Siberian tale epos originated, have changed considerably, but there still remain some carriers of the old traditions and some vagrant tale-tellers. In spite of its transformations, the style of modern narrators preserves both the magic features and the realistic descriptions of landscape and everyday life details.

A special group in the Russian tale epos of Siberia and the Far East are the tales about animals where representative of the animal world are the main heroes whose actions determine the development of the events and the sense of the tale.

Recorded in Siberia and the Far East are all the motifs characteristic for the general Russian tale fund. Given in this volume are the tales about the fox stealing fish from the cart (AT 1; № 26, 45, 57 in this volume); the fox making the wolf sit by the ice-hole (AT 2; № 45, 57 in this volume); the fox eating up butter or honey pretending she was invited to the christening party (AT 15; № 28, 57 in this volume); about the quarrel between a mouse and a sparrow (AT 222*; № 52); about a goat with nuts (AT 2015; № 62); and many others. The sequence of the motifs in the list is given in keeping popularity in the Russian tale repertoire.

The texts study showed that some motifs given in the index as existing only in the European part are actually spread in Siberian as well. Such are the motifs: A fox and a thrush; (AT 56A; № 32), A fox the confessor (AT 61A; № 33), The frightened wolves (AT 125) and others.

The peculiarities of the Russian animal tales in Siberia and the Far East are due to the impact of the local colouring — the folklore of the numerous nationalities.

The texts of the volume comprise two groups of cumulative tales — the epic and the formulative ones, with the former prevailing. There are tales also tales whose composition resembles that of the fairy tales (№ 34).

Given in the introduction are the results of the systematization of the published archive materials that represent all the three groups of the animal epos — classical, monalizing and satirical tales. The tales often pass over from one category into another, and they often merge with the fairy-tale and realistic prose. There are many tales about the animals among the tales for the children.

At present the tales survive not only due to their oral dissemination but also through books.

Besides the usual tale personages the fox, the bear, the wolf, the cat, the mouse and others one will encounter in Siberian tales the sable, the chipmunk, the ermine, the polecat.

The texts of the tales are followed by the commentaries that include the Index of the Siberian Motifs, the Glossary of Rare and Dialectal Words, the Lists of Tale-Collectors and Narrators.

Attached to the volume is a disc of Russian Siberian tales recorded in the 70—80s. These are 2 fairy tales and 1 tale about animals.

The disc demonstrates two different types of performance — the classical one as we know it from the records and descriptions, with its slow speech and poetic nature (the tale of I.A. Lushnikov "Of a Cat and a Dog") and the realistic type when a fairy tale resembles a novel, an everyday life narration (the tale of L.I. Belova "A Stepdaughter"). Contrasting to the reserved, unhurried speech of L.A. Lushnikov is the emotional narration of L.V. Belova. The difference is especially marked in the dialogues. L.V. Belova emphasizes the uniqueness of every personage using the special vocabulary and intonations: the shrill, rude tone of the stepmother and the soft tender speech of the stepdaughter.

The tale of A.V. Fedorinova "A Wild Goat" is a typical tale about animals characterized by the harmonious merger of both narrative and poetic forms. It is presented with ardour and some elements of a theatrical performance.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии 7
Русские сказки Сибири 10

ТЕКСТЫ

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

1. О трех богатырях — Вечернике, Полуношнике и Световике 52
2. Подсолнешна Красота 79
3. Иван-царевич и Марфа-царевна 91
4. Иван царской сын золотых кудрей 99
5. Иван Вдовин 116
6. Сережа купеческий сын 124
7. [Медведь и три сестры] 138
8. [Колдун и его ученик] 142
9. Про Ванюшку 148
10. Старик охотник и заветная птичка 150
11. О мальчике купеческом сыне 161
12. [Царевна-старушка] 168
13. [Василиса Васильевна] 177
14. Червячок 178
15. Жених-заяц 183
16. [Василиса Премудрая] 187
17. Иван крестьянский сын 192
18. Булат-молодец 196
19. Сивко, Бурко, вещий Коурко 204
20. Свинячая кожура 214
21. Сказка про Ивашку худого поваришку 217
22. [Волшебное кольцо] 223
23. Два брата 235
24. Чудесная овечка 237
25. Старуха повиваленка 238

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

26. Лиса и кот 240
27. Медведь и лиса . . . . . —
28. [Лиса-повитуха] 241
29. Котушка и лиса 242
30. Лиса и козел 243
31. Лиса, волк и медведь 244
32. Груздь, лиса и сорока . . . . . —
33. Лиса и Петя-петух 245

34. Кот да петушок . . . 245
35. Заяц и овцы . . . 249
36. Тетеря . . . —
37. Медведь и бревно . . . —
38. Дружба собаки и кота . . . —
39. Кот и лиса . . . 251
40. [Сказка о волке и свинье] . . . 253
41. Лошадь и тигр . . . —
42. Про кошечку . . . 254
43. [Мужик и медведь] . . . 257
44. Волк и лиса . . . —
45. Про лису и волка . . . 258
46. [За добро добром] . . . 260
47. Медведь — деревянная нога . . . 261
48. Сыновья . . . 262
49. [О лисе] . . . 263
50. Про козу-резу . . . 265
51. Репка . . . 267
52. [Мышь и воробей] . . . 268
53. [Журавль и гагара] . . . —
54. Воробей . . . 269
55. [О Ерше Ершовиче] . . . 270
56. Слепень и комар . . . 271
57. [Терем мухи] . . . —
58. О мышке да пузырьке . . . 274
59. Старик и дрожь [дрозд] . . . —
60. Машенька . . . 275
61. [О петухе] . . . —
62. Про козу лупоглазу . . . 276
63. Про козла . . . 277
64. О старике да старухе, о курочке и петушке . . . —

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания . . . 286
Тексты сказок, звучащих на грампластинке . . . 302
1. Про кошечку и собачку . . . —
2. [Падчерица] . . . 304
3. Коза ярая . . . 305
Список сокращений . . . 308
Указатель сюжетов сказок . . . 310
Указатель контаминаций сюжетов . . . 326
Указатель имен и прозвищ персонажей . . . 327
Указатель географических названий в сказках . . . 329
Указатель имен сказочников . . . 330
Указатель имен собирателей . . . 331
Указатель мест записи сказок . . . 332
Словарь малоупотребительных и диалектных слов . . . 334
Алфавитный указатель названий сказок . . . 339
Список литературы . . . 340
Summary . . . 344

Научное издание

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ВОЛШЕБНЫЕ И О ЖИВОТНЫХ

Редактор *М.А. Латышина*
Художественный редактор *В.И. Шумаков*
Технический редактор *Л.П. Минеева*
Корректоры *Л.А. Щербакова, Р.К. Червова*
Операторы набора *В.В. Чернова, Н.Г. Антипова*
Оператор электронной верстки *Е.Н. Зимина*

ИБ № 50536

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 23.03.93. Подписано в печать 28.10.93. Бумага типографская № 1. Формат 75×90 1/16. Гарнитура Лазурского. Офсетная печать. Усл. печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 27. Тираж 10000 экз. Заказ № 611.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО "Наука", Сибирская издательская фирма. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
Новосибирская типография № 4 ВО "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

Вниманию читателей!

СИБИРСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА

ВО "НАУКА"

готовит к выпуску в 1994 г. книгу

Тувинские народные сказки / Сост. З.Б. Самдан, А.В. Кудияров

В настоящий том включены сказки, наиболее известные в разных районах проживания тувинцев. Отобраны образцы, актуализирующие исконные тувинские сюжеты, соотнесенные с международными типами (по классификации Аарне-Томпсона), близкие героическому эпосу. Тексты отражают оригинальное мировосприятие тувинцев, их идеалы мира и братства, древние религиозные представления. Ценность двуязычному изданию придают комментарии, словари, грампластинка. Первый том серии вышел в 1990 г.

Для фольклористов, широкого круга читателей.

Книгу можно заказать в магазинах "Академкнига".
Заказы направляйте по адресу:
630090, Новосибирск, Морской проспект, 22.

Вниманию читателей!

СИБИРСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
ВО "НАУКА"

готовит к выпуску в 1994 г. книгу

Нанайский фольклор. Нингман, сиохор, тэлунгу / Сост. Н.Б. Киле

Книга представляет собой первое в отечественной фольклористике сводное издание прозаических жанров нанайского фольклора — нингман и тэлунгу. Большинство публикуемых произведений отражает мировоззрение первобытных охотников и рыболовов. Впервые приводится текст героического эпоса "Халатон Мохан" с песенными монологами. Прилагаемая грампластинка дает представление об их традиционном исполнении.

Для фольклористов, этнографов и широкого круга читателей.

Книгу можно заказать в магазинах "Академкнига".
Заказы направляйте по адресу:
630090, Новосибирск, Морской проспект, 22.

82.3
Р-893

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВОЛШЕБНЫЕ О ЖИВОТНЫХ

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВОЛШЕБНЫЕ О ЖИВОТНЫХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

STEREO R32 02049

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВОЛШЕБНЫЕ. О ЖИВОТНЫХ

Сторона 1

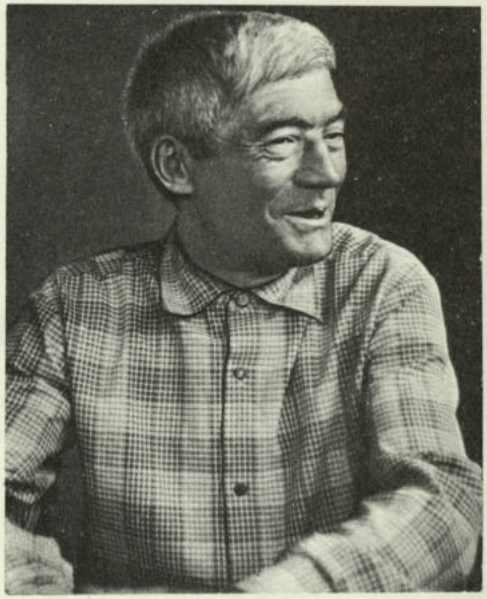
Про кошечку и собачку («Волшебное кольцо») — 8.35
И.А. Лушников
(д. Ярки Богучанского района Красноярского края)
Запись 1989 г.

Сторона 2

Дочь и падчерица — 5.35
Л.В. Белова
(пос. Киренск Киренского района Иркутской области)
Запись 1975 г.

Коза ярая — 3.20
А.В. Федоринова
(д. Барановка Змеиногорского района Алтайского края)
Запись 1988 г.

Составители Р. Матвеева, Н. Леонова
Звукорежиссеры М. Дидык, Р. Матвеева, Р. Назаренко
Редактор К. Симонян. Художник В. Шумаков



И.А. ЛУШНИКОВ

Грампластинка впервые знакомит слушателей с подлинным звучанием русских народных сказок Сибири, записанных в 70-е — 80-е гг. во время экспедиций. Она включает две сказки волшебные и одну сказку животного эпоса.

Волшебные сказки демонстрируют два различных исполнительских стиля, отражающих тенденции в сказительстве Сибири последних десятилетий: классический, как мы его представляем по известным записям и описаниям, с его мерностью речи, вниманием к эпической обрядности, поэтической формульности (сказка И.А. Лушникова «Про кошечку и собачку»), и реалистический, когда волшебная сказка по форме сближается с новеллой, социально-бытовым повествованием (сказка Л.В. Беловой «Падчерица»). Эпически спокойная неторопливая манера, соответствующая сдержанному, немногословному характеру И.А. Лушникова, контрастирует с эмоциональным рассказом Л.В. Беловой. В диалогах сказки И.А. Лушникова нет резких интонационных изменений, их отличает спокойная рассудительность, несуетность. Л.В. Белова ведет «разговор» «на голоса», подчеркивая характер действующих лиц и лексикой, и многообразием интонационного рисунка: от грубого, резкого тона мачехи, отдающей приказание, до мягкого, ласкового, даже елейного тона падчерицы, а иногда и авторской речи.

Сказка А.В. Федориновой «Коза ярая» — типичная детская сказка-пестушка, с характерным для сказок такого типа гармоничным слиянием сказочной повествовательной и прибауточной стихотворной форм. Исполняется задорно, с элементами театрализованности.

Полностью тексты даны в приложении.

Р. Матвеева

© А/О «РУССКИЙ ДИСК», 1993
© Институт филологии СО РАН

Изготовлено в СП «Апрелевка — Саунд Инк»
Заказ 302. Тираж 10000

RD®
РУССКИЙ ДИСК
STEREO
33
R32 02049
РУССКИЕ СКАЗКИ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Волшебные. О животных
Про кошечку и собачку
И.А. Лушников
(д. Ярки Богучанского района
Красноярского края)
Запись 1989 г.

RD®
РУССКИЙ ДИСК
STEREO
33
R32 02050
РУССКИЕ СКАЗКИ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Волшебные. О животных
Дочь и падчерица. Л.В. Белова
(пос. Киренск Киренского района
Иркутской области)
Запись 1975 г.
Коза ярая. А.В. Федоринова
(д. Барановка Змеиногорского
района Алтайского края)
Запись 1988 г.